

ISSN 2500-3372 (print) 2542-1190 (online)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

1
том 6
2021

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

Bulletin of Kemerovo State University.
Political, Sociological and Economic Sciences.
2021, 6(1): 1–146

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические, экономические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376.

Издается с 2016 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-pses.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:

Баранова И. В., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Бычкова С. М., д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).

Глушакова О. В., д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Капогузов Е. А., д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).

Кисляков М. М., д-р полит. наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова (Кемерово, Россия).

Кравченко С. А., д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Кремер Раймунд, д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).

Курбатова М. В., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Немировский В. Г., д-р социол. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Нехода Е. В., д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Озерникова Т. Г., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Резник С. Д., д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).

Силин А. Н., д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).

Слинкова О. К., д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).

Солодова Г. С., д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).

Суслов В. И., д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).

Удальцова М. В., д-р экон. наук, НГУЭУ (Новосибирск, Россия).

Чирун С. Н., д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Шабашев В. А., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Шашкова Я. Ю., д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67376.

Founded in 2016.

Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-pses.kemsu.ru>

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff the authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

Editor-in-Chief: *Morozova E. A.*, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Baranova I. V., Dr. of Economics, Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Bychkova S. M., Dr. of Economics, Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

Glushakova O. V., Dr. of Economics, Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Zhelto V. V., Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Kapoguzov E. A., Dr. of Economics, Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Kislyakov M. M., Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo branch Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russia).

Kravchenko S. A., Dr. of Philosophy, Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Krämer Raimund, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Kurbatova M. V., Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Nemirovskiy V. G., Dr. of Sociology, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Nekhoda E. V., Dr. of Economics, Prof., National Research Tomsk State doctor of economic sciences (Tomsk, Russia).

Ozernikova T. G., Dr. of Economics, Prof., doctor of economic sciences, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Reznik S. D., Dr. of Economics, Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Silin A. N., Dr. of Sociology, Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).

Slinkova O. K., Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Solodova G. S., Dr. of Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Suslov V. I., Dr. of Economics, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Udaltsova M. V., Dr. of Economics, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

Chirun S. N., Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Shashkova Ya. Yu., Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Altai State University (Barkaul, Russia).

Shabashev V. A., Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Политология

Возрастающая роль и ответственность ЮНЕСКО в сохранении памятников культурно-исторического наследия <i>Белекова А. Т.</i>	1
Идеологическая последовательность и идеологическая война: американский фашизм против антифашизма, январь 2021 г. <i>Гонсалес Седилло Х. И.</i>	17
Региональные политико-институциональные и этнополитические процессы на примере Республики Тыва <i>Чирун С. Н., Сади С. С.</i>	19

Социология

Институциональные роли учительства в регионе: между конформизмом и нонконформизмом <i>Головчин М. А.</i>	28
Тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи <i>Ефремова Е. А.</i>	39
Цифровая среда высшего образования в России: объективные условия и субъективное восприятие студентами дистанционного обучения в ситуации повышения рисков <i>Зинурова Р. И., Никитина Т. Н.</i>	45
Проблемы развития сельских территорий (на примере республик Бурятия и Тыва) <i>Татарова С. П., Затеева Н. А.</i>	58
Аспекты рациональности управленческих решений в сфере предпринимательства <i>Шумкин Е. М.</i>	66

Экономика

Вопросы нивелирования безработицы в современных условиях: ответная реакция государств <i>Абдулмананов С. Г., Меджидов З. У.</i>	78
Институционализация конгрессно-выставочной деятельности в инновационной экономике <i>Маненков С. А.</i>	86
Сельское хозяйство России: глобальные позиции, структурные пропорции и тенденции развития <i>Пацала С. В., Горошко Н. В.</i>	96
Некоторые инструменты альтернативного финансирования малых и средних предприятий: опыт зарубежных стран <i>Пиньковецкая Ю. С.</i>	109
О влиянии геоинформационных технологий на экономику региона <i>Рада А. О., Гавриленко И. В., Колесник А. В.</i>	123
Ресурсный потенциал устойчивого развития предприятий агропромышленного комплекса: структура и факторы формирования <i>Соколова Е. В.</i>	129
Цифровые технологии в банковском секторе РФ: особенности и сопутствующие угрозы <i>Щербакова Н. В.</i>	136

Political Science

- The Growing Role and Responsibilities of UNESCO in the Field of Preserving
 Historic and Cultural Heritage
Belekova A. T. 8
- Ideological Consistency and Ideological War: American Fascism
 vs Antifascism – January 2021
Gonzalez Cedillo J. I. 10
- Regional Political, Institutional, and Ethnopolitical Processes in the Republic
 of Tyva
Chirun S. N., Sadi S. S. 25

Sociology

- Institutional Roles of Teachers in the Region: between Conformism
 and Nonconformism
Golovchin M. A. 37
- Developing the Occupational Mobility of Youth: Tendencies in Social Practices
Efremova E. A. 43
- Digital Environment of Higher Education in Russia: Objective Conditions
 and Subjective Perception of Distance Learning by Students in a Situation
 of Increasing Risks
Zinurova R. I., Nikitina T. N. 56
- Problems of Rural Development: Republics of Buryatia and Tyva
Tatarova S. P., Zateeva N. A. 64
- Rational Managerial Decisions in Business Sector
Shumkin E. M. 75

Economic

- Curbing the Unemployment in Modern Conditions: State Response
Abdulmanapov S. G., Medzhidov Z. U. 84
- Institutionalization of Exhibition and Convention Activity in Innovation-Based
 Economy
Manenkov S. A. 94
- Russian Agriculture: Global Positions, Structural Proportions,
 and Development Trends
Patsala S. V., Goroshko N. V. 107
- Alternative Financing of Small and Medium Businesses: Experience of Foreign
 Countries
Pinkovetskaia I. S. 119
- Effect of Geographic Information Technologies on Regional Economy
Rada A. O., Gavrilenko I. V., Kolesnik A. V. 127
- Resource Potential for Sustainable Development of Agricultural Enterprises:
 Structure and Formation Factors
Sokolova E. V. 134
- Digital Technologies in the Russian Banking Sector: Main Features and
 Associated Risks
Shcherbakova N. V. 145

оригинальная статья
УДК 327.7

Возрастающая роль и ответственность ЮНЕСКО в сохранении памятников культурно-исторического наследия

Айсур Тимановна Белекова

Министерство иностранных дел Российской Федерации, Россия, г. Москва

a_belekova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0891-0530>

Поступила в редакцию 16.12.2020. Принята к печати 13.01.2021.

Аннотация: Исследуется возрастающая роль и ответственность ЮНЕСКО в сохранении и охране памятников культурно-исторического наследия. Объектом исследования является механизм функционирования ЮНЕСКО – крупнейшего в мире межправительственного форума по вопросам сотрудничества в гуманитарной сфере. Деятельность ЮНЕСКО по-прежнему представляет собой один из альтернативных путей сохранения стабильности международных отношений. Цель – определить роль ЮНЕСКО в сохранении и выработке мер охраны памятников культурно-исторического наследия, в деле защиты исторической правды. В соответствии с поставленной целью теоретико-методологической основой исследования стали методы системного анализа, структурно-функциональный и эмпирические методы. Первый метод, предполагающий рассмотрение взаимосвязанных аспектов функционирования международной организации и позволивший подойти к предмету исследования как к комплексу проблем единого процесса, применялся для определения основных характеристик эволюции направлений деятельности ЮНЕСКО в сфере сохранения всемирного наследия, привлекая к общему анализу достижения различных отраслей науки: политологии, дипломатии, истории и международных отношений. Второй метод позволил рассмотреть основные механизмы, используемые международным институтом, выделить приоритеты направлений его работы на современном этапе. Для анализа ситуации и описания политической реальности применялись эмпирические методы наблюдения и изучения документов. Акцент сделан на ряде аспектов по углублению международного сотрудничества и усилению взаимной ответственности государств-сторон Конвенции ЮНЕСКО по охране всемирного культурного и природного наследия. Предпринята попытка выявить наиболее важные задачи стратегии России в этом направлении. Сделан вывод, что в современных непростых условиях ЮНЕСКО должна найти свою обновленную концептуальную нишу, решительно и бескомпромиссно противодействуя попыткам деструктивных сил по фрагментации и разрушению принципов духовного пространства, а также политизации своей деятельности.

Ключевые слова: ООН, образование, наука, культура, коммуникации, сотрудничество, укрепление мира и безопасности, уникальность мандата, всемирное наследие

Цитирование: Белекова А. Т. Возрастающая роль и ответственность ЮНЕСКО в сохранении памятников культурно-исторического наследия // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-1-9>

Введение. Принципиальный рубеж истории

В 2022 г. человечество отметит полувековую годовщину принятия ЮНЕСКО Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (далее – Конвенция)¹, которая положила начало формированию Списка Всемирного наследия. Разработанная на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, она была принята в 1972 г. Этот универсальный международный акт объединяет в единый документ концепции охраны природы и сохранения культурных ценностей.

Конвенция стала, по сути, основой всеобъемлющей системы сохранения природного и культурного наследия. Среди цивилизационного достояния человечества этот проект ЮНЕСКО, бесспорно, занимает

исключительное место и заключает в себе непреходящее глобальное значение.

Прошедший с принятия Конвенции период представляет исследователям возможность более системно и глубоко изучить ключевые аспекты, связанные с данной тематикой, оценить накопленный положительный и отрицательный опыт, выявить наиболее предпочтительные векторы дальнейшего движения и усовершенствованные механизмы реализации Конвенции. Исходя из объективно сжатого объема статьи, мы сочли важным сосредоточиться в большей степени на прикладных аспектах данной проблематики.

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 496–506.

Нравственный базис: целенаправленные коллективные усилия

Повышенный интерес научных сил многих стран мира к тематике сохранения, охраны и популяризации всемирного наследия ЮНЕСКО объективен и правомерен. К ряду наиболее ценных современных исследований в данном направлении относятся и труды ученых России и стран СНГ [1–5].

В рамках Конвенции формируется Список Всемирного наследия, насчитывающий на сегодняшний день 1121 объект в 167 странах мира². Для включения в Список объект должен представлять собой выдающееся мировое достояние и отвечать соответствующим критериям, содержащимся в Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия (далее – Руководство)³. Конвенция устанавливает обязательство государств-участников регулярно предоставлять отчеты о состоянии сохранности своих объектов всемирного наследия. Ключевым качеством, представляющим основание для включения объекта в Список, является выдающаяся универсальная ценность. Она означает культурную или природную значимость, которая настолько исключительна, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений.

Охрана, реставрация, реконструкция и консервация памятников осуществляются государством-участником, на территории которого они находятся. В соответствии с положениями Руководства, государства-участники должны уведомлять Комитет всемирного наследия о намерении провести на территории, охраняемой Конвенцией, какие-либо работы по восстановлению или строительству, затрагивающие ценность объекта, имеющего всемирное значение⁴.

Несмотря на заявленные в Конвенции всеобъемлющий, общечивилизационный и транснациональный характер и основы, некоторые эксперты полагают, что сам процесс отбора объектов для включения в Список Всемирного наследия все в большей степени определяется политическим влиянием стран и национальными стратегическими интересами. Эта теория изложена в научной работе E. Bertacchini, C. Liuzza, L. Meskell и S. Donatella, в которой отмечается разница между предварительными рекомендациями экспертов и итоговыми решениями, принимаемыми Комитетом на своих сессиях [6]. К сожалению, приходится констатировать политизацию вопросов, касающихся сохранения и охраны уже включенных в Список Всемирного наследия объектов. ЮНЕСКО обеспокоена данной проблемой, и поэтому с каждым годом руководящие документы в продолжение

Конвенции дополняются и уточняются, и система отбора новых объектов все более совершенствуется с целью исключения подобных ситуаций и обеспечения как можно более равноправного участия всех государств-участников Конвенции [7].

В связи с масштабом и серьезностью новых опасностей, которые угрожают объектам всемирного культурного и природного наследия, все международное сообщество должно участвовать в охране общего мирового наследия, оказывая коллективное содействие, которое, не заменяя деятельности заинтересованного государства, на территории которого находится ценность, ее эффективно дополнит. Страны – участницы Конвенции обязуются содействовать государствам – обладателям объектов культурного и природного наследия в их охране и сохранении, если они обратятся с такой просьбой⁵. Показательна в этой связи инициированная ЮНЕСКО кампания по сохранению и спасению памятников древнеегипетской цивилизации – храмов Абу-Симбела (после соответствующего обращения в штаб-квартиру Организации Правительств Египта и Судана). Этот дорогостоящий проект, на реализацию которого были направлены спонсорские средства, продемонстрировал важность и эффективность коллективных действий, объединенных на платформе ведущей гуманитарной организации.

Представляется важным упомянуть участие ЮНЕСКО в восстановлении пострадавших историко-архитектурных памятников Косово в 2000-х гг. Тогда на призыв организации откликнулся ряд стран, выделивших внушительные средства на реставрационные работы в этом регионе. Руководство нашей страны, действуя в духе Конвенции, приняло решение об активном участии РФ в восстановлении всемирных памятников. Были предоставлены организационные и экспертные ресурсы, в Косово направлены российские специалисты для проведения восстановительных и реставрационных работ.

Показательна в этой связи сложившаяся ситуация активизации общих усилий для восстановления памятников Сирийской Арабской Республики, пострадавших от действий террористов. Гуманитарный кризис в Сирии можно назвать одним из самых масштабных в современной истории [8]. А ведь именно перед лицом этого вызова мы должны проявить столь часто упоминаемую интеллектуальную и нравственную солидарность, основанную на идеалах и принципах ЮНЕСКО. И, напротив, в значительной мере такую инициативность и нацеленность продемонстрировала флагманская инициатива ЮНЕСКО «Возрождение духа Мосула», начатая в феврале 2018 г. и включающая три основных стратегических

² World Heritage List // UNESCO. Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/list/> (дата обращения: 17.11.2020).

³ The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention // UNESCO. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 17.11.2020).

⁴ World Heritage // UNESCO. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/about/> (дата обращения: 10.11.2020).

⁵ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия... П. 2. Ст. 6. С. 498.

направления: образование, культурная жизнь, наследие⁶. По сути, это стало отправной точкой стратегического плана действий по охране археологических объектов Ирака, исторических городов, музеев и религиозного наследия. Возрождение г. Мосула, действительно, стало приоритетом для ЮНЕСКО в области послевоенного восстановления. ЮНЕСКО в этом плане отводится ключевая роль в координации совместных усилий международных организаций, правительств стран ближневосточного региона, частного сектора и гражданского общества.

Рассмотрение инициативы «Возрождение духа Мосула» (восстановление г. Мосула через культуру и образование; человеческое измерение как важнейший аспект восстановления Ирака) по предложению Египта, Ирака, Иордании, Катара, Ливана, Марокко, Омана и Судана состоялось на 204-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО (со 2 по 17 апреля 2018 г.). По итогам встречи члены Исполсовета призвали государства поддержать эту инициативу и способствовать успешной реализации предусмотренных в ней политических, технических и финансовых задач.

В ходе боевых действий в Сирии пострадали все шесть объектов этой страны, внесенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Археологическим памятникам Пальмиры – уникальному объекту поздней античности – нанесен невосполнимый урон террористическими группировками, преднамеренно и вызывающе их взорвавшими. Были уничтожены и разграблены многие памятники и культурные ценности. Учитывая бедственное положение культурного наследия, Сирия обратилась к ЮНЕСКО с просьбой оказать содействие в восстановлении своего объекта всемирного наследия.

Россия неоднократно отмечала важность, острую актуальность и необходимость восстановления культурного наследия Сирии, пострадавшего от рук террористов, правомерно полагая, что в подобных ситуациях необходимо максимально исключать политизацию вопросов. В силу различного рода «обстоятельств» ЮНЕСКО пока не приступает к конкретным шагам в отношении культурных памятников Сирии. РФ исходит из того, что «давно пора от разговоров переходить к конкретным действиям "на земле" по Пальмире, Алеппо и другим многострадальным памятникам сирийской и мировой культуры. Как показывает пример иракского Мосула, Организации под силу широкомасштабные проекты»⁷. Россия убеждена в необходимости развернуть аналогичную кампанию в отношении старого города Алеппо и Пальмиры, целью

которой стала бы социально-экономическая реабилитация страны путем сохранения и популяризации культурных учреждений.

Как известно, в марте 2016 г. сирийская армия при поддержке российских вооруженных сил провела операцию по освобождению города Пальмиры от боевиков ИГИЛ (запрещенная в РФ организация), 5 мая 2016 г. симфонический оркестр Мариинского театра дал концерт под названием «С молитвой о Пальмире» в древнем амфитеатре города.

Российские специалисты Государственного Эрмитажа активно подключились к работе по восстановлению сирийских объектов всемирного наследия. Были организованы реставрационно-археологические экспедиции в Пальмиру для определения плана и программы реставрационных работ, а также объема необходимого финансового обеспечения, оценки масштаба разрушений, по итогам которых была создана 3D-модель всего архитектурно-ландшафтного комплекса. В настоящее время по инициативе российской стороны прорабатывается вопрос о создании научного комитета по реставрации и возрождению памятников Пальмиры⁸.

Категорические и конституционно оправданные меры

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что угрозы культурному и природному наследию человечества вызываются не только естественными причинами, но и опасными, вредоносными и разрушительными явлениями эволюции социальной и экономической жизни [9]. Нанесение физического вреда, а тем более преднамеренное уничтожение образцов культурной ценности того или иного народа наносит общезначительный ущерб и влечет невосполнимое обеднение общего достояния народов. Как убеждают события последнего периода, некоторые страны мира демонстрируют надломленную политическую волю, не исполняя конституционные обязанности и международные обязательства по защите обществ от посягательств на их культурное достояние. В то же время независимо от формы государственного устройства охрана и сохранение памятников – это обязанность государств [10]. Пренебрежение к памятникам собственной истории – признак раскола общества и глубокого кризиса государства. Переписывание истории, вне сомнения, необходимо определенным деструктивным силам для того, чтобы изменить саму природу конкретных государств.

⁶ Важнейший этап в «Возрождении духа Мосула» // UNESCO. 17.01.2020. Режим доступа: <https://ru.unesco.org/news/vazhneyshiy-etap-v-vozrozhdenii-duha-mosula> (дата обращения: 17.01.2020).

⁷ Выступление главы российской делегации, Постоянного представителя РФ при ЮНЕСКО А. И. Кузнецова на 209-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО, Париж, 3 июля 2020 г. // МИД РФ. 03.07.2020. Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4206480 (дата обращения: 03.07.2020).

⁸ Ученые готовят обращение в ЮНЕСКО о создании научного комитета по возрождению Пальмиры // ТАСС. 03.12.2020. Режим доступа: <https://tass.ru/kultura/10155003> (дата обращения: 03.12.2020).

Между тем ситуация в мире продолжает не только усугубляться, но и обостряться. Так, в Польском городе Легница (Нижнесилезское воеводство) неизвестные похитили и обезглавили скульптуру маршала К. К. Рокоссовского⁹. Монумент был частью музея под открытым небом, расположенного в месте захоронения советских солдат. Обезглавленную фигуру обнаружили на одной из улиц города. Правоохранительным органам найти вандалов пока не удалось. Посольство России в Варшаве направило письма протеста в Министерство иностранных дел и Министерство культуры Польши в связи с осквернением памятника маршалу К. К. Рокоссовскому¹⁰. МИД России назвал поставленным на поток осквернение памятников в Польше¹¹. Россия призывает ЮНЕСКО встать на защиту исторической правды и выступить против развернувшейся в некоторых государствах «войны с памятниками».

В ряде стран Европы оскверняются объекты, связанные с культурным наследием еврейского народа и памятью Холокоста. Во Франции осквернен мемориальный центр в память о жертвах Второй мировой войны в местечке Орадур-сюр-Глан (департамент Верхняя Вьенна). На нем сделаны оскорбительные надписи. Высшее руководство Французской Республики выступило с осуждением циничного демарша и выразило твердое намерение сделать все, чтобы «найти и осудить авторов этих кощунственных действий»¹².

Что касается ситуации в России и странах СНГ, следует отметить, что необходим более бережный и ответственный подход к нашей общей истории и к общим памятникам культурно-исторического значения [11]. Важно научиться ценить историю во всей ее многосложности, с достоинством чтя (и щадя зачастую незаслуженно и несправедливо оскверненную!) память предков. В этой связи крайне важно, что именно Россия первой предприняла в этом направлении четкие, однозначные и категоричные меры. Государственной Думой Федерального Собрания РФ принят ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации»¹³, устанавливающий уголовную ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, памятников, стел, обелисков и других мемориальных

сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы.

Совместные инициативы, мероприятия и акции

На основе накопленного по линии ЮНЕСКО концептуально-методологического опыта, с учетом возрастающего потенциала и роли РФ как одного из опорных государств в составе организации важнейшими задачами для России безусловно должны стать активное участие в сохранении исторической национальной памяти, демонстрация цивилизационного примера достойного и назидательного сбережения памятных мест, обелисков и воинских захоронений [11; 12]. Вне сомнения, ЮНЕСКО должна не только более решительно отклонять попытки привнесения рядом государств заведомой политизированности в подобных вопросах, но и выступить инициатором принятия концептуально обновленной подпрограммы в отношении сохранения и популяризации подобных объектов в рамках охраны всемирного наследия. Важнейший вектор данной деятельности – формат совместных инициатив, мероприятий и акций высокоответственных государств ООН. В общих интересах государств-членов – снижение градуса политизации ЮНЕСКО, сдерживающего ее эффективность¹⁴ [13].

Наряду с Конвенцией ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия существует принятая в 1954 г. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и соответствующие Протоколы к ней¹⁵. Этот международный правовой документ получил широкое распространение во всем мире. Конвенция определяет механизм специальной защиты культурных ценностей, предусматривает меры по их охране, перевозке и контролю. Был разработан отличительный знак для использования обозначения культурных ценностей, нуждающихся в защите.

Безусловно, все это накладывает дополнительные обязательства на ЮНЕСКО. И столь авторитетная международная организация в рамках своей особой компетенции обязана однозначно реагировать на каждый из подобных современных фактов.

⁹ В Польше обезглавили скульптуру маршала Рокоссовского // Известия. 31.07.2020. Режим доступа: <https://iz.ru/1042309/video/v-polshe-obezglavili-skulpturu-marshala-rokossovskogo> (дата обращения: 31.07.2020).

¹⁰ Россия выразила протест властям Польши из-за осквернения памятника Рокоссовскому // RuBaltic.ru. 03.08.2020. Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/news/03082020-rossiya-vyrazilaprotest-vlastyam-polshi-izza-oskverneniya-pamyatnika-rokossovskomu/> (дата обращения: 03.08.2020).

¹¹ МИД России назвал поставленным на поток осквернение памятников в Польше // RuBaltic.ru. 01.08.2020. Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/news/01082020-mid-rossii-nazval-postavlennymi-na-potok-oskvernenie-pamyatnikov-v-polshe/> (дата обращения: 01.08.2020).

¹² Во Франции осудили осквернение мемориала жертвам Второй мировой войны // РИА Новости. 22.08.2020. Режим доступа: <https://ria.ru/20200822/vandaly-1576161769.html> (дата обращения: 22.08.2020).

¹³ О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации. ФЗ от 01.04.2020 № 100-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Лавров С. В. Гуманитарные горизонты ЮНЕСКО // Международная жизнь. 16.11.2020. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/28118> (дата обращения: 02.12.2020).

¹⁵ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // United Nations Treaty Series. 1956. № 3511. С. 292–372.

Исключительно важное цивилизационное значение сегодня приобретает отношение к теме памятников и воинских захоронений Красной армии в странах Европы. Интересна здесь роль Германии. Прошедшая через национальное покаяние Германия и в настоящее время несет особую ответственность перед всей человеческой цивилизацией. Следует признать, что это государство в лице своих высших политических деятелей демонстрирует достойное свидетельство правдивости восприятия и изложения исторических событий¹⁶, являет образец сбережения памятников и воинских захоронений солдат и офицеров Красной армии. Современная Германия в этом отношении может представлять собой назидательный пример иным государствам Европы. К вышеизложенному немаловажно добавить, что, согласно углубленным социологическим опросам последних лет, три четверти населения ФРГ «считают 8 мая днем освобождения Германии от нацизма»¹⁷. Полагаем, что представители научных кругов, равно как и широкая общественность России в целом, должны учесть, оценить и всемерно поддержать это новое важнейшее обстоятельство. Вне сомнения, это должно найти, пусть опосредованную, позитивную оценку и со стороны ЮНЕСКО.

Повысить солидарную ответственность за судьбу всемирного наследия

В соответствии с п. 172 Руководства к Конвенции, государства – стороны Конвенции обязуются сообщать Комитету всемирного наследия о своих намерениях предпринять или разрешить на территории объекта всемирного наследия или его буферной зоны крупномасштабные восстановительные или новые строительные работы, которые могут оказать воздействие на выдающуюся универсальную ценность объекта¹⁸.

Материалы с информацией об оценке воздействия планируемых на объекте всемирного наследия работ необходимо направить в кратчайшие сроки в Центр всемирного наследия до принятия любых решений, которые было бы трудно отменить (до начала реализации работ), чтобы Комитет мог оказать содействие в поиске решений, гарантирующих полную сохранность выдающейся ценности объекта.

Особо показателен в этой связи пример, связанный с решением турецких властей изменить статус

собора Святой Софии в Стамбуле. Турция не направила предварительное уведомление о своих намерениях в штаб-квартиру ЮНЕСКО, не были проведены обсуждения экспертного сообщества, что противоречит Конвенции. Генеральный директор ЮНЕСКО выразила глубокое сожаление в связи с этими событиями. Собор Святой Софии является составной частью объекта всемирного наследия Исторические районы Стамбула, «архитектурным шедевром и уникальным свидетельством взаимодействия между Европой и Азией на протяжении веков. Статус музея собора отражает универсальный характер его наследия и делает его мощным символом диалога», – заявила О. Азуле¹⁹.

Поскольку Турция не уведомила ЮНЕСКО заблаговременно в соответствии с установленными правилами процедур, вопрос о состоянии сохранности этого объекта всемирного наследия будет рассмотрен Комитетом всемирного наследия в рамках его следующей сессии. Как справедливо отметил министр иностранных дел РФ, председатель Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО С. В. Лавров, «для россиян Святая София особенно ценна с духовной точки зрения»²⁰. Учитывая значимость этого архитектурного памятника, остается надеяться, что турецкая сторона выполнит взятые на себя обязательства по сохранению уникального объекта всемирного наследия, будет руководствоваться принципами взаимоуважения, обеспечит беспрепятственный доступ в Святую Софию представителям всех конфессий.

Поскольку власти Турции не уведомили ЮНЕСКО о своих планах в отношении Святой Софии, существует риск принятия Комитетом неблагоприятного решения, вплоть до внесения собора в Список объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой²¹, призванный привлечь максимальное внимание и поддержку к охране объектов. Как показывает опыт, внесение объектов в этот «черный список» позволяет максимально привлечь внимание к рискам, которым они подвергаются по естественным причинам (природные катаклизмы), в результате действия человека, вооруженных конфликтов, а также призывает мировую и региональную общественность к принятию срочных безотлагательных мер по обеспечению сохранности этих объектов.

По сравнению с началом XXI в., к настоящему времени количество объектов, находящихся под угрозой

¹⁶ Министр иностранных дел ФРГ заявил, что только Германия виновна в развязывании Второй мировой войны // Первый канал. 08.05.2020. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2020-05-08/385515-ministr_inostrannyh_del_frg_zayavil_chno_tolko_germaniya_vinovna_v_razvyazyvanii_vtoroy_mirovoy_voynu (дата обращения: 08.05.2020).

¹⁷ Кропман В. Почти 80 процентов немцев считают 8 мая днем освобождения от нацизма // Deutsche Welle. 08.05.2020. Режим доступа: <https://p.dw.com/p/3bvhl> (дата обращения: 08.05.2020).

¹⁸ The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention ...

¹⁹ Заявление ЮНЕСКО о соборе Святой Софии, Стамбул // UNESCO. 10.07.2020. Режим доступа: <https://ru.unesco.org/news/zayavlenie-yunesko-osobore-svyatoy-sofii-stambul> (дата обращения: 25.12.2020).

²⁰ Лавров: Россия надеется, что Турция выполнит свои обязательства в отношении Аия-Софии // ТАСС. 26.10.2020. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/9814735> (дата обращения: 25.12.2020).

²¹ List of World Heritage in Danger // UNESCO. Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/danger/> (дата обращения: 09.09.2020).

уничтожения и нуждающихся в экстренной помощи, увеличилось почти в два раза. Если в 2007 г. ЮНЕСКО был зафиксирован 31 подобный объект, то по состоянию на сегодняшний день в Список объектов всемирного наследия под угрозой внесены уже 53 объекта: 36 культурных, 16 природных и один смешанный (культурно-природный)²².

Только за время августовских волнений 2013 г. в Египте из Национального музея Малави в Эль-Минье были похищены сотни экспонатов, которые являли собой уникальное достояние всей человеческой цивилизации. Преднамеренность подобного не вызывает сомнений. Все шесть уникальных объектов всемирного наследия ЮНЕСКО от Ирака, в том числе наследие Хатры и Нимруда, были уничтожены боевиками запрещенной в РФ террористической организации ИГИЛ в 2015 г. С 2016 г. все пять объектов Ливии из Списка Всемирного наследия внесены в список объектов, находящихся под угрозой, т. к. в стране с 2011 г. продолжается гражданская война, и вооруженные группировки находятся в непосредственной близости или на территории данных объектов, что несет угрозу их сохранности. В Список включены и православные монастыри всемирного наследия в Косово.

Не вызывает сомнения, что угрозы, вызовы и новые подходы к обеспечению культурной безопасности в области историко-культурного наследия следовало бы более системно изучать структурам ЮНЕСКО на основе современного опыта, обретенного в последний период конкретными странами [14; 15]. Полагаем, что концептуально обновленного осмысления требуют в XXI в. и базисные установки ЮНЕСКО в сфере национальной и международной охраны культурного и природного наследия. В силу уникальности своего мандата в рамках ООН именно ЮНЕСКО должна инициировать формирование особого международного механизма поиска похищенных при подобных обстоятельствах выдающихся артефактов человеческой цивилизации: своего рода «Интерпол всемирного наследия».

Вопрос принципиального значения для России

В настоящее время в Список всемирного наследия ЮНЕСКО внесены 30 российских объектов. Кроме того, предварительный список, представляющий собой перечень объектов, претендующих на высокий международный статус, от нашей страны насчитывает 26 объектов [16]. В 2014 г. в Список был внесен мемориальный комплекс на Мамаевом кургане (г. Волгоград). В обоснование выдающегося мирового значения этого объекта следует особо подчеркнуть, что он удовлетворяет сразу трем критериям Руководства: является воплощением творческого гения человека; олицетворяет собой пример выдающегося архитектурного ансамбля,

иллюстрирующего важный этап развития человеческой истории; непосредственно связан с событиями, представляющими выдающееся мировое достояние.

Мемориальный комплекс представляет собой уникальное единение доброй воли всех людей планеты, защищающих основное право человека – право на жизнь, утверждение в международных отношениях принципов мирного сосуществования. Это монумент культурно-исторического наследия. Сейчас известные силы пытаются принизить роль Сталинградской битвы, тем самым причиняется урон памятникам, имеющим всемирное значение. Попытки переписать историю в угоду политической конъюнктуры, подвергнуть сомнению и даже сфальсифицировать ее – это тоже нанесение урона памятнику такого масштаба. В этой связи включение Мамаева кургана в предварительный список ЮНЕСКО имеет особое значение, связанное не только с необходимостью сохранения шедевра архитектурного ансамбля, но и важностью сохранения исторической правды.

Заключение

Перед лицом общих проблем и вызовов XXI в., в сложных условиях пандемии COVID-19 миссия ЮНЕСКО в деле укрепления активной солидарности международного сообщества актуальна как никогда. Трудно переоценить объединительную роль культуры в деле укрепления межгосударственных отношений и взаимопонимания между народами. Сохранение и приумножение культурно-исторического наследия человечества по-прежнему является одной из основополагающих опор деятельности ЮНЕСКО. Организации принадлежит ключевая роль в координации совместных усилий международного сообщества в деле защиты культуры в условиях вооруженного конфликта, укрепления глобальных усилий против преднамеренного уничтожения культурного наследия.

Идеологема о том, что ЮНЕСКО «вне политики», бросает тень на проблемы общечивилизационного значения, за действенное решение которых само это специализированное учреждение ООН, обладающее столь исключительным авторитетом и столь уникальным мандатом, и должно бороться [17; 18]. Политика двойных стандартов здесь категорически неприемлема. Немедленной реакции и соответствующих мер ведущей гуманитарной организации требуют попытки исказить и переписать историю в угоду политических интересов. Важно пресекать любые попытки посягательств на объекты исторического наследия. В условиях глобализации ЮНЕСКО должна найти свою обновленную концептуально-методологическую нишу, решительно и бескомпромиссно противодействуя попыткам деструктивных сил по фрагментации и разрушению принципов духовного пространства, противостоять попыткам политизации

²² Там же.

подходов к вопросам о восстановлении культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов. В данном контексте неопределима ключевая роль ЮНЕСКО в сфере сохранения культурного наследия и в деле защиты исторической правды.

Устав ЮНЕСКО провозглашает, что «мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира»²³. Именно в этом и заключена основополагающая задача организации на современном этапе, основывающаяся на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

Литература

1. Джанджугазова Е. А., Ассаф Б. Роль ЮНЕСКО в сохранении культурного наследия Сирии // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3. № 1. С. 100–112.
2. Изнаулов А. С. Проблематика сохранения культурного наследия в условиях конфликтов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4. С. 92–99.
3. Торосян В. Г., Пальцева И. В. Культурные ценности в условиях социальных потрясений // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 2. С. 48–53.
4. Кармов Т. М., Буторин Д. А. Международные организации в сфере сохранения Всемирного культурного наследия в условиях вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике в 2011–2017 гг. // Журнал Института наследия. 2019. № 1. Режим доступа: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/272.html> (дата обращения: 03.10.2020).
5. Сергеев Д. Н. Международная криминализация посягательств на культурные ценности // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 18–24. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-18-24
6. Bertacchini E., Liuzza C., Meskell L., Donatella S. The politicization of UNESCO World Heritage decision making // Public Choice. 2016. Vol. 167. Iss. 1. P. 95–129. DOI: 10.1007/s11127-016-0332-9
7. Большакова А. М. Политика России и Европейского союза в отношении всемирного культурного наследия ЮНЕСКО: дипл. работа (магистерская диссертация). М., 2020. 102 с.
8. Гатилов Г. М. Гуманитарный кризис в Сирии: как человеческие трагедии используются в политических целях // Международная жизнь. 2016. № 10. С. 1–15.
9. Закунов Ю. А. Ценностно-цивилизационные аспекты включения объектов в список Всемирного культурного наследия: российский опыт и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2. С. 126–135.
10. Galland P., Lisitzin K., Oudaille-Diethardt A., Young C. World Heritage in Europe Today. Paris: UNESCO, 2016. 120 p.
11. Драчева Е. Л. Проблемы сохранения объектов культурного наследия ЮНЕСКО в России и за рубежом // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3. № 2. С. 61–74.
12. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Охрана культурного наследия: международный и российский опыт // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 4. С. 6–13.
13. Митрофанова Э. В. «Большой юбилей» ЮНЕСКО // Международная жизнь. 2011. № 1. С. 107–124.
14. Скачков А. С. Культурная политика ЮНЕСКО в эпоху глобализации. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. 162 с.
15. Митрофанова Э. В. Мандат ЮНЕСКО в современных условиях востребован как никогда // Международная жизнь. 2012. № 6. С. 113–130.
16. Максаковский Н. В. Предварительный список Всемирного наследия России: история развития, современный этап, пути оптимизации // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 2. С. 39–71.
17. Белекова А. Т. Возрастание роли ЮНЕСКО как партнера в евразийском сотрудничестве // Проблемы современной экономики. 2020. № 2. С. 222–225.
18. Белекова А. Т. Проблемы и перспективы деятельности ЮНЕСКО в контексте современных международных отношений: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 157 с.

²³ Устав Организации Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры // Кодекс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900831> (дата обращения: 25.12.2020).

original article

The Growing Role and Responsibilities of UNESCO in the Field of Preserving Historic and Cultural Heritage

Aysur T. Belekova

The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia, Moscow

a_belekova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0891-0530>

Received 16 Dec 2020. Accepted 13 Jan 2021.

Abstract: UNESCO is the world's largest intergovernmental forum on humanitarian cooperation and offers an alternative way of maintaining bonds among nations. The article examines its growing role and responsibility in the protection and preservation of cultural and historic monuments. The research objective was to determine the role of UNESCO in preserving such monuments, developing measures for their protection, and sustaining historical truth. The research methods included a system-based analysis with its functional and empiric methods. The system-based analysis made it possible to consider interrelated aspects of UNESCO's functioning, approach the matter as a range of problems within a single process, and identify the basic characteristics of UNESCO's policy evolution in the sphere of world heritage conservation. The research also used achievements of political science, diplomacy, history, and international relations. The approach also allowed the author to examine the main tools used by UNESCO, as well as to highlight its current priorities and directions. To analyze the political reality, the author employed such empirical methods as monitoring and study of documents. The author focused on the matters of international cooperation and mutual responsibility of the members the UNESCO World Heritage Convention. The research attempted to identify the most important tasks of Russia in this direction. In the current challenging context, UNESCO has to find a conceptual niche and respond without compromise to any attempts to destroy its basic principles or to politicize its work.

Keywords: UN, education, science, culture, communication, cooperation, strengthening peace and security, unique mandate, world heritage

Citation: Belekova A. T. The Growing Role and Responsibilities of UNESCO in the Field of Preserving Historic and Cultural Heritage. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 1–9. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-1-9>

References

1. Dzhandzhugazova E. A., Assaf B. The role of UNESCO in the cultural heritage of Syria preservation. *Rossiiskie regiony: vzgljad v budushchee*, 2016, 3(1): 100–112. (In Russ.)
2. Iznaurov A. S. Problems of preservation of cultural heritage in the conditions of the conflicts. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 1: Area studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Cultural Studies*, 2017, (4): 92–99. (In Russ.)
3. Torosyan V. G., Paltseva I. V. Cultural values in the conditions of social upheaval. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, 2017, (2): 48–53. (In Russ.)
4. Karmov T. M., Butorin D. A. International organizations in the sphere of preservation of the World Cultural Heritage in the context of armed conflict in the Syrian Arab Republic in the years 2011–2017. *Zhurnal Instituta nasledii*, 2019, (1). Available at: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/272.html> (accessed 03 Oct 2020). (In Russ.)
5. Sergeev D. N. International criminalization of offences relating to cultural property. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2019, (3): 18–24. (In Russ.) DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-18-24
6. Bertacchini E., Liuzza C., Meskell L., Donatella S. The politicization of UNESCO World Heritage decision making. *Public Choice*, 2016, 167(1): 95–129. DOI: 10.1007/s11127-016-0332-9
7. Bolshakova A. M. *Policy of Russia and the European Union in relation to the UNESCO World Cultural Heritage*. Graduation thesis. Moscow, 2020, 102. (In Russ.)
8. Gatilov G. M. Humanitarian crisis in Syria: how the human tragedy is being used for political purposes. *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2016, (10): 1–15. (In Russ.)
9. Zakunov Yu. A. Value-civilizational aspects for cites inclusion onto the list of World Heritage: Russian experience and perspectives. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2018, (2): 126–135. (In Russ.)
10. Galland P., Lisitzin K., Oudaille-Diethardt A., Young C. *World Heritage in Europe Today*. Paris: UNESCO, 2016, 120.

11. Dracheva E. L. Problems of preservation of the UNESCO cultural heritage in Russia and abroad. *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee*, 2016, 3(2): 61–74. (In Russ.)
12. Bogolubova N. M., Nikolaeva Ju. V. Protection of cultural heritage: international and Russian experience. *Bull. of Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts*, 2014, (4): 6–13. (In Russ.)
13. Mitrofanova E. V. UNESCO's big anniversary. *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2011, (1): 107–124. (In Russ.)
14. Skachkov A. S. *UNESCO cultural policies in the era of globalization*. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiia", 2015, 162. (In Russ.)
15. Mitrofanova E. V. UNESCO's mandate in modern conditions is in demand more than ever. *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2012, (6): 113–130. (In Russ.)
16. Maksakovskiy N. V. Russian Federation Tentative World Heritage List: history of development, modern structure, ways of optimization. *Nasledie i sovremennost'*, 2018, 1(2): 39–71. (In Russ.)
17. Belekova A. T. Growing role of UNESCO as a partner in Eurasian cooperation. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2020, (2): 222–225. (In Russ.)
18. Belekova A. T. *Problems and vision for UNESCO in the context of modern international relations*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2008, 157. (In Russ.)

original article

Ideological Consistency and Ideological War: American Fascism vs Antifascism – January 2021

Joel Ivan Gonzalez Cedillo

St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

ivangzz.ced@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-8040-749X>

Received 4 Feb 2021. Accepted 5 Mar 2021.

Abstract: This work analyzes the ideological war between American fascists and antifascists and the relation between the existence of an ideological consistency among the masses and the emergence of this type of conflict. The storming of the US Capitol in January 2021 by fascists and the activities of fascists and antifascists on social media serve as subjects for the analysis of this ideological war. The purpose of this work is to study literature on ideological wars and analyze how States encourage extremist ideologies based on their own ideological consistencies. The method employed to expose the ideological war is a content analysis of social media used by the Proud Boys and Atlanta Antifascists. The results show that the two competing ideologies cannot coexist peacefully in the same territory and at the same time. The State and the elites agree that the confrontation should end. This work can be useful for academics, policy makers and students working on the issue of fascist and extremist ideologies, as well as for developing ways to fight these ideologies by addressing their enablers.

Keywords: American fascism, antifascism, white supremacy, ideology, extremism

Citation: Gonzalez Cedillo J. I. Ideological Consistency and Ideological War: American Fascism vs Antifascism – January 2021. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 10–18. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-10-18>

Introduction

Far-right political parties in the European Union have been in the political scene since the early 2000, starting before the Donald Trump phenomenon of 2015 [1]. Back in the day, the European far-right focused on reducing immigration and opposing further integration of EU institutions, as well as the adoption of a EU constitution. These political forces were outcasts and their xenophobic discourse was hardly accepted in public until the economic crisis of 2008, the migrant crisis of 2015, the presidential campaign of D. Trump and his eventual victory changed that and normalized their fascist ethnonationalist and authoritarian political ideology in Europe and North America. This ideology was met with resistance by the opposing movement of antifascism, especially in the US. This confrontation led to an ideological war between fascists and antifascists that we saw in the period of 2015–2021 on the streets of many European and American cities and also online, on social media platforms like Twitter. Although this is a Euro-American phenomenon, this work is focused on the American issue for its cultural and political impact on the spread of such ideologies in the West.

To explore the relation between ideology and socio-political conflicts, I started with a hypothesis that an ideological war is enabled by the existence of groups of people with very defined ideological consistencies, unwilling to recognize the existence of other Truths. This work will try to answer the question: Can different Truths coexist in the same society? To elaborate on this question,

I explored the characteristics of fascism and anti-fascist movement in the US. To exemplify this ideological war, I focused on the ideologies of the two groups by analyzing the posts in their social media accounts from January 6th to January 20th, 2021: the Proud Boys on Telegram and Atlanta Antifascists on Twitter. I chose this period as January 20th was the date when the president of the US changed and January 6th was when far-right extremists stormed the Capitol in Washington, inspired by the claim of D. Trump that the election he lost was rigged.

Media have a capability of spreading the ideas of extremist and terrorist groups through the unintentional circulation of journalist reports on those groups, which influences the actions that the audience may take against the perceived enemy [2, p. 341, 342]. Social media, being independent from mass media, help disseminate information more democratically avoiding the elitist control of the resourceful bourgeoisie; however, they require more efforts to moderate extremist content [3, p. 116]. In this regard, the role of social media in this ideological war is unquestionable: platforms like Facebook, Twitter, YouTube, Telegram and Parler have allowed the circulation of extremist political ideas almost uncensored in the U.S. Of all of them, Twitter seems an ideal platform as it allows sharing content quicker and to a broader audience. Posting opinions and gaining popularity on Facebook is limited to groups and contacts, YouTube is not very interactive for real time and durable political discussions, Telegram is not popular in the U.S.

and Parler is limited to far-right circles. Parler was also recently blocked and is not ideologically diverse for research on the proposed ideological war. Some of these platforms have started blocking extremist content but this has only made fascist users migrate to other platforms like TikTok recently [4, p. 123, 124].

Though fascists and antifascists use social media to spread their ideologies, it is the adherents of fascism that have been observed to use these tools to spread hate and target ideological enemies [5, p. 45–47]. While fascists use these platforms to instigate violence against traditionally oppressed groups, antifascists use them to spread propaganda against these aggressors¹. Previous research using Twitter as a source of data has demonstrated how this platform can be used to polarize society through strategies like the use of hashtags [6], or how influential leaders of the far-right can successfully engage followers through the use of an 'us vs them' narrative, an affective language and the expression of negative emotions [7]. Twitter also serves as a tool for influential leaders of the far-right to mobilize voters and orientate the political debate as they wish [8, p. 228–230].

The possibilities of using social media to analyze content posted by fascist and antifascist groups allows gathering data that helps to understand the main propositions of these ideologies and how these ideological groups perceive each other. This allows us to understand where the moments of confrontation arise, how popular these ideologies are among the public and what direction the political discourse might take in order to commit to the instrumental ideological consistency of potential voters. Among the limitations of using content analysis of posts from Twitter and Telegram are censorship, or deletion of posts, and blocking of accounts due to the infringement of rules of usage, which affects the continuity of messages and ideas. Also, Twitter allows writing only 280 characters, which together with the use of emojis, memes and photos can affect the result of automated content analysis. This can also be inconvenient for those researchers who are not familiar with cultural specifics of online language used by American fascist and antifascist groups.

Typology of political ideologies

In the political and religious fields, extremism can be understood as the imposition of the individual Truth on others, with the Truth being the result of the continuous consumption of an artificial ideology that makes individuals believe their perception of reality is the only valid and others can be ignored and eliminated [9, p. 6]. Based on the analysis of different academic materials, I have defined ideology as a set of ideas that can be constructed in the minds of individuals either naturally, through a process of enculturation, or artificially, through the psychological discursive practice.

This set of ideas is not limited to cognitive concepts as it also includes emotions necessary to give such concepts a meaning. The aim of natural ideology is to provide individuals with cognitive means to understand and transform their reality, while the aim of artificial ideology is to achieve gains (political, economic, social, etc.) that serve the interests of an elite. In this regard, the psychological discursive practice of artificial ideology can present a distorted representation of reality to create a false consciousness [9, p. 6].

Ideology can be of two types: 1) natural or positive if it is transmitted in a circular process of social interaction among equals free from the influence of privileged individuals trying to manipulate or control them; 2) artificial or negative if it is transmitted in a linear discursive process from top to bottom where resourceful elites create the discourse they want the dominated masses to accept [9, p. 6].

The constant consumption of an artificial or negative ideology will create an ideological consistency in individuals that will block their view of other Truths. J. Barcelo proposes that ideological consistency can be of two types: 1) instrumental, depending on its origin; and 2) dominance, depending on its function [10]. The instrumental ideological consistency is used by the masses to control political elites and make them commit to the interests of the electorate [10]. This is done by identifying what ideologies the political elites propose and then using the individuals' votes in democracy to threaten the political elites if they do not commit to the interests of the ideologized and informed masses. The dominance type occurs when the political elites are able to dictate the ideology the masses will adhere to. This happens when the masses have little political information and a low ideological consistency, and so are easily manipulated [10]. The instrumental type proposes a bottom to top transmission of ideology while the dominance type, from top to bottom. This work focuses on the dominance type of ideological consistency that is spread by ideologues of an artificial ideology from top to bottom among the masses to modify their behavior and make them join their fascist groups or antifascist movement.

A top to bottom ideological consistency created by a political elite will form the mentioned Truth in the receptive individuals and make them believe their Truth is the only valid and any other invalid Truth must be eliminated. From this confrontation of ideological consistencies emerge ideological wars, like we have seen between Capitalism and Communism in the years of the Cold War or more recently between Fascist and Antifascist activists and the masses, especially after 2015.

The term 'ideological war' has not been used to describe this confrontation of ideologies; it has rather been called the 'information war'. L. N. Kunakova defines an information war from a psychological perspective as "the latent influence

¹ Jones S. G., Dooxsee C., Harrington N., Hwang G., Suber J. The war comes home: the evolution of domestic terrorism in the United States. CSIS. 22 Oct 2020. Available at: <https://www.csis.org/analysis/war-comes-home-evolution-domestic-terrorism-united-states> (accessed 10 Dec 2020).

of information on individual, group and mass consciousness using methods of propaganda, disinformation, manipulation" [11, p. 93]. Its goal is "to form new views on the socio-political organization of society through a change in value orientations and basic attitudes of the individual" [11, p. 93]. Other researchers, for example, C. Abdyraeva, consider an information war (warfare) to be part of a hybrid war aiming at influencing "people's perceptions, belief systems and emotions" with the intention "to spread misleading information", for which conspiracy theories and fake news can be used to manipulate public opinion [12, p. 20–28]. For M. P. Yaroshenko, extremism is used as a tool in a hybrid war to achieve certain goals through an information war, the latter being part of the former [13, p. 54]. This information war aims at creating confrontations between the leading political forces, igniting nationalism, racism, xenophobia and hatred towards religious groups, as well as calling for social disorder and protests, among other manifestations [13, p. 55]. The polarity theory can also help us understand the ideological war: "ideological thought is structured universally by a clash between two opposing worldviews" represented by a humanistic left and a normative right [14]. In this conflict between the humanistic and the normative, the left accuses the right of defending the established system that keeps the oppressed suffering to increase economic, social and political equality, while the right defends the system to preserve tradition and their privileged status [14].

From these definitions, we understand an information war as a strategy of a higher political occurrence (political campaigns, elections, policy and decision making) that uses different methods to achieve its political goals to manipulate certain sectors of society. An ideological war is waged by the elites with resources to create and spread ideologies. It uses ideological consistency as a method to create extremists and gain political goals. The information war is a strategy of the ideological war, but the latter is not a hybrid war as it includes confrontations, especially between nations, in other fields such as the financial system, among others. The ideological war has two sides: 1) information – it focuses on the spread of any type of information online and offline, including propaganda and fake news, but also printed and video material; and 2) activism – it is the physical confrontation on the streets, podiums and forums online and offline to support the ideological information war. The ongoing confrontation between American fascists and antifascists exemplifies this ideological war in its two sides.

Artificial Ideologies: Fascism and Antifascism

O. G. Derevyanko claims that fascism is an artificial ideology of political and legal thinking that considers race (ethnicity) to be the origin of the State; it is totalitarian and corporatist as it aims at the State led by one all-powerful party or racial elite; it is intolerant of, and discriminates against, the other (states, nations, ethnic groups); it uses violence to terrorize the political opposition and aims to militarize society and

solve all problems through war [15]. Fascism is a chauvinist, nationalist, racist, imperialist, and State-absolutist (total control of the individuals' lives) ideology [15, p. 43–53]. This artificial ideology is one of the variants of the radical right thinking that emerged at the turn of the 20th century, of which the Italian and German versions are the most known [16, p. 78]; however, the American version has gained popularity since 2015. For Ju. A. Koshkarova, fascism is a reactionary imperialistic ideology of the bourgeoisie aimed at securing the growth of state monopoly capitalism [16, p. 78]. N. A. Khlystova considers fascism to be born out of a systemic crisis of this capitalism, in which the bourgeoisie looks to reaccommodate its forces with other dominant oppressive actors to avoid losing control of the exploited masses after having given them certain social concessions to avoid a full socialist revolution [17, p. 110]. For Italian fascism, the State creates the nation; for German fascism, the State is the only means to preserve the ethno-nation [15, p. 49]; for American fascism, it is the racially superior people that creates the State that is then used to validate and guarantee the supremacy of the racial elite and oligarchies. American fascism sees left-wing parties and progressive policies as a Marxist existential threat. It includes elements of religious extremism (superiority of Protestant Christianity) and distrusts political elites that do not share its ideological consistency. American fascism proposes the theory of a Marxist deep State puppet of the Chinese Communist Party, cooperating with Big Pharma and Big Tech corporations to achieve total control of the population. American fascism is anti-egalitarian, anti-communist, anti-liberalist, nationalist and authoritarian with (so far) Donald Trump as a cult figure.

Antifascism is a movement that emerged in Western Europe as a response to the establishment of Fascist regimes in the early 20th century. In 1935, the Comintern decided to include it as part of the communist ideology and join forces with other groups like Catholics, Socialists and Anarchists in the fight against fascism under Marxism-Leninism [16, p. 79]. Antifascism is a social movement aimed at fighting the spread and normalization of the ideology of fascism in the world [16, p. 79]. As an international movement, it has no sponsors or directors; nor does it have central political figures. N. A. Khlystova claims that fascism emerged as a reactionary ideology to the Socialist Russian revolution, which is logical as per the monopolistic state capitalism character previously described; thus, antifascism is the following response to contain that antagonistic artificial ideology against the socialist ideology [17, p. 110]. American media and politicians have wrongly named the antifascist movement as "Antifa", a derivative of the German Communist-sponsored group Antifascist Action that fought Hitlerian fascism before World War II [18, p. 125]. Some academics have followed this path and studied American Antifascists as some type of independent "shock troop" of the left that exists in such a way only in the U.S., sidestepping years

of history of similar activities and tactics in Europe in the fight against street fascists². Calling Antifascists "Antifa" has created a perception among Americans that antifascists are grouped in one single entity like al-Qaeda or Daesh (Arabic name of the so called "Islamic State", a terrorist organization banned in the Russian Federation).

American antifascism is an oppositional movement of ideologies ready to use violence to protect people against the violence applied by American fascists towards non-whites, Muslims, Jews, women, LGBTQ+ people, immigrants and other traditionally oppressed groups in American culture. They are active on social media like Twitter and Instagram, where they use doxxing as a method to expose fascists [18, p. 126, 127]. After the storming of the Capitol at DC on January 6th, 2021, the group Identify Homegrown Terrorists was created on Instagram to help identify and publicly expose individuals who broke into the Capitol, get them fired from work, affect their businesses and let them be harassed by antifascists and other citizens online. The most relevant point to highlight is that American antifascists are not looking to start a socialist revolution; their intention is to stop the advance of American fascists (including the police and politicians) into politics and their violence against others [18, p. 129].

American politicians, including former president D. Trump, have tried to designate the Antifa movement a terrorist organization [18, p. 123], which is inaccurate by definition since Antifa is not an organization or ideology, it is a movement made up of different groups and different ideologies with the aim of stopping the advance of the ideology of fascism. Moreover, if antifascism is perceived as a terrorist threat to American politicians, it only demonstrates their support for the ideology that antifascists are fighting against, rendering these politicians supporters of fascism. This criminalization of antifascism responds to decades of ideological consistency created by the government that managed to portray socialism as evil perpetually linked to Soviet Communism of the Cold War, then to Castro's Cuba and Chavez's Venezuela, and today to the Chinese Communist Party.

N. A. Khlystova has elaborated on the ideological war between fascism and antifascism in Europe in the 20th century, where she presents German, Italian and Spanish fascism as a reaction of the bourgeoisie to the advance of socialism and a strategy of these elites to retain power [17]. This ideological war was more economic and of classes as it was a war against fascist imperialism and its exploitation of workers by this bourgeoisie that felt threatened by progressive socialism [17, p. 114]. Other researchers have elaborated on this line of economist-class ideological war between the capitalist conservatism and the international systems and institutions

and their strategies used to stop growth of the exploited masses [19, p. 25–32].

Today, American fascists are reactionaries against demands for racial justice and against police brutality, increase of immigration from non-European countries, empowerment of ethnic minorities and women in political spaces, and demands for recognition of transgender identities, among others. J. Fonte writes about this ideological war too, which he refers to as an "ideological Civil war" between liberal democracy and transnational progressivism, considering the latter an ideology threatening the American way of democracy [20]. To J. Fonte, transnational progressivism wants to build communitarian societies, sees a binary world of oppressors and victims, seeks social justice by representation of minorities based on their percentage among the total population regardless of their capabilities, aims at changing accepted identities and establishing a global international government that erodes American sovereignty [20]. To J. Fonte, liberal democracy means "individual rights, democratic representation (with some form of majority rule) and national citizenship" [20, p. 451], the values that defend American fascists that, at the same time, accuse liberal progressives of promoting communism and sabotage of American democracy. He claims that this ideological war between what he considers liberal democracy (the good side) and international progressivism (evil socialism) is promoted from within American society through failed activism for human rights that request help from external international organizations to bring the US to commit to agreements that contradict its constitution to eventually lose sovereignty to a global government. This interpretation of the ideological war is exactly what American fascist groups claim is taking place and is the reason they must be ready to act through the use of information and active means against these "transnational progressives" or, as presented in this work, antifascists.

Those individuals who have consumed the propaganda of this information war will be ideologically consistent to defend the Truth they have formed, whether it is of fascists or antifascists. Although antifascism is a needed response to fascism, it is also important to note that violent antifascism can be extreme and destructive for those individuals who do not take part in the confrontation. The ideologies of fascism and antifascist movement own different Truths that contradict each other.

The Proud Boys and Atlanta Antifascists

The Proud Boys is a violent right-wing anti-left movement and militia-like group of young men who gather to protest or counter-protest what they consider are Marxist and Antifa demonstrations³. They are especially active in the states

² Speckhard A., Molly E. Perspective: why branding Antifa a terror group is a diversion. *Homeland Security Today*. 2 Jun 2020. Available at: <https://www.hstoday.us/subject-matter-areas/counterterrorism/perspective-why-branding-antifa-a-terror-group-is-a-diversion/> (accessed 10 Dec 2020).

³ Stall H., Kishi R., Raleigh C. Militias in the ACLED dataset. *Standing by: right-wing militia groups & the US election*. ACLED, 2020, 7–17.

of Pennsylvania, Wisconsin, Oregon and North Carolina, where they have joined other groups, such as the Three Percenters, Patriot Prayer, Boogaloo Bois, QAnon and the Sons of Liberty; however, the Proud Boys are very mobile in their travels across the country⁴. The founder of the group is Gavin McInnes but the current leader is Enrique Tarrío, an American of Afro-Cuban ancestry whose political ultra conservative ideology was most likely influenced by the general anti-communist attitude of Cuban émigrés living in Florida. On their Telegram account Proud Boys⁵, E. Tarrío is constantly mentioned by the moderator to justify the group is not white supremacist, as E. Tarrío is mestizo. The group has 35,972 followers as of January 2021 and its motto is "I am a proud western chauvinist who refuses to apologize for creating the modern world". This motto is the phrase that aspirants must quote to be initiated into the group. It reflects the character of its members who consider that white men are currently obliged to apologize for the historical oppression of minorities and women in the US, something they believe to be promoted by the communist left. On the profile, they also share links to their Parler and Gab accounts, social media networks where other far-right extremists share content after Twitter took more aggressive measures to counter extremism.

On their Telegram account, the Proud Boys usually post memes, screenshots from Twitter comments and comments by individual actors. After the November election, they would constantly make posts in support of D. Trump's claim that the election was rigged, as well as posts of the motto "Stop the Steal" that his supporters used to fight the democratic and deep-State elites that supposedly hate D. Trump. The Proud Boys would also make posts against the COVID-19 vaccine, feminism and Islam. They accused Bill Gates, Jeff Bezos, Mark Zuckerberg, and Twitter of interfering in the election. On January 6th, they made two posts: 1) a video of an individual advising other Proud Boys not to go to DC to support D. Trump in preventing the "steal", 2) a gif commenting "Politicians that have been bullying the American people are afraid that they might have to face the citizens they have been fucking over for decades? I wonder why" – clearly referring to the people and activists who had already gathered at the Capitol to illegally break in on that day.

On January 7th, they made a three-paragraph post with a photo of the extremists who broke into the Capitol claiming "the left & the media have been excusing the actions of BLM (Black Lives Matter) & Antifa all year. Burning buildings, looting, destroying private property, attacking courthouses, violence in the streets, murder, etc. They also never waited for the system to work before they rioted". In this post, they claim that the left used this type of intimidation to get their way against police brutality (though police brutality

against black citizens continues to be reported). They end this post by saying "It looks like the right have also learned this lesson. Hope you are satisfied". With this they justify the actions of far-right extremists by claiming the left were also violent throughout the summer of 2020. On January 11th, after Twitter blocked D. Trump and purged other far-right ideologues and users from the platform, the moderator posted an article from Thegatewaypundit entitled "Our Motherf*cking Streets! Antifa Terrorists March Through NYC in Riot Gear". Later that day, they posted a photo of a woman – presumably, Ashli Babbitt (the woman shot and killed inside the Capitol) – holding a black banner with the motto "F*ck Antifa" written in white letters. On the same day, they posted an image of the Twitter bird logo in red with the Communist sickle and hammer and the yellow five stars of the Chinese flag in a black background with the message "Dump twitter. Dump facebook. Dump apple. Dump google. Dump amazon". This was a response to the purge of far-right ideologues and users blocking D. Trump, removing the Parler app from the Apple store and not hosting Parler in the servers of Amazon.

On January 12th, the administrator made a post of a screenshot from Twitter to show how Twitter supposedly allowed footballer Colin Kaepernick to incite violence on May 2020 after the murder of George Floyd. The administrator claims that this influenced the BLM protests. They posted a video made by the Caldron Pool showing different interviews of politicians, especially of Nancy Pelosi and Kamala Harris, with media such as MSNBC and CNN, where they supposedly call for continuing violence of BLM on the streets as demonstrations against D. Trump. The administrator wrote, "The Left insights violence for the last four years. But apparently left-wing violence is ok". On that day, the administrator reposted a message by Weaponized Opinions Podcast (another right-wing channel of American content with 2,115 subscribers): "The Left: The Sexualization of Children. The Normalization of Pedophilia. The Demonization of Conservatives. Encouraging the Break-Down Of The Family Unit. Pushing Socialism, Open Borders, And Globalization. But We Are Supposed To Believe Conservatives Are The Problem..."

On January 13th, the administrator posted a message by E. Tarrío calling their followers to not attend the Million Militia March planned for January 20th, claiming "We suggest none of you go to these events. We won't sit on our hands for the next four years but we can pick and choose our battles moving forward", which was rather an indicator the group was going into an existential crisis. Posts in this channel have decreased in relevance and quantity after January 20th, when Joe Biden was sworn president.

⁴ Stall H., Kishi R., Raleigh C. Drivers and barriers of militia activity. *Standing by: right-wing militia groups & the US election*. ACLED, 2020, 19–29.

⁵ Proud Boys. *Telegram*. Available at: <https://t.me/proudboysusa> (accessed 12 Oct 2020).

Atlanta Antifascists Twitter account has 21,221 readers and a total of 13,856 tweets as of the day this work was done in January 2021. Their activity is extensive in January, especially on January 6th, when they tweeted about the arrest of E. Tarrío and some news about a face-off between Salem anti-fascists and far-right sympathizers who targeted a store. During the day, they tweeted updates, videos and news of clashes in DC between the Proud Boys and BLM and antifascists, as well as how far-right demonstrators broke the barricades and rushed to the Capitol. They gave special attention to the Confederate flag being spotted inside the Capitol and made comparisons claiming that had BLM and anti-racist, anti-police brutality or any leftist demonstrators broken into the Capitol like the far-right extremists did, the consequences would have been different (they would have been violently stopped by police). In some tweets and retweets, they refer to far-right demonstrators as "fascists" and "white nationalists". For example, "We literally warned everyone that fascists are trying an insurrection after Trump's defeat..." tweeted by @All_Out_DC, highlighting their self-identification as anti-fascists and their knowledge of political theories. Another tweet on that day (by @lukeobrien) said, "Let's all never forget that billionaires Jack Dorsey and Mark Zuckerberg also made this fascist moment possible. While making money off it" (the former is the CEO and founder of Twitter and the latter is the CEO and founder of Facebook). This suggests that these administrations allowed hate speech and conspiracy theories on their platforms, especially Facebook. A critique of the technological elites is that although neither Facebook nor Twitter are ideologues, they are the tools used to spread fascist ideologies down to the masses.

After this day, they tweeted videos of a fascist militia marching to the Atlanta Capitol, others from the demonstration at DC destroying equipment from CNN journalists, and another video of the Proud Boys shooting pepper spray at protestors in Salem. On January 7th, they retweeted a piece of news by The Guardian entitled "White supremacists and militias have infiltrated police across the US, report says" from August 2020. This is a claim made by American antifascists, as police have shown preference for fascist demonstrators. Some were seen letting those enter the Capitol on January 6th, while others took pictures with the criminals. On another occasion, some police officers thanked the vigilante white supremacist Kyle Rittenhouse in Antioch for shooting and killing two demonstrators at a rally against police brutality in the summer. From January 7th on, they started doxing fascists and far-right demonstrators who took place in the storming of the DC Capitol, getting them exposed (sometimes fired from their jobs) and cooperating with the FBI. On January 11th, they retweeted a message from United Against Racism and Fascism NYC (@UARFNYC)

that read "Today NYC had an anti-fascist victory – MAGA and the Proud Boys didn't show up *because* we mobilized!...", achieving one of the aims of the antifascism movement. Atlanta Antifascists have also identified members of the white nationalist militia, the Three Percenters who attacked anti-racist / anti-fascist unarmed demonstrators in Georgia in December 2020.

On January 14th, Atlanta Antifascists released a statement explaining the mobilizations of different far-right and fascist groups in Atlanta on January 16th–20th. In particular, they claimed, "...we recommend a strong presence to counter far-right activity... There are at least three factions involved on the 17th: "Booger", MAGA / Qanon, and law enforcement..." On January 20th, the day J. Biden took office as the 46th president, the Atlanta Antifascists tweeted, "Presidents have changed, the fight continues". Unlike the Proud Boys, Atlanta Antifascists have not ceased to post daily, reporting on activities of American fascists, far-right politicians who believe in conspiracy theories of QAnon and actions by European antifascists, among other things.

A considerable point to take into account about this ideological war between American fascists and antifascists is that the former are more actively engaged in militia activities for their vision on the right to possess weapons. There are antifascist militias like the NFAC (Not F*cking Around Coalition) made up of only black members with the aim of protecting black Americans from armed white supremacist violence, and the Redneck Revolt, which is anti-white supremacy and anti-capitalist and is made up of predominantly (but not exclusively) working class whites. It is the fascist militias that are usually and disproportionately involved in violence on the streets and murder of antifascist protestors⁶.

Conclusion

The ideologies of fascism and antifascism do coexist but in violence, as every time their sympathizers meet at the same place, there are confrontations. During D. Trump's presidency, the Proud Boys, of fascist ideology, felt empowered during the four years after their creation, and of that American administration that was perceived as the enabler of the ethnonationalist, anti-immigrant, anti-LGBTQ+, and anti-Islam ideology. The antifascist movement, on the contrary, had a complicated time during these very four years as they were perceived as the terrorist enemy by D. Trump's administration, evidencing that in the American regime these two ideologies could not be tolerated at the same time. For the new administration of J. Biden, it is the fascist ideology of the Proud Boys that is not tolerable. In his inaugural speech, J. Biden denounced their ideology saying that they should be considered domestic terrorism. From their Telegram channel, we can conclude

⁶ Kishi R., Stall H., Jones S. Potential trajectories. *The future of 'Stop the Steal': Post-election trajectories for right-wing mobilization in the US*. ACLED, 2020, 15–19.

that the Proud Boys are going through a reorganization as D. Trump, their cult figure, is no longer in charge; neither does he seem interested in leading an ideological movement they would expect him to. It is likely that fascist groups and militias will go back to less public channels unless another high-ranking politician takes power again.

Antifascists will continue to operate online during J. Biden's administration, exposing and doxing fascist politicians, ideologues and activists. They cannot be expected to go back to the streets en masse unless there are situations pushing them outside, for example, if police brutality, institutional racism and misogyny come back to being part of the presidential discourse. This is not likely though, as the J. Biden administration follows the same ideological consistency of this progressive antifascist movement that got him the presidency in a probable attempt to achieve social stability and political legitimacy. This validates the instrumental ideological consistency proposed by J. Barceló as it is the masses that dictate the ideology they want the US government to follow.

Two or more different or opposing ideologies can coexist in the same society at the same time, but their social acceptance will depend on the political discourse and the ideological consistency of the elites. Since the Cold War, American elites have formed the Truth that socialism and any left-wing movement is dangerous for American sovereignty by creating an ideological consistency that values individualism to empower consumption benefitting these very same elites. In the American political system, the elites use the State to benefit and protect their interests, being then a state monopoly capitalist system of the bourgeoisie. This has allowed the emergence of the ideology of European ethnonationalist supremacy that sees the non-European as foreign and the international as an enemy. Any type of xenophobia and racial hatred is capable of creating the conditions for the emergence of fascism, so the D. Trump phenomenon should not be considered unexpected as this had been constructed over decades. This should serve as a case study for other States that allow oligarchs to gradually meddle into the political system and decision making.

References

1. Denchev K. Far-right wave in Europe: 1990s and the beginning of the 21st century. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2008, (5): 68–83. (In Russ.)
2. Valiakhmetov A. I. Media as a factor of spreading the ideologies of extremism and terrorism. *Tinchurin readings: Proc. XIV Intern. Youth Sci. Conf., Kazan, 23–26 Apr Kazan, 2019*, vol. 3, 340–343. (In Russ.)
3. Nyst M. Social media and counterterrorism. *Counterterrorism. Yearbook-2019*, eds. Kifr I., Grice G. Barton: ASPI, 2019, 115–123.
4. Pantucci R., Ong K. Persistence of right-wing extremism and terrorism in the West. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2021, 13(1): 118–126.
5. Cohen-Almagor R. Taking North American white supremacist groups seriously: the scope and challenge of hate speech on the Internet. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 2018, 7(2): 38–57. DOI: 10.5204/ijcjsd.v7i2.517
6. Darius P., Stephany F. How the Far-right polarises Twitter: 'highjacking' hashtags in times of COVID-19. *SocArXiv*, 2020. DOI: 10.31235/osf.io/n6f3r
7. Akerlund M. The importance of influential users in (re)producing Swedish far-right discourse on Twitter. *European Journal of Communication*, 2020, 35(6): 613–628. DOI: 10.1177/0267323120940909
8. Rivas-de-Roca R., Garcia-Gordillo M., Bezunartea-Valencia O. The far-right's influence on Twitter during the 2018 Andalusian elections: an approach through political leaders. *Communication & Society*, 2020, 33(2): 227–242. DOI: 10.15581/003.33.2.227-242
9. Gonzalez Cedillo J. I. From ideology to hate speech and the problem of Euro-American white supremacist extremism. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2020, 14(4): 5–13. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-5-13
10. Barcelo J. Ideological consistency, political information and elite-mass congruence. *Social Science Quarterly*, 2017, 98(1): 144–161. DOI: 10.1111/ssqu.12282
11. Kunakova L. N. Information warfare as an object of scientific analysis (concept and main characteristics). *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2012, (6): 93–96. (In Russ.)
12. Abdyraeva C. *The use of cyberspace in the context of hybrid warfare: means, challenges and trends*. Wien: Österreichisches Institut für Internationale Politik, 2020, 36.
13. Yaroshenko M. P. Using the ideology of extremism as a tool in conducting a hybrid war. *Obzor.NTsPTI*, 2018, (4): 52–58. (In Russ.)
14. Nilsson A., Jost J. T. Rediscovering Tomkins' polarity theory: humanism, normativism, and the psychological basis of left-right ideological conflict in the U.S. and Sweden. *PLoS ONE*, 2020, 15(7). DOI: 10.1371/journal.pone.0236627
15. Derevyanko O. G. Characteristic of fascism as political and legal doctrine. *Vestnik Mezhdunarodnogo iuridicheskogo instituta*, 2016, (2): 42–59. (In Russ.)

16. Koshkarova Ju. A. Fascism as a kind of right wing radicalism. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, 2015, (6): 78–80. (In Russ.)
17. Khlystova N. A. Historic clash of ideologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2011, (1): 110–116. (In Russ.)
18. Copsy N., Merrill S. Violence and restraint within Antifa: a view from the United States. *Perspectives on Terrorism*, 2020, 14(6): 122–138.
19. Gomez Walteros J. A., Rodriguez A. B., Banda Mora A. P. El extremismo conservador y la nueva fase globalizada de acumulación de capital. *Clivajes. Revista de Ciencias Sociales*, 2019, (11): 23–40. DOI: 10.25009/clivajes-racs.v0i11.2559
20. Fonte J. Liberal Democracy vs. Transnational Progressivism: The Ideological War Within the West. *Orbis*, 2002, 46(3): 449–467. DOI: 10.1016/S0030-4387(02)00126-6

оригинальная статья

УДК 323.14

Идеологическая последовательность и идеологическая война: американский фашизм против антифашизма, январь 2021 г.

Хоел Иван Гонсалес Седилло

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

ivangzz.ced@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-8040-749X>

Поступила в редакцию 04.02.2021. Принята в печать 05.03.2021.

Аннотация: Анализируются идеологическая война между американскими фашистами и антифашистами и связь существования идеологической последовательности масс с возникновением конфликта такого типа. Отражение и обсуждение штурма Капитолия США фашистами в январе 2021 года, а также деятельность этих групп и антифашистов в социальных сетях служат предметом анализа этой идеологической войны. Цель – представить литературу и дать анализ того, каким образом государства могут поддерживать экстремистские идеологии на основе собственной идеологической последовательности. Методом, используемым для разоблачения идеологической войны, избран контент-анализ социальных сетей, в которых «Гордые парни» (Proud Boys) и антифашисты из Атланты сообщают о своей деятельности в реальном мире. Результаты показывают, что две конкурирующие идеологии не могут мирно сосуществовать на одной и той же территории и в одно время. Государство и элиты выражают согласие на прекращение конфронтации. Данная работа может быть полезна для ученых, политиков и студентов, работающих над проблемой фашистских и экстремистских идеологий и разработки путей борьбы с ними с обращением к инструментам их реализации.

Ключевые слова: американский фашизм, антифашизм, белый супремасизм, идеология, экстремизм

Цитирование: Gonzalez Cedillo J. I. Ideological Consistency and Ideological War: American Fascism vs Antifascism – January 2021 // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 10–18. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-10-18>

Литература

1. Денчев К. «Ультраправая волна» в Европе: 90-е годы XX – начало XXI века // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 68–83.
2. Валиахметов А. И. СМИ как фактор распространения идеологий экстремизма и терроризма // Тинчуринские чтения: мат-лы XIV Междунар. молодежной науч. конф. (Казань, 23–26 апреля, 2019) Казань, 2019. Т. 3. С. 340–343.
3. Nyst M. Social media and counterterrorism // Counterterrorism. Yearbook-2019 / eds. I. Kifir, G. Grice. Barton: ASPI, 2019. P. 115–123.
4. Pantucci R., Ong K. Persistence of right-wing extremism and terrorism in the West // Counter Terrorist Trends and Analyses. 2021. Vol. 13. Iss. 1. P. 118–126.

5. Cohen-Almagor R. Taking North American white supremacist groups seriously: the scope and challenge of hate speech on the Internet // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2018. Vol. 7. Iss. 2. P. 38–57. DOI: 10.5204/ijcjsd.v7i2.517
6. Darius P., Stephany F. How the far-right polarises Twitter: 'highjacking' hashtags in times of COVID-19 // *SocArXiv*. 2020. DOI: 10.31235/osf.io/n6f3r
7. Akerlund M. The importance of influential users in (re)producing Swedish far-right discourse on Twitter // *European Journal of Communication*. 2020. Vol. 35. Iss. 6. P. 613–628. DOI: 10.1177/0267323120940909
8. Rivas-de-Roca R., Garcia-Gordillo M., Bezunarte-Valencia O. The far-right's influence on Twitter during the 2018 Andalusian elections: an approach through political leaders // *Communication & Society*. 2020. Vol. 33. No. 2. P. 227–242. DOI: 10.15581/003.33.2.227-242
9. Gonzalez Cedillo J. I. From ideology to hate speech and the problem of Euro-American white supremacist extremism // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020. Т. 14. № 4. С. 5–13. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-5-13
10. Barcelo J. Ideological consistency, political information and elite-mass congruence // *Social Science Quarterly*. 2017. Vol. 98. Iss. 1. P. 144–161. DOI: 10.1111/ssqu.12282
11. Кунакова Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // *Альманах современной науки и образования*. 2012. № 6. С. 93–96.
12. Abdyraeva S. The use of cyberspace in the context of hybrid warfare: means, challenges and trends. Wien: Österreichisches Institut für Internationale Politik, 2020. 36 p.
13. Ярошенко М. П. Использование идеологии экстремизма как инструмента в ведении гибридной войны // *Обзор. НЦПТИ*. 2018. № 4. С. 52–58.
14. Nilsson A., Jost J. T. Rediscovering Tomkins' polarity theory: humanism, normativism, and the psychological basis of left-right ideological conflict in the U.S. and Sweden // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15. No. 7. DOI: 10.1371/journal.pone.0236627
15. Деревянко О. Г. Характеристика фашизма как политико-правового учения // *Вестник Международного юридического института*. 2016. № 2. С. 42–59.
16. Кошкарова Ю. А. Фашизм как разновидность правого радикализма // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. 2015. № 6. С. 78–80.
17. Хлыстова Н. А. Историческое столкновение идеологий // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2011. № 1. С. 110–116.
18. Copsy N., Merrill S. Violence and restraint within Antifa: a view from the United States // *Perspectives on Terrorism*. 2020. Vol. 14. № 6. P. 122–138.
19. Gomez Walteros J. A., Rodriguez A. B., Banda Mora A. P. El extremismo conservador y la nueva fase globalizada de acumulación de capital // *Clivajes. Revista de Ciencias Sociales*. 2019. Num. 11. P. 23–40. DOI: 10.25009/clivajes-rs.v0i11.2559
20. Fonte J. Liberal Democracy vs. Transnational Progressivism: The Ideological War Within the West // *Orbis*. 2002. Vol. 46. Iss 3. P. 449–467. DOI: 10.1016/S0030-4387(02)00126-6

оригинальная статья

УДК 323.1

Региональные политико-институциональные и этнополитические процессы на примере Республики Тыва

Сергей Николаевич Чирун

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Sergii-Tsch@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Сайдаш Сайын-оолович Сади

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия, г. Кызыл

Поступила в редакцию 14.01.2021. Принята в печать 16.02.2021.

Аннотация: Статья посвящена проблематике политико-институциональных и этнополитических процессов. Предмет – латентные низко формализованные структуры, оказывающие заметное влияние на характеристики регионального политического режима и политические процессы в российских регионах. Цель – анализ влияния латентных структур власти и управления на характеристики регионального политического режима на примере республики Тыва. В качестве общеметодологического принципа использован полипарадигмальный подход, при этом отмечается явное предпочтение авторами неоинституциональной и постструктуралистской методологии. Применялись количественные и качественные методы политического анализа данных 5 исследовательских проектов, проведенных на основе анкетных опросов сотрудниками отделения прикладной социологии и политологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва за период с 2016 года по 2020 год; результатов 23 глубинных экспертных опросов, материалов 16 фокус-групп, полученных по всем районам республики при участии и под руководством одного из авторов статьи. Формальные институты в этно-национальных регионах России оказались неконгруэнтны модернизационным процессам и активно замещаются сетевыми отношениями в модели сетей клиентелы и парантеллы, где институциональные отношения являются всего лишь побочным продуктом распределения ренты среди доминирующих региональных групп интересов. Авторы считают, что значимой позитивной характеристикой республики Тыва под управлением Ш. В. Кара-оола стала относительная стабилизация внутренних этнополитических процессов. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации региональной политики, особенно в регионах с выраженной этно-национальной спецификой.

Ключевые слова: политическая регионалистика, парантелла, клиентела, этнополитология, политический процесс, политические технологии, политическая культура, неопатримониализм, политическая география

Цитирование: Чирун С. Н., Сади С. С. Региональные политико-институциональные и этнополитические процессы на примере республики Тыва // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-19-27>

Введение

Актуальная практика регионального строительства показала, что в отечественной региональной политике неизбежно будет присутствовать определенный этнический аспект. Поэтому в российском полиэтническом многоконфессиональном социуме в условиях его продолжающейся трансформации растет потребность в обеспечении качественного научного управления этнополитическими процессами. Это необходимо для формирования эффективной национальной политики с учетом особенностей и специфики общества постмодерна, когда процессы разработки и осуществления такой политики смещаются в регионы. Это определяет потребность в анализе ресурсов и инновационных возможностей регулирования этнополитических процессов в российских регионах.

Современный этнополитический процесс глубоко структурирован, что позволяет успешно исследовать его структурные элементы, а также множественные циклические

алгоритмы. Поэтому при анализе политических процессов в республике Тыва и их значения для политической системы современной России следует указывать специфические аспекты российской региональной политики и в их свете определять и исследовать специфику этнополитических процессов. Например, в Тыве и даже в ее административном центре – Кызыле официальные мероприятия, как указывает исследователь Ч. К. Ламажаа, часто начинаются с опозданием, которое может достигать часа и более. Данная модель тайм-менеджмента обычно преподносится в качестве одного из проявлений национальной тувинской экзотики [1].

Политическая транзитология обращает внимание на проблему закономерности и последовательности цивилизационных переходов. Исследователей интересует вопрос о неизбежности и сроках демократических преобразований. В большинстве стран постсоветского пространства

произошло то, что политологи рассматривают как следствие незавершенного транзита (т. н. гибридный политический режим), как неопатримониальную разновидность автократии – политического режима, который ограничивает возможности публичной политики и политического участия, искусственно формирует симулякры институтов демократии и гражданского общества, но при этом допускает возможность реальной внутризэлитарной конкуренции «башен кремля». Здесь не работают правила открытой политической конкуренции, но действуют теневые технологии борьбы кланов и клиентел.

Возможно, поэтому многие политологи считают, что подлинная стабильность в России не была достигнута, поскольку политический процесс в стране был искусственно заморожен [2]. Поэтому даже в тучные первые 10 лет XXI в. в России присутствовал лишь симулякр стабильности, но подлинной стабильности не было. Особенно отчетливо это проявлялось на региональном уровне в национальных республиках в составе РФ.

Контемпоральная Россия агрегировала в себе огромное количество традиций, политико-культурных, конфессиональных, этно-национальных и региональных особенностей, способных проявлять себя при любом политическом режиме. В этом случае «различия заключаются только в тональности политического диапазона» [3, с. 146]. С точки зрения подобных идеальных типов политической культуры характеристика «приходского» типа для Тывы применима, но для современного типа развития региона она представляется весьма условной. Сейчас речь, скорее, может идти о смешанном варианте с доминированием элементов «приходской» (патриархальной) культуры.

Методы и материалы

Несмотря на то, что в XXI в. произошло значительное перераспределение политико-экономических и правовых ресурсов в пользу федерального центра, стабильность российских регионов имеет огромное значение для стабилизации политической ситуации в стране. Именно от политической ситуации в регионах в значительной степени зависят перспективы социально-экономических преобразований, а также возможности долговременной стабилизации всей системы этнополитических отношений [4].

В отечественных исследованиях преобладает традиционный примордиалистский подход, который подчеркивает органическую связь между этносом и ландшафтом. В центре внимания данной методологии оказывается идентичность этнических структур, формируемых на основе структур биологических, социокультурных и географических (геополитических).

Общепризнанным фактом является влияние географических условий Тывы на особенности регионального этнополитического менталитета, особенности этнонациональной элиты. Более 80 % географической карты Тывы представлено горной местностью, рельеф которой

весьма сложен. В климате присутствует резкий межсезонный контраст: зима очень холодная, а лето, напротив, очень жаркое. С тематикой национального характера переключаются современные исследования этнической идентичности тувинцев. Своеобразный национальный колорит общественно-политических процессов рассматривается в монографии Н. П. Москаленко [5], интересны монографии Ч. К. Ламажаа [1; 6]. В этих работах структурированы данные о политической элите Тывы, представлено компаративное исследование лидеров региона (М. Буян-Бадыргы, С. К. Тока, Г. Ч. Ширшина, Ш. Д. Ооржака).

Генезис актуальных региональных проблем (системной коррупции, клановости и других проявлений неопатримониализма во власти) Ч. К. Ламажаа пытается проследить в исторических традициях населения Тывы, в геополитических условиях региона. Исследователь ищет ответ в биографиях (советском наследии) представителей региональной политической элиты [6].

По мнению В. Я. Гельмана, причину господства неопатримониальных политических практик в российских регионах было бы некорректно полностью связывать с традициями советского или досоветского прошлого [7, с. 36]. Как считает исследователь, неопатримониализм со всеми его негативными атрибутами в виде региональных кланов и клиентелы был целенаправленно сконструирован уже в постсоветской России в интересах новых российских элит с целью закрепления их привилегированного статуса и предоставления им доступа к бесконтрольному извлечению ренты. Сложившаяся ситуация, по мнению В. Я. Гельмана, блокирует возможность реформирования системы, формируя «порочный круг» социально неэффективных изменений, обслуживающих привилегированные элитарные группы в ущерб интересам общества и государства. Российский неопатримониализм представляет собой режимный гибрид, в котором политические традиции и идеальные типы, присущие классическому патримониализму, сосуществуют с контемпоральными политическими институтами [8, с. 93].

Воздействие региональных СМИ на мотивацию электорального поведения рассматривает А. М. Очур [9]. В своем конструктивистском политическом анализе автор исследует технологии работы с общественным мнением в целях конструирования и коррекции политического имиджа. Конструктивистская методология акцентирует внимание на проблематике политической идентичности и парадоксальности ее природы [10]. В рамках данной методологии этносы и нации рассматриваются в качестве искусственных или воображаемых конструкций.

Конструктивистами исследуется роль личности и технологий в процессе формирования и развития этносов. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в Тыве в 90-е гг. XX в. рассматриваются в работе Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан [11], политическая дифференциация республики представлена в работе З. Ю. Доржу [12],

которая стояла у истоков создания регионального отделения партии Единая Россия в Тыве. Конструктивизм проявляется и в употреблении таких понятий, как *этноция*, *этничность*, *этническая группа*. Этнией называют социальную общность, характеризующую квазиобщим генезисом, закрепленным в мифологизированном коллективном сознании, где «политическая культура становится реципиентом новейших вариантов религиозных и секулярных воззрений» [13, с. 124].

Для конкретизации этнополитических процессов следует обозначить их отличия от этносоциальных процессов. Если последние характеризуют социальную стратификацию этнических общностей, то этнополитические процессы касаются, прежде всего, распределения ресурсов, связанных с принадлежностью к региональной политической элите.

Многообразие политических и административных элит позволяет в какой-то мере справиться с «железным законом олигархии» с использованием инструментов взаимной ответственности элитарных групп друг перед другом, однако проблемой для российских регионов является, по убеждению Э. А. Паина и С. Ю. Федюнина, «сам элитизм в двух его разновидностях – патерналистской и снобистской» [14, с. 33].

Нами проводились исследования в рамках проекта Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ). Всего было опрошено 1166 человек в городах Кызыл и Ак-Довурак и 17 районах республики (Овюрский, Дзун-Хемчикский, Пий-Хемский, Тере-Хольский, Тандинский, Тоджинский, Сут-Хольский, Улуг-Хемский, Каа-Хемский, Тес-Хемский, Эрзинский, Чаа-Хольский, Бай-Тайгинский, Чеди-Хольский, Барун-Хемчикский, Ак-Довурак, Монгун-Тайгинский). 86 % опрошенных – тувинцы, 12 % – русские, 2 % – представители других национальностей; 40 % – мужчины, 60 % – женщины; 25 % – в возрасте от 18 до 30 лет, 30 % – от 31 до 40 лет, 28 % – от 41 до 55 лет, 17 % – 56 лет и старше; 40 % – с неоконченным высшим / высшим образованием, 38 % – со средним специальным образованием, 20 % – со средним полным образованием, 2 % – с начальным / неполным образованием; 59 % – работающие, 16 % – пенсионеры, 12 % – безработные, 4 % – учащиеся, 4 % – домохозяйки.

Полученные данные позволяют утверждать, что традиционное отношение к органам государственной власти в Тыве всегда приобретало личностно ориентированный характер. Взаимоотношения руководителя и республиканских чиновников основываются не столько на служебном долге и профессиональных компетенциях, сколько на личной преданности клиента своему патрону. Властвующий рассматривает управление в первую очередь как возможность для реализации интересов и возможностей своего клана, ориентируясь на групповые стремления и потребности конститuentов. Но в данной модели управления часто отсутствует рациональная иерархия

и соответствие статуса уровню компетенции и пр. В отношениях с населением клиента и чиновники действуют столь же произвольно, как и сам правитель, лишь бы это не противоречило традициям и указаниям свыше.

Результаты

Исследование этнополитических процессов основывается на анализе институционализации системы властных отношений в региональных полициях, где итогом политической институционализации может быть формирование как иерархизированной бюрократической системы, так и многообразных гибких постмодернистских сетей взаимодействия. Сетевые структуры могут являться фактором обеспечения устойчивости для жестких иерархических структур. Это достигается, в частности, через механизмы интеграции неформальных институциональных практик в формальные, в том числе в иерархические, структуры.

Неформальные институциональные практики, по мнению политологов, весьма функциональны в процессах институционального строительства, а некоторые исследователи считают, что они даже занимают доминирующее положение в российской политике и значительно преобладают над формальными. В. Я. Гельман отмечает, что формальные институты в российской региональной политике представляют собой побочный продукт распределения ресурсов среди властвующей элиты. Эти институты способны выполнять свои публичные функции лишь в той мере, в какой способствуют (или как минимум не препятствуют) извлечению ренты [7, с. 38]. Поэтому динамика процессов этнополитической институционализации может принимать не только стабилизирующий, но и дестабилизирующий характер.

Рассматривая неформальные институты как институциональную проблему, С. В. Патрушев пишет о возникновении институциональной ловушки, т. е. формировании устойчивых неэффективных институтов в результате формального регулирования [15, с. 130]. Он отмечает, что правовые установки оставляют множество возможностей для их интерпретации, в силу чего (за счет распространения неформальных институциональных практик) институт сохраняет возможность своей реформализации. Так что даже совершенствование правового регулирования может привести к институциональной блокировке норм, распространению нелегальных практик и укреплению структур клиента [16, с. 290].

По мнению Р. Ф. Туровского и Ю. О. Гайворонского, в современной Тыве наблюдается приходской тип политической культуры, тогда как ее активистский тип присутствует в столице [17]. Современные исследования политико-культурной дифференциации демонстрируют различия в развитии депрессивных и инновационных российских регионов в «объеме жизненных шансов населения российской провинции и столичных городов» [18, с. 25].

Попытка обращения к традиционным институтам и практикам народов Евразии с целью поиска эффективных

этнополитических инструментов в условиях системной деструкции в отечественной управленческой практике в целом себя не оправдала. Наглядным примером неоднозначных оценок этнополитической институализации являются оценки места и роли федерализма в современной России [19, с. 205]. Здесь в первую очередь обращает на себя внимание чудовищный разрыв в социально-экономическом положении населения, проживающего в различных регионах РФ. Кроме того, сами российские регионы заметно различаются по своему статусу и престижности. Например, статус республики выше, чем у других субъектов, что влечет и социально-политические, и экономические последствия. С позиций прикладного политического анализа и прогнозирования политические системы, установившиеся в различных российских регионах, значительно отличаются по технологиям политической власти, стабильности региональных политических режимов и основным показателям динамики этнополитических процессов [20].

Неотъемлемой особенностью региональных политических процессов в России выступает этническая характеристика населения. Именно она во многом определяет своеобразие регионального этнополитического процесса, обусловленное политическим участием этнически детерминированных групп интересов.

Как показывают результаты исследований ТИГПИ, внутриродовые связи существенно влияют на самоидентификацию более половины тувинцев (76,5 %). Тувинцы, как правило, не мыслят своего существования вне кланово-родовой структуры. Она представляет своего рода большую семью, являющуюся одним из элементов весьма сложной политической идентичности [21]. До сих пор в Тыве действует традиция, связанная с идентификацией населения по родственной, родоплеменной или клановой принадлежности.

Формирование современных региональных политических режимов предполагает неперенным условием позитивную динамику развития гражданского общества и развитие местного самоуправления [22]. Но данный процесс в большинстве российских регионов приобрел искаженные формы и подчеркнута имитационный характер. Во многом это связано с той ролью, которую в этнополитических регионах играют кланово-корпоративные группировки, определяющие специфику взаимоотношения региональных элит. Например, родственники для тувинцев – это основа их самоидентификации.

Это и особая сетевая структура. Тувинцы гордятся достижениями своих родственников как подтверждением силы своего рода. Патрон-клиентские отношения характеризуются довольно сложной и противоречивой природой. В указанном феномене «уживаются одновременно личная зависимость и взаимная солидарность, персональные обязательства, принуждения и эксплуатация, неофициальность (закрытость) отношений и асимметрия ресурсов» [23, с. 255]. Обладая сетевой природой, корпоративно-клановые структуры имеют различную

иерархическую конфигурацию, внутри них происходит интенсивный внутренний ресурсный и информационный обмен, в следствие чего неформальные роли не всегда соответствуют формальному статусу сетевых игроков.

С этими особенностями во многом связаны деструктивно-ассимиляционные процессы активного формирования во власти кланово-патриархальных корпораций, основанных на институализации отношений клиентелы и парантеллы, что наглядно представлено в общественно-политической жизни ряда российских территорий и особенно национальных регионов [24]. Клановые отношения предполагают наличие развитой системы многоуровневых взаимодействий по вертикали и горизонтали, что позволяет выстраивать универсальную модель «взаимоотношений между федеральным центром и регионами» [25, с. 175].

Кланы являются весьма распространенным явлением в современной Тыве. Основным направлением их деятельности является обогащение и защита своих членов, самовоспроизводство социального статуса, расширение географии влияния на общество и государство. Именно клановая организация регионального социума обеспечивает в условиях Тывы реализацию социального функционала процессов идентификации, инкультурации, социализации и адаптации [26]. Поэтому даже сама реализация базовых витальных потребностей зачастую делает региональную элиту в условиях доминирования институциональных практик преמודерна / археомодерна замкнутой и обособленной [27].

В марте 1992 г. на выборах президента Республики Тыва при явке в 74,6 % победу одержал Ш. Д. Ооржак с 83,2 % голосов. Его приход к власти сопровождался подъемом общественных настроений в условиях освобождения от пут идеологической цензуры, воодушевления от демократических идей. Ш. Д. Ооржак в этот исторический момент сделал ставку на идеи тувинского национального возрождения, демонстрируя свою приверженность традициям, в том числе религиозным. Клановая корпорация Ш. Д. Ооржака выстраивалась не сразу, и ее создание тесно связано с особенностями его кадровой политики.

В начале президентской работы в кадровом подборе Ш. Д. Ооржак пытался ориентироваться на два критерия: профессионализм персонала и представительство территорий республиканской политической элите. Затем ситуация кардинально изменилась. Неизменной осталась лишь опора на клиентелу и клановые связи. Родственники первого президента Тывы получили высокие посты и государственные награды, члены семьи заняли ведущие посты в управлении различными отраслями экономики. Главными бенефициарами клана являлись президент Ш. Д. Ооржак и его супруга С. М. Ооржак. Клан контролировал организацию строительного бизнеса и систему госзаказа, оборот алкоголя и лекарственных средств, работу избирательных комиссий и региональных силовых структур.

Следует сказать, что поддержка неформального института клиентелы, раздача им ключевых постов не вызывали

отторжения у тувинцев, что свидетельствует о фрагментации административного общества и об определенном правовом нигилизме. Такая ситуация неизбежно приводит к патрон-клиентурным отношениям, складыванию парантел, упованию на традиционные политические ценности и персонифицированную власть лидера [28]. Это подтверждает гипотезу о фрагментации административного общества и преобладании партикулярных установок над солидаристскими, сопровождающимися правовым нигилизмом.

Как показывают результаты фокус-групп, проведенных сотрудниками отделения прикладной социологии и политологии ТИГПИ под руководством С. С. Сади, в ситуации социально-экономической нестабильности и отсутствия социальных гарантий государства родственный протекционизм в Тыве – достаточно распространенная практика, которая практически не встречает отторжения у большей части местного населения. При этом чувство групповой идентичности здесь сочетается с представлениями о том потенциальном пространстве возможности, которую дает принадлежность к определенной кланово-родовой неформальной структуре.

Данные исследования показывают, что в процессе конструирования управленческой вертикали в Тыве очень важно соблюдение баланса интересов различных парантел, кланов, родов и кожуунов, поскольку возвышение того или иного представителя неформальной структуры неизбежно будет означать усиление позиций членов всей неформальной структуры. Например, М. Буян-Бадыргы артикулировал интересы Даа-хошун т.е. западных тувинцев (химиков), С. К. Тока преимущественно представлял интересы восточно-тувинских кланов (троеженцев), Г. Ч. Ширшин был опорой для южных тувинцев (арчинцев).

Соответственно, во внутривластных процессах Тывы, взаимосвязанных с вопросами идентичности, очевидно постоянное колебание и перемещение политического центра Тывы между югом (Юннатский хошун, Амба-Нойоны) и западом (Даа-хошун, Хасиды, Буян-Бадыргы), Барун-Хемчикский кожуун). В результате региональный аппарат управления в рамках вертикали власти фактически разделен на соперничающие за доступ к ренте организованные структуры и неформальные клики [29], тогда как основная функция формальных региональных политических институтов в этой системе сводится преимущественно к созданию респектабельных симулякров для маскировки реального облика неопатримониализма [30].

Баланс отношений неформальных кланово-родовых структур в Тыве всегда был нестабилен. При Ш. Д. Ооржаке он был критически дестабилизированным. Исправить ситуацию удалось следующему республиканскому лидеру – Ш. В. Кара-оолу, который пользуется значительной поддержкой населения республики. К главным достижениям Ш. В. Кара-оола население причислило открытие велодорожки в Кызыле, реализацию проектов «Кыштаг для молодой семьи» и «Корова-кормилица».

Абсолютное большинство опрошенных считает, что глава Тывы пользуется высокой поддержкой со стороны федерального центра и С. К. Шойгу. Согласно данным анкетного опроса и фокус-групп, проведенных ТИГПИ при участии авторов статьи, жители столицы Тывы вне зависимости от признаков социальной дифференциации относят С. К. Шойгу к известным и уважаемым людям: он является не только самым известным и уважаемым человеком республики, но и символом и гордостью Тывы. Респонденты отмечают умение Ш. В. Кара-оола выстраивать эффективную коммуникацию в высших эшелонах власти, его компетентность и профессионализм. Большинство отметили ораторское мастерство главы республики, богатство его тувинской и русской речи: *Шолбан Кара-оол в молодом возрасте возглавил республику. Не каждому человеку дано управлять республикой. Думаю, что его «Бог в голову поцеловал», образно говоря. Уверен, что любая мать мечтает о таком сыне. Это счастье быть главой целой нации. Я восхищаюсь его богатой и развитой речью: что на тувинском, что на русском языке он говорит идеально. У нас в республике таких лидеров больше нет* (фокус-группа Бай-Тайгинского района). Высоко оценивают работу Ш. В. Кара-оола жители Эрзинского и Улуг-Хемского районов.

Из недостатков практически всеми респондентами были отмечены высокие цены на уголь, безуспешная борьба с алкоголизмом, а также низкая заработная плата учителей, воспитателей и врачей по всей республике. По мнению респондентов, низкие заработные платы провоцируют большой отток квалифицированных специалистов за пределы республики. Значительная часть опрошенной молодежи Кызыла и Пий-Хемского района выразили желание уехать на заработки в другие регионы России в ближайшее время: *Застой. Развития нет. Например, раньше уезжали в г. Кызыл, потому что в селах нет работы. Приехав в город, люди все равно не могут устроиться на работу, нет мест в детских садах, плата за аренду высокая. Сейчас люди уезжают за Саяны* (фокус-группа Барун-Хемчикского района).

Проблема семейственности во власти и кумовства, коррумпированности чиновников правительства республики Тыва волнует жителей практически всех опрошенных районов.

Наибольшую тревогу жителей республики вызывают проблемы трудоустройства, алкоголизма и преступности: *В селах нет работы. Не хватает садилов, школ. А детей кормить, растить надо. Чтобы заработать деньги на содержание своей семьи, люди выходят на поля производить гаишии. Нет другой работы, чтоб нормально заработать деньги. Очень много жителей так и живут* (фокус-группа Барун-Хемчикского района).

Крайне остро, по мнению респондентов, в республике представлены проблемы безработицы: *Надо дать людям шанс устроиться на работу. Я знаю одну девушку. Она раньше ходила по улицам и занималась проституцией. Теперь*

она устроилась в школу техничкой. Вот, большие она не появляется с этими алкоголиками, перестала курить гашиш (фокус-группа Бай-Тайгинского района).

В тех районах, где население высоко оценило деятельность председателей местной администрации, как правило, складывается хорошее отношение и к деятельности главы Тывы. В то же время негативное отношение респондентов к Ш. В. Кара-оолу наблюдается в районах, где руководители органов местного самоуправления не справляются со своими обязанностями и не решают местные проблемы.

Заключение

По нашему мнению, для анализа неформальных структур, действующих в Тыве уместно использовать концепцию парантеллы. Изначально эта категория получила распространение в юриспруденции, где обозначала группу родственников, имеющих общих предков. В современной политологии данным понятием чаще всего обозначают управленческую сетевую структуру, в основе которой

лежит родственный признак формирования. Существование парантеллы тесно связано с nepoтизмом, под которым понимается использование должностных ресурсов для систематического предоставления привилегий на основании родственных отношений, доминантных по отношению к служебным отношениям, а зачастую им предшествующих. В целом доминантное положение парантеллы в политической системе региона можно считать симптомом археомодернизации неформальной структуры государственного управления, свидетельствующим о ремиссии к основам организации политической жизни, присущим еще доиндустриальным обществам. Таким образом, одна из важных особенностей политической системы Тывы заключается в том, что уровень ее стабильности в значительной мере характеризуется показателями устойчивости динамики основных этносоциальных и этнополитических маркеров, а последние отражают специфику и основные характеристики региональных политических процессов.

Литература

1. Ламажаа Ч. К. Тува между прошлым и будущим. М.: Восход-А, 2008. 497 с.
2. Sharafutdinova G., Turovsky R. F. The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities // *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33. No 2. P. 161–175. DOI: 10.1080/1060586X.2016.1163826
3. Сабирова Н. С. Модель политической культуры современной России // *Власть*. 2020. Т. 28. № 6. С. 146–150. DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7741
4. Туровский Р. Ф., Джаватова К. Ю. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // *Политическая наука*. 2019. № 2. С. 48–73. DOI: 10.31249/poln/2019.02.03
5. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004. 221 с.
6. Ламажаа Ч. К. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетейя, 2010. 206 с.
7. Гельман В. Я. «Порочный круг» постсоветского неопатримониализма // *Общественные науки и современность*. 2015. № 6. С. 34–44.
8. Чирун С. Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам III Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 26–27 октября 2018 г.) Екатеринбург, 2019. С. 91–110. DOI: 10.17506/articles.anticorruption.2018.91110
9. Очур А. М. Воздействие региональных средств массовой информации на мотивацию электорального поведения: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 145 с.
10. Антух Г. Г., Гукова А. В., Петренко А. Н. Парадокс эго-идентичности: от человека до нации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 55. С. 47–58. DOI: 10.17223/1998863X/55/6
11. Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З. И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1995. 137 с.
12. Доржу З. Ю. Общественные организации и политические партии современной Тувы // *Этносоциальные процессы в Сибири*. 2001. Вып. 4. С. 235–238.
13. Сардарян Г. Т., Алексеева Т. А. Секуляризация и религиозность в оптике конструктивизма // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 124–138. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.09
14. Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 1. С. 33–48. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.04
15. Патрушев С. В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 6. С. 120–133.
16. Патрушев С. В. Кликократия как институциональная проблема российской модернизации // *Власть и политика: институциональные вызовы XXI века* / отв. ред. А. И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2012. С. 279–298.
17. Turovsky R. F., Gaivoronsky Yu. O. Russia's regions as winners and losers: political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers // *European Politics and Society*. 2017. Vol. 18. No. 4. P. 529–551.

18. Реутов Е. В., Захаров В. М., Полухин О. Н., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Неравенство жизненных шансов в российском обществе и фактор территории: взгляд из провинции // *Власть*. 2020. Т. 28. № 5. С. 25–33. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7563
19. Ross C., Turovsky R. F. Centralized but fragmented: the regional dimension of Russia's «party of power» // *Demokratizatsiya*. 2015. Vol. 23. No. 2. P. 205–223.
20. Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ // *Вестник РГНФ*. 2013. № 1. С. 73–82.
21. Гаман-Голутвина О. В., Сморгунюв А. В., Тимофеева Л. Н. Траектории политического развития России // *Власть*. 2020. Т. 28. № 4. С. 253–258. DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7472
22. Turovsky R. F. The systemic opposition in authoritarian regimes: a case study of Russia's regions // *The systemic and non-systemic opposition in the Russian Federation: national and regional dimensions* / ed. C.Ross. London : Ashgate, 2015. P. 121–137.
23. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 253–268. DOI: 10.17223/1998863X/44/24
24. Чирун С. Н., Николаев А. В., Боброва Е. А., Луцкы А. С., Шмит Э. О. Взаимодействие с органами региональной власти на примере Кемеровской области: проблемы и технологии // *Власть*. 2018. Т. 26. № 7. С. 33–38. DOI: 10.31171/vlast.v26i7.5927
25. Белоусов А. Б. Парадоксы вертикали власти: ретроспекция, воображение, травмы // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 173–180. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.13
26. Серегина Т. Н. Модели межкультурной коммуникации // *Власть*. 2020. Т. 28. № 1. С. 119–124. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7062
27. Кочетков А. П., Моисеев В. В. Российская политическая элита как субъект социально-экономической политики // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 244–256. DOI: 10.17223/1998863X/57/23
28. Селезнева А. В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 49. С. 177–192. DOI: 10.17223/1998863X/49/18
29. Мельников К. В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 2. С. 68–81. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.06
30. Палитай И. С., Данилова А. С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 54. С. 252–262. DOI: 10.17223/1998863X/54/23

original article

Regional Political, Institutional, and Ethnopolitical Processes in the Republic of Tyva

Sergey N. Chirun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Sergii-Tsch@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Saidash S. Sadi

Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Russia, Kyzyl

Received 14 Jan 2021. Accepted 16 Feb 2021.

Abstract: The article introduces the problems of political, institutional, and ethnopolitical processes using the case of the Republic of Tyva. The research featured latent and low-formalized structures that affect the regional political regime and political processes in Russian regions. The research objective was to analyze the influence of such latent structures of power and administration on the regional political regime in the Republic of Tyva. As a general methodological principle, the authors used the polyparadigmatic approach, as well as neo-institutional and poststructuralist methodology. The authors performed a quantitative and qualitative political analysis of five research projects based on questionnaires (2016–2020). The projects belonged to the Department of Applied Sociology and Political Science of the Tyva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research. The analysis also included 23 in-depth expert surveys from 16 focus groups

conducted in all areas of the republic. Formal institutions in ethno-national regions of Russia turned out to be incongruous to the modernization processes. They proved to have been replaced by clientele and parantella patterns, where institutional relations are just a by-product of money distribution among the dominant interest groups. However, the authors believe that Sh. V. Kara-ool managed to stabilize internal ethnopolitical processes in the Tyva Republic. The research results can help improve local policy in ethnic regions.

Keywords: political regionalism, parantella, clientele, ethnopolitology, political process, political technologies, political culture, neo-patrimonialism, political geography

Citation: Chirun S. N., Sadi S. S. Regional Political, Institutional, and Ethnopolitical Processes in the Republic of Tyva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1) 19–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-19-27>

References

1. Lamazhaa Ch. K. *Tuva between the past and the future*. Moscow: Voskhod-A, 2008, 497. (In Russ.)
2. Sharafutdinova G., Turovsky R. F. The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities. *Post-Soviet Affairs*, 2017, 33(2): 161–175. DOI: 10.1080/1060586X.2016.1163826
3. Sabirova N. S. Model of political culture of modern Russia. *Vlast*, 2020, 28(6): 146–150. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7741
4. Turovsky R. F., Dzhavatova K. Yu. Regional disparity in Russia: can centralization become a remedy? *Political science (RU)*, 2019, (2): 48–73. (In Russ.) DOI: 10.31249/poln/2019.02.03
5. Moskalenko N. P. *Ethnopolitical history of Tuva in the XX century*. Moscow: Nauka, 2004, 221. (In Russ.)
6. Lamazhaa Ch. K. *Clannishness in the politics of the regions of Russia. Tuvan rulers*. St. Petersburg: Aleteia, 2010, 206. (In Russ.)
7. Gelman V. Ya. The vicious circle of Post-Soviet neopatrimonialism. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, (6): 34–44. (In Russ.)
8. Chirun S. N. Consensus (network) corruption and problems of effectiveness of state policy. *Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian Federation: Proc. III All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 26–27 Oct, 2018. Ekaterinburg, 2019, 91–110*. (In Russ.) DOI: 10.17506/articles.anticorruption.2018.91110
9. Ochur A. M. *Impact of regional mass media on motivation of electoral behavior*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2005, 145. (In Russ.)
10. Antukh G. G., Gukova A. V., Petrenko A. N. The paradox of ego-identity: from person to nation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, (55): 47–58. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/55/6
11. Balakina G. F., Anaiban Z. V. *Modern Tuva: sociocultural and ethnic processes*, ed. Kalugina Z. I. Novosibirsk: Nauka. Sib. izd. firma, 1995, 137. (In Russ.)
12. Dorzhu Z. Yu. Public organizations and political parties of modern Tuva. *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri*, 2001, iss. 4, 235–238. (In Russ.)
13. Sardaryan G. T., Alekseyeva T. A. Secularization and religiousness in the optics of constructivism. *Polis. Political Studies*, 2020, (4): 124–138. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2020.04.09
14. Pain E. A., Fediunin S. Yu. Populism and elitism in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*, 2019, (1): 33–48. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2019.01.04
15. Patrushev S. V. Clickocracy order as an institutional trap of Russian modernization. *Polis. Political Studies*, 2011, (6): 120–133. (In Russ.)
16. Patrushev S. V. Clickocracy as an institutional problem of Russian modernization. *Power and politics: institutional challenges of the XXI century*, ed. Solovov A. I. Moscow: ROSSPEN, 2012, 279–298. (In Russ.)
17. Turovsky R. F., Gaivoronsky Yu. O. Russia's regions as winners and losers: political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers. *European Politics and Society*, 2017, 18(4): 529–551.
18. Reutov E. V., Zakharov V. M., Polukhin O. N., Reutova M. N., Shavyrina I. V. The territorial factor of the life opportunities inequality in Russian society: the provincial perspective. *Vlast*, 2020, 28(5): 25–33. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7563
19. Ross C., Turovsky R. F. Centralized but fragmented: the regional dimension of Russia's "party of power". *Demokratizatsiya*, 2015, 23(2): 205–223.
20. Turovsky R. F. Regional political regimes in modern Russia: a comparative study. *Vestnik RGNF*, 2013, (1): 73–82. (In Russ.)
21. Gaman-Golutvina O. V., Smorgunov L. V., Timofeeva L. N. The trajectories of political development of Russia. *Vlast*, 2020, 28(4), 253–258. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7472

22. Turovsky R. F. The systemic opposition in authoritarian regimes: a case study of Russia's regions. *The systemic and non-systemic opposition in the Russian Federation: national and regional dimensions*, ed. C. Ross. London: Ashgate, 2015, 121–137.
23. Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (44): 253–268. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/44/24
24. Chirun S. N., Nikolaev A. V., Bobrova E. A., Lutsyk A. S., Shmit E. O. Interaction with regional authorities on the example of the Kemerovo region: problems and technologies. *Vlast*, 2018, 26(7): 33–38. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v26i7.5927
25. Belousov A. B. Paradoxes of the power vertical: retrospection, imagination, trauma. *Polis. Political Studies*, 2020, (6): 173–180. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2020.06.13
26. Seregina T. N. Models of intercultural communication. *Vlast*, 2020, 28(1): 119–124. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7062
27. Kochetkov A. P., Moiseev V. V. Russian political elite as a subject of socioeconomic policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, (57): 244–256. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/57/23
28. Selezneva A. V. Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2019, (49): 177–192. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/49/18
29. Melnikov K. V. Neopatrimonialism: classification as a way of overcoming the conceptual stretching. *Polis. Political Studies*, 2018, (2): 68–81. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2018.02.06
30. Palitay I. S., Danilova A. S. Regional leaders of the new generation: results of a political-psychological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, (54): 252–262. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/54/23

оригинальная статья
УДК 316.453:331.103.226

Институциональные роли учительства в регионе: между конформизмом и нонконформизмом

Максим Александрович Головчин

Вологодский научный центр РАН, Россия, г. Вологда

mag82@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7813-5170>

Поступила в редакцию 01.03.2021. Принята в печать 19.03.2021.

Аннотация: Цель – определить, какие институциональные роли берет на себя учительство региона и какие явления социальной и профессиональной жизни определяют эти роли. Предмет – доверие учителей к институтам и участие в соблюдении их правил. Для реализации цели был предложен методологический подход к классификации агентов по их институциональным ролям и предпринято социологическое исследование в формате онлайн-анкетирования представителей учительского сообщества Вологодской области. На материале эмпирического исследования была проведена типологизация, которая показала, что педагоги чаще выбирают для себя роль агентов-оппортунистов, которые проявляют склонность к поддержке новых институтов, но нацелены на реализацию традиций в своей профессиональной деятельности. Выявлено, что формирование тех или иных институциональных ролей (нонконформистов, конформистов, оппортунистов) во многом зависит от социального и профессионального самочувствия агентов, которое в случае нонконформизма приобретает конфликтные черты. Предполагается, что оппортунизм учительского сообщества связан с попыткой избежать разногласий с коллегами и руководством. Предложены меры по внедрению в процесс институционального проектирования образовательного пространства принципа максимальной защищенности от девиантного поведения (предохранение от использования агентами институтов в своих корыстных интересах).

Ключевые слова: образовательный институт, трансформации в школьном образовании, доверие, агент, оппортунизм, институциональное проектирование

Цитирование: Головчин М. А. Институциональные роли учительства в регионе: между конформизмом и нонконформизмом // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-28-38>

Введение

Современная научная традиция рассматривает противоречивость единства традиций и инноваций как источник жизненного выбора образовательных агентов [1]. В результате конфликта старых и новых институтов меняется отношение агентов к ним. В педагогическом сообществе проявляются процессы дивергенции, что подрывает позиции данной социальной общности. Дискредитация поддержки новых правил и норм среди образовательных агентов также может привести к снижению эффективности институционального проектирования в сфере образования. Эта противоречивость заметно усилилась на фоне эпидемии COVID-19, которая трансформировала образовательные условия, актуализировав роль новых институтов (в том числе цифровизации).

Согласно теории институтов, институциональная среда формируется за счет старых, давно сложившихся норм и образцов (традиционные институты) и нововведений (новые институты). Эти образования могут существовать мирно (обмениваться элементами, интегрироваться в более сложные структуры) либо конфликтно (рис.) [2].

Институциональное проектирование образовательного пространства зачастую не предусматривает ограничений

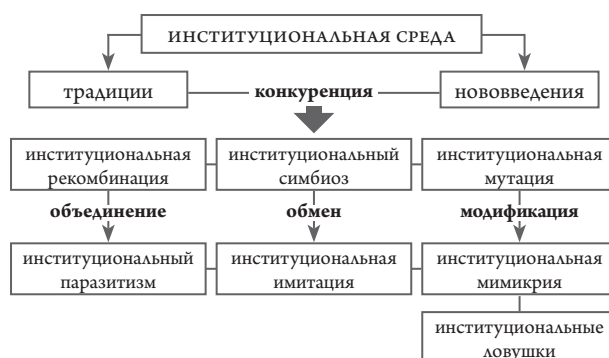

Рис. Векторы институциональных изменений в образовании
Fig. Vectors of institutional changes in education

для развития возможных конфликтов институтов, что чревато: а) институциональной мутацией и появлением неэффективных норм (институциональных ловушек); б) недоверием к новым институтам со стороны агентов; в) усилением дифференциации социально-экономического развития субъектов РФ [3].

Отказ в доверии к реформаторским нововведениям со стороны агентов ученые иногда связывают с процессом десубъективизации представителей академического и образовательного сообществ (их постепенным превращением из субъектов управления в объект), из-за чего стороны образовательных отношений теряют мотивацию к реализации новых «правил игры» и время от времени переходят к стратегиям имитации [4]. Таким образом, определяется стойкое отношение агентов к институту (группе институтов), т. е. его институциональная роль.

Научная традиция изучения институциональных ролей агентов

Действия и ожидания агентов в отношении институтов были раскрыты в трудах ряда зарубежных и российских экономистов (Дж. К. Гэлбрейта, Дж. Р. Коммонса, Э. Тоффлера, А. А. Аузана, В. В. Вольчика, Р. И. Капелюшникова, В. В. Радаева и др.). Однако эти вопросы впервые нашли отражение в концепции индивидуального приспособления социолога Р. К. Мертона. Он писал, что источником, определяющим отношение к институтам, является природная склонность людей к двум способам поведения – нормативному (социально-полезному и регулируемому институтами посредством социальных норм) и девиантному (не регулируемому институтами) [5].

Склонность к той или иной модели поведения определяется культурными целями, к которым прибегает личность, и институциональными средствами, которые она использует. По словам Р. К. Мертона, «значимость определенных целей может изменяться независимо от степени значимости институциональных средств» [5, с. 673]. Исходя этого, им были выделены пять типов агентов. *Конформист* пытается достичь цели, используя институционализированные (законные) средства. *Инноватор* достигает целей неинституционализированными (в том числе криминальными) средствами. *Ритуалист* использует институционализированные средства, но игнорирует процесс целеполагания. *Беглецы* (маргинальные слои общества) игнорируют любые цели и средства. *Мятежники* (представители неформальных молодежных объединений) отвергают принятые социумом цели и средства, чтобы заместить господствующие ценности образцами новой культуры. Распространение последнего типа индивидуального приспособления ученый называет «результатом постоянных неудач в стремлении достигнуть цели законными (легитимными) средствами и неспособности прибегнуть к незаконным (девиантным) способам вследствие наличия внутреннего запрета и институционализированного принуждения» [5, с. 676]. Р. К. Мертон приходит к выводу, что конформисты способствуют поддержанию стабильности и преобладания общества, а поведение мятежников создает опасность для устойчивого существования социальной системы [5].

Концепция Р. К. Мертона стала основой для многих научных теорий (например, теории «общества травмы»

П. Штомпки), но была неоднозначно воспринята современниками. К примеру, А. К. Коэн упрекает ученого в том, что он сводит культурные цели сугубо к понятию финансового успеха [6]. А. В. Метелев и Т. Г. Сердюк пишут, что подход Р. К. Мертон очень сильно утрирован и схематизирован, поскольку игнорирует неодинаковое действие морали и права, культурных целей и ценностей, допускает существование универсальных ценностей в разных культурных средах, не учитывает существование альтернативных целей и ценностей (в том числе не совпадающих с идеалами западноевропейской и американской культур) [7]. Многие ученые дополняют схему индивидуального приспособления, которую предложил Р. К. Мертон. В частности, Т. Парсонс вместо пяти типов приспособления предлагает рассматривать восемь [8, с. 283], а Р. Дьюбин – четырнадцать [9].

В то же время в экономической теории можно найти немало примеров не просто уточнения, а полного пересмотра типологии агентов Р. К. Мертон (с выделением иных институциональных ролей и оснований для классификации). Отдельно следует пояснить, что в экономике роли агентов часто определяются в рамках т. н. проблемы *принципал – агент* (М. Дженсен, У. Меклинг), которая рассматривает взаимодействие в институциональной среде как отношения двух сторон. Одна сторона – это принципал (контрагент), который передает другой стороне (агенту) полностью или частично свои полномочия. При этом агент (как лицо, выполняющее поручение) владеет большим объемом информации, чем контрагент. Для этой ситуации характерен конфликт интересов, который наступает по той причине, что принципал стремится к максимизации (увеличению) прибыли, а цель агента заключается в минимизации затрат (т. е. в спокойном и достойном существовании) [10]. Этот конфликт интересов в ряде случаев служит предпосылкой использования агентом информации в своих личных целях, а не в интересах принципала. Подобная девиантность агентов обусловлена в первую очередь их психологическими особенностями: неспособностью следовать чужому целеполаганию, неосознанным отращиванием к выбору в рискованных ситуациях, предпочтением простых решений сложным, а также решений, действие которых по времени оканчивается быстрее и т. д. [11]. Решение проблемы *агент – принципал* часто видится либо в формировании доверительных отношений, либо в создании системы мотивации (поощрений) для агентов [10].

Г. С. Цветкова считает, что статус агента в отношении традиций и новаций определяет не цели и средства (как у Р. К. Мертон), а процесс транзакции – перемещения (воспроизводства) прав собственности [1]. Этот процесс, по мысли автора, может привести к изменениям в содержании институциональной среды или вовсе не сопровождаться подобными изменениями. Исходя из этого, рассматриваются такие модели поведения агентов,

как трудовое, потребительское, страховое, сберегательное, предпринимательское, инвестиционное [1].

О. С. Сухарев считает, что взаимодействие в пространстве связей *агент – принципал* может вызывать аномии развития, которая обуславливается дефектом восприятия информационного сигнала. Некорректная деятельность институционального посредника (буфера между властью и бизнесом по типу регионального агентства развития) может стать причиной искажения или разрыва сигнала, после чего происходит рост транзакционных издержек, снижается оперативность принимаемых управленческих решений и их качество [12, с. 7].

В развитие идей Р. К. Мертон Г. Б. Клейнер рассматривает институциональные роли агентов в пространстве двух эволюционных парадигм – *homo economicus* (человек экономический) и *homo institutus* (человек институциональный). В отношении поддержания функционирования институтов оба этих типа могут выполнять роли адаптера (восприятие потребности в институте), инициатора (участие в создании института), прозелита (сторонник введения и распространения новой нормы), пропагандиста (считает себя приверженцем данного института), дистрибьютора (помощь в адаптации к институту), контролера (контроль за развитием института и нарушением норм), статиста (питает безразличие к институту), реципиента (пользуется благами института). Агент-*homo economicus* в отношении поддержания института более активен в статусе адаптера и контролера, а агент-*homo institutus* – статиста и реципиента [13].

Перечисленные научные подходы, несмотря на свое разнообразие, в целом наследуют идею Р. К. Мертон о том, что поведение агентов может быть нормативным либо девиантным и не более того. Д. С. Петросян несколько расширяет данное представление. С его точки зрения, можно отдельно выделить типы агентов, которые склонны к креативному (выходящему за рамки стереотипов), асоциальному (уклонение от норм), делинквентному (спонтанное отклонение от нормы с отчетливо выраженным антисоциальным характером), аддитивному (отклонение от норм с попыткой ухода от реальности, с фиксацией на определенных видах деятельности), патохарактерологическому (отклонение от нормы, обусловленное патологическими изменениями в характере личности вследствие дефектов воспитания и обучения), психопатологическому (отклонение от нормы, обусловленное психическими расстройствами личности) поведению и девиантному поведению на базе гиперспособностей (отклонение от нормы, сопровождающееся девиациями в обыденной жизни и экономической деятельности при особой одаренности в иных сферах) [11].

С нашей точки зрения, представители всех этих теорий пока не в силах увязать реакции агентов на институты с понятием социального капитала. Дж. С. Коулман считал, что доверие к «правилам игры» (как центральное проявление социального капитала) является залогом

того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций [14]. Мы присоединяемся к этому взгляду и к точке зрения Г. Б. Тимоховой и А. Е. Ильченко о том, что в контексте хаотичных образовательных реформ именно доверие «является системообразующим фактором дальнейшего устойчивого экономического роста» [15, с. 153].

Для учета фактора доверия агентов к институтам предлагаем воспользоваться категорией институциональной роли агента, которая используется при проектировании организации многоагентных систем. R. Demolombe и V. Louis пишут, что в состав роли агента входят два компонента: 1) набор условий, применимых к лицам, выполняющим роль (определенный возраст, определенное образование, ученая степень и т. д.); 2) набор норм, применимых к этим лицам (обязанность читать лекции, готовиться к экзаменам, выполнять поручения руководства и т. д.) [16]. Таким образом, в конкретной организации институциональная роль может быть определена несколькими факторами: условиями ее выполнения; набором статических и динамических норм, которые применяются к агентам и т. д. На наш взгляд, институциональная роль – это характеристика нормативных отношений между агентом и контрагентом (принципалом), которая предполагает эволюцию доверия в социальный капитал. Институциональная роль формируется, исходя из ориентации агента на доверие / недоверие к нормам института, использование норм в повседневной практике (либо на то и другое), восприятие «правил игры».

Таким образом, мы задались целью определить, какие институциональные роли выполняют агенты, исходя из их доверия к нормам и правилам, определяющим развитие российского образования. Объект исследования – институциональные роли учителей общеобразовательных школ, предмет – традиционные и новые (появившиеся в процессе многочисленных образовательных реформ 1990–2020 гг.) институты. К ним мы относим знаниевую парадигму, педагогический, классно-урочную систему, дисциплину, таксономию образовательных целей (традиционные институты); цифровое образование, ФГОС 3+, эффективный контракт с педагогом, национальную систему учительского роста, дифференцированный подход к оплате труда учителей [17] и т. д. Была предпринята попытка оценить роль удовлетворенности аспектами социальной и профессиональной жизни как основы для распределения институциональных ролей образовательных агентов.

Методы и материалы

Для достижения цели исследования мы использовали типологию моделей адаптивного поведения, которую в 2019 г. уже рассмотрели на примере работников высшего образования [3]. Типология учитывает следующие институциональные роли образовательных агентов: а) агент-нонконформист – педагог, который доверяет

традиционным институтам, поддерживает их развитие, в своей профессиональной деятельности реализует, главным образом, традиции, в выборе между традициями и новациями выбирает первое и с предубеждением относится к новаторам и инновациям; б) агент-конформист – педагог, который испытывает доверие к новым институтам, но, помимо позитивного восприятия и поддержки, активно изменяет свою профессиональную деятельность в соответствии с новыми «правилами игры»; в) агент-оппортунист – педагог, который поддерживает новации, позитивно воспринимает их, но исключительно на уровне интереса и не спешит использовать новые нормы в трудовой деятельности, поскольку вовсе не склонен доверять им, реализует традиции.

В последнем случае следует говорить, скорее, об имитации выполнения «правил игры» путем предоставления контрагенту асимметричной информации. В качестве форм проявления оппортунизма у агентов рассматривается искажение фактов и ложь, невыполнение профессиональных обязанностей, закрепленных трудовым договором, нарушение неформальных договоренностей с администрацией и коллегами, использование «контрактных дыр» и форс-мажоров в своих интересах (возможность выполнять свои обязанности формально), преувеличение потребностей в необходимых ресурсах и средствах, сокрытие информации, работа на показателе, отчуждение труда (использование рабочего времени для решения личных вопросов, разговоров по телефону, «просиживания» в Интернете и социальных сетях, вне-режимных «перекусов») и т.д. [18]. Индивиды, склонные к оппортунизму, по мнению Р. И. Капелюшников, «относятся к собственным обещаниям как к пустым словам, ничего не меняющим в их планах и действиях» [19, с. 19]. Оппортунизм в российской школе может проявляться, например, в формальном подходе к проведению дистанционных занятий, в манкировании (пренебрежении) поиском приемов активизации внимания и интереса обучающихся и т. п. [20, с. 23].

В соответствии с концепцией Р. К. Мертона конформизм определяется нами как нормативная роль агентов, а неконформизм и оппортунизм – как альтернативные роли [5].

Эмпирической основой для апробации типологии институциональных ролей агентов на примере учителей общеобразовательных школ стал онлайн-опрос представителей учительского сообщества региона, который был проведен в Вологодской области в марте – апреле 2020 г. во время вынужденного закрытия школ на фоне угроз пандемии COVID-19. По этой причине опрос проводился посредством сети Интернет (google-формы). В выборку опроса вошли учителя вологодских школ (n=272), среди которых 94 % женщин и 6 % мужчин; 85 % городских и 15 % сельских жителей; работников со стажем до 3 лет – 12 %, от 3 до 10 лет – 20 %, от 10 до 20 лет – 19 %, от 20 до 30 лет – 31 %, свыше 30 лет – 19 %.

В инструментарии исследования были предусмотрены вопросы о традициях и новациях в сфере образования, об отношении агентов к ним и об ориентациях агентов на использование норм различных институтов. По итогам распределения самооценок мы относили каждого респондента в отдельности к группе неконформистов, конформистов или оппортунистов.

Трансформации в школьном образовании

С точки зрения ряда экспертов, развитие отечественного образования уже достаточно давно характеризуется институциональным конфликтом между укоренившимися и внедряемыми институтами [21]. Зачастую результатом подобного конфликта становится институциональная мутация – перерождение институтов, характеризующееся отклонением в их развитии [22, с. 9]. Мутации происходят, в частности, в процессе импорта зарубежных образцов и норм, которые на отечественной почве действуют для достижения совсем иных целей, чем в случае с иностранными оригиналами [23]. В качестве примера такого «институционального мутанта» М. В. Курбатова, С. Н. Левин и К. С. Саблин приводят Болонскую систему высшего образования, применение которой на российской почве превратило бакалавриат в «сокращенный специалитет», а магистратура оказалась «где-то между доучиванием бакалавров до привычных специалистов и вторым высшим образованием» [4, с. 102]. В школьном образовании роль такого «мутанта» уже давно закреплена за унифицированной системой тестирования Единого государственного экзамена (ЕГЭ), идея которой была заимствована в рамках институционального импорта. Г. Г. Малинецкий и А. В. Подлазов считают, что «организация и проведение Единого государственного экзамена требуют огромных усилий, но результаты оказываются в государственном масштабе ничтожны» [24, с. 53].

Согласно данным опроса, под нововведениями педагоги школ Вологодской области часто понимают новые приемы, методы обучения и воспитания, не имеющие аналогов (65 %), технологическое обновление фондов образовательной организации (64 %), изменения в организации места работы учителя (50 %), новые управленческие методы и инструменты (33 %). Подобные педагогические и технические новации у работников школ вызывают положительный отклик. Мы заострим внимание на отношении к тем новым институтам, которые возникли в результате государственного реформирования, вносят системные изменения в сферу образования и таким образом формируют основу для институционального конфликта. Подобную роль играют ЕГЭ, цифровизация образования, новая система оплаты труда (НСОТ), национальная система учительского роста (НСУР) и т.д. В учительском сообществе внедрение этих институтов и адаптация к ним воспринимаются как вызов. К этому вызову в полной мере готовы лишь чуть более половины работников школ региона (52 %).

В числе тех, кто считает себя неподготовленным к соответствующим вызовам, оказались учителя, отработавшие в сфере образования более 20 лет (42 %). Особых различий в этих оценках между городскими и сельскими педагогами не обнаружено.

Новые институты неоднозначно воспринимаются в образовательном сообществе. Например, широкое применение цифровых технологий в образовательном процессе, усилившееся на фоне угроз пандемии, учителями примерно в равной степени как приветствуется (58 %), так и критикуется (42 %). Внедрение эффективного контракта с работниками, ФГОС 3+ и нового профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» поддерживают не более 15 % респондентов. Дифференцированный подход к оплате труда, заложенный в системе НСОТ, одобряют 39 % опрошенных, а не одобряют – 22 %.

Таким образом, на примере мнений педагогических работников школ Вологодской области можно предположить присутствие в образовании конфликта доверия к новым институтам, системно воздействующим на развитие отрасли.

Социальный портрет учителей в ракурсе их институциональных ролей

В соответствии с нашим подходом к типологии агентов было определено, каким образом распределяются институциональные роли в учительском сообществе региона. Выборка опрошенных была подразделена на три группы: неконформисты (8 %), конформисты (32 %) и оппортунисты (60 %). В составе неконформистов больше сельских педагогов и учителей со стажем работы более 20 лет (табл. 1). В этой группе намного больше представителей элитарных школ (лицеев, гимназий, школ с углубленным изучением предметов), хотя предполагается, что среди работников этих организаций должны преобладать учителя-инноваторы. Возможно, эта ситуация связана с тем, что в элитарных школах в качестве критерия отбора сотрудников чаще используется опыт педагогической деятельности.

Социальный состав конформистов, вошедших в выборочную совокупность, мало чем отличается от неконформистов. Разница заключается только в меньшем представительстве в этой группе «стажистов» и учителей из сельских районов. Состав оппортунистов, по существу, дублирует характеристики конформистов. Предполагаем, что поэтому по внешним признакам они сопоставляют себя с приверженцами новых институтов, а не их противниками.

Респондентов-неконформистов, конформистов и оппортунистов объединяет стремление отождествлять себя со своей профессией на ментальном уровне, поэтому представители всех групп за редким исключением считают работу в школе своим призванием. Помимо этого, желание продолжать работу в образовании, несмотря на все

возможные трудности, характерно для большей части педагогов вне зависимости от их институциональных ролей.

Оппортунистов и конформистов заметно отличает готовность соответствовать современным стандартам в профессии. Согласно результатам анализа самооценок, в своей готовности к образовательным вызовам чаще не уверены не представители конформистов, а неконформисты. Примечательно, что уверенность в своей готовности к новым трендам даже более выражена у оппортунистов. Возможно, в этом случае самооценка является завышенной.

Табл. 1. Социально-профессиональные характеристики учителей с разными институциональными ролями, %

Tab. 1. Socio-professional characteristics of teachers with different institutional roles, %

Характеристика	Неконформисты	Оппортунисты	Конформисты
<i>Место проживания</i>			
Вологда	71,4	50,3	57,6
Череповец	4,8	35,0	29,4
районы	23,8	14,7	12,9
<i>Стаж работы в школе</i>			
до 3 лет	9,5	13,5	7,1
3–20 лет	23,8	36,8	43,5
более 20 лет	66,7	49,7	49,4
<i>Место работы</i>			
общеобразовательная школа	61,9	73,6	77,6
элитарная школа	33,3	24,6	21,2
коррекционная школа, школа с инклюзивным обучением	4,8	1,8	0,0
другое	0,0	0,0	1,2
<i>Использование цифровых образовательных технологий в работе</i>			
использую	76,2	77,3	75,3
не использую	23,8	22,7	24,7
<i>Отношение к востребованности цифровых технологий в образовании в будущем</i>			
будут востребованы	19,0	41,1	43,5
будут не востребованы	38,1	26,4	23,5
сложно сказать	42,9	32,5	32,9
<i>Владение иностранным языком</i>			
владею	57,1	65,6	62,4
не владею	42,9	34,4	37,6
затрудняюсь ответить	0,0	4,9	4,7
<i>Оценка настоящего периода развития отечественного образования</i>			
расцвет и подъем	0,0	4,3	9,4
застой и кризис	90,5	81,0	74,1
затрудняюсь ответить	9,5	14,7	16,5

Характеристика	Нонконформисты	Оппортунисты	Конформисты
<i>Уверенность в том, что образовательные реформы приведут к повышению качества образования</i>			
уверен	4,8	15,3	23,6
не уверен	85,7	71,2	67,0
затрудняюсь ответить	9,5	13,5	9,4
<i>Самооценка готовности к новым образовательным вызовам</i>			
высокая	33,3	56,5	47,0
низкая	57,1	30,0	38,9
затрудняюсь ответить	9,5	13,5	14,1
<i>Соответствие профессии призванию</i>			
соответствует	66,7	71,8	70,6
не соответствует	4,8	4,9	5,9
затрудняюсь ответить	28,6	23,3	23,5
<i>Желание сменить работу на другую, не связанную с образованием</i>			
желаю	28,6	30,1	29,4
не желаю	71,4	65,0	65,9
<i>Желание, чтобы ребенок стал педагогом</i>			
хочу	4,8	8,0	9,4
не хочу	85,7	82,2	77,6
затрудняюсь ответить	9,5	9,8	12,9

Нонконформисты и оппортунисты одинаково критично относятся к современным тенденциям в образовательной политике, оценивая их как застой и кризис. Подобное можно сказать о конформистах, но каждый десятый из них склоняется к прямо противоположным оценкам (расцвет и подъем). Аналогичные явления можно наблюдать в оценках учителями перспектив образовательных реформ: нонконформисты и оппортунисты в них чаще не уверены.

Респонденты широко используют на своих занятиях цифровые образовательные технологии. Однако нонконформисты, выделенные в составе выборки, реже остальных считают эти технологии по-настоящему востребованными. У оппортунистов и конформистов доля положительных оценок примерно одинакова. Учитывая склонность оппортунистов заявлять о своем интересе к новым институтам, но игнорировать (или имитировать) их использование, в практическом смысле их адаптация к цифровым технологиям может ничем не отличаться от нонконформизма.

Группа нонконформистов включает меньшую долю опрошенных учителей, владеющих иностранным языком. В других группах они представлены примерно одинаково. Представляется, что отсутствие подобных коммуникативных компетенций мешает нонконформистам общаться с зарубежными коллегами, знакомится с иностранной

литературой, что помогло бы им понять некоторые идеи новаций, легче адаптироваться к ним.

Несмотря на преданность своей профессии, недоверие к новым институтам снижает желание учителей мотивировать своих детей на работу в школе. Среди оппортунистов и нонконформистов в составе выборки несколько больше тех, кто решительно против этого. Таким образом, девиантное поведение агентов (по терминологии Р. К. Мертон) может стать фактором исчезновения педагогических династий [5].

Отнесение респондентов к той или иной институциональной роли не может считаться сложившимся и бесповоротным фактом, поскольку выделенные группы нонконформистов, конформистов и оппортунистов являются: а) условными, т.к. отражают прежде всего самооценку педагогов; б) весьма мобильными и подвижными: представители одной группы в силу определенных условий гипотетически могут «мигрировать» в любую другую. Условиями для подобной «миграции» могут стать изменения социальных и профессиональных ролей, образовательной политики, а также отношения с другими участниками образовательных отношений и т. д.

Социальная и профессиональная жизнь агентов с разными институциональными ролями

В ходе исследования мы проверяли гипотезу о том, что на расстановку институциональных ролей в школьном образовании влияет самочувствие учителей (как в личной жизни, так и в профессии). Данные опроса показали, что нонконформисты в 67 % случаев испытывают напряжение, раздражение, страх и тоску, нежели радость и уверенность (ср. конформисты – 54 %, оппортунисты – 52,8 %). В группах конформистов и оппортунистов уровень социальных настроений выше. Это, возможно, связано с тем, что преданность профессии входит в конфликт с отношением к новым требованиям к ней. Прекрасное настроение и нормальное, ровное состояние отметили 44,7 % оппортунистов, 42,4 % конформистов и всего 30,6 % нонконформистов. Затруднились в оценке своего самочувствия 3,6 % конформистов, 2,7 % нонконформистов и 2,5 % оппортунистов.

На фоне угроз коронавирусной инфекции, сопровождающихся в регионах России, помимо прочего, закрытием школ и их работой в удаленном режиме, у 73 % нонконформистов настроение ухудшилось, что больше, чем среди оппортунистов и конформистов (63 % и 66 % соответственно). У первых подобная эмоциональная реакция, судя по всему, могла быть вызвана критическим отношением к вынужденному расширению использования цифровых технологий.

В плане оценок профессионального самочувствия все три группы агентов объединяет высокая удовлетворенность отношениями с коллективом обучающихся (табл. 2). Нонконформисты больше остальных удовлетворены положением своей профессии в обществе, но ее

социальная значимость, т. е. возможность оказывать влияние на решение проблем социума устраивает только 14 % (против 29 % и 26 % в группах оппортунистов и конформистов соответственно). Самые неоднозначные моменты учительской профессии для неконформистов связаны с оплатой труда, ее размером и материальным стимулированием. К этим оценкам крайне близки оппортунисты, но они не являются столь значимыми для конформистов. Последние более озабочены содержанием образования, чем реализацией частных интересов. Таким образом, можно предположить, что низкий размер заработной платы является поводом для перехода от неконформизма к оппортунизму и обратно.

Конформисты отличаются большей удовлетворенностью отношениями с коллегами и руководством. Подобными аспектами коммуникации довольны оппортунисты. У неконформистов эти оценки ниже, что может говорить о том, что отношение к новациям становится конфликтным фактором в школе. Оппортунисты не испытывают подобных конфликтов, поскольку скрывают свое недоверие к новым институтам. Таким образом, можно предположить, что в школах оппортунизм становится формой ретритизма (избегания разногласий с коллегами). Оппортунисты – группа, которая с большим неудовлетворением относится именно к социальным аспектам профессии: положению в обществе, престижу и т. д. Без особого оптимизма оппортунисты смотрят и на возможность сочетать трудовые и семейные обязанности.

Неконформистов от всех остальных групп отличает неудовлетворенность состоянием рабочего места, которое они не считают в достаточной мере технически оснащенным. Это достаточно странно, если учитывать, что большинство представителей неконформистов работают в элитных школах. Здесь, по всей видимости, свою роль играет механизм завышенных ожиданий [25]. В качестве нововведений неконформисты отмечают использование новых технологий, автоматизацию делопроизводства и новые педагогические подходы (табл. 3). Скорее, для этой группы нужно отметить дефицит ряда организационных новаций (новых управленческих методов и инструментов, профессиональных ценностей и корпоративной культуры), а также участия в практиках повышения квалификации.

Таким образом, можно считать, что поставленная гипотеза подтвердилась и самочувствие агентов действительно можно считать фактором, формирующим институциональные роли. Для неконформистов большее влияние на доверие к институтам имеют настроения и неудовлетворенность системой оплаты труда; для конформистов – поддержка коллег и руководства; для оппортунистов – желание избежать конфликтов.

Заключение

Учителя как агенты институциональной системы проектируют роли неконформистов и конформистов. Исходя

из анализа социологических данных, мы можем сделать вывод, что для учительства региона в целом не характерно внешнее проявление доверия или недоверия к внедряемым образовательными реформами институтам, что определяется широким применением практик имитации выполнения проектируемых ролей со стороны оппортунистов [26]. К подобной практике прибегает примерно каждый второй опрошенный, что, по всей видимости, связано либо с желанием неконформистов не идти на конфликт с начальством и коллегами, либо с разочарованием и усталостью конформистов от новых институтов.

В настоящее время в отечественной науке распространяется мнение, что оппортунизм вовсе не свойствен русскому менталитету [27, с. 38]. В России у него нет культурных истоков, но возможности его проявления концептуально заложены в основу институционального проектирования развития ряда отраслей, в том числе образования [4]. То есть склонность агентов к мимикрии и имитации не является природным задатком, а задана правовой средой. Подобное стало возможным в силу неограниченного использования механизмов институционального импорта.

Таким образом, пополнение группы агентов-оппортунистов за счет конформистов и неконформистов – это дефект институционального проектирования в сфере образования. По мнению М. В. Курбатовой, С. Н. Левина и К. С. Саблина этот дефект связан с тем, что субъекты образовательного процесса в результате государственных реформ постепенно становятся объектами, поскольку ограниченная клика проектировщиков реформ («распределительная коалиция») не рассматривает их участие в обсуждении своих инициатив [4]. В итоге агенты понимают, что новые образовательные институты их интересы просто не учитывают. Желание выполнять контрактные обязательства, доверять институтам на этом фоне пропадает. Педагоги, которые не желают потерять место работы, скорее, будут делать вид, что поддерживают нововведения, но этим все и ограничится. Таким образом, формируется проблема несовпадения интересов в институциональном пространстве системы образования. Работник школы часто заинтересован в реализации личных интересов (умножении доходов), а контрагент (принципал) – в поддержке институтов. Требования последних не всегда соответствуют интересам работника. Подобный «порочный круг» сам по себе автоматически стимулирует развитие оппортунизма.

По мнению экспертов, подобная ситуация возникает в силу того, что в образовательной политике «при внедрении новых спроектированных институтов полностью игнорируется принцип их максимальной защищенности от девиантного (оппортунистического) поведения» [4]. Этот принцип предполагает, что проектировщик реформ должен учитывать при создании новых институтов «их защищенность не от случайностей, а от целенаправленного использования иным – не заказчиком проекта – субъектом для реализации его интересов» [28, с. 130].

Табл. 2. Удельный вес учителей с разными институциональными ролями, довольных отдельными сторонами трудовой жизни, %
Tab. 2. Share of teachers with different institutional roles who are satisfied with certain aspects of working life, %

Аспект	Нонконформисты	Оппортунисты	Конформисты
отношения с обучающимися	90,5	89,6	90,6
отношения с родителями обучающихся	76,2	76,7	75,3
отношения в профессиональном коллективе	61,9	77,3	76,5
санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	61,9	71,8	64,7
положение профессии в обществе	47,6	39,9	42,4
возможность обучения, повышения квалификации	47,6	65,0	65,9
отношения с руководством организации	47,6	68,7	70,6
условия труда	42,9	54,6	47,1
мотивация к трудовой деятельности	28,6	39,3	37,6
возможность сочетать трудовые и семейные обязанности	28,6	36,2	42,4
содержание образования (образовательные стандарты)	23,8	20,2	18,8
техническая оснащенность рабочего места	23,8	46,0	41,2
престиж профессии	19,0	16,0	15,3
работа профсоюзной либо иной рабочей организации	19,0	43,6	32,9
социальная значимость профессии	14,3	28,8	25,9
размер заработной платы	4,8	12,3	16,5
система материального стимулирования работников	4,8	17,8	23,5

Табл. 3. Оценка нововведений учителями с разными институциональными ролями, %
Tab. 3. Assessment of innovations by teachers with different institutional roles, %

Инновация	Нонконформисты	Оппортунисты	Конформисты
использование новых прогрессивных технологий, современное оснащение образовательного процесса	23,8	48,5	52,9
автоматизация делопроизводства, отчетности, заполнения дневников, классных журналов и т.п.	14,3	35,0	36,5
педагогические новации, передовой педагогический опыт коллег	14,3	30,1	30,6
новые формы общения с обучающимися и их родителями	9,5	22,7	18,8
свобода педагогического творчества	4,8	35,0	23,5
формирование новых профессиональных компетенций в процессе повышения педагогической квалификации	0,0	23,3	22,4
новые формы оплаты и стимулирования труда	4,8	9,8	11,8
применение новых управленческих методов и инструментов	0,0	9,8	15,0
новые профессиональные ценности, изменения организационной культуры в школе	0,0	9,8	3,5
нововведения на рабочем месте отсутствуют	42,9	14,7	10,6

Мы считаем, что учесть этот принцип в образовательной политике можно лишь одним способом – заранее предусмотрев интересы той группы, которая питает нонконформистские настроения. Исследование предоставляет возможность судить о том, что агенты-нонконформисты находятся в поиске баланса своих интересов с профессиональным окружением и испытывают потребность в усовершенствовании рабочего места. Поэтому в рамках образовательных реформ возможности сокращения оппортунизма прежде всего связаны с реализацией следующих направлений:

- 1) внедрение в образование системы делегирования полномочий, предполагающей учет мнения штатных работников в процессе внедрения новых институтов на любом уровне. Для этого потребуются как новые организационные практики, так и изменения в управленческой культуре;
- 2) совершенствование рабочего места педагога в направлении не только цифровизации, но и создания комфортных условий труда;
- 3) разработка системы трудовых ценностей, кодексов трудовой этики на локальном уровне с учетом мнения учительского сообщества;

4) усиление мотивации работников за счет нематериальных способов стимулирования труда.

Важно, чтобы в школах заработал механизм сдерживания оппортунизма, базирующийся на использовании организационно-культурных (выработка моральных принципов реализации трудовой функции, общения в коллективе) и экономических (система стимулирования работников и штрафов) инструментов; атмосферы доверия и развития корпоративной культуры [29, с. 42].

Помимо механизмов, применяемых на локальном уровне, в процессе формирования институциональной среды в государственной образовательной политике сто-

ит отойти от рамочного характера заявлений, норм и критериев, которые закладываются в важных стратегических документах и национальных проектах. При разработке стандартов и ориентиров важно не только обозначить их, но и в мельчайших деталях предусмотреть, каким образом новые правила будут реализовываться образовательными агентами, какое влияние новые институты будут оказывать на сотрудников школы, каким будет пошаговый алгоритм достижения общей цели, как избежать формализма в этом процессе. Это позволит избавиться от «контрактных дыр», которыми обычно пользуются агенты, склонные оппортунизму.

Литература

1. Цветкова Г. С. Экономическая ментальность как неформализованный институт экономики // Вестник Марийского государственного технического университета. Сер.: Экономика и управление. 2010. № 2. С. 47–53.
2. Балацкий Е. В. Мутации и мимикрия экономических институтов // Свободная Мысль. 2006. № 6. С. 43–64.
3. Головчин М. А. Адаптивность как институциональный признак агентов в высшем образовании // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 2-1. С. 140–166. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-140-166
4. Курбатова М. В., Левин С. Н., Саблин К. С. «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. № 4. С. 94–111. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111
5. Merton R. K. Social structure and anomie // American Sociological Review. 1938. Vol. 3. No. 5. P. 672–682. DOI: 10.2307/2084686
6. Cohen A. K. The study of social disorganization and deviant behavior // Sociology Today / eds. R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell. N. Y.: Basic Books, 1959. P. 461–484.
7. Метелев А. В., Сердюк Т. Г. Концепция типов индивидуального приспособления и теория «аномии» Р. Мертона (критика оснований и направление развития) // Изв. УрФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 2. С. 61–73.
8. Parsons T. The social system. London: Routledge, 1991. 636 p.
9. Dubin R. Deviant behavior and social structure: continuities in social theory // American Sociological Review. 1959. Vol. 24. No. 2. P. 147–164. DOI: 10.2307/2089426
10. Китиева М. И., Баркинхоева Л. М. Проблема «принципал-агент» и ее роль в экономике // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 2-1. С. 140–143. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10105
11. Петросян Д. С. Институциональные патологии национальной экономики // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 2. С. 372–391.
12. Сухарев О. С. Институты регионального развития: концептуально-практический анализ организационных изменений // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 4. С. 2–12.
13. Клейнер Г. Б. Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование? // Постсоветский институционализм / под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. С. 408–433.
14. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // Social capital: a multifaceted perspective / eds. P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington: The World Bank, 2000. P. 13–39.
15. Тимохова Г. Б., Ильченко А. Е. Предпосылки формирования институционального доверия к реформам в сфере образования // Вчені записки ХГУ «НУА». 2018. Т. 24. С. 151–161. DOI: 10.5281/zenodo.1288842
16. Demolombe R., Louis V. Norms, institutional power and roles: towards a logical framework // Foundations of Intelligent Systems / eds. F. Esposito, Z. W. Raś, D. Malerba, G. Semeraro. Berlin: Springer, 2006. Vol. 4203. P. 514–523. DOI: 10.1007/11875604_58
17. Головчин М. А. Какой учитель нужен «школе будущего»? Применимость подхода Дж. Хэтти для российского образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 229–242. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.15
18. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А. Концепция преодоления оппортунистического поведения работников предприятий // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 4. С. 849–858. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-4.9
19. Капелюшников Р. И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике–2009. М.: НИУ ВШЭ, 2010. Ч. 2. 51 с.
20. Тарасова Н. В., Пастухова И. П., Пестрикова С. М., Чигрина С. Г. Дистанционный режим обучения: проблемы и уроки педагогической деятельности // Среднее профессиональное образование. 2020. № 7. С. 22–27.

21. Пескова О. С. Взаимодействие рынка образовательных услуг и рынка труда как следствие развития экономики знаний // Вестник СГУТиКД. 2011. № 2. С. 84–88.
22. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 238 с.
23. Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-5-5-27
24. Малинецкий Г. Г., Подлазов А. В. ЕГЭ как катализатор кризиса российского образования // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2011. № 3. С. 18–59.
25. Новгородова Е. Ф. Перфекционизм как результат завышенных социальных ожиданий от одаренных учащихся // Социальные явления. 2016. № 3. С. 105–109.
26. Тачкова И. А. Пути преодоления оппортунистического поведения работников фирмы в современных экономических условиях // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 331–333.
27. Зеленев Л. А., Владимиров А. А., Субетто А. И. Оппортунизм – идеология Запада / науч. ред. А. В. Воронцов. СПб.-Н. Новгород: Астерион, 2018. 91 с.
28. Тамбовцев В. Л. Основы институционального проектирования. М.: ИНФРА-М, 2008. 143 с.
29. Щукина Е. С., Димитрова Т. Ю., Имамудинова О. Ф. Оппортунистическое поведение работников в системе отношений труда и капитала. Оренбург: Университет, 2012. 121 с.

original article

Institutional Roles of Teachers in the Region: between Conformism and Nonconformism

Maxim A. Golovchin

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vologda

mag82@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7813-5170>

Received 1 Mar 2021. Accepted 19 Mar 2021.

Abstract: The research objective was to determine the institutional roles chosen by the teachers in the Vologda Oblast, as well as the social and professional phenomena that shape these roles. The study featured the degree of trust that teachers put on local institutions and their participation in the implementation of institutional rules. The agents were clustered according to their institutional roles based on a sociological online survey of the local teacher community. The obtained classification showed that teachers are more likely to choose the role of opportunistic agents that tend to support new institutions but stick to traditions in their professional activities. The formation of such institutional roles as nonconformists, conformists, and opportunists depends largely on the social and professional well-being of the agents, which, in the case of nonconformism, acquires conflict features. The opportunism displayed by the teaching community can be associated with an attempt to avoid conflicts with colleagues and management. Maximum protection from deviant behavior can improve the educational environment if introduced in the process of institutional planning.

Keywords: educational institution, transformations in school education, trust, agent, opportunism, institutional projection

Citation: Golovchin M. A. Institutional Roles of Teachers in the Region: between Conformism and Nonconformism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 28–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-28-38>

References

1. Tsvetkova G. S. Economic mentality as informal institute of economy. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i upravlenie*, 2010, (2): 47–53. (In Russ.)
2. Balatskiy E. V. Mutations and mimicry of economic institutions. *Svobodnaya Mysl*, 2006, (6): 43–64. (In Russ.)
3. Golovchin M. A. Adaptivity as an institutional characteristic of agents in higher education. *Idei i idealy*, 2020, 12(2-1): 140–166. (In Russ.) DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-140-166
4. Kurbatova M. V., Levin S. N., Sablin K. S. The "tripled failure" of institutional design of higher education reform in Russia. *Journal of Institutional Studies*, 2020, 12(4): 94–111. (In Russ.) DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111

5. Merton R. K. Social structure and anomie. *American Sociological Review*, 1938, 3(5): 672–682. DOI: 10.2307/2084686
6. Cohen A. K. The study of social disorganization and deviant behavior. *Sociology Today*, eds. Merton R. K., Broom L., Cottrell L. S. N. Y.: Basic Books, 1959, 461–484.
7. Metelev A. V., Serdyuk T. G. Merton's individual adaptation typology and anomie: critical appraisal. *Izv. UrFU. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, 2018, 13(2): 61–73. (In Russ.)
8. Parsons T. *The social system*. London: Routledge, 1991, 636.
9. Dubin R. Deviant behavior and social structure: continuities in social theory. *American Sociological Review*, 1959, 24(2): 147–164. DOI: 10.2307/2089426
10. Kitieva M. I., Barkinhoeva L. M. Problem "principal agent" and its role in the economy. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 2020, (2-1): 140–143. (In Russ.) DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10105
11. Petrosyan D. S. Institutional pathologies national economy. *Audit i finansovyi analiz*, 2007, (2): 372–391. (In Russ.)
12. Sukharev O. S. Institutes of regional development: a conceptual and practical analysis of organizational changes. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika*, 2012, (4): 2–12. (In Russ.)
13. Kleiner G. B. Institutional change: design, selection, or prosthetics? *Post-Soviet institutionalism*, eds. Nureev R. M., Dementev V. V. Donetsk: Kashtan, 2005, 408–433. (In Russ.)
14. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital. *Social capital: a multifaceted perspective*, eds. Dasgupta P., Serageldin I. Washington: The World Bank, 2000, 13–39.
15. Tymokhova G. B., Ilchenko A. E. Background for institutional prevention of education reforms. *Vcheni zapiski KhGU "NUA"*, 2018, 24: 151–161. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.1288842
16. Demolombe R., Louis V. Norms, institutional power and roles: towards a logical framework. *Foundations of Intelligent Systems*, eds. Esposito F., Raš Z. W., Malerba D., Semeraro G. Berlin: Springer, 2006, vol. 4203, 514–523. DOI: 10.1007/11875604_58
17. Golovchin M. A. What kind of teacher does the "school of the future" need? Possibility of using John Hattie's approach in Russian education. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2019, 12(5): 229–242. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.15 (In Russ.)
18. Belkin V. N., Belkina N. A., Antonova O. A. Opportunistic behaviour of employees: its causes and ways of overcoming it. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 2020, 17(4): 849–858. (In Russ.) DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-4.9
19. Kapeliushnikov R. I. *Plurality of institutional worlds: Nobel Prize in economics–2009*. Moscow: NIU VShE, 2010, pt. 2, 51. (In Russ.)
20. Tarasova N. V., Pastukhova I. P., Pestrikova S. M., Chigrina S. G. Distance learning mode: problems and lessons of pedagogical activity. *Srednee professionalnoe obrazovanie*, 2020, (7): 22–27. (In Russ.)
21. Peskova O. S. Education and job markets interaction as a result of knowledge economy development. *Vestnik SGUTiKD*, 2011, (2): 84–88. (In Russ.)
22. Kleiner G. B. *Evolution of institutional systems*. Moscow: Nauka, 2004, 238. (In Russ.)
23. Kuzminov Ya. I., Radaev V. V., Yakovlev A. A., Yasin E. G. Institutions: from import to raising (lessons from the Russian reforms and opportunities for cultivation of institutional change). *Voprosy Ekonomiki*, 2005, (5): 5–27. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2005-5-5-27
24. Malinetskiy G. G., Podlazov A. V. USE as a catalyst for the crisis of Russian education. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, 2011, (3): 18–59. (In Russ.)
25. Novgorodova E. F. Perfectionism as a result of social expectations of gifted and high achieving students. *Sotsialnye iavleniia*, 2016, (3): 105–109. (In Russ.)
26. Tachkova I. A. Ways to overcome opportunistic behavior by employees of the company in modern economic conditions. *Journal of the Bryansk State University*, 2015, (3): 331–333. (In Russ.)
27. Zelenov L. A., Vladimirov A. A., Subetto A. I. *Opportunism is the ideology of the West*, ed. Vorontsov A. V. St. Petersburg-Nizhny Novgorod: Asterion, 2018, 91. (In Russ.)
28. Tambovtsev V. L. *Foundations of institutional projection*. Moscow: INFRA-M, 2008, 143. (In Russ.)
29. Shchukina E. S., Dimitrova T. Iu., Imamutdinova O. F. *Opportunistic behavior of workers in the system of relations between labor and capital*. Orenburg: Universitet, 2012, 121. (In Russ.)

оригинальная статья
УДК 316.444.5

Тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи

Евгения Анатольевна Ефремова

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, г. Новосибирск
eea-207@yandex.ru

Потупила в редакцию 02.12.2020. Принята в печать 13.01.2021.

Аннотация: Статья носит обобщающий и постановочный характер. В настоящее время актуализируется интерес к проблеме профессиональной мобильности молодежи в связи с новыми социальными реалиями. Цель – определить тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи. Исследование проводится на основе анализа и обобщения материала научно-исследовательских работ, посвященных проблемам профессиональной мобильности молодежи, рынка труда и социальных практик. Дается интерпретация понятия *социальные практики* с различных точек зрения. В результате определены четыре тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи: возрастание гибкости социальных практик, расширение каналов профессиональной мобильности, рост индустрии интернет-пространства, изменение позиции молодых людей относительно занятости. В заключении предложена систематизация социальных практик в развитии профессиональной мобильности. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании процессов управления профессиональной мобильностью молодежи в современном обществе, а также при оказании целенаправленного управленческого воздействия на социальные объекты путем раскрытия их ресурсов и потенциальных возможностей. Учет современных тенденций социальных практик профессиональной мобильности молодежи в работе организаций позволит обеспечить профессиональный рост и конкурентоспособность молодого человека на рынке труда.

Ключевые слова: габитус, профессиональное развитие, деятельность, рынок труда, социальные изменения, управление

Цитирование: Ефремова Е. А. Тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 39–44. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-39-44>

Введение

В современной социологии понятие социальных практик связано с активными преобразованиями в развитии общества и с разнообразными формами социальной деятельности [1–4]. Новые социальные формы, связанные с технологиями, компьютеризацией, включая различные способы получения знаний и информации, все больше приобретают символический характер [3, с. 5]. Изучение профессиональной мобильности молодежи через призму социальных практик представляется наиболее открытой формой изучения социальной реальности. Нарастающая динамика социальных изменений диктует необходимость систематизировать социальные практики профессиональной мобильности молодежи.

Теоретические основы

Под общественной практикой принято понимать совокупную деятельность человечества, опыт всего человечества в его историческом развитии¹. П. Бурдьё вводит категорию габитуса: «габитус есть то, что позволяет

“обжить” институции, практически их присвоить и тем самым поддерживать в активном, жизненном, деятельном режиме» [5, с. 46]. Увидеть суть габитуса можно только при соотношении социальных условий, в которых он формировался, с теми обстоятельствами, в которых он был «приведен в действие» [5, с. 48].

Практика, по П. Бурдьё, «разворачивается во времени и обладает всеми соответствующими характеристиками, такими как необратимость, которая разрушается при синхронизации»; она «всецело имманентна длительности, а потому идет рука об руку со временем» [6, с. 158]. Являясь продуктом истории, габитус производит индивидуальные и коллективные практики [5, с. 46], он обеспечивает актуальность существования прошлого опыта, который в форме схем восприятия, мышления и действия является более верным способом, чем все формальные правила и нормы, гарантируя тождество и постоянство практик во времени [5, с. 48]. Габитус, таким образом, имеет способность породить новые практики. Э. Гидденс считает,

¹ Практика общественная // Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М.: Инфра-М; Норма, 1998. С. 256.

что социальная практика не создается социальными акторами, а только воспроизводится ими. В этом смысле практика отражает рутинность, общепринятые действия в ходе социальной деятельности [7, с. 140].

В. В. Волков и О. В. Хархордин выделяют две идеи в подходе к практикам: идею «фоновых» практик, где преобладает «деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение», и идею «раскрывающих характер» практик, например, освоение какой-либо профессии происходит за счет освоения определенных навыков, необходимых в каждой деятельности [8, с. 18–23].

Одни формы социальных практик институционализируются, становясь прочными, упорядоченными, влияя на развитие социума. Как правило, они отличаются либо большей значимостью и массовостью, либо устойчивостью и традиционностью. Другие виды практик, по мнению Т. И. Заславской и М. А. Шабановой, могут формировать неодобряемые формы социальных действий, они менее значимые, сравнительно редкие, ненормативные или противозаконные [1]. Таким образом, социальные практики гибко реагируют на социальные изменения, происходящие в обществе, способствуя формированию новых социальных институтов. Однако С. А. Ильиных отмечает, что стремительные изменения в обществе могут сказываться на социальных практиках, затрудняя их успешную хабитуализацию, оформление в легитимные институты [9, с. 241].

Социальные практики направлены на выявление наиболее существенных характеристик развития общества. Современное общество характеризуется более целостным и сложным взглядом на субъект, вклад которого в развитие социума определяется не только общими правилами, но и необходимостью удовлетворять требованиям и запросам общества на различных уровнях социальной практики – межперсональной, культурной, сознательной и бессознательной [3, с. 7]. Любые достижения и новшества, появляющиеся в обществе, опираются на предыдущий опыт, влияя на развитие социальных практик в настоящем. Как отмечают А. С. Петухов и С. В. Пиров, соотношение повседневности и системы носит дуальный характер: повседневность отражает реальные характеристики социальной системы и в то же время является источником ее трансформации [10, с. 161].

Некоторые тенденции социальных практик профессиональной мобильности

А. И. Ковалева под профессиональной мобильностью понимает перемещение человека в социально-профессиональной структуре общества с изменением или без изменения социального статуса [11, с. 298]. М. Н. Реутова трактует профессиональную мобильность молодых людей как изменение профессии, переквалификацию в рамках своей специальности, повышение квалификации, карьерный рост, служебное продвижение [12, с. 188]. Положения о сущности профессиональной мобильности

и факторах, на нее влияющих, позволяют рассматривать социальные практики как многоаспектное явление.

А. М. Сергиенко под социальными практиками на рынке труда понимает совокупность устойчивых и массовых социальных действий (взаимодействий), осуществляемых акторами на входе, выходе и в самой системе рынка труда [4, с. 184]. В зависимости от выполняемых действий исследователь выделяет социально-экономические (поиск, создание, сохранение и расширение мест приложения труда) и социально-политические (связанные с деятельностью акторов по формированию и защите их интересов и прав на рынке труда) практики.

Т. И. Заславская и М. А. Шабанова приводят примеры трудовых и неправовых трудовых практик. Трудовые практики включают выполнение правовых норм и взаимных обязательств в период занятости, а неправовые трудовые практики связаны с нарушением акторами легитимных законов, разных уровней норм права, социокультурных традиций, регулирующих отношения труда и занятости. При этом отмечается, что отклонение от правовых предписаний все чаще превращается в норму, проникая в институты социализации молодых людей [1].

Процесс вхождения молодых людей в профессиональную деятельность сопряжен как с получением независимости, формированием собственной траектории профессионального развития, так и с некоторыми трудностями. В таких условиях основой исследования проблемы может стать теория социальных изменений Э. Гидденса [7]. Во внимании этого подхода личность видится как субъект социальных отношений с социальными связями и практиками. Согласно теории, крайне важно учитывать ситуацию быстро меняющегося социума, в котором необходимо не только адаптироваться, но и уметь реализовывать себя, изменять социум. Изменения, неопределенность, выбор становятся ведущими чертами современной действительности, влияя на стиль жизни каждого человека. Э. Гидденс пишет, что: «в условиях высокой современности индивиды вынуждены самостоятельно выбирать свой жизненный путь», под которым он понимает «более или менее объединенное множество практик, используемых индивидом» [7, с. 57].

Этот подход представляет интерес для изучения профессиональной мобильности в рамках происходящих в обществе социальных изменений, т. к. одновременно возникают изменения в поведении и сознании людей, их повседневных практиках. В большей мере они затрагивают молодых людей, которые находятся на пике социальных перемен, обостряя проблемы социализации, трудоустройства. В связи с трансформацией многих социальных практик молодому человеку предстоит делать постоянный выбор с учетом этих изменений, а значит, возрастает риск [7, с. 52]. Мы разделяем факт того, что человек подвержен многочисленным рискам в современном обществе, но, с другой стороны, стремительные перемены предоставляют и определенные возможности,

которыми человек должен уметь воспользоваться в новых социальных реальностях.

Рассмотрим условия, в которых происходит развитие профессиональной мобильности молодого поколения, т.к. они напрямую связаны с характером современного социально-исторического этапа. Остановимся на некоторых из них, определив наиболее общие характеристики тенденций.

Первая тенденция связана с возрастанием гибкости социальных практик. На рынке труда выделяют такие виды и формы массовых социальных практик, как вторичная занятость, трудовая миграция, поиск работы, практики дистанционной занятости, самозанятость и др. [2; 4; 13–16]. Наряду с этим сегодня реализуются и инновационные социальные практики для молодежи в сфере занятости, в частности проекты по обучению и трудоустройству молодых IT-специалистов с инвалидностью, для молодых мам – по производству и выпуску одежды [13, с. 77]. Гибкость социальных практик обусловлена и стремительным появлением новых профессий и специальностей на рынке труда, появлением наукоемких технологий, обновлением форм и видов занятости, а значит, возникает необходимость переобучения, смены профессии. Стоит отметить, что социальные изменения и далее будут влиять на рынок труда, следовательно, будут появляться новые социальные практики, приходящие на смену существующим, или трансформироваться устоявшиеся.

Вторая тенденция – расширение каналов профессиональной мобильности. Такие каналы входа в профессию, как личные связи, друзья, семья, образование, служба занятости, кадровое агентство, распределение от учебного заведения являются традиционными. Однако социальные практики, реализуемые через институционализированные каналы профессиональной мобильности, сегодня не всегда решают профессиональные проблемы, связанные с трудоустройством и карьерой человека. Все большее значение получают цифровая среда, личностный потенциал, социальные качества, корпоративное обучение, профессиональный опыт. Важность наличия опыта работы для успешного трудоустройства после вуза требует институциональной реализации этой общественной потребности. Например, в исследовании М. Н. Реутовой указаны успешные практики взаимосвязи университетов и крупных компаний, включающих студентов старших курсов в свою деятельность [12]. Среди действенных практик можно отметить поощрение молодых специалистов работодателями стажировками в других регионах. Эффективное управление каналами профессиональной мобильности должно базироваться на использовании различных социальных технологий, выступающих ресурсом в регулировании социальных процессов [17, с. 80]. Расширение каналов обуславливает важность управления профессиональной мобильностью молодежи не только на уровне государства, социальных институтов, но и личности.

Третья тенденция определяет вектор социальных практик в связи с ростом индустрии интернет-пространства. Использование Интернета как канала, инструмента, технологии в арсенале профессиональной мобильности становится все более актуальным благодаря его уникальным коммуникационным характеристикам. Цифровая среда задает профессиональные ориентиры, отношение к построению карьеры, представлениям о профессиональном будущем [18, с. 232]. Молодежь сегодня находится в принципиально иной ситуации, чем предыдущее поколение: интернет-среда гораздо шире влияет на их профессиональную мобильность. Современные информационные технологии предоставляют возможность быстрее осваивать новые специальности, повышать свою квалификацию через онлайн-курсы и вебинары. Интернет предлагает различные способы развития профессиональной мобильности: возможность получать профессиональные знания независимо от территории проживания, оперативно получать информацию о вакансиях и самостоятельно находить подходящую работу. Сообщества в социальных сетях позволяют вести удаленную работу. Очевидно, что информационные технологии сейчас оказывают на профессиональную мобильность огромное влияние. Это не просто тенденция, которую желательно учитывать. Стремительно развивающееся информационное общество активно воздействует на формирование новых социальных практик.

Четвертая тенденция связана с изменением позиции относительно занятости молодых людей. Ю. А. Зубок обращается к проблеме формирования социальных и социокультурных условий, в которых формируются жизненные стратегии молодежи [14, с. 6]. Роль различных институтов в жизни молодых людей изменилась, заметнее стало их отставание от реальных потребностей молодежи, а взаимодействие с ними регулируется исходя из индивидуальных целей молодых людей и сопровождается экспансией самостоятельности в построении жизненной траектории [14, с. 8]. В условиях многообразия социальных практик наиболее востребованными качествами становятся постоянный поиск себя, самостоятельность, рефлексивность [2, с. 217]. Эти особенности, в том числе самоорганизация и «атомизация», как специфические формы саморефлексии молодежи, по мнению В. П. Бабинцева и Е. В. Реутова, связаны с попытками осознать свою роль в обществе риска [19, с. 111]. Исследования по молодежной проблематике свидетельствуют о низком уровне межличностного и институционального доверия в молодежной среде, вследствие чего возникает «атомизация» социальных практик [19]. Этот феномен отражается и в социальных практиках профессиональной мобильности молодежи как ответная реакция на изменения в социуме, как адаптация к сложившимся социокультурным условиям, что приводит к выбору индивидуализированных внеинституциональных практик. Увеличение практик дистанционной занятости, фриланса, самозанятости [15; 19], с одной стороны, дает

шанс самореализации молодым людям, с другой стороны, имеет и определенные минусы: отсутствие социальных гарантий, повышенные требования к навыкам самоорганизации. Модель выбора самозанятости, по замечанию М. Г. Бурдуцкой и В. С. Харченко, чаще является вынужденной, чем добровольной, и отражает влияние внешних условий, в частности сложившихся на региональном рынке труда [15]. Исследование, проведенное Н. П. Касаткиной и Н. В. Шумковой, свидетельствует, что самообразовательные практики молодежи выполняют важную роль в формировании альтернативных карьерных траекторий, при этом самозанятость характеризуется существенной индивидуализацией сопутствующих практик, повышается роль молодежи как агента новых социальных практик [2, с. 204–207]. Субъектность молодежи в планировании своего профессионального развития растет, а неформальные практики занятости становятся для молодых людей все привлекательнее, т. к. предлагают гибкий график, возможность удаленной работы, дополнительный заработок.

Заключение

Социальные практики в развитии профессиональной мобильности можно рассматривать как комплекс действий и взаимодействий социальных субъектов, обеспечивающих эффективное решение актуальных задач профессионального развития. Основу систематизации социальных практик в процессе профессиональной мобильности молодежи составляет современный контекст российского общества, учитывающий традиции и инновационные изменения на рынке труда. В качестве ведущего признака выделяется деятельность, влияющая на изменение профессиональной позиции индивида по направлениям перемещения (горизонтальная и вертикальная мобильность), по наличию определенных каналов мобильности, по решению задач стабилизации социального самочувствия в процессе мобильности. Обобщая различные исследования, представим попытку типологизации социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи на основании социологического и социально-психологического принципов следующим образом:

- социальные практики в области поиска места работы (каналы входа в профессию): интернет-сервисы для поиска работы (включая поиск и размещение резюме / портфолио / кейса), знакомые, личные связи, семья, друзья, кадровое агентство, служба занятости населения, распределение от вуза и др.;

- социальные практики в области карьерного роста (вертикальная мобильность): личные стремления, знакомые, личные связи, партнерство и др.;
- социальные практики в области саморазвития и повышения квалификации (горизонтальная мобильность): онлайн-курсы, вебинары, семинары, мастер-классы, воркшопы, корпоративное обучение, дистанционная занятость и обучение, направленные на развитие профессиональных компетенций, человеческого и социального капитала, поощрение молодых специалистов в виде стажировки и обучения в других регионах, странах и др.;
- неформальные социальные практики занятости (поиск альтернативных каналов профессиональной мобильности, упрочняющих принцип индивидуализации, свободы, независимости от государства и социальных гарантий): фриланс, самозанятость, профессиональные сети и др.;
- социальные практики поддержки социально-психологического самочувствия (при смене работы, освоении новой специальности, неудовлетворительном увольнении, переезде в другой город, страну, небольшом опыте работы): социально-психологическое консультирование, наставничество в профессии, обращение к коуч-тренерам по карьерному развитию, тренинги по тайм-менеджменту, формированию стрессоустойчивости, предоставление гибкого графика труда при определенных обстоятельствах и др.

Учитывая влияние неустойчивости социальных процессов на мобильность молодежи, институт социальных практик в формировании мобильности на рынке труда требует эффективных управленческих решений, внедрения определенных социальных технологий, что позволит молодым людям более уверенно «вступить в практическое отношение с миром» [3, с. 12]. В связи с этим повышаются требования к субъектам социальных технологий, их социально-технологической культуре. В социальном взаимодействии важно действовать конструктивно и гуманно [20, с. 156].

Социальные практики позволяют раскрыть широкий спектр социальных явлений, включая меняющиеся тенденции в развитии профессиональной мобильности молодежи. А появление новых видов социальных практик профессиональной мобильности обуславливает необходимость дальнейшего эмпирического изучения ввиду их быстрой трансформации и модификации в современных условиях.

Литература

1. Заславская Т. И., Шабанова М. А. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. Т. 11. № 2. С. 3–38.
2. Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201–223. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600
3. Квасова И. И. Социальные практики и человеческий опыт (дискурс П. Бурдьё) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 2. С. 5–12.

4. Сергиенко А. М. Социальные практики россиян на рынке труда: системный анализ процессов трансформации // Социальные практики современной молодежи: поиск новых идентичностей: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Барнаул, 21–22 мая 2009 г.) Барнаул, 2009. С. 183–185.
5. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.
6. Бурдые П. Практический смысл / под общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии, 2001. 562 с.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 343 с.
8. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.
9. Ильиных С. А. Риск как предмет исследования социологии управления // Научные исследования и разработки в эпоху глобализации: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 5 февраля 2017 г.) Уфа, 2017. Ч. 1. С. 241–243.
10. Петухов А. С., Пирогов С. В. Теории практик как методология изучения повседневности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 159–167. DOI: 10.17223/1998863X/41/18
11. Ковалева А. И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 298–300.
12. Реутова М. Н. Профессиональная мобильность молодежи: двадцать лет спустя // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 14. С. 188–199.
13. Соловьева Т. С., Попов А. В. Социальные инновации в сфере занятости: региональный опыт // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2015. № 2. С. 65–84.
14. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
15. Бурлуцкая М. Г., Харченко В. С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 111–123.
16. Каниева М. М., Орлова М. Г. Технологии уберизации в сфере занятости молодежи // Наука. Университет. 2017: мат-лы 18 Междунар. ежегодной науч.-практ. конф. (Новосибирск, 30 марта 2017 г.) Новосибирск, 2017. С. 296–299.
17. Ефремова Е. А. Особенности внедрения социальных технологий: проблемы и перспективы // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 3. С. 76–82. DOI: 10.5281/zenodo.3763728
18. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228–251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11
19. Бабинцев В. П., Реутов Е. В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 109–115.
20. Бурмыкина И. В. Методологические основания теории социальных технологий современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 151–161.

original article

Developing the Occupational Mobility of Youth: Tendencies in Social Practices

Evgenia A. Efremova

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk
eea-207@yandex.ru

Received 2 Dec 2020. Accepted 13 Jan 2021.

Abstract: The new social reality increased public interest in the issues of occupational mobility of the youth. The research objective was to determine the tendencies of social practices in this sphere. The author analyzed and generalized scientific publications on the problems of occupational mobility of young population and the related labor market. The paper introduces various interpretations of the concept of "social practices" and systematizes them. The author identified four trends in the social practices: 1) an increase in the flexibility of social practices, 2) an expansion of channels of professional mobility, 3) the development of the Internet industry, and 4) a change in the attitude of young people to employment.

The research results can improve the management of the occupational mobility of young people in modern society, as well as provide targeted management impact on social facilities by revealing their resources and potential. By taking into account modern trends in social practices of occupational mobility of young population, organizations can ensure professional growth and competitiveness of young employees in the labor market.

Keywords: habit, professional development, activities, labor market, social changes, management

Citation: Efremova E. A. Developing the Occupational Mobility of Youth: Tendencies in Social Practices. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 39–44. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-39-44>

References

1. Zaslavskaya T. I., Shabanova M. A. Institutionalization of non-legal social practices in Russia: labor sphere. *Mir Rossii*, 2002, 11(2): 3–38. (In Russ.)
2. Kasatkina N. P., Shumkova N. V. From self-education to self-employment: back entrance for youth to the labor market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (3): 201–223. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600
3. Kvasova I. I. Social practices and human experience (P. Bourdieu's discourse). *RUDN Journal of Sociology*, 2009, (2): 5–12. (In Russ.)
4. Sergienko A. M. Social practices of Russians in the labor market: a systematic analysis of transformation processes. *Social practices of modern youth: search for new identities: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation*, Barnaul, May 21–22, 2009. Barnaul, 2009, 183–185. (In Russ.)
5. Bourdieu P. Structure, habitus, practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 1998, 1(2): 44–59. (In Russ.)
6. Bourdieu P. *Le Sens pratique*, ed. Shmatko N. A. St. Petersburg: Aleteia; Moscow: In-t eksperim. sotsiologii, 2001, 562. (In Russ.)
7. Giddens A. *The consequences of modernity*. Moscow: Praxis, 2011, 343. (In Russ.)
8. Volkov V. V., Kharkhordin O. V. *Practice theory*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008, 297. (In Russ.)
9. Ilinykh S. A. Risk as a subject of research in the sociology of management. *Research and development in the era of globalization: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Volgograd, 5 Feb, 2017. Ufa, 2017, pt. 1, 241–243*. (In Russ.)
10. Petukhov A. S., Pirogov S. V. Practice theories as a methodology for everyday life studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (41): 159–167. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/41/18
11. Kovaleva A. I. Professional mobility. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, (1): 298–300. (In Russ.)
12. Reutova M. N. Professional mobility of youth: 20 years after. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*, 2008, (14): 188–199. (In Russ.)
13. Solovieva T. S., Popov A. V. Social innovations in employment: region's experience. *Ars Administrandi*, 2015, (2): 65–84. (In Russ.)
14. Zubok Ju. A. Youth: life strategies in a new reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (3): 4–12. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
15. Burlutskaya M. G., Kharchenko V. S. Freelancers: social status, career strategies and professional development. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2013, 16(1): 111–123. (In Russ.)
16. Kanieva M. M., Orlova M. G. Uberization technologies in the sphere of youth employment. *Science. University. 2017: Proc. 18 Intern. annual Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, 30 Mar, 2017. Novosibirsk, 2017, 296–299*. (In Russ.)
17. Efremova E. A. Features of the introduction of social technologies: problems and prospects. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*, 2020, (3): 76–82. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.3763728
18. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Sinyakov A. V., Azarov A. A. The impact of digital communication on Russian youth professional culture: results of a comprehensive applied study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, (1): 228–251. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11
19. Babintsev V. P., Reutov E. V. Self-organization and "atomization" of youth – an actual form of social and cultural reflection. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, (1): 109–115. (In Russ.)
20. Burmykina I. V. Methodological basis for the theory of social technologies of the modern world. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 2013, (4): 151–161. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 316.4

Цифровая среда высшего образования в России: объективные условия и субъективное восприятие студентами дистанционного обучения в ситуации повышения рисков

Раушания Ильшатовна Зинурова
Казанский национальный исследовательский
технологический университет, Россия, Казань

Татьяна Николаевна Никитина
Казанский национальный исследовательский
технологический университет, Россия, Казань
nita101@mail.ru

Поступила в редакцию 25.11.2020. Принята в печать 19.01.2021.

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию перехода российского высшего образования на дистанционный формат обучения в период повышенных рисков, связанных со сложной эпидемиологической ситуацией в стране. Особое внимание уделено событиям готовности вузов к внедрению обучения на дистанционных платформах. Акцент сделан на правовых и организационных аспектах цифровой среды. Научная новизна исследования заключается в постановке перспективных задач по переводу вузов на дистанционное или смешанное обучение. Цель – раскрыть возможности цифровой среды высшего образования в условиях повсеместного перехода на онлайн-формат обучения. Исследовательской задачей стала разработка с последующим проведением формализованного интервью со студентами очных отделений российских вузов. Проанализированы интервью руководителей высших учебных заведений о готовности вузов к переходу на дистанционное обучение, представленные в средствах массовой информации, выявлены проблемные области, связанные с этим процессом. В результате определен круг вопросов, решение которых повысит результативность перехода на дистанционный формат обучения. Обозначены направления развития и проблемные области цифровой среды вузов в концепции цифровой экономики страны. Результаты могут способствовать развитию дистанционного образования в России, а также решить проблемы, возникающие при переходе на дистанционный или смешанный формат обучения.

Ключевые слова: цифровая экономика, образовательная платформа, цифровой университет, образовательные стандарты, электронное образование, цифровые технологии

Цитирование: Зинурова Р. И., Никитина Т. Н. Цифровая среда высшего образования в России: объективные условия и субъективное восприятие студентами дистанционного обучения в ситуации повышения рисков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 45–57. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-45-57>

Введение

Современные тенденции образовательной среды включаются в общую трансформацию российской экономики в рамках ее цифровизации. Повсеместно появляется цифровая инфраструктура, роль человеческого капитала многократно возрастает, идет смена парадигм политических институтов, усиливается роль СМИ, поколение XXI в. создает цифровой социум. Основные инновации в российской системе образования направлены на создание наукоемкого общества, формирование инновационного капитала и индивидуальных образовательных траекторий, создание цифровой среды как естественной, что в конечном итоге призвано обеспечить конкурентоспособность российского образования в мире. Институт высшего образования предоставляет ресурсы для реализации профессиональной стратегии, мотивирует и формирует этапы профессиональной карьеры с целью развития человеческого капитала.

Цифровая среда образования выстраивается на сетевой логике использования информации, включается в сетевую экономику, определяет новые компетенции выпускников и изменяет традиционные модели занятости. Общение осуществляется в виртуальном пространстве, размываются пространственные и временные границы процессов обучения. В методологию науки в связи с внедрением интернет-пространства хранения информации приходит анализ больших данных, влияющий на мнения и социальное поведение людей. В современной личности ценятся способности функционировать в сетевой среде. Появляются новые социальные медиа, определяющие общественное сознание.

Современная система образования предоставляет возможность обучения на дистанционных образовательных платформах. Внедрение дистанционных технологий в образовательный процесс вузов исторически реализовывалось с разным успехом в зависимости от потребности

в дистанте, технической подготовки вуза и количества обучающихся, наличия законодательной базы, площадок для его размещения, информационной подготовки преподавателей и тьюторов, методического контента. Если в начале XXI столетия переход на дистанционное обучение являлся, скорее, способом апробации инновационных технологий, вузы не были готовы технически и методологически к инновациям, сегодня в системе образования цифровые технологии внедряются повсеместно. Профессиональное развитие молодежи в современном мире цифровизации входит и в глобальные приоритеты Республики Татарстан [1, с. 58].

Статья посвящена исследованию процесса внедрения электронного образования в современную систему высшего образования. Проблемное поле включает актуальные, на наш взгляд, вопросы: насколько активно происходят изменения в образовательной среде вуза? Существует ли методология создания комплексной, целостной структуры цифрового образования? Каким образом трансформируется система ценностных приоритетов образовательного сообщества в лице субъектов образовательного процесса (руководителей, преподавателей и студентов)? Возможно ли с большей вероятностью прогнозировать развитие цифрового образования в современных условиях экономического кризиса в мире? Каким образом трансформируется роль преподавателя как активного актора цифрового образования? При помощи каких технологий возможно повысить активность студентов, готовы ли они воспринимать образовательный контент при помощи информационных технологий?

Цель – раскрыть возможности и проблемы цифровой среды высшего образования в условиях повсеместного перехода на онлайн-формат обучения с позиции субъектов образовательного процесса.

Методы и материалы

Анализ научных источников и результатов, проведенных в сфере российского образования исследований свидетельствует о готовности вузов внедрять системы смешанного или электронного образования. Российское образование, по мнению социологов, находится в институциональном тупике. Результаты комплексного исследования информационных потоков в образовательной среде показывают избыточность, интенсивность и формализацию, связанные с бумажными источниками информации. Объем и структура информационных потоков, социальные реалии бумажной работы влияют на социальное и профессиональное самочувствие работников. Доказано, что основным источником бумажного прессинга является ошибочная управленческая стратегия, которая игнорирует общественную миссию образования и широкие возможности общественно-государственного управления, выражает бюрократическое недоверие работникам [2].

Новые информационные и коммуникационные технологии не только направлены на создание инновационной

среды в образовании, но и позволяют формировать усложненный образовательный контент с помощью современных средств мультимедиа, создавать новые средства для обучения и сотрудничества субъектов образовательного процесса [3]. Анализ отечественной и зарубежной практики позволил выделить характерные особенности дистанционного обучения: гибкость, модульность, совмещение с профессиональной деятельностью, территориальную удаленность, асинхронность в построении процесса обучения, массовый охват, рентабельность в плане удешевления процесса получения знаний, использование новых информационных технологий, равные возможности в получении образования для различных категорий населения, интернациональность и экспорт образовательных услуг [4].

И. В. Борисов определяет дистанционное обучение как усовершенствованное заочное в соединении с информационными технологиями и техническими характеристиками персональных компьютеров, аудио- и видеотехники, оптоволоконной техники. При этом дистанционное обучение как технология связано «со статусными изменениями личности, потребностями общества в мобильной профессиональной подготовке и переподготовке, потребностями коммуникативных связей в процессе современного образования в условиях пространственно-временной удаленности его потребителей» [5, с. 10, 61].

К основным функциям информационного пространства в системе образования относятся [6, с. 85]:

- 1) интегрирующая (создание единой пространственно-коммуникативной и социокультурной среды в системе образования);
- 2) коммуникативная (формирование среды для трансграничной, интерактивной и мобильной коммуникации);
- 3) актуализирующая (актуализация интересов различных субъектов деятельности посредством реализации ими информационной политики);
- 4) геополитическая (формирование новой среды геополитических отношений и конкуренции);
- 5) социальная (трансформация состава общества, содержания социально-политических (общественных) отношений во всех сферах жизни общества).

Дистанционное обучение как система организации образовательного процесса состоит из трех базовых подсистем, состоящих из определенных компонентов. Дидактическая подсистема (перспективные и промежуточные цели обучения) включает знания, умения, навыки и профессиональные качества, формируемые в процессе обучения. Используются общедидактические методы обучения (традиционные, информационные, научно-исследовательские, экспериментальные). К этой подсистеме относят подготовку профессорско-преподавательского состава, в том числе как организатора мозговых штурмов и телеконференций. Основная часть обучения при дистанционном формате отводится

на контролируемую самостоятельную работу студента. Обеспечивающая подсистема: учебно-материальные средства, финансово-экономические ресурсы, нормативно-правовое обеспечение образовательного процесса и результаты маркетинговых исследований. Техническая подсистема выполняет функции передачи информации, контроля и проведения консультаций (печатные материалы, компьютерные программы, средства телекоммуникации) [7, с. 144–145].

П. А. Пеккер, изучая процесс внедрения дистанционного обучения в вузах Москвы, пишет, что по мнению большинства опрошенных, несмотря на свой потенциал, дистанционная форма остается невостребованной в России. Но увеличивается число студентов, выбирающих этот формат обучения. По прошествии десятилетия дистаннт станет востребованной технологией, а молодежь регионов получит возможность обучаться в лучших российских вузах [8, с. 67].

Н. А. Муллагалиев и Р. В. Уразлина в ходе исследования на базе Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ) выяснили, что студенты считают положительной стороной дистанционного обучения мотивацию на самостоятельную работу, возможности поисковых систем Интернета, интерактивное объективное оценивание, наличие обратной связи с преподавателем, индивидуальные траектории изучения курса, адаптацию дизайна курсов к любым мобильным устройствам [9, с. 189–190].

Н. А. Кислякова отмечает отличие дистанционного обучения от заочной формы: в дистанционном обучении используются методы совместной исследовательской и творческой деятельности (метод проектов, проблемных ролевых или деловых игр, кейс-метод), при заочном обучении их осуществление проблематично. Формы и виды контроля в дистанционном обучении разнообразнее, сочетают как автоматизированный контроль знаний, так и открытые виды контроля совместного результата деятельности [10, с. 235].

Специалисты в области отечественной педагогики пишут о необходимости применения системного подхода к разработке основ инновационного образования, включая помимо системообразующих факторов информационно-технологическое обучение, систему компетенций, педагогическое проектирование учебного процесса и систему оценки эффективности обучения [11, с. 19]. К основным недостаткам введения новых технологий в учебный процесс ученые относят отсутствие методологии внедрения инновационных моделей и технологий и развитой экспертизы инноваций, неудовлетворительный уровень финансирования и связанную с ним бедность материально-технической базы, отсутствие должной информационной поддержки со стороны СМИ и общества. Широкому внедрению дистанционных технологий в образовательный процесс препятствует различный уровень подготовленности студентов, необходимость

больших финансовых затрат на приобретение оборудования и неравномерное развитие информационных технологий в части каналов передачи данных [12, с. 19].

Интерес представляет опыт США в создании дистанционного обучения, где отбор технологий для дистанционного обучения происходит на основе рекомендаций отдельного направления – онлайн-педагогика. Опытным путем выявляются формы и методы организации учебного материала, которые компенсируют недостатки и создают пространство для «живого» общения. Широко применяются дискуссии и работа в команде. Обычный учебный курс включает в себя несколько элементов: учебные модули, систему оповещения (срочные объявления преподавателя, чаще всего еженедельные), электронную доску объявлений (пояснения преподавателя для всей группы), систему *вопрос – ответ*. В состав учебных модулей (обычно их 5–7) входят мини-лекции (часто в виде презентации *Power Point*), дискуссии, перечень источников для самостоятельной работы, проверочные задания и контрольные работы, предусмотрены курсовые проекты [13, с. 76].

Подготовка преподавателей к работе в системе дистанционного обучения включает последовательность мотивационного, информационного, организационно-структурного, конструктивного, рефлексивного этапов [14]. Взаимодействие преподавателя и студентов в системе дистанционного обучения меняет роль преподавателя: он перестает быть основным источником знаний и «занимает позицию человека, организующего самостоятельную деятельность обучающихся и управляющего ею. Его основная роль состоит теперь в постановке целей обучения и организации условий, которые необходимы для успешного решения образовательных задач» [15, с. 41].

Группой исследователей во главе с В. И. Красовским проведен опрос 112 профессорско-преподавательских работников (генеральная совокупность), ведущих обучение в дистанционной форме и представляющих 27 кафедр гуманитарного, экономического и технико-технологического профилей Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (БГУИР). Также были опрошены 276 студентов БГУИР, обучающихся дистанционно. В ходе опроса студенты указали на недостатки формата, на первое место поставив сложность получения оперативной консультации у тьютора, на второе – сложность самоорганизации процесса обучения. На третье место студенты и преподаватели поставили низкое качество электронных учебно-методических комплексов. Преподаватели отдали первое место сложности самоорганизации процесса обучения, второе – отсутствию личного компьютера [16, с. 20–22].

И. А. Алешковский с соавторами пишут, что «несмотря на распространенное мнение о том, что дистанционное обучение стремительно набирает обороты и постепенно вытесняет традиционный формат, или, как минимум, составляет ему серьезную конкуренцию, большинство респондентов заявили, что до марта 2020 г. они не имели

личного опыта получения образования в дистанционном формате (67,6 %). То есть фактически только около трети студентов имели опыт обучения в дистанционном формате. Таким образом, можно говорить о том, что значение и популярность такого нового формата усвоения знаний до начала пандемии были несколько преувеличены» [17, с. 89–90].

Социологами рассматривается электронное образование в системе непрерывного образования в контексте происходящих в современном российском обществе модернизационных процессов. Особое внимание в социологии образования уделяется концепции андрагогического образования. Электронное образование становится механизмом обучения в течение всей жизни, основой самообразования людей, имеющих определенные образовательные predispositions и мотивированность профессиональными целями. Полученные в вузе компетенции обучения в системе онлайн будут способствовать самообразованию и повышению профессионального уровня. В мире существуют тенденции социально-экономических неравенств в непрерывном образовании, обусловленные доступностью и участием трудоспособного населения в образовательных проектах и программах. В социологии образования актуальным является вопрос: непрерывное образование выполняет функции генератора социального неравенства или становится социальным уравнивателем шансов людей на получение образования? [18].

Социологией образования выявляются взаимосвязи образования и социально-экономических факторов человеческого развития. Переход к системе непрерывного образования становится главным направлением накопления человеческого капитала в условиях постиндустриальных модернизаций. Развитие социально-экономических связей определяет образовательные возможности молодежи. Статусные и экономические возможности, восприятие действительности и повседневное поведение определяются образовательными и социально-экономическими возможностями. Ученые говорят о связи между способностью к мотивированной учебе у части взрослого населения современной России и восприятием им мероприятий модернизации, готовностью участвовать в них [19].

Вопрос накопления человеческого капитала изучается в социологии образования в контексте анализа статистических материалов о демографической ситуации в стране, экспертных аналитических отчетов по образованию и состоянию рынка труда, динамики охвата профессиональным образованием и участия населения в непрерывном образовании. С учетом существующего контекста образовательной реальности, когда молодежь все чаще останавливается на уровне среднего профессионального образования, актуальной становится концепция «образования второго шанса» как наиболее эффективный

механизм накопления человеческого капитала. В таких условиях электронное образование становится востребованным, т.к. способствует интеграции образования и профессиональной деятельности [20].

Цифровые технологии меняют классические модели университетского образования, минимизируя его транзакционные издержки, но одновременно создавая новые социальные риски. Профессорат – главная жертва цифровизации, поскольку замена живого и непосредственного контакта в отношениях *лектор – студент* делает образование более доступным и экономичным, отчасти и комфортным, но одновременно слабо коммуникативным и менее эффективным с точки зрения формирующей личности воспитательного потенциала [21].

Л. Н. Рулиене рассматривает web-ориентированную учебную деятельность (*web-training*) как активное взаимодействие субъекта (студента) с образовательными web-ресурсами. Содержание *web-training* подразумевает формирование навыков обработки знаний, информации, размещенной в глобальной сети, овладение интеллектуальными умениями, необходимыми для работы с информационными ресурсами. Студенты приобретают умение создавать и преобразовывать информационные ресурсы, способности управлять информационными потоками [22, с. 93].

Российское высшее образование и цифровые технологии

Исторические корни внедрения дистанционного образования в российскую высшую школу закладывались с 2007 г. по 2012 г. В этот период в российскую систему дистанционного образования стали включаться технологии *Web 2.0*, начали формироваться специализированные системы дистанционного обучения на основе SCORM (Moodle, Прометей, e-Learning), социальные сети использовались как коммуникационная среда обучения. В этот период реализована концепция «обучение в любое время в любом месте», развиваются «облачные» технологии для формирования и наполнения систем дистанционного обучения *Web 2.0* как технологии для построения курсов, реализуется концепция мобильного образования. В вузах развивается дистанционное направление, создаются дистанционные институты.

Студенты становятся активными участниками дистанционного учебного процесса. Появляются возможности пользования электронными библиотеками и открытыми энциклопедиями, развиваются блоги и сетевые сервисы. Существенные изменения в нормативно-правовом регулировании дистанционного обучения произошли в 2012 г., когда вступил в силу ФЗ «О внесении изменений в Закон РФ "Об образовании" в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий»¹.

¹ О внесении изменений в Закон РФ «Об образовании» в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. ФЗ от 28.02.2012 № 11-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1159.

Но дистанционное обучение к 2012 г. не признано отдельной формой обучения наряду с очным, заочным, очно-заочным. Оно по-прежнему имеет статус образовательных технологий.

В работе А. Р. Тузикова и Р. И. Зинуровой отмечается, что «студенчество – активный участник экономической и социальной жизни, и его политический потенциал весьма заметен. В идеале студенчество мыслится как слой, способный к самозанятости и создающий высокотехнологичные бизнес-проекты (стартапы) еще на студенческой скамье. Уже ясно, что нынешние поколения будут получать высшее образование неоднократно, а с учетом дополнительной переподготовки и повышения квалификации идет процесс институционализации "образования через всю жизнь" ("lifelong learning"). Соответственно, и студенческий статус расширяет свои демографические границы» [23, с. 42].

Цифровизация в России связана с двумя важными процессами. Первый – подготовка системы образования к внедрению инновационных информационных технологий, второй – выпуск специалистов, готовых работать в условиях цифровой экономики и внедрять инновации во все сферы жизнедеятельности. Аналитический центр при Правительстве РФ адаптировал 14 критериев методологии оценки готовности страны к цифровой экономике по отношению к системе профессионального образования, разработанных изначально Всемирным банком. Они хорошо известны в отечественной образовательной практике, т. к. весь процесс анализа электронного образования в вузах выстраивается в соответствии с ними: применение информационных технологий, готовность преподавательского состава к использованию информационных технологий, автоматизация административных процессов, наличие информационной инфраструктуры образовательной деятельности².

С точки зрения парадигмы цифрового общества не дистанционные технологии становятся частью образовательного процесса, а цифровая среда должна стать оболочкой для выстраивания современной системы образования. Инновационное восприятие образовательного контента отражено в видах образования, представленных Сколково в 2017 г. Это онлайн-, мобильное и смешанное обучение. К цифровым инновациям относят онлайн-обучение в виде смешанных форм обучения (*blended learning*) и развитие онлайн-курсов *MOOCs* (*Massive Open Online Courses*), количество которых ежегодно увеличивается: более 500 университетов предлагают более 4200 курсов. В РФ смешанное обучение становится востребованным, т.к. переход на полностью дистанционное обучение наталкивается на отсутствие скоростного Интернета

и недостаточную подготовку методического материала, оценочных средств. Смешанное обучение сочетает очное и электронное обучение с возможностью самостоятельного выбора студентом времени, места, темпа и траектории обучения.

В рамках федеральной программы развития образования на 2013–2020 гг. в России с 2016 г. реализуется проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ». Модернизация образования нацелена на создание образовательных программ с использованием современных информационных технологий. Предполагается создание электронного обучающего контента, возможность онлайн-консультаций и дистанционного взаимодействия преподавателей и студентов, создание тестовых материалов, повышение квалификации преподавателей и информационной культуры, доступность высшего образования различным категориям.

В системе электронного обучения *e-Learning* главным компонентом образовательного процесса становится электронный образовательный ресурс – электронный учебник. Под электронным учебником необходимо понимать электронную систему как инструмент для навигации, поиска, контроля, расширения и совершенствования знаний на основе информационно-коммуникационных технологий. Электронный учебник может как являться самостоятельной учебной единицей, так и дополнять основную учебник по программе.

В рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика» разработана образовательная площадка «Цифровой университет», включающая четыре направления: информационную систему управления университетом, онлайн-поддержку образовательного процесса, ключевые компетенции цифровой экономики, управление учебным процессом на базе индивидуальной образовательной траектории. Онлайн-площадка «Цифровой университет» создана для оптимизации внутривузовской и межвузовской коммуникации, ее функционал позволяет внедрять курсы по любым дисциплинам с использованием современных технологий. На площадке возможно размещение аналитического инструментария для руководства университета, позволяющее оценивать качество образования и вносить коррективы в управление университетом, а также осуществлять медиа активность университета³.

К принципам дистанционного образования относятся принцип модульности построения содержания учебно-познавательной деятельности [24, с. 65], принцип перехода от обучения к самообразованию, принцип коллективного характера обучения и учета индивидуальных особенностей обучающихся, принцип использования

² Готова ли Россия к цифровой экономике? // Аналитический центр при Правительстве РФ. Режим доступа: <http://ac.gov.ru/events/013465.html> (дата обращения: 04.06.2020).

³ Кадры для цифровой экономики // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (дата обращения: 04.06.2020).

коллективного интеллекта (в контексте *Web 2.0* это понятие получило новое понимание, теперь оно определяет способность группы авторов создавать лучшее информационное содержание) [25]. Самообразование человека носит индивидуальный характер и предполагает творческий подход к определению частных и перспективных целей, выбору методов и средств организации самоконтроля, осмыслению социального заказа, квалификационных требований к уровню подготовки, жизненным установкам, запаса имеющихся знаний и умений.

Национальный проект «Образование» призван обеспечить глобальную конкурентоспособность российского образования, повысить качество образования посредством федеральных проектов «Молодые профессионалы» и «Новые возможности для каждого». Будущее цифрового образования России – создание цифрового портфолио и «цифрового следа» в связке с ЭИОС в соответствии с ФГОС ВО, свободный доступ к онлайн-курсам, разработка цифрового контента и создание интегративной платформы непрерывного образования. В ближайшие годы 20 % студентов будут осваивать курсы и дисциплины с использованием информационных образовательных технологий⁴.

Переход системы образования на онлайн-формат обучения

Высшее образование РФ в 2020 г. в ускоренном режиме перешло на дистанционный формат обучения в связи с эпидемиологической ситуацией в стране и мире в соответствии с ч. 8 п. 1 ст. 41 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», приказами Минобрнауки «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» и «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации, касающиеся проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования»⁵. В сжатые сроки была подготовлена законодательная база, на местах проходило обучение преподавателей, регистрация на образовательных платформах обучающихся. В настоящее время все вузы России с разной степенью успешности проводят обучение на онлайн-платформах.

Переход на дистанционный формат основывался на преимуществах дистанционного образования. Это возможности гибкого и модульного обучения, охват большого количества учащихся, высокая технологичность в сравнении с традиционными формами образовательного процесса, расширение географического пространства в получении образования – выбор страны и вуза, времени обучения, экономия на проживании и транспортных расходах, возможность передачи сообщений при помощи электронных средств связи. В режиме строгой самоизоляции был соблюден главный принцип – принцип безопасности процесса обучения без потери качества образования. Изначальный принцип добровольности в получении образования и выбор уровня образования был изменен в сторону повсеместного внедрения дистанционных технологий в образовательный процесс вузов.

Была задействована максимум ресурсов социального института образования. Было очевидно, что внедрение дистанционного обучения связано с экономическими проблемами, нормативно-правовой базой, материально-техническими возможностями студентов, возможностями вуза в техническом сопровождении дистанционных технологий, подготовкой программного обеспечения. Весенние месяцы 2020 г. показали адаптивные возможности и наличие ресурса для принятия обучения в дистанционном формате. Появилась т.н. идеология дистанта. Современная ситуация выявила недостатки дистанционного формата обучения. Самый главный – отсутствие технических возможностей для внедрения дистанционных технологий, непосредственного взаимодействия и организованной обратной связи преподавателей со студентами, неподготовленность соответствующего методического материала, трудности перевода обучающего материала в онлайн-контент, отсутствие опыта преподавания.

Мы изучили мнения высшего руководящего состава вузов об организации дистанционного обучения, представленные в СМИ. Был проведен ряд формализованных интервью со студентами вузов РФ на предмет организации обучения на дистанционной платформе, выявление сложностей, с которыми столкнулись обучающиеся, и новых навыков и умений, необходимых для обучения на образовательных платформах.

Все вузы страны в соответствии с федеральными документами перешли на дистанционный формат обучения. По мнению ректора Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) Д. В. Фомина-Нилова,

⁴ Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования). Паспорт федерального проекта // Министерство образования и науки Мурманской области. Режим доступа: https://minobr.gov-murman.ru/files/Nach_proekty/molodye_prof/fp_molodye_professionalny_09102019.pdf (дата обращения: 12.10.2020).

⁵ Об образовании в Российской Федерации. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС КонсультантПлюс; Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации. Приказ Минобрнауки России от 14.03.2020 № 397 // СПС КонсультантПлюс; О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации, касающиеся проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования. Приказ Минобрнауки России от 27.03.2020 № 490 // СПС КонсультантПлюс.

нынешняя обстановка помогает оценить и протестировать всю отрасль высшего образования. Анализ текущей ситуации позволит провести в дальнейшем работу по совершенствованию системы обучения. Во многих вузах был наработан опыт дистанционного образования (курсы в дистанционном режиме, опыт предоставления образования людям с ограниченными возможностями, создание дистанционных курсов на платформе Moodle). В ГАУГН реализована волонтерская помощь и выдача нужного оборудования на дом студентам, не имеющим такового⁶.

На базе Университета управления «ТИСБИ» весной прошел первый вебинар «Опыт внедрения дистанционного обучения в ассоциированных школах ЮНЕСКО в РФ» в ходе реализации проекта по созданию виртуальной площадки. В онлайн-семинаре приняли участие около 400 участников из 29 регионов страны. Предложенная концепция виртуальной площадки продемонстрировала возможности дистанционных технологий в образовании. Ректор Университета управления «ТИСБИ» Н. М. Прусс отметила обмен опытом организации и реализации дистанционного обучения в ассоциированных школах ЮНЕСКО, что является позитивным опытом и необходимой образовательной технологией для Республики Татарстан⁷.

В. И. Гришин, ректор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, прокомментировал переход на дистанционное обучение и связанные с этим процессом проблемы перевода студентов всего вуза на новый формат. По его мнению, это технически сложная задача. Еще одной проблемой стало обучение преподавателей работе в новых условиях, был отмечен резкий рост академической нагрузки. По актуальным вопросам дистанционного обучения работала горячая линия. Проблемой, по мнению ректора, остается перевод в дистанционный формат практик и лабораторных занятий, сдачи зачетов и экзаменов: «Я полагаю, мы все проходим очень важный этап. Та система, которая рождается сейчас, еще далека от совершенства. Но она дает понять наши слабые и сильные стороны. Мы будем использовать все то лучшее, что есть на открытых платформах (отечественных и зарубежных). Дистанционные форматы – это тот путь, по которому мы обязательно пойдём дальше»⁸. Отмечена работа Ситуационного центра.

30 апреля состоялась первая прямая линия – онлайн-встреча из студии студенческого телеканала КФУ «Универ ТВ» с ректором И. Р. Гафуровым. Поступило более 1000 сообщений и вопросов. Ректор отметил: «Мы в целом готовились перейти к цифровому университету, и шла плановая закупка оборудования, готовились онлайн-программы, но в течение буквально трех-четырех дней, сразу же после введения ограничений, университет в целом перешел на организацию всего учебного процесса в дистанционном режиме, используя (в основном, конечно) платформу *Microsoft Teams*, которая доказала свою работоспособность»⁹.

Ректором Московского государственного института международных отношений А. В. Торкуновым осуществлялся мониторинг мнения студентов и преподавателей отечественных и зарубежных вузов по проблемам повсеместного обязательного внедрения дистанционного формата обучения. Оценивая опыт применения дистанционного образования в России и мире, в интервью телеканалу «Звезда» ректор озвучил главный недостаток дистанционного обучения: «Без социализации, без общения невозможно воспитать ни хорошего специалиста, ни хорошего человека, который смог бы потом коммуницировать и нормально в обществе жить»¹⁰.

В СМИ активно обсуждают мнения преподавателей, считающих, что дистанционное обучение не заменит живое общение, особенно если получаемое образование связано с коммуникациями. Преподаватель Высшей школы журналистики КФУ доцент Д. В. Туманов считает, что образование на расстоянии «выводит человека за рамки социума и включает его в систему машинооборота»¹¹.

Ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова академик В. А. Садовничий считает, что вузы справились с кризисной ситуацией. Последствия внедрения дистанционного обучения, по мнению ректора, – «повышение роли дистанционного образования и его возможностей». Но «будет достигнут предел возможностей дистанционного обучения»; «Университетское образование по своей природе больше, чем просто поглощение какой-то информации, знаний. Это еще и процесс формирования личности, тут задействовано очень много эмоций, духовных сил. Это прежде всего

⁶ Ректор ГАУГН поделился опытом обучения студентов на «удаленке» // Национальная служба новостей. 30.03.2020. Режим доступа: <https://nsn.fm/society/ректор-gaughn-podelilsya-opytom-obucheniya-studentov-na-udalenne> (дата обращения: 04.06.2020).

⁷ Опыт организации дистанционного обучения ассоциированных школ ЮНЕСКО обсудили в ТИСБИ // Бизнес Online. 15.05.2020. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/news/468445> (дата обращения: 07.06.2020).

⁸ «Главная задача сейчас – сбалансировать режим работы и учебы». Ректор вуза о дистанционном обучении // Федерал Пресс. 01.04.2020. Режим доступа: <https://fedpress.ru/expert-opinion/2468013> (дата обращения: 07.05.2020).

⁹ Сысоева А., Городникова В. Прямая линия с ректором КФУ Ильшатом Гафуровым: основные моменты // Seldon News. 30.04.2020. Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/228880600> (дата обращения 07.05.2020).

¹⁰ Ректор МГИМО оценил опыт применения дистанционного образования в России и в мире // Рамблер. 08.06.2020. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/education/44311439-ректор-mgimo-otsenil-opyt-primeneniya-istantsionnogo-obrazovaniya-v-rossii-i-v-mire/> (дата обращения: 04.07.2020).

¹¹ Преподаватель КФУ о дистанционном образовании: «Чувствую себя обитателем дурдома» // Реальное время. 09.05.2020. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/news/174155-преподаvatel-kfu-o-distancionnom-obrazovanii-chuvstvuyu-sebya-obitatelem-durdoma> (дата обращения: 04.06.2020).

общение с коллегами, учителями, это и работа с книгами, углубленные размышления наедине с собой»¹².

В интервью газете «Комсомольская правда» проректор Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) С. Ю. Рощин высказал мнение о быстром переходе на дистанционный режим и «переформатировании нашего привычного мира». Были выделены тенденции дистанционного обучения, широко распространенные в зарубежных вузах: студенты все чаще будут выбирать онлайн-курсы ведущих профессоров зарубежных и отечественных университетов, возникнут «композитные ступени», когда студент сможет сам выбирать онлайн-курсы разных университетов и других организаций, а числиться будет в том учебном заведении, которое их признает и выдаст диплом бакалавра или магистра. По мнению проректора, в будущем появятся вузы-интеграторы, которые помогут выстроить индивидуальную образовательную траекторию, опираясь на самые различные курсы. При этом отмечается, что качество обучения прямо зависит и от качества образовательной среды: «Она не может вся быть виртуальной... Вузам придется перестраивать свое пространство. Коворкинги и лаборатории заменят лекционные аудитории. <...> Грань между основным и дополнительным образованием сотрется. Люди будут набирать курсы в зависимости от того, какие компетенции им нужно получить, и не очень будут разбирать входят они в основной вузовский курс или же являются программой дополнительного профобразования»¹³.

В целом произойдет переход системы образования в интеграцию дистанционных технологий с офлайн-образованием. С. Ю. Рощин обозначил важность совместных образовательных практик, когда студенты вступают в диалог с преподавателем, выполняют совместные задания: «Мы переходим к формату очного образования, которое включает в себя использование массовых открытых онлайн-курсов, обратную связь с преподавателем через различные удаленные платформы и сервисы»¹⁴.

Преподаватели университетов, для того чтобы быть конкурентоспособными, должны освоить технологии владения информационными ресурсами, инструментами взаимодействия со студентами в онлайн-формате. У сотрудников университетов возникают новые роли, связанные с менеджментом и сопровождением образовательного процесса.

Внедрение электронной цифровой подписи преподавателей, ответственных администраторов и менеджеров образовательного процесса принципиально изменит учебный процесс. Сейчас одна из главных задач – развитие

технологий оценивания, идентификации личности обучающегося, отслеживание процесса проведения аттестационных испытаний. Необходимо отработать систему отслеживания самостоятельной работы студента. Актуально «возникновение центров оценки знаний, куда студент может прийти и получить доступ к виртуальной компьютерной связи, пройти тот или иной экзамен или в виде диалога с преподавателем, или в формате выполнения различных заданий»¹⁵.

Анализ интервью руководящих лиц позволил сделать общие выводы. Процесс дистанционного обучения включает не только образовательное, но и мотивационное, географическое, экономическое пространства. Несомненно, студенты большинства вузов уже частично получали образование на дистанционной платформе. Увеличилось количество пользователей на открытых онлайн-платформах. Работает национальная платформа «Открытое образование». Дистанционные технологии становятся важной составляющей образовательного процесса, обеспечивая коммуникациями всех участников процесса обучения. В российской высшей школе появилась идеология дистанта. Определены компетенции, необходимые для работы в электронном формате и компетенции, формируемые в процессе дистанционного обучения. На современном этапе внедрения дистанционных технологий основные проблемы смещаются в сторону методологической подготовки и методического оснащения дистанционного процесса, а не технической оснащенности и обучения преподавателей работе на образовательных платформах. Основная цель сегодня – повышение качества получения образования на дистанционных площадках.

Субъективное восприятие студентами очных отделений процесса перехода на онлайн-формат обучения

В апреле – мае 2020 г. нами проведено социологическое исследование, позволяющее раскрыть процесс перехода на дистанционный формат обучения с позиции организационных структур вузов и восприятие этого процесса студентами. Выборка сформирована методом «снежного кома». В исследовании приняли участие 30 человек: 15 девушек и 15 молодых людей. Возраст информантов – 18–21 год, все они являются студентами очных отделений российских вузов, обучающимися на образовательных платформах. Выборку составили студенты из вузов г. Казани (КФУ, Университет управления «ТИСБИ», Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева-КАИ, Казанский национальный исследовательский технологический

¹² Борискин К. «Сейчас не фронт, но ситуация тоже тяжелая»: ректор МГУ о вузе в эпоху пандемии // ТАСС. 28.04.2020. Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/8352273> (дата обращения: 03.06.2020).

¹³ Милкус А. Мир после пандемии: вузы уходят на дистанционку и уже не вернуться? // Комсомольская правда. 07.04.2020. Режим доступа: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27114/4193198/> (дата обращения: 07.06.2020).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

университет, Казанский кооперативный институт) и НИУ ВШЭ г. Москвы. Все исследуемые участвовали в онлайн-процессе обучения с полным погружением не менее 4 часов ежедневно. В качестве метода сбора информации использовалось структурированное интервью (опросный лист включал 15 вопросов), а также анализ интернет-изданий. Метод обработки информации – традиционный анализ документов.

В соответствии с задачами исследования мы затронули важный аспект дистанционного образования – отношение студентов как получателей образовательных услуг к процессу обучения в дистанционном формате. Задачей стало выявление мнений студентов об организации и проведении дистанционного обучения, определение трудностей, связанных с процессом дистанционного обучения. Студентам, обучающимся в дистанционном формате (бакалавриат), было предложено ответить на вопросы формализованного интервью. Были выявлены категории вопросов для качественного социологического исследования, раскрывающие субъектную сторону дистанционного образовательного процесса:

- организация процесса обучения в дистанционном формате;
- самоорганизация и распределение бюджета времени;
- обучающие технологии и дистант;
- критерии оценивания обучения в дистанционном формате;
- преимущества дистанционного обучения и трудности работы на дистанционной платформе;
- степень активности пользования электронными ресурсами: электронными библиотеками, электронным образовательным порталом;
- «цифровой след» студента;
- формирование профессиональных качеств личности, наиболее востребованных для процесса обучения;
- организация самостоятельной работы;
- сдача сессии в режиме онлайн;
- приобретенный опыт дистанционного обучения и его качественная оценка;
- формы проведения учебных занятий (в том числе практических);
- формирование компетенций успешности, проектных и практико-ориентированных компетенций в формате дистанционного образования.

По первому вопросу интервью *Расскажите, пожалуйста, о Вашем повседневном дне. Как распределялось Ваше учебное и свободное время? Ощущали ли Вы нехватку времени и для каких видов дистанционного процесса?* мнения респондентов разделились, были получены разнополюсные ответы. Студенты, полноценно задействованные в учебном графике, указали на нехватку времени. Но студенты, дорога до учебного заведения которых занимала большее время, отметили что «свободного времени стало немного больше за счет сокращения времени на дорогу, но ввиду повышенного количества домашних заданий

свободного времени сильно больше не стало» (Н., мужчина, 21 год).

На вопрос *Как бы Вы охарактеризовали процесс онлайн-обучения? Это традиционное образование, но только с применением электронных средств? Или вы заметили изменения?* студентами был отмечен новый формат, не похожий на офлайн-обучение. Но большинством было высказано единое мнение, что это традиционное обучение с применением дистанционных технологий: «Все то же самое, только электронно» (Л., мужчина, 20 лет).

Ответы на вопросы интервью о формах проведения занятий *Преподавалась только теория или были практические занятия? Они проходили по принципу классического семинара: преподаватель распределял темы на семинар – затем заслушивал Ваши ответы? Были ли творческие задания или деловые игры, мозговой штурм и совместное решение проблемной ситуации?* следующие. Всеми информантами отмечен классический, традиционный формат: «Классический семинар. Никакого творчества. Только теория» (С., женщина, 19 лет); «В основном классические семинары. Классические пары, где у каждого была возможность высказать свое мнение. Также по некоторым предметам проводились творческие задания» (В., женщина, 19 лет).

Следующие вопросы были направлены на выяснение глубины погружения в дистант: *Вас всегда устраивал темп изложения учебного материала? Или потребность была в большей схематизации, так называемых лекциях в картинках? Как Вас оценивали? Вам известны критерии оценки Ваших работ? Пробелы в организации дистанта в ответах на эти вопросы становятся очевидными: «Темп рассчитан для чего угодно, но только не для обучения в высшем заведении» (С., женщина, 20 лет); «Темп изложения немного снизился по сравнению с офлайн-занятиями. Критерии оценки – усмотрение преподавателя» (К., мужчина, 21 год); «Приятней воспринимать информацию, если она визуализирована в виде презентации» (М., женщина, 20 лет).*

Вам было бы проще продемонстрировать свои знания в очном формате в аудитории на непосредственном занятии? Или проще работать в дистанте? Какие преимущества, на Ваш взгляд, он дает перед традиционным обучением? Студенты отметили, что «разницы нет, просто новый формат разнообразил рутину» (К., мужчина, 21 год); «Не имеет значения. Главное преимущество, что не тратится время на дорогу в университет. Конечно, с помощью личного контакта с преподавателем можно изложить больше информации, нежели в дистанционной форме» (Т., мужчина, 20 лет).

Какие моменты дистанционного обучения у студентов вызывали затруднения? Что получалось лучше всего? С какими видами работ они справлялись лучше всего? В каких случаях можно было назвать себя успешным студентом? Информанты в основном справлялись со всеми уровнями заданий, затруднений не было, но лучшие

результаты получены по таким заданиям, как решение кейсов, написание эссе, творческие задания. Слабое знание о существовании института наставничества либо тьюторов заставляло справляться с трудностями во время учебы самостоятельно. Студенты не знали, что можно получить помощь наставника или тьютора. Многим она не помешала бы и облегчила вхождение в дистанционный формат.

Часто ли студенты пользовались ссылками на электронные библиотеки? Какой материал был наиболее востребован? За время работы в традиционном образовании у большинства не выработались навыки обращения к электронным ресурсам. Как правило, информанты не обращались к ресурсам электронных библиотек, искали публикации и нужную информацию в Интернете. Если пользовались, то это были *Elibrary, JSTOR, Лань, Проспект, Юрайт*.

Какой «цифровой след» оставляли студенты? Студентами указывались эссе, рефераты, решения задач, доклады, домашняя работа, отправленная на проверку либо «по почте, либо в том ресурсе, где проходили семинары» (С., мужчина, 21 год).

Следующий вопрос касался физического и психологического комфорта во время подключения к группе и прохождении занятий. *Насколько Вам было удобно с точки зрения личного пространства включение в процесс обучения? Опишите эмоциональные переживания, связанные с обучением на разных этапах: начало обучения в дистанте, погружение в процесс обучения, выход – сдача сессии.* Приведем наиболее яркие высказывания: «Не считаю, что я обязан демонстрировать свое жилье. Демонстрировал только себя, только для подтверждения присутствия» (Т., мужчина, 20 лет); «Вполне удобно, поскольку *Zoom* содержит функцию виртуального фона» (С., женщина, 20 лет); «Пик эмоционального напряжения был перед сессией: итоговые сдачи курсовой работы и других учебных проектов, подготовка к сессии параллельно с еще идущими занятиями» (М., женщина, 20 лет); «Эмоциональные переживания больше были связаны с общей ситуацией в мире, нежели с дистанционным образованием. Весь период обучения находился примерно на одном эмоциональном уровне» (Т., мужчина, 20 лет).

Какие профессиональные качества личности, на взгляд респондентов, наиболее востребованы в процессе дистанционного обучения? Были перечислены усидчивость, сосредоточенность, стрессоустойчивость, пунктуальность, навыки использования девайса. Можно выделить две группы качеств. Первая связана непосредственно с навыками использования информационных технологий и возможностями сети, вторая – с временным пространством и самоорганизацией рабочего дня во временных отрезках.

Интервью позволило оценить роль самостоятельной работы при обучении в дистанте. Данный вид работы занимал в сравнении с традиционным обучением в аудиториях больший объем. Ответы студентов показали единодушие: гораздо больше времени занимала подготовка

к семинарам и время, отведенное на самостоятельную работу, увеличивалось. В большинстве вузов не учитывалось увеличение времени на самостоятельную работу, хотя дистанционное обучение определяет в своем регламенте временные рамки подготовки заданий.

Для большинства студентов сдача сессии в дистанционном режиме вызвала меньше трудностей, проходила легче, чем в аудиториях. И желание продолжить обучение в дистанционном формате раскрыло его преимущества перед традиционным. Но, желание вернуться в аудитории также было высказано: «Для некоторых лекций я бы предпочел личное присутствие, но в целом дистанционное не вызывает у меня отторжения» (С., мужчина, 21 год); «Многие хотели бы вернуться в аудитории. Минусом дистанционного обучения я бы назвал отсутствие личного общения. Не только с преподавателями, но и с одноклассниками. А так, такое образование мне больше по душе» (С., мужчина, 21 год).

Какой опыт вынесли из дистанционного обучения респонденты (в нескольких словах)? «Специфический, странный, удобный» (К., мужчина, 21 год); «Следует задуматься о включении в обучение альтернативных форм организации учебного процесса там, где это уместно» (М., женщина, 20 лет); «Отойти от привычной нам среды и понять, что за технологиями все-таки будущее» (К., мужчина, 21 год).

Мы проанализировали переход на дистанционное обучение на начальном этапе карантинных мер. На тот момент не все вузы были готовы полноценно перейти на дистанционный режим и обеспечить его методическое сопровождение. Исследование показало, что для студентов сложным стал адаптационный период включения в дистанционный формат обучения. Смена графика, увеличение времени на самостоятельную подготовку к занятиям, сложности в усвоении учебного материала на онлайн-лекциях, вопросы самоорганизации и организации рабочего пространства, организация контроля знаний и формирование компетенций успешности, проектных и практико-ориентированных компетенций в формате дистанционного образования, отсутствие навыков пользования электронными ресурсами и электронным образовательным порталом стали основными факторами возникающих затруднений.

Заключение

Внедрение дистанционного обучения – трудозатратный процесс. Исследование позволило раскрыть проблемы, связанные с переходом на дистанционный формат. Проблемы обусловлены недостаточной технической и методологической подготовкой преподавателей к работе в онлайн-формате, необходимостью обучения компьютерной грамотности, использования информационных технологий в различных видах занятий со студентами. Риск может стать и невысокая компьютерная грамотность студента. Еще одна группа проблем связана с разработкой

комплекта документов для внедрения и организации дистанционного обучения. Актуальным в современных экономических условиях становится вопрос приобретения современных версий электронных ресурсов, разработка образовательных платформ или подключение к ним. Проблемы, связанные с восприятием студентами работы в онлайн-формате, имеют психологическую и педагогическую направленность (психологические качества личности, мотивированность и готовность к индивидуальной работе, самообразованию, разработка графика самоподготовки, организация бюджета времени). Особый вопрос связан с проведением аттестаций (подготовка экзаменационных испытаний, контроль, оценивание). При этом существует высокая трудоемкость разработки заданий и самих курсов дистанционного обучения. Несмотря на вышеизложенные проблемы, развитие дистанционного обучения в системе высшего образования совершенствуется, реализуются основные принципы современного образования – образование для всех и образование через всю жизнь.

Выявленные проблемы обозначили перед профильным министерством, отделами вузов, отвечающими за электронную форму обучения, следующие задачи:

1) пересмотр образовательных стандартов, комплекса компетенций и учебных планов в соответствии с задачами

цифровой экономики с целью создания единого образовательного пространства с применением дистанционных технологий;

2) сетевая социализация личности, ориентация на самореализацию и формирование сетевой культуры;

3) развитие в вузах института тьюторства и наставничества, пересмотр образовательных технологий в направлении диалогового общения, внедрение элементов творчества, новых форм усвоения учебного материала и коммуникативных практик;

4) организация учебного процесса с участием ведущих российских и зарубежных преподавателей, прослушивание онлайн-курсов ведущих специалистов на образовательных платформах;

5) усиление технической составляющей образовательного процесса, закупка и установка современного оборудования, скоростной Интернет;

6) модульное построение сетевых образовательных программ, внедрение проектной, учебно-исследовательской деятельности с использованием дистанционных технологий, непрерывное обновление сетевых образовательных программ;

7) повышение квалификации преподавателей в области цифровых технологий, цифровая компетентность в подготовке электронных образовательных ресурсов.

Литература

1. Зинурова Р. И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6. С. 57–62.
2. Осипов А. М., Матвеева Н. А., Бояджиева П. А., Воронцов Я. А. Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 60–70. DOI: 10.31857/S013216250008798-0
3. Година Т. А. Исследование инновационных процессов формирования информационного пространства высшего учебного заведения (с использованием зарубежного опыта): дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 147 с.
4. Курицына Г. В. Сущностно-содержательные характеристики дистанционного обучения в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 2. С. 26–39.
5. Борисов И. В. Дистанционное обучение в образовательных практиках российской молодежи: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2017. 153 с.
6. Елисеева Е. В., Захарова Н. И., Злобина С. Н., Карамзина А. Г., Коляго А. Л., Кормягина Н. Н., Львович И. Я., Макарова М. В., Михрютин В. В., Михрютина А. В., Назарова О. В., Преображенский А. П., Сильнова С. В., Солдаткина Т. А., Степченко Т. А., Чопоров О. Н., Шевцов В. В., Щадоба Е. М., Щерба И. И. Информационные технологии в образовательном процессе. Новосибирск: ЦРНС, 2015. 196 с.
7. Яшина Л. И. Дистанционное обучение в вузе: содержание и технологии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 142–147. DOI: 10.26105/SSPU.2019.10.99.015
8. Пеккер П. Л. Дистанционное обучение: опыт московских вузов // Человек и образование. 2015. № 2. С. 66–71.
9. Муллагалиев Н. А., Уразлина Р. В. Об отношении студентов к введению элементов дистанционного обучения в вузе // Инновационная наука. 2017. № 1-1. С. 188–191.
10. Кислякова Н. А. Проблемы и перспективы интеграции очного и дистанционного обучения в вузе // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2009. № 2. С. 234–242.
11. Писаренко В. И. Методология инновационного образования в контексте динамики общенаучной картины мира // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2008. № 5. С. 13–20.
12. Мынбаева Г. У. Система дистанционного обучения с учетом региональных особенностей вуза // Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 17–20.
13. Чухломин В. Д. Дистанционное обучение в вузах США (на примере SUNY) // ЭКО. 2007. № 10. С. 71–79.

14. Громова Т. В. Теория и технология подготовки преподавателей вуза к деятельности в системе дистанционного обучения: дис. ... д-ра пед. наук. Самара, 2011. 393 с.
15. Парфенова А. С. Информационные технологии в обучении студентов вуза // Научные исследования в образовании. 2011. № 2. С. 40–44.
16. Красовский В. И., Тавгень И. А., Зеневич А. М. Социологическая оценка качества дистанционного обучения в вузе // Открытое образование. 2008. № 6. С. 19–27.
17. Алешковский И. А., Гаспаришвили А. Т., Крухмалева О. В., Нарбут Н. П., Савина Н. Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100
18. Ключарев Г. А., Диденко Д. В., Латов Ю. В., Латова Н. В. Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование / под общ. ред. Ю. В. Латова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 432 с.
19. Ключарев Г. А., Диденко Д. В., Латов Ю. В., Латова Н. В. Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / под общ. ред. Ю. В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014. 433 с.
20. Попова Е. С. «Образование второго шанса» и альтернативные траектории как механизм накопления человеческого капитала // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 372–387. DOI: 10.19181/obrnaukr.2019.11
21. Согомонов А. Ю. «Устойчивый университет»: транзит университетского образования и судьба «профессората» // Ведомости прикладной этики. 2019. № 53. С. 73–91.
22. Рулиене Л. Н. Дистанционное обучение: сущность, проблемы, перспективы. Улан-Уде: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. 270 с.
23. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Социология студенчества: теоретический статус и исследовательские практики // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 6. С. 40–51. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-40-51
24. Николаева Л. Г. Подготовка студентов педвузов по социальной информатике в условиях информатизации образования: дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 152 с.
25. Скворцов А. А. Педагогические условия дистанционного обучения студента в наукоемкой образовательной среде: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2015. 240 с.

original article

Digital Environment of Higher Education in Russia: Objective Conditions and Subjective Perception of Distance Learning by Students in a Situation of Increasing Risks

Raushanya I. Zinurova
Kazan National Research Technological University, Russia,
Kazan

Tatiana N. Nikitina
Kazan National Research Technological University, Russia,
Kazan
nita101@mail.ru

Received 25 Nov 2020. Accepted 19 Jan 2021.

Abstract: The article introduces a comprehensive study of distance learning in higher education during the pandemic. The authors analyzed the readiness of universities to implementing e-learning platforms. They focused on the legal and organizational aspects of digital environment. The authors studied relevant interviews given by heads of higher educational institutions in various media sources. The research objective was to develop and perform a formalized interview with full-time students of Russian universities. The study made it possible to identify a wide range of issues that affect the passage to distance learning, as well as to define the prospective directions and problem areas of the digital environment at universities as part of domestic digital economy. The scientific novelty of the research lies in the development of tasks for a successful transfer of universities to distance or blended learning.

Keywords: digital economy, educational platform, digital university, educational standards, e-education, digital technologies

Citation: Zinurova R. I., Nikitina T. N. Digital Environment of Higher Education in Russia: Objective Conditions and Subjective Perception of Distance Learning by Students in a Situation of Increasing Risks. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskoe, sotsiologicheskoe i ekonomicheskoe nauki*, 2021, 6(1): 45–57. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-45-57>

References

1. Zinurova R. I. Current youth agenda in the Republic of Tatarstan. *Upravlenie ustoychivym razvitiem*, 2019, (6): 57–62. (In Russ.)
2. Osipov A. M., Matveeva N. A., Boyadjieva P. A., Vorontsov Ya. A. Russian education in paper abyss: a sociological view. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, (3): 60–70. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250008798-0
3. Godina T. A. *A study of innovative processes of formation of the information space of a higher educational institution (using foreign experience)*. Cand. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2005, 147. (In Russ.)
4. Kuritsyna G. V. Intrinsic and substantial characteristics distance training in higher education institution. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost. Obshchestvo*, 2016, (2): 26–39. (In Russ.)
5. Borisov I. V. *Distance learning in educational practices of Russian youth*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Maykop, 2017, 153. (In Russ.)
6. Eliseeva E. V., Zakharova N. I., Zlobina S. N., Karamzina A. G., Koliago A. L., Kormiagina N. N., Lvovich I. Ia., Makarova M. V., Mikhriutin V. V., Mikhriutina A. V., Nazarova O. V., Preobrazhenskii A. P., Silnova S. V., Soldatkina T. A., Stepchenko T. A., Choporov O. N., Shevtsov V. V., Shchadoba E. M., Shcherba I. I. *Information technology in the educational process*. Novosibirsk: TsRNS, 2015, 196. (In Russ.)
7. Yashina L. I. Distance learning in university: contents and technologies. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, (1): 142–147. (In Russ.) DOI: 10.26105/SSPU.2019.10.99.015
8. Pekker P. L. Distance education: experience from Moscow's universities. *Chelovek i obrazovanie*, 2015, (2): 66–71. (In Russ.)
9. Mullagaliev N. A., Urazlina R. V. On the attitude of students to the introduction of elements of distance learning at the university. *Innovatsionnaya nauka*, 2017, (1-1): 188–191. (In Russ.)
10. Kisliakova N. A. Problems and prospects of integrating full-time and distance learning at a university. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 2009, (2): 234–242. (In Russ.)
11. Pisarenko V. I. Methodology of innovative education in the context of the dynamics of the general scientific picture of the world. *News-Bulletn of Southern Federal University. Pedagogical Sciences*, 2008, (5): 13–20. (In Russ.)
12. Mynbaeva G. U. Distance learning system taking into account the regional characteristics of the university. *Gumanitarnye nauki*, 2013, (2): 17–20. (In Russ.)
13. Chukhlomin V. D. Distance learning in US universities (the case of SUNY). *ECO*, 2007, (10): 71–79. (In Russ.)
14. Gromova T. V. *Theory and technology of training university teachers for activities in the distance learning system*. Dr. Ped. Sci. Diss. Samara, 2011, 393. (In Russ.)
15. Parfenova A. S. Information technologies in teaching university students. *Nauchnye issledovaniia v obrazovanii*, 2011, (2): 40–44. (In Russ.)
16. Krasovsky V. I., Tavgen I. A., Zenevich A. M. Sociological assessment of the quality of distance learning at university. *Otkrytoye obrazovaniye*, 2008, (6): 19–27. (In Russ.)
17. Aleshkovskiy I. A., Gasparishvili A. T., Krukhmaleva O. V., Narbut N. P., Savina N. E. Russian university students about distance learning: assessments and opportunities. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2020, 29(10): 86–100. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100
18. Kliucharev G. A., Didenko D. V., Latov Iu. V., Latova N. V. *Sociology of education. Additional and continuing education*, ed. Latov Iu. V., 2nd ed. Moscow: Iurait, 2017, 432. (In Russ.)
19. Kliucharev G. A., Didenko D. V., Latov Iu. V., Latova N. V. *Continuing education as a stimulus for human development and a factor of socio-economic inequalities*, ed. Latov Iu. V. Moscow: TsSPiM, 2014, 433. (In Russ.)
20. Popova E. S. "Second chance education" and alternative trajectories as a mechanism for accumulation of human capital. *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoianie i potentsial razvitiia*, 2019, (4): 372–387. (In Russ.) DOI: 10.19181/obrnaukru.2019.11
21. Sogomonov A. Yu. "Sustainable university" (higher education transit and the fate of university professorship). *Vedomosti prikladnoi etiki*, 2019, (53): 73–91. (In Russ.)
22. Rulienė L. N. *Distance learning: essence, problems, and prospects*. Ulan-Ude: Izd-vo Buriatskogo gosuniversiteta, 2010, 270. (In Russ.)
23. Tuzikov A. R., Zinurova R. I. Sociology of students: a theoretical perspective and research practice. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2019, 28(6): 40–51. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-40-51
24. Nikolaeva L. G. *Training of students of pedagogical universities in social informatics in the conditions of informatization of education*. Cand. Ped. Sci. Diss. Moscow, 2007, 152. (In Russ.)
25. Skvortsov A. A. *Pedagogical conditions of distance learning of a student in a science-intensive educational environment*. Cand. Ped. Sci. Diss. Tambov, 2015, 240. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 316.334.55

Проблемы развития сельских территорий (на примере республик Бурятия и Тыва)

Светлана Петровна Татарова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
Россия, г. Улан-Удэ
svetlana.tatar@inbox.ru

Надежда Александровна Затева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
Россия, г. Улан-Удэ

Поступила в редакцию 30.11.2020. Принята в печать 13.01.2021.

Аннотация: Село является основой развития экономики страны, однако многообразие проблем поселений в существенной степени затрудняет функционирование села в современных реалиях. Целью исследования стал анализ современного положения сельских поселений национальных республик Сибири с учетом географических, экономических, социальных, хозяйственных, демографических и других характеристик территорий. Рассматриваются наиболее актуальные проблемы, детерминирующие деградацию села. Одна из актуальных проблем сельских поселений заключается в высоком уровне безработицы. Отсутствие производства, низкий уровень развития малого и среднего бизнеса детерминируют занятие тяжелым сельскохозяйственным трудом, развитие личного подсобного хозяйства, сбор дикоросов. Нередко среди видов деятельности населения появляются противоречащие нормам закона (продажа суррогатного алкоголя, вырубка леса, занятие мелкорозничной торговлей без регистрации). Важный фактор, затрудняющий функционирование поселений, – миграция населения из села в город. Проблема обостряется тем, что уезжает наиболее образованная и культурная часть населения. Низкий уровень жизни, жилищные проблемы, высокий уровень безработицы отягощают жизнь населения. Неразвитость социальной и производственной инфраструктуры также является причиной неудовлетворенности местных жителей. Кроме того, затрагивается проблема сохранения традиционной культуры, основу которой составляет язык. Авторы констатируют, что все многообразие существующих в селе проблем ведет к негативным последствиям, снижению сельскохозяйственного производства, разрушению устоев и традиций сельской жизни.

Ключевые слова: село, занятость, безработица, миграция, инфраструктура, культура, демография

Цитирование: Татарова С. П., Затева Н. А. Проблемы развития сельских территорий (на примере республик Бурятия и Тыва) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-58-65>

Введение

Бурно развивающиеся процессы урбанизации оказывают огромное влияние на состояние современного села, увеличивают разрыв между селом и городом, а комфортность городской жизни влечет за собой рост и развитие городских поселений. В числе рисков, возникающих вследствие процессов урбанизации, можно отметить неконтролируемые потоки миграций из сел в города, которые влекут необратимые последствия. При этом в настоящее время село по-прежнему сохраняет свое значение в жизни сибиряков и развитии социально-культурных процессов региона. Роль села как формы социальной организации определяется фактором соотношения числа жителей в городах и сельской местности (в исследуемых республиках численность сельского населения составляет чуть больше 40 %). Роль агропромышленного сектора в развитии экономики страны и регионов существенно возрастает в условиях активизации процесса урбанизации и актуализирует вопрос о значимости развития сельских территорий. Однако до последнего времени в научных дискуссиях и практике государственного

управления существовало понимание села как экономической и социальной обузы нашей страны. Реализуемые меры не позволяют сельским территориям динамично развиваться ни сегодня, ни в долгосрочной перспективе. Очевидно, что решение вопросов подъема экономики страны и повышения уровня благосостояния народа во многом связано с развитием села, а потому с каждым годом в стране нарастает осознание значимости устойчивого и целенаправленного развития сельских поселений. Таким образом, показатели развития современного села выступают факторами, отражающими уровень развития региональной экономики и степень ее устойчивости [1].

Несмотря на то, что у сельских территорий России весомый природный, экономический, демографический и историко-культурный потенциал, комплекс социально-экономических, экологических, демографических и других проблем затрудняет его переход к динамическому развитию. Узкоотраслевой аграрный подход десятилетиями определял развитие сельских территорий, что привело к однобокому развитию сел, нерациональному

размещению производительных сил, низкому уровню развития социально-бытовой инфраструктуры и другим серьезным проблемам. Сокращение государственной поддержки аграрного производства в постсоветский период вызвало глубокий системный кризис села. Реализация федеральной программы импортозамещения в республиках была ориентирована на развитие имеющихся производств (преимущественно в городской местности), а не на создание новых (в силу суровых климатических условий и высоких финансовых затрат), а потому практически не изменила ситуации.

Авторы задались целью провести краткий анализ современного положения сельских поселений национальных республик Сибири с учетом географических, экономических, социальных, хозяйственных, демографических и других характеристик территорий, а также особенностей исторического развития. В качестве задач исследования нами сформулированы выявление состояния занятости / безработицы в селе, определение состояния социальной и производственной сельской инфраструктуры, условий сохранения традиционной культуры и возможных перспектив развития современного села.

Методы и материалы

Не обращаясь в рамках статьи к наиболее ранним исследованиям села, отметим, что в 1960–1970 гг. это было одной из актуальных тем. Сельскую жизнь регионов России рассматривал целый ряд авторов: Н. А. Аитов и Р. Б. Камаев [2], Ю. В. Арутюнян [3], П. П. Великий [4], П. И. Симуш [5], В. И. Староверов, Н. В. Цуркану и А. И. Тимуш [6], которые исследовали сельское хозяйство, вопросы социальной мобильности, особенности быта и досуга сельского населения, социальную структуру села и др. Значительный прорыв был сделан в методологии изучения села учеными под руководством Т. И. Заславской [7]. Результаты их работы послужили базой для комплексного изучения сельских районов Сибири, в том числе Республики Бурятия в 80-е гг. XX в. [8].

В начале XXI в. исследования села были посвящены изучению специфики жизни сельского населения, выявлению особенностей протекания всего многообразия процессов в сельском социуме. Одно из крупных исследований села проведено Центром крестьяноведения и аграрных реформ (по инициативе Т. Шанина, А. М. Никулина, В. П. Данилова), в ходе которого произведен сравнительный анализ исторических путей развития российского и зарубежного крестьянства [9]. Реализация приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» активизировала интерес ученых к сельской тематике, актуализировала исследование села в начале XXI в. Позднее, обобщив региональные исследования, В. В. Пациорковский заявил, что, несмотря на незначительные изменения в сельской жизни, они не носят кардинального характера и не коснулись значительной части населения [10]. Размышления

социологов о судьбе российских сел были обобщены Ж. Т. Тощенко [11]. Продолжились исследования села в Сибири. Весомый вклад в развитие региональной сельской социологии был сделан учеными Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. Работы, подготовленные в рамках эмпирико-теоретических исследований, подчеркивают особенности происходящих в современном селе процессов, демонстрируют изменения социально-экономических процессов в регионе, выявляют их детерминированность событиями в стране и мире, отражают региональную специфику функционирования сельских поселений [12–13].

Непосредственно изучению различных процессов в селах республик Бурятия и Тыва посвящены работы современных исследователей, касающиеся миграционных вопросов [14; 15], проблем безработицы, самозанятости [16], социальных и культурных процессов в сельском социуме [17] и др. Большое внимание уделено роли государства в решении проблем сельских территорий, реализации новых экономических проектов. Так, в работах [18–20] освещались вопросы внедрения национального проекта по развитию агропромышленного комплекса Тывы. Б. А. Донгак рассматривает возможности предпринимательской деятельности в этническом хозяйстве Тывы [21], У. М. Дабиева – эффективность бюджетного инвестирования в аграрный сектор республики [22]. В монографии С. П. Татаровой и Н. А. Затеевой осуществлен сравнительный анализ состояния сел Бурятии и Тывы [23].

Исследования сельского социума Сибири обнаруживают многообразие проблем в экономической, социальной, культурной жизни села, фиксируют динамику структуры населения вследствие демографических процессов (снижение рождаемости, миграции, повышение смертности и т. д.), что, в свою очередь, дает основания считать, что это провоцирует отставание исследуемых республик по социальному и экономическому уровню развития от других регионов, как внутри федеральных округов, так и в масштабах страны в целом.

Имеющиеся теоретические и эмпирические исследования проведены в разные годы и, как правило, отражают отдельное направление функционирования села. Нами комплексно рассматриваются экономические, демографические и культурные проблемы сельских территорий на основе результатов социологического исследования, проведенного в сельских районах национальных республик в период с сентября 2014 г. по май 2015 г. Выборочная совокупность была построена в соответствии с принципами построения квотной выборки. На основе статистических сведений, выступающих параметрами построения квот, нами выбраны основные социально-демографические характеристики: место проживания (дальние, среднеудаленные и географически близкие к городам районы), возраст, национальность. Параметры квот в процентном выражении в точности воспроизводят

структуру генеральной совокупности по контрольным признакам. В связи с тем, что тенденции, сложившиеся в районах республик практически идентичны, в статье не выделяются данные по отдельным районам и приводятся обобщенные данные по республикам в целом. Для исследования были выбраны 16 сельских территорий, выборка составила 550 единиц анализа.

Помимо собственного эмпирического исследования использовался вторичный анализ данных, содержащихся в монографии С. П. Татаровой [24] и социологических исследованиях других авторов [13; 25].

Результаты

На сегодняшний день большинство проблем современного села определены, но чаще всего их решение пытаются осуществить с помощью разрозненных мероприятий без должной координации деятельности, согласования реализуемых проектов, разработки единой стратегии развития села. Рассмотрим некоторые наиболее важные проблемы и факторы, предопределяющие функционирование современного села, низкую производительность сельскохозяйственного производства, а также тяжелое социально-экономическое положение сельчан.

Одной из значимых проблем, предопределяющих образ и условия жизни народа, является занятость населения. Распад совхозного хозяйствования, разрушение инфраструктуры села детерминировали распространение безработицы. Значимая доля населения не может применить свои профессиональные навыки, а потому вынуждена искать альтернативные источники дохода, расширять личные подсобные хозяйства и находить каналы реализации произведенной продукции. Население обеих республик держит собственное подсобное хозяйство не только для производства продуктов питания, но и нередко как основной источник жизнеобеспечения и дохода. В исследуемых республиках наиболее распространено скотоводство, в связи с этим открываются новые предприятия по обработке молочной и мясной продукции, что благоприятно сказывается на реализации сельхозпродукции и является хорошим дополнительным заработком. Для 11,4 % опрошенных в Тыве и 7,2 % – в Бурятии источником дохода выступают средства от реализации сельхозпродукции, причем респонденты отмечают, что такая возможность появилась у населения лишь в последнее время. Обращение к данным органов государственной статистики позволяет заметить, что в 2016–2019 гг. объем реализации сельскохозяйственной продукции домашними хозяйствами вырос лишь по некоторым показателям, при этом в структуре продукции по категориям хозяйств в процентном соотношении даже снизился: в Республике

Бурятия – с 64 % (2017) до 60,3 % (2019)¹, в Республике Тыва – с 75,8 % (2016) до 71,7 % (2018)².

Фермерство в республиках развивается достаточно медленно в связи с отсутствием у населения финансовых возможностей, техники, налаженной системы сбыта продукции в селе, систем хранения, малым числом сенокосных угодий и т. д. По-прежнему остаются проблемы с низкими закупочными ценами у населения на производственную продукцию, что в определенной степени снижает мотивацию сельчан к расширению хозяйств, приводит к обогащению перекупщиков, имеющих собственный транспорт и каналы связи в торговых сетях. Таким образом, тяжелый крестьянский труд по-прежнему остается низкооплачиваемым и не приносит дохода, а порой и не покрывает расходов на производство.

Исследуемые республики богаты природной растительностью и животным миром, чем пользуется население. Рыбная ловля и охота – одни из самых ранних способов добычи пищи и традиционных занятий коренного населения республик. Достаточно распространенными способами получения дополнительного заработка выступают сбор и продажа орехов (38,2 % – Тыва, 26,3 % – Бурятия), дикорастущих грибов, ягод, черемши, лекарственных трав (29,3 % и 21,4 % соответственно), но указанные способы имеют сезонный характер, зависят от погодных условий и других непредвиденных факторов, что делает получаемые доходы нестабильными.

К сожалению, все чаще применяются способы дополнительного заработка населения незаконным путем. К ним относятся мелкорозничная торговля, осуществляемая без регистрации, нелегальная лесозаготовка, на которую указали 4,1 % респондентов Тывы и 9,9 % опрошенных Бурятии, подпольная продажа алкоголя (14,6 % и 11,2 % соответственно) и др. Несовершенство законодательной базы, коррупционные сети способствуют криминальному бизнесу. Доведенное до отчаяния население готово идти на крайние меры, прибегая к вариантам «саморазрушения села».

Одним из способов решения проблем безработицы является развитие бизнеса в селе. Это даст возможности для создания новых рабочих мест, оздоровления экономики, расширения ассортимента товаров и услуг для сельчан, а также для использования местного сырья. Но низкий уровень жизни населения, отсутствие необходимой техники и оборудования сдерживают развитие малого и среднего бизнеса в сельских поселениях [26]. Для национальных республик Сибири характерны суровые природно-климатические условия, плохая техническая обеспеченность сельскохозяйственного труда, низкая продуктивность сельскохозяйственных животных и земель, финансовая неустойчивость,

¹ Сельское и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство // Бурятия в цифрах. Улан-Удэ, 2020. С. 328–348.

² Об утверждении Стратегии развития агропромышленного комплекса Республики Тыва на период до 2030 года. Постановление Правительства Республики Тыва от 22.11.2019 № 553 // Правительство Республики Тыва. Режим доступа: http://www.npa.rtyva.ru/sites/default/files/get_pdf/998.37%20КБ.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

детерминированная нестабильность доходов, недостаточный приток частных инвестиций. Все это в совокупности предопределяет в более утрированной форме проблемы, характерные для сельского хозяйства современной России в целом, высокие риски сельхозпроизводителей (связаны с природно-климатическими условиями, колебаниями цен, курсом валют и т. д.), низкую инвестиционную привлекательность агробизнеса.

Занятость населения во многом предопределяет уровень и качество жизни людей, достижение экономической состоятельности, детерминируя обеспечение жильем, организацию досуга, социальные настроения и ожидания населения. Наметившаяся тенденция усугубления социально-экономической ситуации в регионах и серьезная напряженность на рынке труда представляют комплексную социальную проблему, требующую всестороннего изучения и анализа. Очевидно, что недопустимо ухудшение ситуации на рынке труда, которое неминуемо приведет к еще большему снижению качества жизни населения и нарушению социальной стабильности в республиках. Данные органов государственной статистики демонстрируют, что ситуация с уровнем безработицы продолжает оставаться достаточно серьезной. В Республике Бурятия общий уровень безработицы во II квартале 2020 г. составлял 11 %³, тогда как в Республике Тыва – 19,4 %, в шесть раз превышая показатели аналогичного периода 2019 г.⁴

Значимым фактором жизнеобеспечения сельских поселений является наличие развитой инфраструктуры. «Главное предназначение социальной инфраструктуры – обеспечение условий для жизни и удовлетворения потребностей населения, способствующих профессиональному, социальному, духовному, физическому, творческому росту жителей поселений. В связи с этим, очевидно, что границы и структура социальной инфраструктуры должны постоянно изменяться с учетом возникающих социальных потребностей населения, должны находиться в постоянном движении, способствуя решению экономических, производственных, социальных задач по развитию экономического и социального потенциала района или села» [26, с. 50]. К сожалению, анализ состояния производственной инфраструктуры на территории исследуемых республик выявляет ее неразвитость.

Производства по обработке сельскохозяйственной продукции (молока, мяса, дикоросов, овощей, кожи, меха и т. д.) в республиках недостаточно развиты. И если в Республике Бурятия был опыт работы промышленных предприятий по обработке сельскохозяйственной продукции, дикоросов, плодовой и овощной продукции, кондитерских и макаронных изделий, и возрождение подобных предприятий медленно, но все же осуществляется,

то в Республике Тыва подобного опыта нет, и процессы проходят сложнее по причине отсутствия специалистов, оборудования и материальной базы, дороговизны транспортных затрат.

К сожалению, можно констатировать, что в постсоветский период, после ликвидации совхозов и колхозов, на которые возлагалось управление и содержание сельской инфраструктуры, начала распадаться налаженная социальная и производственная инфраструктура села. На современном этапе содержание отдельных объектов инфраструктуры частично взяли на себя частные организации, фермерские хозяйства. «Однако стоит отметить, что распространенность данного феномена незначительна. Среди причин, сдерживающих развитие фермерства на местах, можно отметить отсутствие полноценной государственной поддержки фермерского труда, сложность решения организационно-правовых вопросов, высокие ставки по кредитам, неразвитость дорожной сети, слабая техническая оснащенность, общие кризисные процессы в стране (высокая инфляция, низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию) и т. д.» [26, с. 52–53]. Вновь создаваемые производственные объекты в сельских поселениях ориентированы на прибыль, торговлю и составляют значительную долю в социальной инфраструктуре [27].

При эффективном функционировании объектов социальной инфраструктуры происходит повышение уровня бытового обслуживания, обогащается культурная и духовная жизнь населения, что сказывается на настроении, самочувствии сельских жителей, на производительности и развитии сельскохозяйственного комплекса, что в свою очередь оздоравливает экономическую жизнь поселения. Оценивая состояние функционирующей модели социальной инфраструктуры поселений республик, можно отметить ее несоответствие реалиям времени и все более растущим потребностям населения, что провоцирует процессы деградации сельских поселений, нарушение производственных процессов, снижение производства сельскохозяйственной продукции.

Неблагоприятная демографическая ситуация является одной из причин возникающих проблем в сельских поселениях. Впрочем, проблемы в развитии сельских территорий – порождение не только современного периода. Еще исследователи советской деревни отмечали их наличие. Наиболее актуальной проблемой, предопределяющей процессы заселения, развития и функционирования села, является миграция. В обеих республиках очевидны схожие пропорции городского и сельского населения и нарастающие урбанизационные процессы. Только в четырех районах Республики Бурятия наблюдается приток

³ О численности рабочей силы и лицах, не входящих в ее состав, по Республике Бурятия во 2 квартале 2020 года (по материалам выборочных обследований рабочей силы) // Бурятстат. Режим доступа: <https://burstat.gks.ru/statcurrentevents/document/97995?print=1> (дата обращения: 12.10.2020).

⁴ Почти 20 % жителей Тувы являются безработными // Тайга. Инфо. 27.07.2020. Режим доступа: <https://tayga.info/157556> (дата обращения: 12.08.2020).

или удержание показателей числа жителей, тогда как в Республике Тыва отмечается отток населения практически во всех районах. За период 2017–2019 гг. произошло снижение оттока населения, однако по-прежнему миграционный прирост имеет отрицательные значения в республиках⁵. Основными мотивами миграции, согласно нашим исследованиям, являются отсутствие жилья (25,6 % в Тыве и 18,8 % в Бурятии), безработица, отсутствие перспектив трудоустройства по специальности (76,4 % и 66,8 % соответственно), неразвитость социальной инфраструктуры (18,3 % и 19,4 % соответственно). Регион покидает наиболее перспективная и мобильная часть населения – учащаяся молодежь и трудоспособное население, что влечет за собой негативные последствия. С одной стороны, это ослабляет экономическое развитие оставаемых регионов, с другой – усиливает демографические и социальные проблемы в регионах прибытия.

Духовно-нравственное становление, развитие подрастающих поколений предопределяется качественным функционированием систем образования и культуры. К сожалению, сегодня в исследуемых республиках наблюдается острая нехватка молодых квалифицированных кадров в сельской местности. Основными причинами утечки образованных специалистов являются низкий уровень жизни, отсутствие жилья, низкая заработная плата. Несмотря на поддержку региональными властями молодых специалистов посредством субсидий, жилищных сертификатов, проблема пока решается очень сложно. Миграция учителей и образованных специалистов других сфер снижают образовательный, культурный, социально-экономический потенциал села, что провоцирует социальное неблагополучие в поселениях.

Процессы глобализации и урбанизации приводят к размыванию национальной идентичности, затрудняют сохранение традиционной культуры. Велика роль поддержания национальной культуры, языка, традиций и ценностей народов у жителей сельских поселений. Ядро сельской культуры всегда составляла аксиологическая система. Опора на крепкую семью и патриархальные отношения в ней, крепкие родственные, соседские и дружеские связи, преобладание семейных и религиозных ценностей позволяли селу быть оплотом сохранения национальной культуры народа. Именно благодаря сильной этнической культуре и религиозной платформе удалось пережить кризисный период, сдержать социальную дезинтеграцию российского села. Значимое место в жизни сельского социума занимают традиционные праздники, включающие в себя обычаи и обряды, народные игры и спортивные состязания с учетом полинациональности регионов. Кроме того, по-прежнему в сельских поселениях

сильны семейные праздничные традиции, что постепенно теряется в городской местности.

Важнейшим свидетельством сохранения этнической культуры является знание родного языка. В языковых формах отражаются и отношение к природе, и характер трудовой деятельности. Можно отметить, что процент владеющих национальным языком значительно выше в Республике Тыва, нежели в Республике Бурятия. Согласно статистическим источникам, нарастание урбанизационных процессов вызывает обратную пропорцию между числом сельских жителей и количеством владеющих родным языком⁶.

Все многообразие перечисленных проблем предопределяет дисфункциональность и дезорганизованность социальных процессов в селе, определяет его этнические и хозяйственные особенности жизнедеятельности. В связи с этим достаточно велика значимость понимания того, что село, являясь частью социальной системы, не может существовать автономно, является одним из важных субъектов социальной трансформации. Однако усилия по сохранению сельских поселений, предпринимаемые отдельными регионами, усложняются сложившимися мировыми тенденциями урбанизации. Актуализируется вопрос о поиске баланса между улучшением качества жизни и увеличением привлекательности сельского образа жизни и изживанием типичных традиционных видов занятости сельчан, предопределяющих продовольственную безопасность, сохранение этнических и культурных особенностей населения.

Заключение

Актуальность изучения сельских территорий вытекает из их значимости в процессах социальной трансформации российского общества. Исследуемые сельские поселения национальных республик Сибири, несмотря на общность со всеми сельскими территориями России, имеют специфические социальные и экономические проблемы, обусловленные географическими, природными, социокультурными факторами, которые накладывают отпечаток на социальное положение сельского населения и требуют учета при поиске ресурсов и механизмов, способных оказать позитивное влияние на развитие сельских территорий. Результаты исследования демонстрируют серьезный упадок сельских поселений республик, а актуальные данные органов государственной статистики не только подтверждают негативные тенденции, но и показывают, что процессы деградации села продолжаются.

Считаем, что в качестве основной меры при решении всего многообразия проблем сельских поселений необходимо использовать комплексный подход с учетом экономических и социальных факторов. Приоритетными должны

⁵ Население // Красноярскстат. Режим доступа: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения: 12.01.2020); Демография // Бурятстат. Режим доступа: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 12.01.2020).

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2012. 2923 с.

стать активные действия в политике содействия трудоустройству населения, развитию предпринимательской инициативы на местах. Важным является повышение технического оснащения производства во всех сферах и отраслях агропромышленного комплекса, активизация внедрения научных разработок, передового опыта и других инноваций в сельскохозяйственное производство, регулирование каналов реализации продукции, развитие социокультурной инфраструктуры села, повышение уровня социально-культурных, медицинских, образовательных

услуг населению, привлечение и создание условий для закрепления квалифицированных кадров на местах. Властям республик необходимо предпринять целый ряд мероприятий, направленных на восстановление и развитие сельских поселений, поскольку только за счет системных мероприятий, направленных на оздоровление экономической, социальной и культурной жизни села можно рассчитывать на прекращение оттока населения, демографическое и производственное оздоровление села.

Литература

1. Петриков А. В. Устойчивое развитие сельских территорий в России: направления и проблемы // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: зарубежный опыт и проблемы России / отв. ред. Н. Ф. Глазовский, А. В. Гордеев, Г. В. Сдасюк. М.: КМК, 2005. Вып. 2. С. 228–243.
2. Аитов Н. А., Камаев Р. Б. Новый промышленный центр и село. М.: Экономика, 1983. 104 с.
3. Арутюнян Ю. В. Опыт социологического изучения села. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 104 с.
4. Великий П. П. Духовная жизнь советского села. М.: Мысль, 1982. 207 с.
5. Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М.: Политиздат, 1976. 319 с.
6. Староверов В. И., Цуркану Н. В., Тимуш А. И. Деревня в условиях интеграции. М.: Мысль, 1979. 272 с.
7. Методология и методика системного изучения советской деревни / отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 344 с.
8. Социальное развитие села Бурятской АССР / отв. ред. Ю. Б. Рандалов, Е. А. Голубев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. 269 с.
9. Рефлексивное крестьяноведение / под ред. Т. Шанина, А. М. Никулина, В. П. Данилова. М.: МВШСЭН; Роспэн, 2002. 588 с.
10. Пациорковский В. В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003. 366 с.
11. Тощенко Ж. Т. Что представляет собой современное российское село? // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 89–98. DOI: 10.7868/S0132162517120091
12. Рандалов Ю. Б., Хараев Б. В., Чукреев П. А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2005. 113 с.
13. Социологический анализ трансграничных обществ Байкальского региона: динамика, проблемы, перспективы / отв. ред. Ю. Б. Рандалов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2016. 245 с.
14. Анайбан З. В. Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. 2020. № 49-4. С. 62–66.
15. Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 85–92.
16. Балакина Г. Ф. Проблемы безработицы и самозанятости в Туве // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Кызыл, 14–15 октября 2015 г.) Кызыл, 2015. С. 59–65.
17. Диденко Л. А., Кирко В. И., Лукьянова А. А., Саволайнен Г. С. Изучение качества жизни жителей сельского поселения сумон Усть-Элегестинский Кызылского кожууна Республики Тыва: материалы экспедиции // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. № 3. С. 194–204. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-3-185-195
18. Самарина Н. Г. Реализация приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» в Туве // Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 30 октября 2009 г.) Улан-Удэ, 2009. С. 48–49.
19. Доржу Д. В. Современные проблемы развития АПК Республики Тыва // Вестник КрасГАУ. 2013. № 4. С. 14–20.
20. Огнев С. Курс на развитие АПК Тувы и тувинского села будет продолжаться при всемерной поддержке государства // Рынок мяса и мясных продуктов. 2015. № 3. С. 25–27.
21. Донгак Б. А. Современные проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере этнического хозяйства Республики Тыва // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-1. С. 139–142.
22. Дабиева У. М. Анализ эффективности инвестирования бюджетных средств в сельское хозяйство Тувы // Фундаментальные исследования. 2016. № 6-1. С. 177–183.
23. Татарова С. П., Затева Н. А. Социальные процессы в современном сибирском селе (на примере республик Бурятия и Тува) / отв. ред. И. С. Цыремпилова. Улан-Удэ: ВСГИК, 2017. 192 с.

24. Татарова С. П. Современное состояние функционирования учреждений социально-культурной сферы Республики Тыва и их роль в профилактике актуальных проблем общества. Кызыл: Б. и., 2012. 108 с.
25. Жалсанова В. Г. Сельское население Бурятии в начале XXI в.: проблемы и перспективы развития // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 86–90.
26. Татарова С. П., Затеева Н. А. Сельская инфраструктура как фактор развития поселений // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 2. С. 49–55.
27. Фатхулина Л. З. Социальная инфраструктура села и основные пути ее совершенствования // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 12. С. 196–204.

original article

Problems of Rural Development: Republics of Buryatia and Tyva

Svetlana P. Tatarova

East-Siberian State Institute of Culture, Russia, Ulan-Ude
svetlana.tatar@inbox.ru

Nadezhda A. Zateeva

East-Siberian State Institute of Culture, Russia, Ulan-Ude

Received 30 Nov 2020. Accepted 13 Jan 2021.

Abstract: Rural areas are an important basis for the development of Russian economy. However, the problems faced by rural settlements significantly complicate the rural life in modern realities. The research objective was to analyze the current situation in the rural settlements of two national republics of Siberia, namely Buryatia and Tyva, taking into account their geographical, economic, social, economic, and demographic features. The paper covers the most pressing causes of rural degradation, e.g. unemployment, bad conditions for small and medium businesses, no industrial development, etc. In these conditions, rural population have to engage in unskilled agricultural labor, farming, gathering wild plants, berries, and mushrooms, etc. Villagers often get involved in illegal logging, sale of home-brew, uncertified retail trade, etc. Another important factor that hinders rural development is urban migration, which is associated mostly with educated rural population. Villagers suffer from low standard of living, household problems, unemployment, poor social and industrial infrastructure, etc. In addition, the authors also touched upon the problem of preserving traditional culture and language. The abovementioned problems of rural development have negative consequences, decrease agricultural production, and destroy the traditions of rural life.

Keywords: village, employment, unemployment, migration, infrastructure, culture, demography

Citation: Tatarova S. P., Zateeva N. A. Problems of Rural Development: Republics of Buryatia and Tyva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 58–65. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-58-65>

References

1. Petrikov A. V. Sustainable development of rural areas in Russia: directions and problems. *Sustainable development of agriculture and rural areas: foreign experience and domestic problems*, eds. Glazovsky N. F., Gordeev A. V., Sdasyuk G. V. Moscow: KMK, 2005, iss. 2, 228–243. (In Russ.)
2. Aitov N. A., Kamaev R. B. *New industrial center and village*. Moscow: Ekonomika, 1983, 104. (In Russ.)
3. Arutiunian Iu. V. *Experience of sociological study of the village*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1968, 104. (In Russ.)
4. Velikii P. P. *Spiritual life of the Soviet village*. Moscow: Mysl, 1982, 207. (In Russ.)
5. Simush P. I. *Social portrait of the Soviet peasantry*. Moscow: Politizdat, 1976, 319. (In Russ.)
6. Staroverov V. I., Tsurkanu N. V., Timush A. I. *Village in conditions of integration*. Moscow: Mysl, 1979, 272. (In Russ.)
7. *Methodology and methodology for the systematic study of the Soviet village*, eds. Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1980, 344. (In Russ.)
8. *Social development of the village of the Buryat ASSR*, eds. Randalov Iu. B., Golubev E. A. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd-vo, 1989, 269. (In Russ.)
9. *Reflexive peasant studies*, eds. Shanin T., Nikulin A. M., Danilov V. P. Moscow: MVShSEN; Rosspen, 2002, 588. (In Russ.)
10. Patsiorkovskii V. V. *Rural Russia: 1991–2001*. Moscow: Finansy i statistika, 2003, 366. (In Russ.)
11. Toshchenko Zh. T. What is a modern Russian village? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, (12): 89–98. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162517120091

12. Randalov Iu. B., Kharaev B. V., Chukreev P. A. *Migration moods of rural residents: acting factors and trends*. Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. nauch. tsentra SO RAN, 2005, 113. (In Russ.)
13. *Sociological analysis of transboundary societies of the Baikal region: dynamics, problems, prospects*, ed. Randalov Iu. B. Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. nauch. tsentra SO RAN, 2016, 245. (In Russ.)
14. Anayban Z. V. Contemporary migration situation in the Republic of Tuva. *Sciences of Europe*, 2020, (49-4): 62–66. (In Russ.)
15. Balakina G. F., Anayban Z. V. Features of ethno-regional migration in Tuva. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, (10): 85–92. (In Russ.)
16. Balakina G. F. Problems of unemployment and self-employment in Tuva. *Regional economy: technologies, economy, ecology, and infrastructure: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kyzyl, 14–15 Oct, 2015*. Kyzyl, 2015, 59–65. (In Russ.)
17. Didenko L. A., Kirko V. I., Lukyanova A. A., Savolainen G. S. A study of the quality of life of residents of the rural settlement of Sumon Ust-Elegestinsky of the Kyzyl kozhuun of the Republic of Tuva: expedition materials. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*, 2020, 4(3): 194–204. (In Russ.) DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-3-185-195
18. Samarina N. G. Implementation of the priority national project "Development of the agro-industrial complex" in Tyva. *Siberia and Russia: development, development, and prospects: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ulan-Ude, 30 Oct, 2009*. Ulan-Ude, 2009, 48–49. (In Russ.)
19. Dorzhu D. V. The modern issues of agro-industrial complex development in the Tuva Republic. *Vestnik KrasGAU*, 2013, (4): 14–20. (In Russ.)
20. Ognev S. The course for the development of the agro-industrial complex of Tyva and the Tyvan village will continue with the full state support. *Rynok miasa i miasnykh produktov*, 2015, (3): 25–27. (In Russ.)
21. Dongak B. A. Modern problems of development of business activity in the sphere of ethnic economy of the Republic of Tyva. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2014, (9-1): 139–142. (In Russ.)
22. Dabieva U. M. Analysis of efficiency of investment of the agriculture budget in Tuva. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2016, (6-1): 177–183. (In Russ.)
23. Tatarova S. P., Zateeva N. A. *Social processes in modern Siberian countryside (as in the case of the republics of Buryatia and Tyva)*, ed. Tsirempilova I. S. Ulan-Ude: VSGIK, 2017, 192. (In Russ.)
24. Tatarova S. P. *The current state of functioning of institutions of the socio-cultural sphere of the Republic of Tyva and their role in the prevention of urgent problems of society*. Kyzyl: B. i., 2012, 108. (In Russ.)
25. Zhalsanova V. G. Rural population of Buryatia in the beginning of the XXI century: problems and perspectives of development. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (6): 86–90. (In Russ.)
26. Tatarova S. P., Zateeva N. A. Rural infrastructure as a development factor for settlements. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2017, (2): 49–55. (In Russ.)
27. Fatkhullina L. Z. Social infrastructure of the village and the main ways to improve it. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2011, (12): 196–204. (In Russ.)

оригинальная статья
УДК 316:354:351/354

Аспекты рациональности управленческих решений в сфере предпринимательства

Евгений Михайлович Шумкин

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, г. Новосибирск
9100020@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>

Поступила в редакцию 10.11.2020. Принята в печать 16.02.2021.

Аннотация: Статья носит научно-проблемный характер. Исследуются два аспекта проблемы принятия управленческих решений в сфере предпринимательства. Государство, выполняющее роль внешнего регулятора общественных отношений в данной сфере, является основным детерминирующим субъектом влияния на предпринимательскую деятельность. Рассмотрение его юридических инструментов воздействия на принятие управленческих решений дает возможность выявить социальные механизмы регулирования такой деятельности. Показана позиция регулятора, опирающегося на собственную рациональность при оценке выбора решения субъектом предпринимательства. Позитивное право как неотъемлемая часть окружающей действительности носит объективный характер и по замыслу законодателя предлагается как набор кодифицированных принципов правильного (по праву) поведения. Императивный и диспозитивный способы регулирования общественных отношений, включенных в сферу предпринимательства, подразумевают возможность выбора модели управленческого и предпринимательского поведения на основе уже предусмотренных законодателем правил. Активная регулирующая роль государства в рассматриваемых общественных отношениях и протекающих в них процессах несет проблему диссонирования юридических и социальных норм, лежащих в основе принятия управленческих решений, что приводит к дополнительным социальным, экономическим и периферийным (транзакционным) издержкам. В качестве второго аспекта критически рассматривается проблема фрустрационного конфликта регулятора и сферы предпринимательства в контексте применения предлагаемой государством рациональности в предпринимательской деятельности и выбора ее субъектами правильного управленческого решения. Позитивное разрешение проблемы видится в отказе государства от радикальной и негативной оценки управленческих решений предпринимателя. Необходима большая толерантность регулятора к предпринимательскому риску, не отождествляемая им с девиантным поведением, а принимаемая как альтернативная рациональность. Превенция отчуждения сферы предпринимательства от государства заключается в устранении конфликта между правом и правоприменением и формированием благоприятного климата, что возможно при достижении максимального сближения социальных и юридических норм. Выносимые проблемы изучены слабо, в научных трудах рассматриваются ординарные аспекты управленческих решений (поведенческие, социальные, информационные, психологические), рассматриваемая рациональность управленческих решений представлена незначительно и затрагивает только узковзыбранную сферу общественных отношений (сектор бюджетных организаций или сектор микропредприятий). Представление о рациональности модели правильного предпринимательского поведения требует уточнения в силу нехватки теоретических позиций и недостаточной проработки проблем, разрешение которых позволит снизить социальные и экономические издержки.

Ключевые слова: правовая культура, конформизм, предпринимательская деятельность, неопределенность, общественный порядок, информационная асимметрия

Цитирование: Шумкин Е. М. Аспекты рациональности управленческих решений в сфере предпринимательства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 66–77. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-66-77>

Введение

Понятия *предпринимательство* и *предпринимательская деятельность* (а также тождественный им и семантически измененный термин *бизнес*) занимают прочное положение в научном знании о законах развития общества. Данные термины обладают не только широкими содержательными границами, но и устойчивыми языковыми шаблонами и объясняют общественную значимость различных

видов деятельности человека: финансово-хозяйственной, предпринимательской и экономической [1]. *Бизнес* и *предпринимательство* имеют разные этимологические начала при тождестве определений, выраженных в сходной классификации по типам занятости (ремесленничество и торговля). По мнению И. В. Игнатовой, термин *бизнес* имеет весьма нечеткие предметные черты и релевантен

подавляющему большинству процессов жизнедеятельности человека [2]. Полное терминологическое сходство находили в них А. Хоскинг [3], Ю. П. Майданевич, К. А. Бедрик [4] и П. А. Гурьянов [5].

Следует отметить, что часть авторов придерживалась позиции разделения понятий. Например, по мнению П. Ф. Друкера, бизнес меняет общественные ценности [6]. Г. Г. Стивенсон с соавторами наделяли предпринимательство конкурентным преимуществом перед бизнесом в виде отсутствия ограничений в процессе выбора решения [7]. Феномен управленческих решений в предпринимательской деятельности является объектом научного интереса с точки зрения изучения процесса и оценки факторов, обуславливающих их рациональность [8; 9]. Обзор данных точек зрения дает возможность рассматривать практицизм предпринимательской деятельности с позиций ее общественной значимости и внешнеправовых стимулов для принятия рациональных решений.

Действительность, в которой субъекты предпринимательской (экономической) деятельности в состоянии распределять материальные ресурсы и иными способами распоряжаться нематериальными ресурсами, сегодня принимается объективной [10]. Цивилизованные экономические, правовые и социальные порядки строятся на данном постулате¹. Большинство стран уже в 50-е гг. XX в. придерживались такого способа регулирования финансово-хозяйственной деятельности, однако часть государств регулировали свою экономику и выстраивали правопорядок, исходя из активного вмешательства в качестве регулятора во все процессы рынка, считая свободное предпринимательское поведение субъектов нерациональным².

Агрессивная позиция глубокого вмешательства регулятора в совокупность всех общественных отношений в сфере предпринимательства объясняется отсутствием доверия к возможности субъектов предпринимательства оказывать влияние на рыночные процессы и уверенности в рациональности их управленческих решений при реализации предпринимательского потенциала [11]³. Страны, которые нивелировали взаимные ожидания между институтом государства и участниками свободного рынка, поверив в рациональность их предпринимательского поведения, выраженную в реализации частных, а не государственных интересов, достигли современных экономических высот. Управленческие решения, основанные на субъективной рациональности и лежащие в основе

предпринимательской деятельности, привели к экономическому благополучию стран с минимальным вмешательством в рыночную экономику [12].

Таким образом, представляется необходимым по-новому рассматривать рациональность управленческих решений в предпринимательской деятельности, а именно как достижение оптимального (соблюдение субъективного баланса материальных и транзакционных издержек) результата, ориентируясь на социальные и нормативные правила поведения, обеспечивающие возможность свободного выбора модели экономического и конформного поведения, отражающего картину мира каждого субъекта предпринимательской деятельности, где «управленческие решения представляют собой архитектуру процесса и явления, направленного на достижение оптимального результата, выраженного в соблюдении баланса интересов всех участников управленческой предпринимательской деятельности и государства» [13, с. 155].

Материалы и методы. В работе использованы общенаучные исследовательские методы. Определены, описаны и классифицированы аспекты рациональности. Теоретической основой стали работы Л. фон Мизеса, Ф. Х. Найта, Д. К. Гэлбрейта, Э. Т. Пенроуз и др. В границах научного знания о предпринимательстве интересна роль государства как внешнего регулятора формально определенных и имеющих нормативный характер правил поведения в предпринимательской деятельности. Укажем точки зрения авторов на рациональность управленческой деятельности, предопределяющей предпринимательскую с позиции аналитического подхода, дающего возможность дискретно рассмотреть выделяемые ими характерные признаки и элементы рациональности.

Признаки рациональности управленческих решений

Нормативность. По мнению В. О. Ключевского, предпринимательство являет собой желание людей находить оптимальный способ получения дохода, постоянно находясь под жестким контролем и мелочной регламентацией государства [14]. Через нормативность рассматривала деятельность человека, целью которой является доход, осуществляемую от своего имени, по своей инициативе и под свою ответственность, З. Г. Ханова [15].

Способ социального поведения. П. Бурдьё рассматривал предпринимательство как систему устойчивых социальных практик, т. е. как финансовую и хозяйственную деятельность общества, направленную на собственное

¹ Российский законодатель дает легальное толкование только предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ). Определение экономической деятельности законодательно не закреплено и толкуется доктриной расширено. Потому в настоящей работе примем предпринимательскую и экономическую деятельность синонимичными по характеру.

² Экономики СССР, Франции, Великобритании, Северной Кореи, Кубы, Индии, Турции, получившие название плановых экономик в разные исторические периоды.

³ Сфера предпринимательства рассматривается здесь как совокупность общественных отношений, построенных на выборе модели предпринимательского поведения, сформированной под влиянием внешних (политический режим, настойчивость пробюджетной политики, законодательная практика, санкционное давление и т. д.) и внутренних (правовая культура предпринимателя, уровень его социальной ответственности, психологические особенности личности и т. д.) факторов.

автономное развитие по своим правилам и регулируемая властью государства через социально-правовые нормы. Автор делал акцент на общественных отношениях, связанных с предпринимательством, и стратегии поведения социальных агентов [16]. Имплицитно с позиции общественного блага исходил Ф. Котлер, вычлняя такое дополнительное детерминирующее условие предпринимательства, как социальная ответственность [17]. Р. Рютингер выделял собственные условия: скорость взаимодействия с внешней средой и изменчивость степени риска [18]. Автор полагал, что отдельные особенности характера человека, его картина мира, ситуативное настроение и поведение имеют значение для того, как он будет выстраивать предпринимательскую культуру [19; 20].

Рискогенность. Принимая предпринимательство за автономную и свободную деятельность, Х. Уэрта де Сото обуславливал ее риском и указывал целью постоянное извлечение прибыли за счет эксплуатации предмета своей деятельности: товара, работы или услуги [21]. Обращались к вопросу предпринимательства как хозяйственного процесса, имеющего общественное значение и несущего в себе социально-экономические и культурные ценности, Р. Д. Хизрич и М. П. Питерс. Этот процесс, по их мнению, обязательно сопряжен с риском в финансовом, эмоциональном и социальном плане и должен приносить прибыль и удовлетворение от достигнутого [22].

Неопределенность. Й. А. Шумпетер и Л. фон Мизес сближались во взглядах, считая, что предпринимательство действует и всегда будет действовать в условиях неопределенности [23–25]. В первую очередь неопределенными и постоянно изменчивыми будут ресурсы (предлагаемые к обмену или иному способу отчуждения). Интересно отметить, что И. М. Кирцнер, отчасти разделяя взгляды ученых, по-новому определяет предпринимательство как равновесную деятельность, под которой понимает возможность принятия управленческих решений в состоянии определенности, т. е. владения достаточной для этого информацией [26].

Инновационность. М. Г. Лапуста и Л. Г. Шаршукова понимают под предпринимательством организованную инновационную деятельность для извлечения из нее дохода, который определяют критерием успеха (удовлетворение от достижения прогнозируемого экономического результата, исходя из конкурентных правил поведения) [27]. По их мнению, это абсолютно иной тип хозяйственной деятельности, основанный на инновациях, умении генерировать идеи и навыках их применять, реализовывать различные предпринимательские сценарии. А. И. Агеев считает рисковые и управленческие компоненты предпринимательства несущественными и, соглашаясь с Й. А. Шумпетером, видит предпринимательство неотделимым от инноваций, а новаторство – основной его детерминантой [28]. Под субъективным и объективным влиянием риска находится управленческая деятельность,

осуществляемая в высококонкурентной и экономически неустойчивой сфере предпринимательства, стремящейся этот риск минимизировать. Например, Э. Т. Пенроуз рассматривала эффективный менеджмент и управленческие технологии в качестве конкурентоопределяющего фактора предпринимательской деятельности [29; 30].

Следует обобщенно указать, что область научного знания изобилует работами, раскрывающими рассматриваемые термины. Конечно, характеризующие их признаки не носят исчерпывающего характера. Так, взгляды одних авторов базируются на активных началах субъекта предпринимательства (т. н. шумпетеровского предпринимателя), взаимодействующих с окружающей и формирующей их психологию средой, нацеленной на прибыль [25]. Другая часть авторов, также рассуждая об ответственности и характеристиках субъекта, отмечают и необходимость учета фактора ресурсов для реализации этой деятельности, навыков управленческой деятельности, необходимых для обслуживания этих ресурсов. Управленческая деятельность подвержена перманентному влиянию различных факторов, предопределяющих и определяющих предпринимательскую деятельность, к которым относятся и рациональность [22; 31]. В рассматриваемой модели рациональности управленческих решений признаки носят сугубо субъективный, а не абсолютный характер и отражают общественные отношения только в сфере предпринимательства.

Компоненты рациональности управленческих решений

Баланс интересов. Элементы рациональности управленческих решений представлены И. В. Игнатовой в виде совокупности отдельных микрозадач, последовательное или параллельное разрешение которых ведет к достижению поставленных экономических целей [2]. Эти микрозадачи могут обладать признаками нормативности (например, выбор субъектом организационно-правовой формы юридического лица или системы налогообложения) и / или ненормативности (процесс выбора контрагентов и методов проведения переговоров с ними) и призваны удовлетворять ценности предпринимателя и других участников общественных отношений в этой сфере, включая государство (поддержание экономики путем уплаты налогов в различные бюджеты) [32]. Рациональность управленческих решений предпринимателя выражается в постоянном поиске баланса оптимального использования имеющихся у него ресурсов, их обновлением для увеличения прибыли и постоянного снижения связанных с этим материальных и транзакционных издержек.

Правовая зависимость. Российский законодатель рассматривает апогей эволюционного развития экономики как комплекс урегулированных правоотношений всех институтов в сфере предпринимательства. Иными словами, он закодировал рациональность управленческой

и предпринимательской деятельности правом [33]⁴. Г. фон Шмоллер сформулировал институциональную (хозяйственную и национальную) идею предпринимательской деятельности, выделив при этом формирующие ее факторы: антропологические, психологические, социальные, исторические, правовые и др. [34].

Гибкость и креативность. Как и Б. Карлоф, ассоциирующий предпринимательскую деятельность с новаторством и инновацией [35], Ф. фон Визер находил ее организованной, управляемой, законной, рискованной и креативной [36]. В свою очередь А. Маршалл показал, что предпринимательская деятельность направлена на прогрессию позитивных и конструктивных общественных изменений вообще и в сфере производства в частности благодаря креативу управленческих решений предпринимателя [37]. Предпринимательская деятельность отождествляется с творческой деятельностью, обязательно сопряженной с креативом, гибкостью в решениях и готовностью к возможным изменениям, выходящим за рамки обычной хозяйственной активности [38; 39].

Осмысленность. В. С. Автономов считает особенностью управленческой деятельности предпринимателя адекватный анализ всех принимаемых решений, постоянно поступающих экономических вводных с целью максимального увеличения прибыли и максимального снижения затрат [40]. Г. А. Саймон поставил под сомнение положение о максимизации прибыли как доминирующей цели предпринимательской деятельности и заменил прибыль достаточным для предпринимателя доходом, добавив к нему нормальное моральное удовлетворение от личной деятельности, оптимально осуществляемой в условиях несовершенной конкуренции [41].

Нравственность. Предпринимательская деятельность в целом представлена М. Вебером рациональным результатом организованного и свободного труда с целью максимизации прибыли за счет эффективного использования вложенного капитала [33]. Религиозные скрепы предпринимательского духа, с его точки зрения, формируют особую хозяйственную этику деятельности человека. М. Вебер был убежден, что именно религия (протестантизм против католицизма В. Зомбарта) дает предпринимателю наивысшие нравственные санкции при принятии решений. В. Зомбарт считал предпринимательской ту деятельность, которую осуществляют люди определенных личностных качеств, поддерживаемых предпринимательским духом [42]. Такая деятельность имеет далеко прогнозируемый план, опирается на принцип единичности (как систему управления) и сотрудничество единомышленников [43].

Информационная асимметрия. Следует выделить точку зрения Ф. Х. Найта, видевшего в управленческой деятельности в сфере предпринимательства рискованную

деятельность, осуществляемую в условиях определенности и неопределенности [44]. Г. фон Мангольдт определял управленческую деятельность предпринимателя как производственную с определенной степенью риска. Автор классифицировал ее как деятельность «на заказ» и «на рынок» [45]. Их отличительной особенностью являлась информационная достаточность, вытекающая в гарантированность дохода в первом случае и в большую неопределенность относительно цены, спроса и риска во втором случае [46, с. 306–390].

Рассмотренные компоненты дают возможность сделать промежуточные выводы о возможности их влияния на управленческую компоненту в предпринимательстве и на финансово-хозяйственную деятельность государства. Предпринимательская деятельность является уникальной формой активной жизнедеятельности субъекта, претендующего на прибыль, чья аутентичность раскрывается в совокупности инновационного и конкурентного производства, труда и капитала и неотделима от рыночной экономики. Помимо принесения прибыли, удовлетворяющей частные интересы [20], предпринимательская деятельность является свободной экономической деятельностью, работающей на прирост общественного богатства. Свободная конкуренция в условиях постоянно перераспределяющихся ресурсов обеспечивается рациональной управленческой деятельностью, ограниченной лишь объективно-правовыми условиями. Об управленческой деятельности, подверженной постоянной трансформации, рассуждали Д. К. Гэлбрейт и некоторые другие авторы [44–48].

Таким образом, объединяющей платформой всех рассмотренных точек зрения, при этом не претендующей на универсальность, будет являться уже предложенная идеальная позиция, рассматривающая рациональность управленческих решений в предпринимательстве как активную деятельность сложных (по компонентам) явлений, реализуемую субъектами предпринимательской деятельности в процессе взаимодействия между собой на основании выбранной модели поведения, для оптимального достижения целей и удовлетворения личных и общественных интересов под контролем социально-правовых норм, обеспечивающих рост экономики [49].

Большинство определений управленческой деятельности в сфере предпринимательства релевантны друг другу в силу широты формулировок и акцентирования своего внимания на человеке и на целях управляемого объекта. Ключевым недостатком такого подхода видится отсутствие оценки управленческих решений как ключевого элемента предпринимательской деятельности и последующей оценки избираемых способов получения дохода (прибыли). Также не указывается роль государства как внешнего регулятора, задающего правовые нормы, и связанной с этим

⁴ Нормой правильного, т. е. рационального поведения.

проблемы отклоняющего поведения субъекта управленческой деятельности. Нет теоретических оценок негативных экстерналий, ведущих к дефолту отдельных видов предпринимательской деятельности в силу публичного принятия регулятором волевых управленческих решений (мораторий на банкротство, например).

Представляется малопродуктивным оценивать предпринимательство только с позиции извлечения прибыли. Не умаляя важности монетизации предпринимательской деятельности как труда, дающего возможность обслуживать свои потребительские интересы, важно определить в ней место субъекта управленческой деятельности и значимость для всей экономической и социальной структуры государства. Предприниматель воздействует на сферу предпринимательства как совокупность общественных отношений, связывающих все выбранные им виды экономической деятельности, принимаемыми управленческими решениями, определяющими его деятельность. Общество и государство воздействуют на предпринимательскую сферу регуляторно в целях достижения институционально-полезных целей. Таким образом, субъект управленческой деятельности и объект управления находятся в каузальной зависимости друг от друга. Сфера предпринимательства формирует в себе совокупность общественных отношений, направленных на создание финансово-хозяйственных отношений для получения прибыли от успешной реализации их взаимосвязей. Очевидно, такая деятельность является рациональной и подчиняющейся нормативным правилам поведения. Сознательный процесс, направленный на осмысление возможных факторов, влияющих на предпринимательскую деятельность, является постоянным, динамичным, определяющим все организационные решения, и представляет ее мотиватором. Особенность такого мотиватора – его изменчивость, которая зависит от состояния внутренней и внешней сферы предпринимательства.

Внешняя сфера складывается из внешнеполитических и внутривнутриполитических условий, государственного режима, качества законотворческой машины и степени ее устойчивости к деактуализации, горизонтальной и вертикальной мобильности, уровня и скорости обратной связи между обществом и государством, взаимного интереса к формированию новых связей между субъектами и объектами управления. Внешняя среда полностью очерчена нормами права, формализована, ответственна за формирование культуры и субкультур, минимально независима от внутренней среды, ничтожно гибка из-за собственных масштабов, снятие запросов ожидания общества затруднено, рациональность принимаемых решений носит законодательно-объективный характер.

Внутренняя среда, основанная на самостоятельных социальных и культурных нормах, относительно

устойчивых в обществе, минимально гибка к собственным субъектам предпринимательской деятельности (правовая неопределенность и информационная асимметричность), а потому не всегда коррелирует с нормами права (коррупция как социальное явление), количество запросов ожидания к государству постоянно велико. Итак, сфера предпринимательства представляет собой совокупность общественных отношений, оказывающих влияние на формирование социального и правового порядка, реагирующих изменениями на действия внешнего регулятора и подверженных воздействию со стороны субъектов предпринимательства.

Применим сравнительное рассмотрение действительных взаимоотношений государства со сферой предпринимательства в трех аспектах взаимных ожиданий к рациональности ее управленческих решений.

Социальная действительность инкорпорирует в себе идеалы взаимодействия людей: правила поведения в обществе, его ценности, знания о социальных явлениях и дилеммах. Культивируется уникальная социальная грамотность, диктующая реальные управленческие решения, выраженные в снижении материальных и нематериальных издержек, позволяющих избежать негативные экстерналии от государства [50].

Юридическая действительность включает в себя правовую организацию общества, правила взаимодействия институтов государственной власти с другими институтами, определяет место закона в обществе, осуществляет юридическое миротворчество с социальной действительностью, декларирует конкуренцию по общим правилам рынка. Снижение транзакционных издержек является прерогативой только предпринимателя. Наличие превенция вины предпринимателя за нерациональные решения.

Общественный порядок – совокупность социального и правового порядка, применяемая государством в виде единого ориентира рациональной модели поведения в сфере предпринимательства, осуществляет применение санкций за утрату этих ориентиров (или отклонение от них).

В социальной действительности взаимодействие в сфере предпринимательства происходит на основе самоорганизованных процессов, социальных правил поведения. Среда в ней формируется на основе условно принятых стандартов нравственности, морали, ценности собственной правовой культуры и ценностей множества субкультур, согласия принимать юридическую действительность и подчиняться ей, а в случае несогласия – выражать его формально организовано по правилам, предусмотренным законодателем. Особенности рациональности в социальной действительности являются нематериальные стимулы, побуждающие действовать (принимать

решения) правильно, т. е. юридически верно⁵. Юридическая действительность формируется путем транслирования государством своих транспарентных ценностей обществу для их последующего принятия. Государство мотивирует предпринимательскую среду к эффективной совместной деятельности с предусмотренной ответственностью для тех, кто «выпадает» из общего организационного процесса и препятствует совместному развитию [51]. Такая мотивация носит побудительно-принудительный характер, учитывая наличие «монополии на насилие» у государства⁶.

Регулируя процесс принятия управленческих решений в сфере предпринимательской деятельности (через выбор модели экономического поведения), государство формирует единые легитимные правила поведения, побуждающие субъектов предпринимательской деятельности принимать такие управленческие решения, которые коррелируют с государственными целями, социальными ценностями и представлениями об их эффективности. Таким образом, нормативное «подталкивание» государства выравнивает рациональность управленческой деятельности каждого отдельного субъекта предпринимательства.

Рассмотренные точки зрения дают возможность исследовать социальные границы процесса принятия управленческих решений в предпринимательстве, смысл которых заключается в оптимальном выборе наилучшего варианта из возможных, нивелируя тем самым потенциальное оппортунистическое поведение субъекта экономической деятельности. Управленческая деятельность, как и предпринимательская, имеет в своей основе творческое начало, которое в свою очередь опирается на социокультурные ценности субъекта, принимающего решение. Такие управленческие решения детерминируют «качество» (оптимальную рациональность по законодателю) предпринимательской деятельности и обуславливают адекватную причинность между экономическими целями субъекта предпринимательской деятельности и финансовыми (репутационными) показателями.

Кумулятивность знаний о процессах принятия управленческих решений опирается на позиции Д. Канемана с соавторами [52] и М. Фридмана [53], предложивших теоретические подходы к пониманию принципов управления и процессов, протекающих в управленческой деятельности. Управление этими процессами осуществляется посредством власти как механизма принуждения к соблюдению норм права и возможности поражения в правах за отклонение от легитимного поведения. Подобный механизм негативной реакции государства обеспечивает сложную структуру концентрации власти и соответствует его позиции внешнего регулятора правоотношений. В настоящее время государство является

правомочным регулятором всех внутренних процессов (социальных, культурных, производственных, потребительских, экономических и т. д.) и общественных отношений, вовлеченных в них для обеспечения устойчивости и упорядоченности [54].

И. Н. Герчикова выделяет ряд задач, исполнение которых будет презюмироваться как достижение благоприятного климата в сфере предпринимательства [55]:

1) правовая – стимулирование предпринимательства через позитивные правовые нормы;

2) экономическая – внутренняя политика государства, адекватно обеспечивающая благоприятные условия для сферы предпринимательства;

3) социальная – управляемое и контролируемое распределение ресурсов между субъектами предпринимательской деятельности;

4) технологическая – содействие (информационное, льготное) развитию инновационных технологий;

5) защитная – обеспечение легальности и легитимности осуществления предпринимательской деятельности, а также доступа к необходимым образовательным и информационным ресурсам: культивирование правовой культуры в сфере предпринимательства, основными ценностями которой являются примат закона (например, обязанность уплачивать фискальные платежи является конституционной), номология права (юридические механизмы являются способами регулирования правоотношений в предпринимательской деятельности, а не способом ее подавления) и т. д. [56].

О. А. Соловьева фиксирует уже существующие (предусмотренные законодателем) административно-правовые режимы регулирования предпринимательства: государственную регистрацию; выдачу специальных разрешений для осуществления отдельных видов деятельности; защиту трудовой деятельности; режимы безопасности при осуществлении предпринимательской деятельности; партисипативное (партнерское) взаимодействие (например, публичное обсуждение) [57].

Результаты

Представленные мнения авторов отчасти коррелируют друг с другом и дают возможность рассматривать влияние государства на сферу предпринимательства не только как внешнюю регулируемую силу (мягкую силу в смысле предложенных нормативных правил поведения и жесткую – в смысле понуждения к исполнению этих правил, если иной участник отклоняется от них), но и как первого среди равных участников общественных отношений в сфере предпринимательства. Потребности субъектов предпринимательства диверсифицированы и индивидуализированы по определению, а правила государственного

⁵ Это т. н. положительная санкция государства (например, «непроверяемый период» для малого и среднего бизнеса).

⁶ Например, презумпция вины в контексте привлечения к административной или субсидиарной ответственности.

актора едины и объективны, цель масштабна и носит всеобъемлющий характер ценностей для общества. Транслируемые государством ценности инкорпорируются из юридической действительности в социальную для их принятия обществом. Так оно мотивирует общество через принятые решения, носящие побудительные маркеры в виде рациональности совместной деятельности и ответственности для тех, кто избегает общего и организационного процесса формирования экономики и таким образом препятствует развитию общества и государства.

При постоянном и взаимном снятии запросов государства (следовать предписанным нормам права) и общества (регулировать социальное поведение через свое добровольное поражение в правах в пользу государства в обмен на гарантируемые им преференции), направленных на удовлетворение своих потребностей, возникает конфликт в виде несоответствия ожидания от действий друг друга, наличия разных стандартов в понимании общих целей, ценностей и толкования правил поведения. Нивелирование такого конфликта и возможных социальных волнений возможно при транспарентном удовлетворении взаимных требований, снижении социальных издержек, отказе от оппортунистического поведения по отношению друг к другу. Только установление социально-культурных, правовых и укрепление экономических связей (практик) должно стать неотъемлемой частью многосторонних взаимоотношений между всеми действующими субъектами предпринимательства и государства. Общество полагается на государство в решении своих задач, предпринимательская деятельность осуществляется по предустановленным «правилам игры». Если ценностью государства является постоянное формирование сферы предпринимательства исходя из ценностей общества, то степень коммуникации акторов становится выше, обратная связь постояннее, а управленческие решения синергетически эффективнее. Здесь стоит отметить, что рассматриваемая ценность является объективным признаком принятия государством такой же ценности у общества. Корреляция системы ценностей общества и государства в таком случае дает возможность полагаться на единый ориентир социально-экономического развития. Однако стоит указать, что ценность формирования сферы предпринимательства является не только конечной целью, но и процессом по ее достижению.

Сегодня следует обратить внимание на усиление централизованной власти в России, что не делает выработанные ею правила поведения для предпринимательства обязательно значимыми и рациональными, и оболочкой общества от нее. Проблема отдаления их друг от друга заключается в процессе внутренних изменений под влиянием внешних факторов постоянного экономического и политического давления. Как следствие, такое давление затрагивает все сферы общественной жизни, а предпринимательскую – в первую очередь. Задачей государства представляется формирование такой сферы

предпринимательства, в которой каждый субъект может находиться в условиях объективной реализации, сохранения и преумножения понятных и неменяющихся социокультурных, предпринимательских и правовых ценностей. Это должно стать ключевым вектором социально-экономического развития государства, поскольку невозможно наличие предпринимательской среды в той системе, которая ее не принимает.

Обладая специальными функциями института государства (властью и правом), самому государству должно исходить из позиций невозможности получения преимуществ перед остальными социальными институтами в силу своего иерархического положения в социальной структуре общества, а рациональность принимаемых управленческих решений субъекта предпринимательства не должна находиться в зависимости от степени активности внешнего регулятора и возможных последующих реакций со стороны правоохранителя за риск ошибок в своей управленческой деятельности. Таким образом, государство должно преодолеть репрессивную основу взаимоотношений с предпринимательством как явлением и поощрять процесс получения выгоды от бизнеса как от процесса для достижения общего блага, от идейно нового формата взаимоотношений, основанных на общепринятой правовой культуре. Важно выделить при этом неприемлемость рассмотрения правовой культуры с точки зрения «наказательного» права государства, выраженного в виде тотальной негативной реакции на несоблюдение легитимных норм права субъектами предпринимательства, тем самым укрепляя институт права и формируя иллюзию наличия высокого уровня правовой культуры через демонстрацию обществу неотвратимости наказания, порочности девиантного поведения и «законодательного зуда» [58].

Заключение

Для оценки рациональности управленческих решений необходимо понимать их ключевые признаки, формируемые под влиянием внутренней и внешней среды предпринимательства: нормативность, неопределенность, способ социального поведения, рискогенность, инновационность. Управленческие решения стоит рассматривать как сложное по компонентам явление: необходимость соблюдения баланса интересов, правовая зависимость, гибкость и креативность, осмысленность, нравственность и информационная асимметрия. Необходимо учитывать действительность, в которой формируется сфера предпринимательства: юридическую, социальную и их совокупность в виде общественного порядка. Такой подробный учет различных аспектов рациональности управленческих решений в сфере предпринимательства раскрывает смысл этой рациональности и понимание множественной и сложной природы управленческих решений, что дает возможность добиться улучшения качества управленческих решений, развития предпринимательства как явления и стимулировать развитие экономики страны.

Литература

1. Пономарев О. Б., Светульников С. Г. К вопросу о базовых дефинициях теории предпринимательства // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 1. С. 33–42.
2. Игнатова И. В. Предпринимательство и бизнес: терминологическая дифференциация // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 6. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/63EVEN614.pdf> (дата обращения: 07.05.2020).
3. Хоскинг А. Курс предпринимательства / общ. ред. В. Рыбалкина. М.: Междунар. отношения, 1993. 349 с.
4. Майданевич Ю. П., Бедрик К. А. Малый бизнес: понятие и преимущества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2. С. 177–180.
5. Гурьянов П. А. О предпринимательстве // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 3. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1453> (дата обращения: 31.10.2020).
6. Друкер П. Ф. Рынок: как выйти в лидеры: практика и принципы. М.: Book chamber international, 1992. 351 с.
7. Stevenson Н. Н., Sahlman W. A., Roberts M. J., Bhide A. V. The entrepreneurial venture. Boston, MA: HBS Press, 1999. 609 p.
8. Хлыстов Е. А., Тураева И. Л. Институт предпринимательства как социально-экономическая система // Молодой ученый. 2014. № 19. С. 385–387.
9. Ручка А. С. Феномен предпринимательства в современной России // Сервис Plus. 2010. № 3. С. 147–151.
10. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 527 с.
11. Бессолицын А. А. Проблема формирования институтов предпринимательства в западной и российской историографии // Российское предпринимательство. 2008. № 9-2. С. 14–19.
12. Шумкин Е. М. Управленческая деятельность актора, как потенциал конфликта интересов: конвергентный подход // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 1. С. 152–161. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-152-161
13. Асаул М. А. Управление устойчивостью предпринимательских структур. СПб.: Институт проблем экономического возрождения, 2008. 286 с.
14. В. О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. 265 с.
15. Ханова З. Г. Основные направления исследования личности и деятельности предпринимателя в психологии // Известия ТРТУ. 2006. № 14. С. 292–296.
16. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас / сост. А. В. Леденева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 119 с.
17. Kotler Ph. Marketing essentials. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1984. 556 p.
18. Рюттингер Р. Культура предпринимательства. М.: Эком, 1992. 238 с.
19. Кныш Н. А. Трансформация образа российского предпринимателя в начале XXI века: возможности применения социоанализа Пьера Бурдьё // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2017. № 4-5. С. 27–35.
20. Тюрго А.-Р.-Ж. Размышления о создании и распределении богатств: ценности и деньги / пер. и доп. А. Н. Миклашевского. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1905. 80 с.
21. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / пер. с англ. Б. С. Пинскера; под ред. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2009. 202 с.
22. Хизрич Р. Д., Питерс М. П. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха / под общ. ред. В. С. Загашвили. М.: Прогресс. Прогресс-Универс, 1993. Вып. 1. 157 с.
23. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. М.: Экономика, 2000. 875 с.
24. Мухина Е. Р. Философия предпринимательства в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 3-3. С. 73–74.
25. Горбачева А. А., Карабегович Д. Я. Теория предпринимательства Йозефа Шумпетера и ее применимость в российской практике // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. № 2. С. 31–35.
26. Кирцнер И. М. Конкуренция и предпринимательство / под ред. А. Н. Романова. М.: ЮНИТИ-Дана, 2001. 238 с.
27. Лапуста М. Г., Шаршукова Л. Г. Риски в предпринимательской деятельности. М.: Инфра-М, 1998. 223 с.
28. Агеев А. И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М.: Наука, 1991. 106 с.
29. Nair A., Trendowski J., Judge W. The theory of the growth of the firm, by Edith T. Penrose. Oxford: Blackwell, 1959 (book review) // Academy of Management Review. 2008. Vol. 33. Iss. 4. P. 1026–1028. DOI: 10.5465/amr.2008.34425026
30. Буковцова Н. А. Управленческие решения как модель рационального поведения, деятельности и выбора // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2013. № 5. С. 225–228.
31. Нигоматуллина Р. М. Субъектность в современном управлении // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 12. С. 209–213. DOI: 10.30853/mns200558

32. Мизес Л. фон. Индивид, рынок и правовое государство / пер. С. Мальцевой; под ред. Д. Антисери, М. Балдини. СПб.: Пневма, 1999. 195 с.
33. Вебер М. Избранные произведения / сост. и общ. ред. Ю. Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
34. Давыдов В. А. Этика предпринимательской деятельности // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 3-5. С. 64–72.
35. Карлоф Б. Деловая стратегия: концепция, содержание, символы. М.: Экономика, 1991. 238 с.
36. Австрийская школа в политической экономии / сост. В. С. Автономов. М.: Экономика, 1992. 492 с.
37. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Т. 1. 415 с.
38. Бильчак В. С., Дуленко Н. Г. Эволюция междисциплинарного подхода в исследовании предпринимательства // Вестник ДВГАЭУ. 2012. № 3. С. 74–86.
39. Шишин С. В. Предпринимательство в условиях глобализации: основные черты и противоречия. М.: Экономика, 2010. 332 с.
40. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экон. шк., 1998. 229 с.
41. Simon H. A. Rationality as process and as product of thought // The American Economic Review. 1978. Vol. 68. No. 2. P. 1–16.
42. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономичного человека. М.: Наука, 1994. 442 с.
43. Blaug M. Great economists since Keynes: an introduction to the lives and works of one hundred modern economists. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1998. 312 p.
44. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / пер. с англ. М. Я. Каждана; науч. ред. В. Г. Гребенников. М.: Дело, 2003. 359 с.
45. Mangoldt H. von. Die Lehre vom Unternehmerge Gewinn. Leipzig: V. G. Teubner, 1855. 174 S.
46. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Акад. нар. хоз-ва; Дело, 1994. 687 с.
47. Савченко В. Е. Феномен предпринимательства // Российский экономический журнал. 1995. № 9. С. 45–50.
48. Гэлбрейт Д. К. Экономические теории и цели общества / под общ. ред. Н. Н. Иноземцева, А. Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1979. 406 с.
49. Гуляхин В. Н. Логико-философский анализ некоторых концептуальных проблем теории деятельности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7: Филос. 2003. № 3. С. 23–28.
50. Гредновская Е. В. Габитус как «социальное тело» принуждения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2010. № 8. С. 116–120.
51. Дружилов С. А. Психология профессионализма: инженерно-психологический подход. Харьков: Гуманитарный центр, 2011. 296 с.
52. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения / под ред. Г. В. Суходольского. Харьков: Гуманитарный Центр, 2005. 629 с.
53. Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 202 p.
54. Мелешко Е. Д., Верховский Д. А. Мораль и право как социокультурные регуляции // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2014. № 4. С. 3–9.
55. Герчикова И. Н. Регулирование предпринимательской деятельности: государственное и межфирменное. М.: Консалтбанк, 2002. 701 с.
56. Халикова Л. В. Межличностное и институциональное доверие – предпосылки развития предпринимательства? // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 346–349.
57. Соловьева О. А. Конструирование модели госрегулирования бизнеса // Проблемы управления социально-экономическими системами в условиях инновационного развития. Студент и научно-технический прогресс: сб. науч. тр. IX региональной науч.-практ. конф. и XXXIX студенческой науч. конф. (Челябинск, 25 марта 2015 г., 17 апреля 2015 г.) Челябинск, 2015. С. 232–236.
58. Gregorut A. S. A sociologia da punição de Loïc Wacquant como abordagem crítica no campo do direito e desenvolvimento // Dilemas, Rev. Estud. Conflito Controle Soc. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 195–211.

original article

Rational Managerial Decisions in Business Sector

Evgeny M. Shumkin

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk

9100020@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>

Received 10 Nov 2020. Accepted 16 Feb 2021.

Abstract: This article features managerial decisions in business area, where the state plays the role of an external regulator of public relations and the main influencer. The legal tools that affect decision-making in business depend on the social mechanisms of business regulations. The author describes the position of the rational regulator that evaluates the decisions made by a business entity. Positive law is an integral part of objective reality and is a set of codified principles of legally appropriate behavior. Imperative and dispositive regulations of public relations in business area imply that a business entity can choose a model of managerial and entrepreneurial behavior based on the rules provided by the legislator. The active role of the state as an external regulator of the social relations reflects the problem of dissonance between legal and social norms underlying managerial decision-making, which leads to additional economic and transaction costs. The paper also features the problem of frustration conflict between the regulator and the business environment in the context of applying the rationality proposed by the state in business activities and the problem of choosing the right managerial decision for its subjects. By refusing from a radical and negative assessment of the entrepreneur's management decisions, the state can solve this problem. The state needs to be more tolerant to business risks as an alternative rationality, without identifying them with deviant behavior. By preventing alienation of business from the state, one can eliminate the conflict between law and favorable climate in business area, i.e. maximal convergence of social and legal norms.

Keywords: legal culture, conformity, business activity, uncertainty, public order, information asymmetry

Citation: Shumkin E. M. Rational Managerial Decisions in Business Sector. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 66–77. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-66-77>

References

1. Ponomarev O. B., Svetunkov S. G. On the question of the basic definitions of the theory of entrepreneurship. *Journal of Modern Competition*, 2016, 10(1): 33–42. (In Russ.)
2. Ignatova I. V. Entrepreneurship and business: a terminological differentiation. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"*, 2014, (6). Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/63EVN614.pdf> (accessed 7 May 2020). (In Russ.)
3. Hosking A. *Business studies*, ed. Rybalkin V. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1993, 349. (In Russ.)
4. Maidanovich Yu. P., Bedrik K. A. Small business: concept and benefits. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2017, 6(2): 177–180. (In Russ.)
5. Guryanov P. A. On entrepreneurship. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii*, 2011, (3). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1453> (accessed 31 Oct 2020). (In Russ.)
6. Drucker P. F. *Innovation and entrepreneurship*. Moscow: Book chamber international, 1992, 351. (In Russ.)
7. Stevenson H. H., Sahlman W. A., Roberts M. J., Bhidé A. V. *The entrepreneurial venture*. Boston, MA: HBS Press, 1999, 609.
8. Khlystov E. A., Turaeva I. L. Institute of entrepreneurship as a socio-economic system. *Molodoi uchenyi*, 2014, (19): 385–387. (In Russ.)
9. Ruchka A. S. The phenomenon of entrepreneurship in modern Russia. *Service plus*, 2010, (3): 147–151. (In Russ.)
10. Karapetov A. G. *Economic analysis of law*. Moscow: Statut, 2016, 527. (In Russ.)
11. Bessolitsyn A. A. The problem of the formation of the institution of entrepreneurship in American and Russian historiography. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, 2008, (9-2): 14–19. (In Russ.)
12. Shumkin E. M. An actor's management activity as a potential for the conflict of interests: the convergent approach. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2020, (1): 152–161. (In Russ.) DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-152-161
13. Asaul M. A. *Management of stability of business enterprise structures*. St. Petersburg: Institut problem ekonomicheskogo vrozozhdeniia, 2008, 286. (In Russ.)
14. V. O. Klyuchevsky: *memoirs and research*, ed. Malinov A. V. St. Petersburg: Izd-vo Politekhnikeskogo universiteta, 2017, 265. (In Russ.)

15. Khanova Z. G. The main directions of research of business personality and activity in psychology. *Izvestiia TRTU*, 2006, (14): 292–296. (In Russ.)
16. *Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas*, comp. Ledeneva A. V. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1995, 119. (In Russ.)
17. Kotler Ph. *Marketing essentials*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1984, 556.
18. Ruttinger R. *Vnternehmenskultur: Neue Dimensionen des Erfolges*. Moscow: Ekom, 1992, 238. (In Russ.)
19. Knysh N. A. The transformation of the image of the Russian entrepreneur at the beginning of the 21st century: possibilities of applying Pierre Bourdieu's socio-analysis. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii*, 2017, (4-5): 27–35. (In Russ.)
20. Turgot A. R. J. *Reflexions sur la formation et la distribution des richesses*, tr. Miklashevskii A. N. Yuriev: tip. K. Mattisena, 1905, 80. (In Russ.)
21. Huerta de Soto J. *La escuela Austriaca: Mercado y creatividad empresarial*, tr. Pinsker B. S., ed. Kuriaev A. V. Chelyabinsk: Sotsium, 2009, 202. (In Russ.)
22. Hisrich R. D., Peters M. P. *Entrepreneurship*, ed. Zagashvili V. S. Moscow: Progress. Progress-Univers, 1993, iss. 1, 157. (In Russ.)
23. Mises L. von. *Human action*. Moscow: Ekonomika, 2000, 875. (In Russ.)
24. Mukhina E. R. The philosophy of business in Russia. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2015, (3-3): 73–74. (In Russ.)
25. Gorbacheva A. A., Karabegovich D. Ya. Joseph Schumpeter's entrepreneurship theory and its applicability in Russian practice. *Russian Economic Bulletin*, 2020, 3(2): 31–35 (In Russ.)
26. Kirzner I. M. *Competition and entrepreneurship*, ed. Romanov A. N. Moscow: IuNITI-Dana, 2001, 238. (In Russ.)
27. Lapusta M. G., Sharshukova L. G. *Risks in entrepreneurial activity*. Moscow: Infra-M, 1998, 223. (In Russ.)
28. Ageev A. I. *Entrepreneurship: problems of property and culture*. Moscow: Nauka, 1991, 106. (In Russ.)
29. Nair A., Trendowski J., Judge W. The theory of the growth of the firm, by Edith T. Penrose. Oxford: Blackwell, 1959 (book review). *Academy of Management Review*, 2008, 33(4): 1026–1028. DOI: 10.5465/amr.2008.34425026
30. Bukovtsova N. A. Managerial decisions as a model of rational behavior, activities, and choices. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 2013, (5): 225–228. (In Russ.)
31. Nigmatullina R. M. Subjectivity in modern management. *Manuskript*, 2020, 13(12): 209–213. (In Russ.) DOI: 10.30853/mns200558
32. Mises L. von. *Individuo, mercato e Stato di diritto*, tr. Maltseva S., eds. Antiseri D., Baldini M. St. Petersburg: Pnevma, 1999, 195. (In Russ.)
33. Weber M. *Selected works*, comp. and ed. Davydov Iu. N. Moscow: Progress, 1990, 804. (In Russ.)
34. Davydov V. A. Business ethics. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki*, 2014, (3-5): 64–72. (In Russ.)
35. Karlof B. *Business strategy*. Moscow: Ekonomika, 1991, 238. (In Russ.)
36. *Austrian school in political economy*, comp. Avtonomov V. S. Moscow: Ekonomika, 1992, 492. (In Russ.)
37. Marshall A. *Principles of economics*. Moscow: Progress, 1993, vol. 1, 415. (In Russ.)
38. Bilchak V. S., Duplenko N. G. Interdisciplinary approach evolution in enterprising research. *Vestnik DVGAEU*, 2012, (3): 74–86. (In Russ.)
39. Shishin S. V. *Entrepreneurship in the context of globalization: main features and contradictions*. Moscow: Ekonomika, 2010, 332. (In Russ.)
40. Avtonomov V. S. *The human model in economics*. St. Petersburg: Ekon. shk., 1998, 229. (In Russ.)
41. Simon H. A. Rationality as process and as product of thought. *The American Economic Review*, 1978, 68(2): 1–16.
42. Sombart V. *Der Bourgeois*. Moscow: Nauka, 1994. 442. (In Russ.)
43. Blaug M. *Great economists since Keynes: an introduction to the lives and works of one hundred modern economists*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1998, 312.
44. Knight F. H. *Risk, uncertainty and profit*, tr. Kazhdan M. Ia., ed. Grebennikov V. G. Moscow: Delo, 2003, 359. (In Russ.)
45. Mangoldt H. von. *Die Lehre vom Unternehmervergewinn*. Leipzig: B. G. Teubner, 1855, 174.
46. Blaug M. *Economic theory in retrospect*. Moscow: Akad. nar. khoz-va; Delo, 1994, 687. (In Russ.)
47. Savchenko V. E. The phenomenon of entrepreneurship. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 1995, (9): 45–50. (In Russ.)
48. Galbraith J. K. *Economics and the public purpose*, eds. Inozemtsev N. N., Mileikovskii A. G. Moscow: Progress, 1979, 406. (In Russ.)
49. Gulyaikhin V. N. Logical and philosophical analysis of some conceptual problems of activity theory. *Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 7: Filos.*, 2003, (3): 23–28. (In Russ.)
50. Grednovskaya E. V. Habitus as a "social body" of compulsion. *Vestnik IuUrGU. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*, 2010, (8): 116–120. (In Russ.)

51. Druzhilov S. A. *Psychology of professionalism: engineering and psychological approach*. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2011, 296. (In Russ.)
52. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. *Judgment under uncertainty: heuristics and biases*, ed. Sukhodolskii G. V. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentr, 2005, 629. (In Russ.)
53. Friedman M. *Capitalism and Freedom*. Chicago: University of Chicago Press, 1962, 202.
54. Meleshko E. D., Verkhovsky D. A. Morality and law as socio-cultural regulation. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2014, (4): 3–9. (In Russ.)
55. Gertchikova I. N. *Regulation of entrepreneurship: by governments and corporations*. Moscow: Konsaltbankir, 2002, 701. (In Russ.)
56. Khalikova L. V. Interpersonal and institutional trust prerequisites for the development of entrepreneurship? *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, (3): 346–349. (In Russ.)
57. Solovyeva O. A. Designing a model of state regulation of business. *Problems of management of socio-economic systems in conditions of innovative development. Student and scientific and technical progress: Proc. IX Regional Sci.-Prac. Conf. and XXXIX Student Sci. Conf.*, Chelyabinsk, 25 Mar, 2015, 17 Apr, 2015. Chelyabinsk, 2015, 232–236. (In Russ.)
58. Gregorut A. S. A sociologia da punição de Loïc Wacquant como abordagem crítica no campo do direito e desenvolvimento. *Dilemas, Rev. Estud. Conflito Controle Soc.*, 2020, 13(1): 195–211.

оригинальная статья

УДК 331.56

Вопросы нивелирования безработицы в современных условиях: ответная реакция государств

Салихбек Габидулаевич Абдулманапов
Дагестанский государственный университет народного
хозяйства, Россия, г. Махачкала

Заур Уруджалиевич Меджидов
Дагестанский государственный университет народного
хозяйства, Россия, г. Махачкала
Zaur-medzhidov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6008-1661>

Поступила в редакцию 18.01.2021. Принята в печать 17.02.2021.

Аннотация: В современных экономических условиях ключевыми аспектами стратегии государственного развития выступают обеспечение социально-экономической стабильности государства, повышение уровня качества жизни населения, снижение безработицы, что оказывает непосредственное влияние на конкурентоспособность страны и уровень национальной безопасности. В настоящее время с учетом ситуации пандемии коронавируса COVID-19, а также новой волны мирового экономического кризиса одним из наиболее актуальных вопросов является сдерживание роста безработицы и применение мер социальной защиты безработного населения. Цель работы – определить потенциальные проблемы роста безработицы в глобальном аспекте и дать рекомендации по их локализации и нивелированию. Для достижения цели необходимо решить ряд задач: проанализировать прогнозы российских и международных экспертов о состоянии мирового рынка труда в результате влияния пандемии, провести оценку особенностей и основных тенденций развития мирового рынка труда, изучить последствия распространения пандемии COVID-19, повлекшей значительный рост безработицы в мире в начале прошлого года, систематизировать меры социальной поддержки безработного населения в странах, наиболее пострадавших от влияния пандемии. Объект исследования – мировой рынок труда, предмет – организационно-экономические отношения, тенденции и закономерности, возникающие на рынке труда. В заключении предложены мероприятия по недопущению роста безработицы на мировом уровне.

Ключевые слова: мировой рынок труда, социальная поддержка безработных, уровень безработицы, кризис, анти-кризисные меры, пандемия, коронавирус, COVID-19

Цитирование: Абдулманапов С. Г., Меджидов З. У. Вопросы нивелирования безработицы в современных условиях: ответная реакция государств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 78–85. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-78-85>

Введение

С давних пор считается, что наличие безработного населения обозначает, что страна имеет меньший объем ВВП по сравнению с объемом при полной занятости, из-за чего труд используется не в полной мере. Неэффективное использование трудовых ресурсов влечет нерезультативное применение природных ресурсов, транспорта, производственных зданий и оборудования. Исходя из этого сокращаются объемы национального производства. Еще в законе Оукена установлено, что любое увеличение уровня безработицы, как правило, ведет к падению объема реального ВВП. Таким образом, существует обратная связь между безработицей и ВВП [1].

Методам оценки эффективности в общественном секторе посвящены труды таких ученых, как С. А. Марглин [2], Э. Дж. Мишан [3], Р. А. Масгрейв и П. Б. Масгрейв [4], Дж. Стиглиц [5]. Работы по бюджетированию, ориентированному на результат, написаны М. П. Афанасьевым и Н. Н. Шаш [6], Е. В. Берездивиной [7], Н. М. Сивашевой [8], Г. П. Хатри [9]; по социальной политике – С. Н. Смирновым [10], Т. Ю. Сидориной [11].

В течение последних девяти лет уровень мировой безработицы был относительно стабильным. Однако замедление мирового экономического роста повлекло за собой недостаток рабочих мест для размещения новых участников рынка труда. В начале 2020 г. главной причиной стремительного роста безработицы в мире стала пандемия коронавируса COVID-19, охватившая почти все страны. Становится понятным, что пандемия COVID-19 оказывает беспрецедентное воздействие на предприятия всех размеров и типов. Огромное количество предприятий уже прекратили свою деятельность, сократили рабочее время и / или уволили персонал. Многие из них балансируют на грани банкротства. Прежде всего, это касается предприятий торговли, общепита, развлечений, туристической отрасли. По возможности предприятия перешли на дистанционную удаленную работу, часть работников в штате сокращены или отправлены в отпуск без содержания.

Тема имеет весьма актуальное значение не только в рамках конкретного государства, но и в мировом

масштабе. S. Goutte, T. Péran и T. Porcher рассматривают роль экономических структурных факторов в показателях смертности от COVID-19. На примере густонаселенного региона Франции (Сен-Дени) учеными сгруппированы факторы по показателям: доход от пособия по безработице, уровень бедности, минимальный социальный доход, наличие или отсутствие диплома об образовании, непригодное жилье, размер домохозяйства, перенаселенность. По мнению авторов, такие факторы являются важными в определении показателей смертности от COVID-19 и могут помочь проинформировать разработчиков государственных программ о роли экономических факторов в борьбе с пандемией [12].

Ученые из КНР анализируют национальный и глобальный статус заражения коронавирусом на основе применения метода сравнения тенденций для прогнозирования точки перегиба и ключевой точки вируса COVID-19 путем сравнения с графиками тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) с последующим использованием модели авторегрессионного интегрированного скользящего среднего. Авторы утверждают, что даже если риски и последствия эпидемии останутся значительными, экономика Китая будет продолжать поддерживать устойчивое развитие [13].

Влияние коронавирусной инфекции на экономику США рассматривают M. R. Desjardins, A. Nohl и E. M. Delmelle. Авторы предлагают для своевременного наблюдения за COVID-19 в Соединенных Штатах использовать статистику перспективного пространственно-временного сканирования, что позволит оперативно видеть текущую ситуацию с пандемией и реагировать на возникающие очаги распространения [14].

Некоторое время Италия занимала лидирующие позиции по распространению коронавирусной инфекции. D. G. Lorenzo и D. R. Trolio выясняют причины,

способствующие росту заболевания среди местного населения, предлагают меры по недопущению дестабилизации на рынке труда Италии [15].

Исследованием вероятных социальных и экономических последствий пандемии коронавируса COVID-19 для мировой экономики занимаются и отечественные ученые М. Н. Дудин и Н. В. Лясников [16], Н. В. Шавырин [17], А. А. Буддакова [18], А. В. Егоров [19], С. А. Морозов [20] и др. Тем не менее вопросы систематизации и обобщения мер поддержки стран на мировом и отечественном рынке труда недостаточно раскрыты, требуют дальнейших уточнений и размышлений.

Меры поддержки национальной экономики в России и за рубежом

С возникновением пандемии коронавируса COVID-19 пруденциальные и связанные с ними государственные органы ввели ряд социально-экономических и финансовых мер (табл.) [21].

Очевидно, рынок труда и законодательные нормы неодинаковы в разных странах, в связи с чем существенно отличаются и подходы по оказанию поддержки населению и бизнесу. Наиболее широко используемыми инструментам стимулирования национальной экономики в период пандемии являются отсрочки по налогу на прибыль, гарантии по займам и прямое кредитование, субсидии на заработную плату [21]. В условиях, когда распространение пандемии не прекращается, а вакцинация населения не обрела массовый характер, меры поддержки могут быть как усилены, так и ослаблены.

Во многих странах мира используются различные инструменты социальной политики. В Бельгии применяется модель временной безработицы. Механизм используется в периоды экономического спада и / или непредвиденных событий, таких как, например, техногенная

Табл. Меры поддержки различных стран в период пандемии
Tab. Support measures in various countries during the pandemic

Мера	Страна											
	Австралия	Великобритания	Германия	Израиль	Италия	Китай	Корея	Россия	Сингапур	США	Франция	ЮАР
Обучение / переквалификация	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-
Работа онлайн / цифровизация	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	+	-
Прямое кредитование	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
Кредитные гарантии	-	+	+	+	+	-	+	-	+	-	+	-
Аренда / коммунальные услуги / местный налог	+	+	-	+	-	+	-	-	+	-	+	-
НДС	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Подоходный / корпоративный налог	+	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-
Увольнение	+	-	+	+	-	-	-	+	-	-	+	-
Субсидирование заработной платы	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+	+	-

авария. Работодатель может использовать модель временной безработицы, полностью приостановив исполнение работниками трудовых договоров или установив систему краткосрочной работы. Модель может распространяться на определенное количество сотрудников.

В Канаде используется программа разделения работы – форма занятости, в рамках которой, как правило, два человека выполняют на условиях сокращенного рабочего дня или частичной занятости работу, ранее выполнявшуюся одним человеком, занятым полный рабочий день.

В Германии и Великобритании действуют программы поддержки дохода лиц, ищущих работу. Правительство Германии таким образом выполняет обязательства по обеспечению минимальных требований к качеству жизни (прожиточного минимума). В Великобритании пособия лицам, ищущим работу, выплачиваются каждые две недели по результатам собеседования в местном центре занятости на основе заявлений соискателей.

В период пандемии в зарубежных странах (как в государствах – членах Организации экономического сотрудничества и развития, так и не являющихся членами этой организации) широко используются схемы краткосрочной работы (*STW – Short-Time Work*). Схемы *STW* предусматривают либо сокращение количества часов, отрабатываемых в течение ограниченного периода времени (например, путем частичного приостановления действия трудового договора), либо временное увольнение (при полном приостановлении действия трудового договора). В обоих случаях трудовой договор сохраняется и не расторгается. Таким образом, *STW* предоставляет работодателям возможность быть гибкими в решении кадровых вопросов в периоды временного экономического спада, не прибегая к увольнениям.

Некоторые страны активно внедряют пакеты стимулирующих мер для защиты своих обществ и экономик и поддержки привлечения денежных средств к рабочим и предприятиям. Обеспечение максимальной эффективности таких мер возможно при сотрудничестве руководства стран с организациями работодателей и профсоюзами в целях выработки практических решений по безопасности людей и защите рабочих мест. Как правило, такие меры включают поддержку доходов, субсидирование заработной платы, налоговые льготы для самозанятых и финансовую поддержку предприятий.

На международном уровне заключаются соглашения по поддержке работников предприятий всего мира, пострадавших в результате негативного влияния пандемии. В духе солидарности и международного сотрудничества Глобальный договор ООН призывает лидеров деловых кругов во всем мире использовать десять принципов в качестве руководства при реагировании на кризис. Являясь крупнейшей в мире инициативой по обеспечению устойчивого развития корпораций, данный договор призывает руководителей предприятий во всем мире объединиться для

оказания поддержки работникам, общинам и компаниям, пострадавшим от пандемии COVID-19.

Помимо прочего, договор содержит рекомендации по необходимости обеспечения стабильного сохранения доходов и льгот, несмотря на гибкие условия труда: отсутствие работы из-за болезни, карантина или ухода за больным членом семьи может привести к потере заработной платы или работы. В нем провозглашен призыв применять принципы профилактики и обеспечения безопасной рабочей среды путем ограничения воздействия коронавируса на работника на рабочем месте за счет принятия мер индивидуальной защиты, экологических мер и организации работы (поощрение дистанционной работы и виртуальных встреч), которые могут уменьшить негативное воздействие на окружающую среду, вызванное поездками. Здесь следует упомянуть позицию авторов, подчеркивающих важную роль корпоративных коммуникаций, которые способны обеспечить взаимодействие между сотрудниками организации независимо от сроков их трудоустройства [22, с. 181].

Многие правительства, особенно в странах, где системы здравоохранения финансируются за счет социальных взносов или налогов, увеличивают расходы, чтобы обеспечить доступ к необходимым услугам во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, в том числе путем включения мер профилактики, тестирования и лечения в пакеты льгот. Южная Корея, например, каждый день проводит тысячи тестов на COVID-19 в финансируемых правительством испытательных центрах для водителей.

Ряд правительств активизировали экономическую поддержку домашних хозяйств и предприятий. В странах Азиатско-Тихоокеанского региона, Ирландии и Великобритании распространили льготы по болезни на находящихся в карантине или самоизолировавшихся работников. Германия и Нидерланды предлагают частичное пособие по безработице работникам, чей рабочий день был сокращен из-за резкого падения спроса. Аналогичным образом Китай, Франция, Португалия и Швейцария расширили право на получение пособия по безработице, включив в него работников предприятий, которым было приказано временно закрыться. Австралия, Китай и Португалия расширили социальную помощь уязвимым слоям населения. Многие страны (Китай, Франция, Таиланд) задерживают сроки выплаты социальных пособий и налогов.

Проблемы роста безработицы в период пандемии

Несоответствие между спросом и предложением рабочей силы выходит за рамки безработицы и приводит к более широкому «недоиспользованию» рабочей силы. В дополнение к общемировому числу безработных (188 млн человек на 1 января 2021 г.) 165 млн человек не имеют достойно оплачиваемой работы, а 120 млн человек отказались от активного поиска работы либо по каким-то причинам не имеют доступа к рынку труда. С учетом этого в общей

сложности безработице подвержены более 470 млн человек во всем мире¹.

Важной проблемой на мировом рынке труда является его неравенство. Применение новых данных и оценок Международной организации труда (МОТ) показывает, что на мировом уровне неравенство доходов выше, чем считалось ранее, особенно в развивающихся странах. Во всем мире доля национального дохода, приходящаяся на рабочую силу, существенно сократилась в период с 2004 г. по 2018 г. с 54 % до 51 %. Данное экономически значимое падение было наиболее выражено в Европе, Центральной Азии, Северной и Южной Америке. На начало 2021 г. бедность среди работающих, определяемая как доход менее 3,2 долларов США в день в пересчете на паритет покупательной способности, затрагивает более 630 млн работников, т. е. каждого пятого, работающего в мире.

Другая проблема – неравенство, определяемое полом, возрастом или географическим положением – неизменно остается одной из главных характеристик современного мирового рынка труда, что также ограничивает общий экономический рост. В частности, 267 млн человек в 2020 г. приходилось только на молодых людей в возрасте 15–24 лет, которые не имеют работы, образования или профессиональной подготовки [23].

В современных условиях на мировой рынок труда оказывают влияние ужесточение торговых ограничений и протекционизма, неэффективная кадровая политика, неудовлетворенность условиями работы и жизни во многих странах мира [24; 25]. Государство должно обеспечить, чтобы предприятия как источник дохода для миллионов рабочих могли продолжать работу во время кризиса. Для этого нужны специальные меры для наиболее уязвимых работников. К таким следует отнести категорию самозанятых, занятых неполный рабочий день и временно занятых, многие из которых не имеют возможности на получение пособия по безработице или медицинского страхования.

Как отмечают эксперты МОТ, во всем мире системы социальной защиты катастрофически не справляются с обеспечением жизни и средств к существованию уязвимых групп населения. Почти 40 % населения земного шара не имеют медицинской страховки или доступа к национальным медицинским услугам. Около 800 млн человек ежегодно тратят на здравоохранение не менее 10 % своего семейного бюджета, а 100 млн человек впадают в нищету из-за медицинских расходов. Это означает, что многим просто не хватает средств, чтобы обратиться за лечением, когда они больны, в том числе такими заболеваниями, как COVID-19.

Проблема усугубляется тем, что подавляющему большинству работников не хватает экономической безопасности,

чтобы взять отпуск по болезни или справиться с неожиданной чрезвычайной ситуацией. Поскольку менее чем в двух третях всех стран действует система социального страхования и / или социальной помощи, предоставляющая пособия по болезни, больные часто вынуждены выбирать между угрозой для личного и общественного здоровья и оплатой своих счетов.

Не удивительно, что некоторые меры защиты от безработицы могут быть неэффективны, несмотря на их решающую роль в поддержании доходов домашних хозяйств и стабилизации совокупного спроса. Уже сейчас предприятия, зависящие от поставщиков в затронутых вспышкой регионах или сталкивающиеся со снижением спроса из-за блокировок и других мер сдерживания, испытывают огромное давление. Сотни тысяч рабочих мест находятся под угрозой. Вместе с тем только один из пяти безработных во всем мире может рассчитывать на пособие по безработице.

По оценкам ООН, число безработных в мире может увеличиться до 25 млн человек к показателям МОТ за 2020 г., а потери доходов трудящихся могут увеличиться до 3,4 трлн долларов США. Однако становится ясно, что эти цифры могут не в полной мере иллюстрировать масштабы воздействия пандемии. ООН предупреждает, что для поддержки развивающихся стран в период кризиса необходимо 2,5 трлн долларов. Благотворительная группа *Oxfam* считает, что рецессия, вызванная COVID-19, может привести к бедности 8 % населения мира, или 500 млн человек, если не будут приняты срочные меры. Наибольшая доля бедного населения (в результате влияния COVID-19) сконцентрирована на территории Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона (239,8 млн человек). Большое число бедных проживают в Южной Азии – 128,8 млн человек; Латинской Америке и странах Северной Америки – 54,3; на Ближнем Востоке и в Северной Африке – 44,9; в Африке к югу от Сахары – 44,6; в Европе и Центральной Азии – 30,5; на другие территории приходится 4,7 млн человек².

В нашей стране рост безработицы идет стремительными темпами. Из-за введенного в конце марта 2020 г. режима самоизоляции многие компании вынуждены были увольнять сотрудников. Только на середину апреля 2020 г. третья часть трудоспособного населения была отправлена в неоплачиваемый отпуск, что при длительном продолжении пандемии могло грозить увольнением. Невостребованными оказались услуги работников питания, индустрии спорта и развлечений. Даже после отмены карантина не все предприятия малого и среднего бизнеса смогли сразу возобновить работу. По прогнозам, в период кризиса, вызванного в России пандемией,

¹ Insufficient paid work affects almost half a billion people, new ILO report shows // ILO. 20.01.2020. Режим доступа: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_734454/lang-en/index.htm (дата обращения: 21.11.2020).

² McCarthy N. Covid-19 could push half a billion people into poverty // Statista. 09.04.2020. Режим доступа: <https://www.statista.com/chart/21382/poverty-levels-due-to-a-coronavirus-recession/> (дата обращения: 13.01.2021).

число безработных может увеличиться с 2,5 млн человек до 8 млн человек. Ожидается, что перезапуск экономики, рост спроса и потребления, а значит, и снижение уровня безработицы начнется лишь в конце 2021 г. – первом полугодии 2022 г.

Несмотря на то, что Правительство РФ стремится к недопущению резкого увеличения безработицы, по предварительным данным Росстата, численность безработных в нашей стране за 2020 г. составила около 4,3 млн человек, что на 24,7 % выше показателя за 2019 г.³ Однако позиции экспертов отличаются от официальной статистики. В докладе Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования указано:

- при оптимистичном сценарии уровень безработицы должен составить 5,3–5,6 %. Реальные зарплаты начнут расти на 0,5–0,7 % в 2021 г. и выйдут на устойчивый прирост в 2,3–2,7 % в 2023 г.;
- базовый сценарий предполагает, что безработица вырастет до 8–8,3 % в 2021 г. и до 7–7,3 % в 2022–2023 гг. Реальные зарплаты выйдут на темпы роста в 2,2–2,5 % только в 2023 г.;
- в пессимистичный сценарий заложено, что пандемия затянется до первого квартала 2022 г. Это вызовет глубокий шок мировой экономики с беспрецедентным падением мирового ВВП на 5–5,2 %. В таком случае безработица в России вырастет до катастрофических 10,5–10,7 %, причем острота проблемы сохранится даже в 2023 г. с уровнем в 9–9,5 %. Реальные зарплаты должны упасть на 1,7–2 % в 2021 г., рост на 2–2,5 % ожидается в 2023 г.⁴

Профессор А. А. Сафонов отмечает, что в России уже было как минимум три кризиса с массовым увольнением работников: 1995–1996 гг., 1998–1999 гг. и 2008 г. В последнем кризисе безработица уже достигла 8 %⁵. Насколько может затянуться состояние повышенного уровня безработицы – вопрос открытый. В этот кризис безработица будет ощущаться острее, потому что доля занятых в малом и среднем бизнесе выросла, а в госсекторе, который всегда был «островком стабильности», наоборот, сократилась.

Заключение

Большая часть стран мира в связи с распространением COVID-19 поменяли направление своих политических курсов, что, безусловно, позитивно отразилось на общей

социально-экономической политике, ставшей не декларативной, а реальной в рамках поддержки и оказания помощи гражданам своих государств [21]. Определить степень влияния коронавируса на мировую экономику и мировые финансы возможно будет на основании того, как быстро странам удастся не допустить массового заболевания населения, и того, как быстро наладится производство вакцин и процедура вакцинации населения. Здесь следует учесть и объемы экономической помощи, которую государственные и финансовые органы будут готовы распределить во время пандемии и, что более важно, после нее.

Влияние COVID-19 гораздо более широко распространено, чем влияние традиционных чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения или экономических спадов, затрагивающих многие отрасли и страны мира [26]. Вспышка атипичной пневмонии в 2003 г., в результате которой было инфицировано около 8 тыс. человек и погибло 774 человека, обошлась мировой экономике примерно в 50 млрд дол. Вспышка ближневосточного респираторного синдрома в Южной Корее в 2015 г. заразила 200 человек и убила 38, но привела к предполагаемым затратам в размере 8,5 млрд долларов. Уже сейчас эпидемия коронавируса имеет больший экономический эффект, чем любой из ее предшественников.

Именно в такое время остро нуждаются в поддержке сегменты малого и среднего предпринимательства. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП развитых стран составляет 50–60 %: в Великобритании – 51 %, в Германии – 53 %, в Финляндии – 60 %, в Нидерландах – 63 %⁶. В российской экономике доля малого и среднего бизнеса составляет 25,6 % (более 18 млн россиян). Самая высокая занятость зафиксирована в сфере торговли – 31,4 % сотрудников. Почти 15 % бизнесов приходится на обрабатывающие производства, 10 % – на строительство, т. е. те сферы, которые относятся к одним из наиболее пострадавших от пандемии⁷.

Глобальный кризис, вызванный коронавирусом COVID-19, заставил многих экономических аналитиков делать мрачные прогнозы относительно финансового мира. В лучшем случае в 2021 г. денежная потеря глобального ВВП, как ожидается, составит около 76,7 млрд долларов из-за вспышки COVID-19. В худшем случае, определяемом как шестимесячный срок действия запрета на поездки, мировой ВВП потеряет около 346,98 млрд долларов.

³ Трудовые ресурсы // Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force?print=1 (дата обращения: 23.01.2021).

⁴ Белоусов Д. Р., Сальников В. А., Солнцев О. Г., Пенухина Е. А., Михайленко К. В., Шабанова Ю. Р., Апокин А. Ю. О среднесрочном прогнозе развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможного кризиса мировой экономики. М.: ЦМАКП, 2020. 26 с.

⁵ Агеева О. Экономисты описали сценарий «катастрофической» безработицы в России // РБК. 04.06.2020. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/04/06/2020/Sed7ed119a79472ac1831b6a?from=from_main (дата обращения: 28.01.2021).

⁶ Форост Е. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и мир // Институт экономики роста им. Столыпина П. А. 27.07.2018. Режим доступа: <https://stolypin.institute/novosti/sector-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rossiya-i-mir/> (дата обращения: 13.01.2021).

⁷ Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 25.01.2021).

Считаем, что в текущей ситуации на мировом рынке труда главам и правительствам государств необходимо совместными усилиями разработать наиболее приемлемую стратегию, которая способствовала бы более «гладкому» преодолению сложившихся обстоятельств. В основе такой стратегии должны быть учтены следующие аспекты:

- макроэкономическая (фискальная и денежно-кредитная) политика, направляющая государственные расходы на предоставление субсидий для трудоустройства или гарантий населению. Здесь главное не допустить опыт США, где местное население, лишившись работы по причинам, связанным с коронавирусом, продолжает дополнительно получать 600 долларов в неделю. Это обстоятельство позволило малообеспеченным американцам, не имеющим достойного официального заработка, уволиться и встать на учет в центры занятости;
- расширение активной поддержки рынка труда и доступа к услугам по трудоустройству с целью обеспечения готовности к работе и качественного перехода населения с одного рабочего места на другое;
- активная государственная поддержка молодых людей в возрасте 25–35 лет, которые уже второй раз сталкиваются с глобальным экономическим кризисом. В ряде случаев молодые люди такого воз-

раста потеряли возможность осуществить свои цели и мечты в 2020 г. и имеют высокие шансы попасть в наиболее уязвимую группу при последующих экономических потрясениях;

- интеграция политики таргетирования и профилирования, чтобы государственные и частные меры реагирования на кризис охватывали наиболее пострадавшую часть населения (к примеру, людей с родительскими обязанностями и тех, кто относится к профессиональным категориям, охватывающим сферу услуг).

Мировой рынок труда характеризуется отсутствием достойной работы в сочетании с растущей безработицей и сохраняющимся неравенством, что все больше является фактором снижения уровня жизни. Наиболее важной проблемой, ставшей причиной стремительного роста безработицы в мире стала пандемия COVID-19, которая распространилась на территориях почти всех стран мира. Правительства государств принимают меры по поддержке незащищенных слоев населения, в частности безработных. Эти меры при своевременном принятии должны оказать влияние на текущую ситуацию в мире. Чем быстрее завершится период пандемии, тем быстрее появятся рабочие места, откроются предприятия малого бизнеса, активизируются спрос и предложение.

Литература

1. Давыденко Т. А., Кондаков М. В. Последствия безработицы и факторы, влияющие на них // Научный результат. Экономические исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 35–43. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-3-0-4
2. Marglin S. A. Investment and interest: a reformulation and extension of Keynesian theory // The Economic Journal. 1970. Vol. 80. Iss. 320. P. 910–931. DOI: 10.2307/2229905
3. Mishan E. J. Economic myths and the mythology of economics. London: Routledge, 2012. 229 p.
4. Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б. Государственные финансы: теория и практика / под общ. ред. Т. Г. Нестеренко, Р. Е. Артюхина, В. Д. Дзгоева. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
5. Блауг М. Стиглиц, Джозеф Э. // 100 великих экономистов после Кейнса / под ред. М. А. Сторчевого. СПб.: Экономическая школа, 2009. С. 286–288.
6. Afanasyev M. P., Shash N. N. Microeconomic effects of growing public debt on the Russian economy // Public Administration Issues. 2016. No. 5. P. 46–59. DOI: 10.17323/1999-5431-2016-0-5-46-59
7. Берездивина Е. В. Оценка деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 3. С. 23–37.
8. Сивашева Н. М. Пути повышения эффективности расходов государственного бюджета: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 26 с.
9. Хатри Г. П. Мониторинг результативности в общественном секторе / пер. с англ. И. Л. Толстой. М.: Фонд «Институт экономики города», 2005. 273 с.
10. Смирнов С. Н. Контекст социальных трансформаций в постсоветские годы: экономическая, институциональная и демографическая динамика // Мир России. 2016. Т. 25. № 3. С. 6–36.
11. Sidorina T. Iu. Globalization and the neo-liberal trend jeopardizes basic social institutions // Democracy, Power and Territories / ed. F. Sacca. Milano: Franco Angeli, 2018. P. 87–102.
12. Goutte S., Péran T., Porcher T. The role of economic structural factors in determining pandemic mortality rates: evidence from the COVID-19 outbreak in France // Research in International Business and Finance. 2020. Vol. 54. DOI: 10.1016/j.ribaf.2020.101281
13. Yue X. G., Shao X. F., Li R. Y. M., Crabbe M. J. C., Mi L., Hu S., Baker J. S., Liu L., Dong K. Risk prediction and assessment: duration, infections, and death toll of the COVID-19 and its impact on China's economy // J. Risk Financial Manag. 2020. Vol. 13. Iss. 4. DOI: 10.3390/jrfm13040066

14. Desjardins M. R., Hohl A., Delmelle E. M. Rapid surveillance of COVID-19 in the United States using a prospective space-time scan statistic: detecting and evaluating emerging clusters // *Applied Geography*. 2020. Vol. 118. DOI: 10.1016/j.apgeog.2020.102202
15. Lorenzo D. G., Trolio D. R. Coronavirus disease (COVID-19) in Italy: analysis of risk factors and proposed remedial measures // *Front. Med.* 2020. Vol. 7. DOI: 10.3389/fmed.2020.00140
16. Дудин М. Н., Лясников Н. В. Вероятные социальные и экономические последствия пандемии коронавируса COVID19 // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. 2020. № 2. С. 60–71.
17. Шавырин Н. В. Коронавирус и мировая экономика – на пороге глобальной катастрофы // *Вестник научных конференций*. 2020. № 2-2. С. 120–123.
18. Булдакова А. А. Влияние коронавируса на экономику России // *Вестник научных конференций*. 2020. № 2-2. С. 32–34.
19. Егоров А. В. Экономика эпидемий // *Банковское дело*. 2020. № 3. С. 7–11.
20. Морозов С. А. Каким будет ущерб от вспышки коронавируса для глобальной экономики? // *Научный электронный журнал «Меридиан»*. 2020. № 8. С. 456–458.
21. Козликов С. П. Государственная политика в период пандемии: отечественный и зарубежный опыт // *Устойчивое развитие науки и образования*. 2020. № 6. С. 117–124.
22. Токарева Ю. А., Суворкова Ю. Е. Роль корпоративных коммуникаций в стимулировании персонала в условиях срочных трудовых отношений // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2019. Т. 2. № 4. С. 178–181.
23. Schöberl-Flomail C., Stadler M., Schmoll A. Zukunft Gemeinsam Gestalten // *Die Bank*. 2015. No. 6. P. 52–54.
24. Алекина Е. В. Модель формирования затрат на улучшение условий труда // *Russian Economic Bulletin*. 2019. Т. 2. № 6. С. 62–66.
25. Батырева М. В., Селезнева Т. А. Удовлетворенность населения условиями жизни в городе как фактор формирования его образа // *Russian Economic Bulletin*. 2019. Т. 2. № 6. С. 290–296.
26. Лев М. Ю., Лещенко Ю. Г. Экономическая безопасность в системе здравоохранения в период пандемии COVID-19: ответная реакция государств и финансовых органов // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 6. С. 1857–1884. DOI: 10.18334/epp.10.6.110511

original article

Curbing the Unemployment in Modern Conditions: State Response

Salikhbek G. Abdulmanapov

Dagestan State University of National Economy, Russia,
Makhachkala

Zaur U. Medzhidov

Dagestan State University of National Economy, Russia,
Makhachkala

Zaur-medzhidov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6008-1661>

Received 18 Jan 2021. Accepted 17 Feb 2021.

Abstract: Socio-economic stability, good living standards, and low unemployment are the key aspects of the state development strategy in modern economic conditions. They have a direct impact on the national competitiveness and security. The current pandemic and global economic crisis made it important to curb the growing unemployment and protect the unemployed population. The study featured the global labor market with its structural and economic relations, trends and patterns. The research objective was to identify the potential problems of unemployment growth and provide recommendations for their localization and leveling. The authors analyzed the forecasts made by Russian and international experts about the state of the global labor market during the pandemic, assessed its features and main trends, studied the consequences of the COVID-19 pandemic on the unemployment rate, and systematized measures of social support for unemployed population in different countries. The paper introduces some measures that can prevent the growth of global unemployment.

Keywords: global labor market, social support for the unemployed, unemployment rate, crisis, anti-crisis measures, pandemic, coronavirus, COVID-19

Citation: Abdulmanapov S. G., Medzhidov Z. U. Curbing the Unemployment in Modern Conditions: State Response. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 78–85. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-78-85>

References

1. Davydenko T. A., Kondakov M. V. Effects of unemployment and factors affecting them. *Research Result. Economic research*, 2019, 5(3): 35–43. (In Russ.) DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-3-0-4
2. Marglin S. A. Investment and interest: a reformulation and extension of Keynesian theory. *The Economic Journal*, 1970, 80(320): 910–931. DOI: 10.2307/2229905
3. Mishan E. J. *Economic myths and the mythology of economics*. London: Routledge, 2012, 229.
4. Musgrave R. A., Musgrave P. B. *Public finance: theory and practice*, eds. Nesterenko T. G., Artiukhin R. E., Dzgoev V. D. Moscow: Biznes Atlas, 2009, 716. (In Russ.)
5. Blaug M. *Great economists since Keynes: an introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past*, ed. Storchevoi M. A. St. Petersburg: Ekonomicheskaja shkola, 2009, 286–288. (In Russ.)
6. Afanasyev M. P., Shash N. N. Microeconomic effects of growing public debt on the Russian economy. *Public Administration Issues*, 2016, (5): 46–59. DOI: 10.17323/1999-5431-2016-0-5-46-59
7. Beresdivina E. V. Assessment of the performance of supervisory bodies of the executive power. *Public Administration Issues*, 2011, (3): 23–37. (In Russ.)
8. Sivasheva N. M. *Ways to improve the efficiency of state budget expenditures*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2005, 26. (In Russ.)
9. Hatry H. P. *Performance measurement: getting results*, tr. Tolstova I. L. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda", 2005, 273. (In Russ.)
10. Smirnov S. N. The context of social transformations in the post-Soviet years: economic, institutional and demographic dynamics. *Mir Rossii*, 2016, 25(3): 6–36. (In Russ.)
11. Sidorina T. Iu. Globalization and the neo-liberal trend jeopardizes basic social institutions. *Democracy, Power and Territories*, ed. Sacca F. Milano: Franco Angeli, 2018, 87–102.
12. Goutte S., Péran T., Porcher T. The role of economic structural factors in determining pandemic mortality rates: evidence from the COVID-19 outbreak in France. *Research in International Business and Finance*, 2020, 54. DOI: 10.1016/j.ribaf.2020.101281
13. Yue X. G., Shao X. F., Li R. Y. M., Crabbe M. J. C., Mi L., Hu S., Baker J. S., Liu L., Dong K. Risk prediction and assessment: duration, infections, and death toll of the COVID-19 and its impact on China's economy. *J. Risk Financial Manag.*, 2020, 13(4). DOI: 10.3390/jrfm13040066
14. Desjardins M. R., Hohl A., Delmelle E. M. Rapid surveillance of COVID-19 in the United States using a prospective space-time scan statistic: detecting and evaluating emerging clusters. *Applied Geography*, 2020, 118. DOI: 10.1016/j.apgeog.2020.102202
15. Lorenzo D. G., Trolino D. R. Coronavirus disease (COVID-19) in Italy: analysis of risk factors and proposed remedial measures. *Front. Med.*, 2020, 7. DOI: 10.3389/fmed.2020.00140
16. Dudin M. N., Lyasnikov N. V. The likely social and economic consequences of the coronavirus pandemic COVID19. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kultura*, 2020, (2): 60–71. (In Russ.)
17. Shavyrin N. V. Coronavirus and the world economy: on the verge of a global catastrophe. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2020, (2-2): 120–123. (In Russ.)
18. Buldakova A. A. Impact of coronavirus on the Russian economy. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2020, (2-2): 32–34. (In Russ.)
19. Egorov A. V. Economics of epidemics. *Bankovskoe delo*, 2020, (3): 7–11. (In Russ.)
20. Morozov S. A. How hard will the outbreak of coronavirus damage the global economy? *Nauchnyi elektronnyi zhurnal "Meridian"*, 2020, (8): 456–458. (In Russ.)
21. Kozlikov S. P. Public policy during the pandemic: domestic and foreign experience. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniia*, 2020, (6): 117–124. (In Russ.)
22. Tokareva Yu. A., Suvorkova Yu. E. The role of corporate communications in the promotion of staff under fixed-term employment relationship. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2019, 2(4): 178–181. (In Russ.)
23. Schöberl-Flomail C., Stadler M., Schmoll A. Zukunft Gemeinsam Gestalten. *Die Bank*, 2015, (6): 52–54.
24. Alekina E. V. Forming costs model for improving labor conditions. *Russian Economic Bulletin*, 2019, 2(6): 62–66. (In Russ.)
25. Batyreva M. V., Selezneva T. A. Population satisfaction with the living conditions in the city as a factor of formation of the city image. *Russian Economic Bulletin*, 2019, 2(6): 290–296. (In Russ.)
26. Lev M. Yu., Leshchenko Yu. G. Economic security in the health system during the COVID-19 pandemic: response of states and financial authorities. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, 10(6): 1857–1884. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.10.6.110511

оригинальная статья
УДК 334.012

Институционализация конгрессно-выставочной деятельности в инновационной экономике

Сергей Александрович Маненков

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, г. Санкт-Петербург

sergei.manenkov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2735-3784>

Поступила в редакцию 06.01.2021. Принята в печать 18.02.2021.

Аннотация: Современное значение конгрессно-выставочной деятельности подвергается переосмыслению. На сегодняшний день можно говорить о форумах и выставках не только как об исключительно дискуссионных и маркетинговых площадках для товаров и услуг, но и как о движущей силе создания норм социальных, экономических и политических отношений. Текущие кризисные явления продемонстрировали наличие нормативно-правового вакуума. Эффективное восстановление и форсированный рост отрасли возможны при синергетическом взаимодействии работы по созданию инновационного маркетингового подхода, нацеленного на современное измерение влияния комплекса конгрессно-выставочных мероприятий на рыночную конъюнктуру и социально-экономические процессы, и реализации мер по ее институциональному закреплению в правовом поле. Значение мероприятий не ограничивается экономическими эффектами, что позволяет рассматривать их в качестве институциональных, общественных и инновационных драйверов развития. Взаимодействие заинтересованных сторон конгрессно-выставочной деятельности и выстраиваемые координационные механизмы являются объектом исследования. В качестве предмета рассматриваются нормативно-правовая база, маркетинговые и теоретические факторы, образующие как среду мероприятий, так и систему предпосылок формирования институциональной основы конгрессно-выставочной деятельности. Цель – выработка методологического подхода «экономики мероприятий» как концептуального авторского предложения к измерению нематериальных эффектов и организационных подходов в конгрессно-выставочной деятельности. В качестве прикладного инструментария выступают методы институциональной экономики. Проанализирована существующая нормативно-правовая база в пределах стандартов, регламентирующих подходы к определению границ рассматриваемой отрасли. Результатом стало обоснование необходимости институционального оформления конгрессно-выставочной деятельности на основе норм и методов взаимодействия в рамках системы мероприятий. Данный теоретический аспект позволяет рассматривать роль проводимых событий в контексте построения устойчивых взаимосвязей институтов и общества, а также практического переосмысления места конгрессно-выставочной деятельности в современной повестке.

Ключевые слова: институциональная экономика, нормативно-правовая база, экономика мероприятий, туризм, маркетинг

Цитирование: Маненков С. А. Институционализация конгрессно-выставочной деятельности в инновационной экономике // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 86–95. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-86-95>

Введение

Традиционное понимание конгрессно-выставочной деятельности испытывает определенный кризис. На это есть ряд причин: существующие глобальные ограничения приводят к образованию барьеров для перемещения и проведения мероприятий; недостаточное нормативно-правовое регулирование конгрессно-выставочной деятельности, связанное с отсутствием федерального закона, регулирующего правоотношения в отрасли, становится ограничением по получению необходимой поддержки на правительственном уровне; отсутствие четкой регламентации отрасли способствует большей неопределенности. Это приводит к уязвимому положению одного из самых высокодоходных направлений в экономике и туризме. Регулирование

и регламентация конгрессно-выставочной деятельности, переосмысление существующих характеристик и измерений комплекса организуемых событий являются необходимыми условиями развития отрасли посредством реализации процессов институционального строительства. Установление контактов, обмен мнениями, заключение соглашений и демонстрация инновационного прогресса – все это делает площадку конгрессно-выставочного мероприятия универсальной. Конвертация неформальных норм, извлекаемые эффекты становятся базовым алгоритмом концептуального заполнения нормативного вакуума отрасли. Таким образом, внутреннее содержание инновационной среды мероприятий способно выступать

в качестве отправной точки регламентации процессов в конгрессно-выставочной деятельности.

Материалы и методы

Создаваемая на площадках мероприятий среда способствует формированию стратегических инициатив в различных отраслях экономики и достижению их реализации. Генерирование широкого спектра взаимосвязей в рамках крупных событий позволяет рассматривать конгрессно-выставочные мероприятия в качестве драйвера институционального развития. Однако современная ситуация демонстрирует необходимость изменений с точки зрения регламентации институциональных основ самой конгрессно-выставочной деятельности.

Конечный результат мероприятий может рассматриваться как достижение и извлечение не только материальных выгод для всех субъектов, но и нематериальных результатов, направленных на улучшение социального благосостояния и развития человеческого капитала территорий. Следовательно, можно говорить об использовании потенциала «индустрии встреч как одного из источников устойчивого развития, обмена знаниями и экономического роста»¹. Рассмотрение институционализации научного направления возможно благодаря достижению сбалансированности интересов. Д. П. Фролов отражает цели и задачи изучаемого вида экономической деятельности относительно аспектов институционального строительства [1, с. 99].

Система социально-экономических связей в конгрессно-выставочной деятельности требует рассмотрения различных форм и подходов к иерархии и взаимодействию. В. А. Карпинская затрагивает вертикально-горизонтальную сетевую дифференциацию деятельности, которая формирует новый вид взаимоотношений, отмечая значение экосистем и институтов как акторов экономической системы [2, с. 128]. Формирование системы устойчивых связей создает позитивную социально-экономическую среду.

Д. С. Терещенко и В. С. Щербаков считают, что институциональные изменения способны повышать уровень конкурентной среды и улучшают деловой климат. Авторами подтверждается тезис относительно существующей взаимной корреляции институциональных индикаторов и показателей экономического развития [3, с. 33, 34]. Конгрессно-выставочная деятельность неразрывно связана с имплементацией и продвижением продуктов и услуг технологического и научного прогресса. Благоприятные условия внешней среды – определяющий фактор коммерциализации научно-технической деятельности, что является значимым направлением в современной инновационной экономике.

Существует постоянная необходимость в адаптации институциональных структур к меняющимся условиям. Этот процесс выражается в приведении нормативно-правовой базы в соответствие относительно текущей ситуации в экономике [4, с. 53–59]. Современные кризисные явления оказывают воздействие на правила и нормы поведения, что способствует развитию концепции постоянного совершенствования институтов и адаптивной политики в качестве меры реагирования на изменяющиеся условия [5, с. 173, 174]. Исходя из этого можно говорить о консолидирующей роли конгрессно-выставочной деятельности в современных координационных процессах хозяйствующих субъектов. Основная задача процесса – снижение негативных эффектов для экономики и выстраивание новых видов взаимоотношений на едином рынке услуг.

Необходимость разработки базовых концепций по определению современных параметров конгрессно-выставочной деятельности является актуальным направлением ввиду трансформации форм и видов взаимодействия между участниками рынка. Корреляция цифрового и традиционного офлайн-форматов в рамках конгрессно-выставочных мероприятий образует современную среду делового общения, что определяет задачу обозначения границ мероприятий не только в физическом пространстве, но и с точки зрения создаваемых эффектов. В. С. Боголюбов придерживается мнения, что конгрессно-выставочная деятельность трансформируется в цифровом пространстве и приобретает новые формы интерпретации в цифровом измерении, его точка зрения находит подтверждение в современном мире [6, с. 84].

В. А. Дмитриев пишет о возрастающей роли цифровых инструментов. При этом он замечает, что абсолютный переход в цифровое пространство невозможен, т.к. «онлайн-форматы не смогут полноценно заменить традиционные мероприятия, ценность которых состоит в личном, в том числе, доверительном общении, исключительно важном для достижения максимального эффекта для всех участников»². Появление гибридных и онлайн-форматов мероприятий становится не только следствием адаптации к современным изменениям и трендам отрасли в условиях ограничений, но и возможностью создания новых теоретических подходов к измерению среды и механизма конгрессно-выставочной деятельности.

Таким образом, конгрессно-выставочная деятельность рассматривается как особая «экосистема», способная формировать устойчивые связи всех заинтересованных сторон в различных плоскостях. Подвижные рамки деятельности требуют совершенствования норм и взаимоотношений нового типа, в связи с чем необходимо измерить

¹ ICCA and UNWTO collaborate on developing meetings industry expertise and enhancing the knowledge economy of emerging destinations // ICCA. 11.11.2019. Режим доступа: <https://www.iccaworld.org/npps/story.cfm?npage=1839773> (дата обращения: 16.01.2020).

² Дмитриев В. А. Конгрессно-выставочная деятельность. Как сохранить отрасль в условиях пандемии? // Торгово-промышленная палата РФ. 17.04.2020. Режим доступа: <https://tpprf.ru/ru/interaction/experts/comments/356591/> (дата обращения: 18.11.2020).

текущее состояние конгрессно-выставочной деятельности в качестве особой «экосистемы» и выявить основополагающие теоретические и прикладные элементы, формирующие хозяйственный комплекс, и генерируемые эффекты системы в рамках проводимых мероприятий.

Дискуссия и результаты

Наличие функционирующих механизмов и нормативно-правовой базы является одним из основополагающих элементов любой отрасли в экономике. Одной из современных проблем отечественного рынка в развитии конгрессно-выставочной деятельности является отсутствие федерального закона, регулирующего в полном объеме один из самых высокодоходных секторов экономики³. В 2019 г. на VIII Евразийском Ивент Форуме был разработан проект документа. Обсуждение положений проходило с участием профессионалов в сфере организации событий, представителей Министерства промышленности и торговли РФ и Торгово-промышленной палаты РФ⁴. Итоги обсуждений подтвердили, во-первых, наличие дискуссий по данному вопросу, и, во-вторых, значение площадок форумов для выработки законодотворческих и регуляторных инициатив.

Стоит отметить ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», определяющий туризм как «временный выезд / путешествие с постоянного места жительства в профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода»⁵. Закон не содержит положений по конгрессно-выставочной деятельности или деловому туризму. При этом конгрессно-выставочная деятельность направлена на получение дохода, привлечение и окупаемость инвестиционных проектов, что автоматически выводит ее за пределы распространения существующей нормативно-правовой базы.

Конгрессно-выставочная деятельность является многофункциональным направлением с точки зрения научного исследования и теоретических характеристик. Проблематику данного направления составляют реализация и применение широкого перечня инструментов развития деятельности, спектр реализуемых

услуг, разработка единых организационных механизмов и структур, регулирующих эту деятельность. Конгрессно-выставочная деятельность в современном виде регулируется стандартами ГОСТ Р 53524-2009⁶ и ГОСТ 32608-2014⁷. Выставочно-ярмарочная деятельность, согласно ГОСТ 32608-2014, регламентирует деятельность сферы выставочных услуг, содействующую развитию торгово-экономических, научно-технических отношений и инвестиционного сотрудничества. Введенный позднее ГОСТ Р 56765-2015⁸ расширяет прикладной аспект выставочно-ярмарочной деятельности, определяя ее как самостоятельное направление экономической деятельности. Формирование имиджа отрасли, страны и региона осуществляется посредством демонстрации отечественных товаров, услуг и инновационных разработок. ГОСТ Р 56765-2015 опирается на ранее принятые ГОСТ 32608-2014 и ГОСТ Р 53524-2009. Роль инструмента продвижения товаров и услуг и установления деловых контактов относительно вклада конгрессной деятельности не затрагивается. Описывается лишь инфраструктурное значение комплексов и базовые критерии проведения деловых и конгрессных мероприятий.

Каждый из рассмотренных ГОСТов определяет основы для подготовки и проведения конгрессно-выставочных мероприятий, регламентируя договорные отношения, этапы подготовки площадок и мест проведения, содержательные характеристики и охват организуемых событий. Данные документы отражают дифференцированный подход участников, организаторов и планировщиков событий относительно достигаемых целей и результатов в процессе подготовки и участия в мероприятии. Отсутствие единой и всеобъемлющей правовой базы, с одной стороны, ухудшает положение конгрессно-выставочной деятельности, но, с другой – дает возможность динамичного развития форматов делового общения и отрасли в целом.

В начале 2020 г. участники рынка не могли себе представить стремительно возросшую конкуренцию в сфере цифровых продуктов вместе с резким падением отрасли в целом ввиду ограничений на проведение очных мероприятий. С учетом пандемических шоков по результатам 2020 г. объем выставочной индустрии, по данным

³ О Концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации (вместе с «Планом мероприятий по реализации концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации»). Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2014 № 1273-р // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Ход подготовки проекта ФЗ о выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в РФ обсудили на выездном заседании профильного Комитета ТПП России // Event Live. 20.01.2019. Режим доступа: https://event-live.ru/articles/tsifry-i-fakty/tsifry-i-fakty_715.html (дата обращения: 20.01.2020).

⁵ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации. ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁶ ГОСТ Р 53524-2009. Конгрессная деятельность. Термины и определения. Утв. и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15.12.2009 № 775-ст // Кодекс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-53524-2009> (дата обращения: 17.01.2020).

⁷ ГОСТ 32608-2014. Деятельность выставочно-ярмарочная. Термины и определения. Принят Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол от 30.05.2014 № 67-П) // Кодекс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200111315> (дата обращения: 06.05.2020).

⁸ ГОСТ Р 56765-2015. Деятельность выставочно-ярмарочная. Основные положения (с Изменением № 1). Утв. и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25.11.2015 № 1978-ст // Кодекс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200127183> (дата обращения: 06.05.2020).

Всемирной ассоциации выставочной индустрии, сократился на 68 %, а общий оборот индустрии уменьшился на 200 млрд евро в цифровом выражении и затронул порядка 2,4 млн рабочих мест⁹. В России совокупный объем рынка конгрессно-выставочных услуг составляет около 3 %, или 3,4 трлн рублей, в структуре ВВП¹⁰. Приведенные цифры подтверждают значение конгрессно-выставочной отрасли для всех смежных областей экономики с точки зрения понесенных убытков, недополученной прибыли, недостигнутых прямых, косвенных и индуцированных эффектов.

Создание цифровых продуктов и услуг на рынке конгрессно-выставочных услуг расширяет его границы и требует форсированного переосмысления параметров отрасли и развития актуальных компетенций, т. к. именно вклад новых направлений деятельности сможет стать основой не только для восстановления рынка, но и для регламентации правовых отношений нового типа с использованием экосистемного подхода. Принцип экосистем, сформулированный М. Г. Рассэл и Н. В. Смородинской, применим и к конгрессно-выставочной деятельности, поскольку инновационные экосистемы создают более сложные модели сотрудничества, обеспечивая непрерывность в инновационном развитии [7, с. 119]. Соответственно, процессы институционального строительства в рамках конгрессно-выставочной деятельности необходимо рассматривать с фундаментальных основ отрасли. Развитие теории современных экономических концепций позволит определить границы отрасли, ее значение и вклад как в материальной плоскости, так и в социальном измерении.

Структуризация конгрессно-выставочной деятельности в контексте институциональной экономики

Экосистема мероприятий обладает сложной организационно-управленческой архитектурой, которая позволяет развивать и консолидировать концепции экономики соглашений, экономики впечатлений и экономики знаний в одном ключе в формуле *знания+контент+дискуссия=реализация*. Это позволяет говорить о возможности аккумулирования данных направлений в едином конгрессно-выставочном вакууме, конечным результатом которого станет создание механизмов и институтов, направленных на регламентацию отрасли и содействие социально-экономическому развитию. Рассмотрение мероприятий в контексте выстраиваемых коммуникаций в период проведения событий, может стать «ключом зажигания» новых процессов развития»¹¹.

Отсутствие институционального измерения в нормативно-правовом поле конгрессно-выставочной деятельности позволяет расширять методологические подходы к определению ее современных характеристик. В качестве одной из теоретических основ, позволяющих определить принципы взаимодействия и регламентации, рассматриваются положения теории институциональной экономики. Согласно взглядам Д. Норта, деятельность различных субъектов экономических отношений, органов власти, ассоциаций и других структур влияет на состояние и развитие институциональной системы. Опыт развитых стран демонстрирует приверженность «непрерывному процессу институциональных изменений не только для экономики в целом, но и для конкретных отраслей» [8, с. 142]. Новые вызовы и угрозы образуют состояние неопределенности для всего рынка услуг, что требует поиска новых решений для восстановления спроса и предложения. Данная теория приобретает особую ценность в изучении роли институтов и их эволюционного процесса в формировании экономической деятельности. Дж. Р. Коммонс придерживался междисциплинарного подхода, согласно которому «экономические институты являются основой юридического порядка» [9, с. 19].

М. Алтин, Э. Мемели, С. Сонмез полагают, что повышение качества деятельности формальных институтов положительным образом влияет на предпринимательскую среду и рынок туризма [10, с. 1383]. Повышение уровней формализации взаимоотношений в конгрессно-выставочной деятельности может обладать релевантностью в контексте развития «экономики соглашений» [9, с. 45, 46] и институционального строительства. Один из основоположников теории конвенций, Л. Тевено, определяет конвенцию как способ организации неопределенности таким образом, чтобы конечным результатом стало появление некоторой схемы, в рамках которой общество способно осуществлять координацию [11, с. 9]. Р. Сале развивает данную концепцию и определяет конвенцию как «систему взаимных ожиданий». Рынки и институты в ней выступают в качестве «полезных устройств, нацеленных на достижение консенсусных решений и установление правил [12, с. 9].

Согласно исследованию И. В. Трубиной, экономика соглашений (конвенций) включает три базовых критерия: язык, деньги и законы, которые в свою очередь являются базовыми институтами развития данной концепции [13, с. 142]. Конвенция представляет собой имплементацию сложившихся норм и правил экономических

⁹ UFI releases figures stating the impact of COVID-19 on the global exhibition economy in 2020 // UFI. Режим доступа: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2021/02/MR_UFI-releases-figures-stating-the-impact-of-COVID-19_4february2021.pdf (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁰ О необходимости поддержки конгрессно-выставочной деятельности как стратегически важной отрасли для России // Exproclub.ru. 18.03.2021. Режим доступа: https://www.ruef.ru/assets/files/coronavirus/Меморандум.Подписиб_.pdf (дата обращения: 22.11.2020).

¹¹ Развитие конгрессов и выставок – важный драйвер национального плана спасения экономики страны и ее конкурентоспособности // Регионы Онлайн. 03.07.2020. Режим доступа: <https://www.gosrf.ru/razvitie-kongressov-i-vystavok-vazhnyj-drajver-nacjonalnogo-plana-spaseniya-ekonomiki-strany-i-ee-konkurentosposobnosti/> (дата обращения: 29.10.2020).

взаимоотношений между хозяйствующими субъектами, обладая при этом важной координирующей ролью [13, с. 139]. С учетом значения выработки норм поведения различных заинтересованных сторон в процессе проведения конгрессно-выставочных мероприятий, заключаемые на площадке мероприятий соглашения рассматриваются не только с позиции подписанных коммерческих контрактов, но и с точки зрения выработки определенных механизмов регулирования и определения границ влияния комплекса на социальные, экономические и институциональные процессы. Данный тезис находит подтверждение в теории институциональных изменений Д. Норта, которая констатирует наличие зависимости между институтами, технологиями, знаниями и политическими изменениями [14, с. 53]. В. В. Матвеев поддерживает эту позицию и считает, что институциональная система способствует формированию и приобретению знаний, а также выступит стратегическим фактором развития общества [14, с. 53].

Существенным фактором в инновационном развитии экономики является человеческий капитал. Согласно позиции С. А. Алексеевой, экономика знаний является актуальным направлением формирования новых компетенций для специалистов и вносит весомый вклад в развитие человеческого капитала [15]. В ранее проведенных исследованиях отмечается значение потенциала конгрессно-выставочных мероприятий как инструмента реализации молодежной политики. Ведущие экономические и энергетические форумы создают механизмы взаимодействия представителей бизнеса и молодых кадров по привлечению инвестиций в перспективные проекты [16, с. 44]. Не менее актуальным вопросом является «монетизация знаний», идея которой развивается в исследовании С. А. Дятлова, поддерживающего концепцию об увеличении значения роли поколения миллениалов в производстве и потреблении современных цифровых продуктов [17, с. 27]. Значение экономики знаний подтверждается наличием дискуссий по данному направлению на ведущем мероприятии страны – Петербургском международном экономическом форуме¹².

Немаловажным компонентом конгрессно-выставочной деятельности наряду с экономикой соглашений и экономикой знаний является экономика впечатлений. Включение ее в рассматриваемую систему позволяет ввести положение о значимости социологического, психологического и эмоционального подходов к восприятию генерируемых предложений продуктов и услуг в рамках событийных проектов. Одним из основополагающих трудов, которые определили «экономику впечатлений как четвертое экономическое предложение после товаров и услуг» является исследование Б. Д. Пайна и Дж. Х. Гилмора [18]. Расширение горизонтов взаимодействия с участниками мероприятий, технологии демонстрации продукции

и услуг являются актуальными, т.к. одной из ключевых характеристик является формирование интереса и добавленной стоимости для конечных потребителей. К. Дашпер и А. Бучманн определяют «событийный ландшафт» экономики впечатлений (опыта) как комбинацию материальных элементов, которые формируют среду событий и влияют на эмоциональные реакции и переживания участников, организаторов, и других вовлеченных заинтересованных сторон [19, р. 295, 296]. Генерируемые в событийных проектах впечатления способны не только формировать добавленную ценность, но и генерировать различные уровни коопераций среди участников на основании получаемого опыта и желания поделиться приобретенными эмоциями. Согласно мнению Г. С. Сологубовой, экономика впечатлений расширяет «технологии социального взаимодействия» путем внедрения технологии дополненной реальности, что представляется актуальным в текущих условиях форсированной цифровизации конгрессно-выставочных услуг (табл.) [20, с. 107].

Согласно используемым применительно к конгрессно-выставочным мероприятиям экономическим теориям, представляется целесообразным формулировать положение о более широких эффектах и характеристиках организуемых событий. Отсутствие четких рамок и интенсификация отрасли в цифровом пространстве говорит о гибкости форматов мероприятий, расширении компетенций организаторов, о значимости самих мероприятий в социально-экономическом и институциональном развитии. Накопление знаний, заключение соглашений в атмосфере получаемых впечатлений – актуальный алгоритм подготовки и проведения успешного современного инновационного мероприятия.

Таким образом, конвергентное значение конгрессно-выставочной деятельности с консолидацией вырабатываемых предложений экономики знаний, экономики впечатлений и экономики соглашений позволяет ввести в оборот определение экономики мероприятий как нового методологического подхода. Исследование позволяет сформулировать обобщенные характеристики экономики мероприятий, в которой мероприятие способно выступать самостоятельным субъектом правовых отношений, формируя особую экосистему. Следовательно, конгрессно-выставочные мероприятия способны обладать характеристиками института или системы. Технологии организации выставочных пространств, архитектура деловой программы конгрессов и форумов также претерпевают изменения, что не отражается в нормативно-правовом поле ввиду отсутствия его четкой регламентации.

Экономика мероприятий – целостный организационно-экономический механизм, имеющий потенциал генерировать инновационно-инвестиционную деятельность в ходе проведения форумов, выставок, конгрессов, воздействуя

¹² Список сессий Петербургского международного экономического форума – 2018 // Росконгресс. Режим доступа: <https://roscongress.org/events/rmef-2018/sessions/> (дата обращения: 06.12.2020).

Табл. Теоретические и практические подходы к институциональному и экономическому измерению аспектов конгрессно-выставочной деятельности

Tab. Theoretical and practical approaches to the institutional and economic aspects of exhibition and convention activity

Термин	Значение	Методологический подход
Экономика соглашений (конвенций)	соглашения, определяющие общие рамки и порядок взаимодействия между индивидами	обозначение правовых и экономических рамок договорных отношений, нацеленных на взаимовыгодное и долгосрочное сотрудничество
Экономика знаний	фактор развития экономики, сосредоточенный в человеческом капитале и информационной среде	значение и роль человеческого капитала в формировании капитализируемых навыков и компетенций в условиях инновационной экономики
Экономика впечатлений (опыта)	четвертое экономическое предложение после товаров и услуг. Человек, приобретая услугу, платит за выполнение действий от его имени, но когда он платит за впечатление, он покупает незабываемые минуты своей жизни, приобретая новые чувства и ощущения	персонализированный подход к продвижению товаров и услуг с использованием дифференцированных форм межличностного общения и демонстрации инновационных технологий

на социально-экономические процессы посредством осуществления вклада в материальные и нематериальные активы, проводя прикладные и неосознаваемые институциональные изменения. Таким образом, экономика мероприятий является системным компонентом процессов развития конгрессно-выставочной деятельности. Методы институциональной экономики могут сформировать структурный подход к определению эффектов деятельности. Допускается следующая гипотеза: мероприятие способно выступать производным субъектом экономической политики, т.к. событие в период организации и проведения может образовывать собственную систему. Организационно-экономический механизм события, в зависимости от его отраслевой специализации, может выступать генератором широкого спектра социально-экономических эффектов, или производной единицей институциональных изменений.

Механизм конгрессно-выставочной деятельности

Знания играют важную роль в инновационной экономике. Значение роли человеческого капитала находит свое подтверждение в положениях институциональной системы Д. Норта, согласно которой «институциональная система определяет направление, в рамках которого идет приобретение знаний и навыков» [8, с. 103]. Именно инвестиции в знания увеличивают производительность, компетенции предпринимателей, что содействует развитию общества в целом. Такой контекст является актуальным и для конгрессно-выставочной деятельности в современном понимании. Производственный характер экономики мероприятий подтверждает мультифункциональный прикладной характер конгрессно-выставочной деятельности. Это позволяет рассматривать дифференцированные направления в маркетинге и экономике в едином комплексе. Современное понимание конгрессно-выставочных

пространств не ограничивается презентацией товаров и услуг, расширяя данное значение до «широкого комплекса коммуникационных услуг» [21, с. 220]. Комплексный механизм конгрессно-выставочной деятельности ориентирован на расширение методологии классических экономических подходов. Значимой основой производственных процессов выступает принцип классической политической экономии, согласно которой *производство* → *распределение* → *обмен* → *потребление* могут рассматриваться и как неотъемлемый механизм формирования экономических отношений, и как системообразующий фактор регламентации процессов конгрессно-выставочной деятельности [22, с. 26].

Применительно к индустрии встреч данная концепция находит свое отражение в построении организационного аспекта событий. Ядром (производственным звеном) этой системы является мероприятие, в котором осуществляется распределение человеческих и технологических процессов, направленных на его организацию. Современная индустрия встреч – это уже не только отдельные составляющие, но и новая платформа и экосистема: *контент+медиа+общение+впечатления*¹³:

- *контент* объединяет данные, аналитику и современные технологии;
- *медиа* развивает и распределяет информационные потоки, обеспечивая коммуникационные связи;
- *общение* создает основу для принятия необходимых качественных решений и обмена идеями;
- *впечатления* становятся новой ценностью, которая «определяет и характер интересов, и потребительскую ценность современных товаров и услуг»¹⁴.

Верификация мероприятия на предмет соответствия методам институциональной экономики и политэкономической теории находят свое подтверждение. Контент определяет содержательную часть экосистемы мероприятия.

¹³ Развитие конгрессов и выставок...

¹⁴ Там же.

Выстраиваемые коммуникации образуют систему внешних взаимосвязей, обеспечивая интерес участников к организуемым событиям. Проводимые дискуссии и переговоры способствуют обмену знаниями и опытом. Заключаемые соглашения являются результатом совместной плодотворной работы всех вовлеченных сторон, тем самым образуя добавленную стоимость достигнутым компромиссным аспектам. Воспроизводство становится отправной точкой имплементации достигнутых соглашений, производя материальные и нематериальные изменения.

Итак, можно говорить о верификации экономики мероприятий в контексте построения цепочек производственных связей и наличия признаков единой системы. Способность построения координационных механизмов во временных рамках организуемых проектов с учетом извлекаемых эффектов доказывает гипотезу относительно способности мероприятий формировать вокруг себя институциональную среду. Но институциональная адаптация применительно к конгрессно-выставочной деятельности испытывает трудности в состоянии инновационной экономики [8, с. 130].

Смещение форматов делового общения в цифровое измерение не позволяет достигать совокупного количества извлекаемых эффектов в краткосрочной перспективе, поэтому процесс регенерации и увеличения экономических выгод в более длительном периоде во многом зависит как от переосмысления институциональных основ конгрессно-выставочной деятельности, так и от построения эффективных алгоритмов взаимодействия. Данный метод обосновывает необходимость институционального оформления конгрессно-выставочной деятельности и рассматривается с точки зрения регламентации (создание единой координирующей структуры), регулирования (внедрение стандартов и обеспечение необходимой поддержки между участниками рынка) и развития устойчивой связи хозяйствующих субъектов [23, с. 59]. Соответственно, формирование механизма конгрессно-выставочной деятельности возможно благодаря вовлечению максимального количества участников рынка данных услуг, максимизации выгод по результатам проводимых мероприятий и реализации соглашений в рамках событийных проектов.

Сформированные положения доказывают возможность формирования механизма саморегулирования конгрессно-выставочной деятельности участниками ее рынка посредством выстраивания внутренних и внешних (с экономическими агентами) коммуникаций. Пандемия COVID-19 продемонстрировала величину падения конгрессно-выставочного рынка и необходимость его институционального оформления в нормативно-

правовом поле путем создания единого регуляторно-распорядительного органа власти и необходимой законодательной основы.

Заключение

Конгрессно-выставочные мероприятия способны образовывать новые органы, структуры и институты в рамках конгрессно-выставочного рынка услуг, генерируя инновационные процессы развития, с одной стороны, выступая субъектом институционального строительства, при этом являясь недостаточным объектом регулирования, с другой. Основными выявленными проблемами, подтверждающими актуальность применения методов институциональной экономики к современному состоянию отечественного рынка конгрессно-выставочных услуг, являются «возрастающая отдача» и «несовершенство рынков», т. к. именно институты обладают определяющей ролью в формировании процессов развития. [8, с. 122]. Отсюда следует, что отсутствие федерального закона и компетентного исполнительного органа государственной власти (института), осуществляющего регулирование и регламентацию конгрессно-выставочной деятельности, является значимым недостатком.

В период кризисных условий, вызванных пандемией новой коронавирусной инфекции, конгрессно-выставочные комплексы, операторы рынка услуг и представители event-индустрии оказались в сложной ситуации в связи с отсутствием основного кода общероссийского классификатора видов экономической деятельности (82.30 «Деятельность по организации конгрессов и выставок»), что стало ограничением на получение государственной поддержки¹⁵ [23, с. 59]. Согласно позиции С. Г. Воронкова, «выставки и конгрессы являются инструментом для развития страны», что подтверждает тезис институционального значения мероприятий по «выстраиванию нового экономического ландшафта»¹⁶. Значение конгрессов и выставок обладает высокой ролью в процессах формирования институтов социализации и гражданского общества¹⁷.

Недостаточная степень регламентации не позволяет задействовать и привлечь необходимые ресурсы для поддержки отрасли и преодоления кризисных ситуаций. Отсутствие возможности проведения мероприятий ослабило конкурентную среду и трансформировало ее в некоторой степени в состояние партнерства. Ассоциации и объединения в текущих условиях достигли взаимопонимания перед стоящими вызовами и угрозами, что требует выработки новых подходов по преодолению кризисной ситуации¹⁸. Участники конгрессно-выставочного рынка

¹⁵ Владимир Дмитриев: «Пандемия изменит конгрессную отрасль России» // Congress Time. 2020. № 2. С. 59.

¹⁶ Кузнецова М. Сергей Воронков: «Конгрессно-выставочная отрасль – панацея от того, чтобы мир бизнеса не провалился в хаос» // Коммерсантъ. 25.08.2020. Приложение № 152. С. 15.

¹⁷ Развитие конгрессов и выставок ...

¹⁸ Островская Д. А. Алексей Калачев: «Нам необходимо начать с себя и создать конкурентоспособный продукт» // Congress Time. 2020. № 1. С. 50–51.

услуг являются субъектами его институционального строительства, становясь движущей силой по выработке методов, норм и практических шагов по преодолению текущих кризисных условий. Наглядно данный тезис может подтвердить заключенное соглашение Фонда «Росконгресс» как крупнейшего организатора конгрессно-выставочных мероприятий и нефинансового института развития с Роспотребнадзором относительно практических и методических рекомендаций для всех организаторов мероприятий на отечественном рынке¹⁹.

Выработанное в кризисных условиях горизонтально-сетевое взаимодействие заинтересованных сторон рынка конгрессно-выставочных услуг обосновывает взаимодействие участников и ассоциаций как временную эффективную меру. Однако в среднесрочной перспективе с учетом

необходимости регулярной имплементации изменений создание самостоятельного функционирующего института (органа власти), осуществляющего координационное и регулирующие взаимодействие в рамках рынка конгрессно-выставочных услуг, является необходимым. Именно функционирование постоянно действующих структур позволяет снижать риски при кризисных ситуациях и содействовать устойчивому развитию отрасли. Данное взаимодействие подтверждает необходимость осуществления совместной работы организаторов событий и органов исполнительной власти на уровне субъектных отношений. Процесс институционального оформления одной из самых высокодоходных отраслей делового туризма не теряет актуальности, и его возможное решение находится в компетенции участников рынка.

Литература

1. Фролов Д. П. Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 90–101. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-11-90-101
2. Карпинская В. А. Экосистема как единица экономического анализа // Системные проблемы отечественной мезоэкономики, микроэкономики, экономики предприятий: мат-лы II конф. Отделения моделирования производственных объектов и комплексов ЦЭМИ РАН (Москва, 12 января 2018 г.) М., 2018. С. 125–141. DOI: 10.33276/978-5-8211-0769-5-125-141
3. Терещенко Д. С., Щербаков В. С. Влияние экономических и политических институтов на инвестиционные процессы в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 33. С. 28–38.
4. Экономика инноваций / под ред. Н. П. Иващенко. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. 309 с.
5. Лученок А. И. Влияние институциональной политики на экономический рост // Экономический вестник университета. 2017. № 32-1. С. 168–177.
6. Боголюбов В. С. Тенденции развития конгрессно-выставочной деятельности в условиях цифровой трансформации экономики // Современные цифровые организации. Проблемы и перспективы цифровых организаций в конгрессно-выставочной деятельности / под ред. О. Н. Кострюковой, Г. С. Сологубовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 74–86.
7. Russell M. G., Smorodinskaya N. V. Leveraging complexity for ecosystemic innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 136. P. 114–131. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.11.024
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; науч. ред. Б. З. Мильнер. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
9. Малкина М. Ю., Логинова Т. П., Лядова Е. В. Институциональная экономика. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015. 258 с.
10. Altin M., Memili E., Sönmez S. Institutional economics and firm creation in the hospitality and tourism industry: a comparative analysis of developing and developed economies // Tourism Economics. 2017. Vol. 23. Iss. 7. P. 1381–1397. DOI: 10.1177/1354816617689869
11. Тевено Л. Французская школа конвенций и координация экономического действия // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 1. С. 6–13.
12. Сале Р. Пять вопросов об экономической социологии Роберу Сале // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 1. С. 7–18.
13. Трубина И. В. Конвенция как базовый элемент анализа французского институционализма // Академическая наука – проблемы и достижения: мат-лы XIX Междунар. науч.-практ. конф. (North Charleston, 23–24 апреля 2019 г.) North Charleston, 2019. С. 138–145.
14. Матвеев В. В. Теория институциональных изменений Дугласа Норта: обоснование стратегической роли знаний в обеспечении эффективного развития общества // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2017. Т. 27. № 5. С. 48–54.

¹⁹ Фонд Росконгресс и Роспотребнадзор подписали соглашение о взаимодействии // Роспотребнадзор. 19.11.2020. Режим доступа: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=16066 (дата обращения: 29.11.2020).

15. Алексеева С. А. Экономика знаний и человеческий капитал // Обучение иностранным языкам: от профессионализации к профессионализму: мат-лы науч.-метод. межвуз. семинара (Москва, 11 ноября 2009 г.) М., 2010. С. 7–12.
16. Боголюбов В. С., Маненков С. А. Молодежные дни как элемент деловой повестки ведущих конгрессно-выставочных мероприятий в России // Актуальные проблемы развития сферы услуг / под ред. Ю. В. Долматеня, В. А. Ткачева. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 38–46.
17. Дятлов С. А. Сетевой человеческий капитал миллениалов как драйвер развития цифровой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4. С. 26–31.
18. Пайн Б. Д., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / пер. с англ. и ред. Н. А. Ливинской. М.: Вильямс, 2005. 299 с.
19. Dashper K., Buchmann A. Multispecies event experiences: introducing more-than-human perspectives to event studies // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 293–309. DOI: 10.1080/19407963.2019.1701791
20. Сологубова Г. С. Инструментальный характер конгрессно-выставочной и ярмарочной деятельности в маркетинге // Актуальные вопросы развития конгрессно-выставочной деятельности в период 2010–2016 гг. (междисциплинарный, многоотраслевой и полифункциональный аспекты) / под ред. О. Н. Кострюковой, Г. С. Сологубовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 104–121.
21. Романовская Е. Н., Марковская Э. В. Выставочно-ярмарочная деятельность предприятия как одно из направлений коммуникационной политики // Актуальные проблемы лесного комплекса. 2015. № 43. С. 218–222.
22. Корниенко О. В. Эволюция структуры теоретической экономики // Теоретическая экономика. 2019. № 2. С. 23–27.
23. Коновалова М. Е. Институциональные изменения как драйвер социально-экономических преобразований макро-региона // Интеграция Сибири в глобальное социально-экономическое пространство: сб. мат-лов на основе докладов Междунар. экономического симпозиума (Томск, 17–19 октября 2019 г.) Томск, 2020. С. 56–63. DOI: 10.17223/9785946218696/9

original article

Institutionalization of Exhibition and Convention Activity in Innovation-Based Economy

Sergei A. Manenkov

St. Petersburg State Economic University, Russia, St. Petersburg

sergei.manenkov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2735-3784>

Received 6 Jan 2021. Accepted 18 Feb 2021.

Abstract: The meaning of exhibition and convention activity is currently undergoing serious changes. Contemporary forums and exhibitions promote goods and services, as well as create new social, economic, and political relation standards. The contemporary crisis has revealed some regulatory gaps. However, innovative marketing approach to exhibition and convention events can help industry to recover and grow. Exhibition and convention events produce not only economics effects: they also promote institutional, public, and innovative development. The present research featured cooperation and coordination of stakeholders in exhibition and convention activities, as well as related legal, marketing, and theoretical factors. The research objective was to develop the economy of events – a new methodological approach to assessment of non-material effects of exhibition and convention activity. The research was based on the methods of institutional economics; the paper offers an analysis of existing legal frameworks and standards. The author believes that exhibition and convention sphere needs institutional background based on the interaction of existing norms and methods within event system. This theoretical aspect made it possible to consider the role of events in the context of building sustainable interrelationships between institutes and society, as well as to reinterpret the role of exhibition and convention activity in the modern agenda.

Keywords: institutional economics, legal framework, events economy, tourism, marketing

Citation: Manenkov S. A. Institutionalization of Exhibition and Convention Activity in Innovation-Based Economy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1):86–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-86-95>

References

1. Frolov D. P. Methodological institutionalism: economic science evolution reconsidered view. *Voprosy ekonomiki*, 2008, (11): 90–101. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2008-11-90-101
2. Karpinskaya V. A. Ecosystem as a unit of economic analysis. *System Problems of the Domestic Mesoeconomics, Microeconomics, and Economics of Enterprises*: Proc. II Conf. Departments for modeling production facilities and complexes of the Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 12 Jan, 2018. Moscow, 2018, 125–141. (In Russ.) DOI: 10.33276/978-5-8211-0769-5-125-141
3. Tereshchenko D. S., Shcherbakov V. S. The impact of economic and political institutions on the region's investment processes. *Regionalnaia ekonomika: teoriia i praktika*, 2015, (33): 28–38. (In Russ.)
4. *Innovations economy*, ed. Ivashchenko N. P. Moscow: Ekonomicheskii fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2016, 309. (In Russ.)
5. Luchenok A. I. The impact of the institutional policy on economic growth. *Ekonomicheskii vestnik universiteta*, 2017, (32-1): 168–177. (In Russ.)
6. Bogolyubov V. S. Trends of development of congress and exhibition activities in the conditions of digital transformation of economics. *Modern digital organizations. Problems and prospects of digital organizations in congress and exhibition activities*, eds. Kostriukova O. N., Sologubova G. S. St. Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 2017, 74–86. (In Russ.)
7. Russell M. G., Smorodinskaya N. V. Leveraging complexity for ecosystemic innovation. *Technological Forecasting and Social Change*, 2018, 136: 114–131. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.11.024
8. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*, tr. Nesterenko A. N., ed. Milner B. Z. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", 1997, 180. (In Russ.)
9. Malkina M. Iu., Loginova T. P., Liadova E. V. *Institutional economics*. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet, 2015, 258. (In Russ.)
10. Altin M., Memili E., Sönmez S. Institutional economics and firm creation in the hospitality and tourism industry: a comparative analysis of developing and developed economies. *Tourism Economics*, 2017, 23(7): 1381–1397. DOI: 10.1177/1354816617689869
11. Thévenot L. The French Conventions School and coordination of economic action. *Journal of Economic Sociology*, 2006, 7(1): 6–13. (In Russ.)
12. Salais R. Robert Salais answers five questions about economic sociology. *Journal of Economic Sociology*, 2009, 10(1): 7–18. (In Russ.)
13. Trubina I. V. Convention as a French institutionalism basic analysis element. *Academic science – problems and achievements*: Proc. XIX Intern. Sci.-Prac. Conf., North Charleston, 23–24 Apr, 2019. North Charleston, 2019, 138–145. (In Russ.)
14. Matveev V. V. Douglas North's theory of institutional changes: the rationale for the strategic role of knowledge in providing effective development of the society. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i parvo*, 2017, 27(5): 48–54. (In Russ.)
15. Alekseeva S. A. Knowledge-based economy and human capital. *Teaching foreign languages: from professionalization to professionalism*: Proc. Sci.-Method. Interuniversity Seminar, Moscow, 11 Nov, 2009. Moscow, 2010, 7–12. (In Russ.)
16. Bogolyubov V. S., Manenkov S. A. Youth' days as a part of business agenda leading congress-exhibition events in Russia. *Actual problems of development of the service sector*, eds. Dolmaten Iu. V., Tkachev V. A. St. Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 2019, 38–46. (In Russ.)
17. Dyatlov S. A. Network human capital of millennials as a driver of the digital economy development. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2019, (4): 26–31. (In Russ.)
18. Pine B. D., Gilmore J. H. *The experience economy*, tr. and ed. Livinskaia N. A. Moscow: Viliams, 2005, 299. (In Russ.)
19. Dashper K., Buchmann A. Multispecies event experiences: introducing more-than-human perspectives to event studies. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 2019, 12(3): 293–309. DOI: 10.1080/19407963.2019.1701791
20. Sologubova G. S. The instrumental character of the congress and exhibition and fair activities in marketing. *Topical issues of the development of congress and exhibition activities in the period 2010–2016 (interdisciplinary, multi-sectoral, and multifunctional aspects)*, eds. Kostriukova O. N., Sologubova G. S. St. Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 2017, 104–121. (In Russ.)
21. Romanovskaya E. N., Markovskaya E. V. Exhibition activity companies as one of directions communication policy. *Aktualnye problemy lesnogo kompleksa*, 2015, (43): 218–222. (In Russ.)
22. Kornienko O. V. Evolution of the structure of theoretical economics. *Teoreticheskaiia ekonomika*, 2019, (2): 23–27. (In Russ.)
23. Konovalova M. E. Institutional change as a driver of socio-economic transformation of the macro-region. *Integration of Siberia into the global socio-economic space*: Proc. Intern. Economic Symposium, Tomsk, 17–19 Oct, 2019. Tomsk, 2020, 56–63. (In Russ.) DOI: 10.17223/9785946218696/9

оригинальная статья

УДК 338.432

Сельское хозяйство России: глобальные позиции, структурные пропорции и тенденции развития

Сергей Викторович Пацала
Новосибирский государственный педагогический
университет, Россия, г. Новосибирск

Надежда Владимировна Горошко
Новосибирский государственный педагогический
университет, Россия, г. Новосибирск
Новосибирский государственный медицинский университет
Минздрава России, Россия, г. Новосибирск
goroshko1@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2020. Принята в печать 12.02.2021.

Аннотация: В сознании значительной массы наших соотечественников национальное сельское хозяйство по-прежнему ассоциируется с застоем и неэффективностью, выступая в роли арьергардной отрасли экономики. Между тем в отрасли за последнее десятилетие произошли значительные изменения. Масштабные государственные программы, направленные на поддержку агропромышленного комплекса, политика импортозамещения и продовольственное эмбарго, ослабление курса отечественной валюты и ряд других факторов создали условия для позитивного развития отрасли. На основе статистического анализа и сравнения индикаторов развития аграрной отрасли дана комплексная оценка современного состояния сельского хозяйства РФ, показаны место отрасли в национальной экономике, позиции страны на мировом рынке сельскохозяйственной продукции в целом и в отдельных его сегментах. Выявлены важнейшие изменения, произошедшие в структуре и направлениях развития сельскохозяйственного производства страны за период 2000–2018 годов. Обозначены ведущие проблемы развития аграрного сектора России на современном этапе. Проведена общая оценка современного состояния национального сельского хозяйства по методу SWOT-анализа. Сделан вывод, что в сельском хозяйстве России кризис перехода к рынку в целом преодолен и наблюдается достаточно стабильный тренд улучшения основных экономических и финансовых показателей. Важнейшие сегменты производства показывают положительную динамику. Рост объемов производства, повышение рентабельности, двукратное снижение доли убыточных предприятий, снижение доли индивидуальных хозяйств в структуре сельхозпроизводства – все это указывает на процесс восстановления сельского хозяйства.

Ключевые слова: экономика России, агропромышленный комплекс, продовольственная безопасность, эффективность аграрного производства, импортозамещение, Россия на мировом аграрном рынке

Цитирование: Пацала С. В., Горошко Н. В. Сельское хозяйство России: глобальные позиции, структурные пропорции и тенденции развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 96–108. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-96-108>

Введение

Сельское хозяйство по сути своей есть единственное средство удержания государственной независимости: если в стране нечего есть, то, даже обладая всеми богатствами мира, она будет зависеть от других. Если торговля создает богатство, то сельское хозяйство обеспечивает свободу. Это стратегически важная отрасль национальной экономики, развитие которой позволяет не только, а может быть и не столько, получать прибыль, но и обеспечивать национальную (продовольственную) безопасность. Производство аграрной продукции является важнейшим условием политической стабильности [1; 2]. Порядка 70 % всей потребляемой человеком продукции производится в отраслях агропромышленного комплекса, а каждый занятый в сельскохозяйственном производстве работник создает 6-7 рабочих мест в смежных отраслях экономики [3; 4].

Отечественное сельскохозяйственное производство прошло крайне сложный путь от полного упадка

в 1990-х гг. до возрождения в начале 2010-х гг. Отрасль вышла из системного кризиса, в котором пребывала многие десятилетия, заняла передовые позиции в мире по целому ряду показателей, превратившись в одну из наиболее инвестиционно-привлекательных отраслей национального хозяйства. Новая волна кризисных явлений в российской экономике, сопровождаемая значительными изменениями внешних условий (введение экономических санкций странами Запада, политика импортозамещения и запрет импорта многих видов аграрной продукции, девальвация отечественной валюты и др.) фактически обозначили новый этап в развитии отрасли. Все это обуславливает актуальность изучения состояния и основных тенденций развития отечественного сельского хозяйства за период последних двадцати лет.

Методы и материалы. Информационной базой исследования послужили публикации в периодической печати

и сети Интернет, документы и статистические материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстата), Министерства сельского хозяйства России, Всемирного банка, Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО). Применялись методы статистического анализа и эмпирического исследования (наблюдение, сравнение), общелогический и аналитический методы.

Результаты

В сельском хозяйстве России создается около 3 % ВВП страны, при том что его вклад в общегосударственную занятость превышает 6 %, а доля в основных фондах составляет всего 2 %. Это свидетельствует о сохраняющейся низкой эффективности аграрного производства и слабой фондовооруженности труда. Теперь это далеко не самая масштабная отрасль национальной экономики (например, в сфере торговли создается 17 % ВВП), но это как раз тот случай, когда масштаб отрасли не отражает ее важность. Снижение вклада сельскохозяйственного производства в экономику - общемировой тренд. Внедрение в отрасль таких достижений научно-технической революции, как автоматизация и электронизация, приводит к снижению трудоемкости, уменьшению затрат на производство продукции. В целом низкая доля сельского хозяйства в ВВП страны уже давно является индикатором уровня развития ее экономики. В наиболее развитых странах мира эта доля редко поднимается выше 1–2 % от ВВП [5].

Сельское хозяйство модернизируется, в отрасль приходят новые техника и технологии, что, конечно, сопровождается высвобождением «лишних» рабочих рук. Доказательством тому является рост объемов производства сельскохозяйственной продукции. В постоянных ценах рост объемов производства продукции в 2019 г. увеличился на 44 % по отношению к уровню 2000 г.¹ Сегодня Россия входит в десятку мировых производителей сельскохозяйственной продукции по величине добавленной стоимости в аграрном секторе экономики, где ранжирование представлено следующим образом: Китай 978,6 млрд долларов, Индия – 418, США – 178,5, Индонезия – 133,5, Нигерия – 84,4, Бразилия – 83,3, Пакистан – 71,8, Япония – 61,4, Россия – 56,3, Франция – 46². Страна добилась самообеспеченности по основным продуктам питания (табл. 1)³. Валовая прибыль отечественного сельского хозяйства увеличилась в 2,3 раза за последние

5 лет, позволив России войти в топ-6 стран – мировых лидеров по этому показателю, а среднегодовой темп роста составил 19 %⁴. Производство продовольствия в расчете на душу населения в России примерно в 1,5 раза выше среднемирового значения [6]. В экономическом плане отечественное сельское хозяйство уже перестало быть «черной дырой», неэффективно потреблявшей в колоссальных объемах государственные дотации, став одним из ведущих драйверов роста национальной экономики последних лет [7].

Табл. 1. Самообеспечение России основными продуктами питания, %
Tab. 1. Basic food self-sufficiency in the Russia, %

Показатель	2000	2014	2015	2016	2017	2018
Зерно	102,5	153,8	149,1	160,0	170,6	147,2
Мясо	67,0	82,8	88,7	90,6	93,5	95,7
Молоко	88,3	78,1	79,9	80,7	82,3	83,9
Яйца	97,5	97,6	98,2	98,6	98,9	98,8
Картофель	99,6	98,0	102,1	93,2	91,1	95,3
Овощи и бахчевые культуры	85,6	84,1	86,8	87,4	87,6	87,2
Фрукты и ягоды	55,7	32,5	32,5	36,5	33,1	38,8

Страна входит в тройку крупнейших на планете производителей пшеницы, ячменя, овса, гречихи, сахарной свеклы и подсолнечника, является четвертым производителем картофеля, ржи, мяса, крупнейшим экспортером пшеницы (табл. 2)⁵. Девальвация рубля усилила конкурентоспособность российских товаров на мировых рынках, а политика импортозамещения позволила значительно нарастить объемы производства.

Отечественное сельское хозяйство становится важным источником пополнения бюджета страны. И, несмотря на то, что Россия все еще остается чистым нетто-импортером продовольствия, ее экспортные возможности за последнее время значительно возросли. В структуре российского экспорта доля продовольствия и сельскохозяйственного сырья в 2018 г. составила 5,5 %: пока не так много, но в 5 раз больше, чем в 2005 г. (рис. 1)⁶. Около 6 % доходов от экспорта страны формируются в сельском хозяйстве [8].

¹ DataBank. World Development Indicators // The World Bank. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 12.09.2020).

² Там же.

³ Сельское хозяйство в России. 2019. М.: Росстат, 2019. С. 20.

⁴ Сравнительный анализ операционной эффективности сельскохозяйственной отрасли России. ПрайсвогтерхаусКуперс Консультирование, 2019. С. 4.

⁵ Сельскохозяйственные культуры // ФАО. Режим доступа: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/QC> (дата обращения: 11.03.2020); Живые животные // ФАО. Режим доступа: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/QA> (дата обращения: 11.03.2020); Основные продукты животноводства // ФАО. Режим доступа: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/QL> (дата обращения: 11.03.2020).

⁶ Российский статистический ежегодник. 2019. М.: Росстат, 2019. С. 596.

Табл. 2. Позиции России на мировом аграрном рынке в 2018 г.

Tab. 2. Russia's position in the global agricultural market (2018)

Место	Производимая продукция	Экспортируемая продукция
1	ячмень, овес, смородина, малина, сахарная свекла	пшеница, гречиха
2	гречиха, крыжовник, подсолнечник	рожь, семена горчицы
3	пшеница, семена конопли, семена льна, семена горчицы	ячмень, семена льна
4	капуста, морковь, репа, горох, огурцы, льняное волокно, картофель, тыквы, кабачки, рожь, мясо, мясо птицы	–
5	зерно, конина	зерно, горох
6	поголовье уток	кукуруза
7	тритикале, арбузы, поголовье гусей и цесарок, поголовье свиней, поголовье кроликов, яйца, шкуры крупного рогатого скота (КРС), говядина, свинина, шерсть, молоко	овес, льняное волокно
8	яблоки, чечевица, клубника, мед	чечевица
9	чеснок, лук репчатый, соя, поголовье кур, поголовье лошадей, крольчатина	soя, рапс, баранина
10	рапс, овощи, поголовье индеек, баранина	–

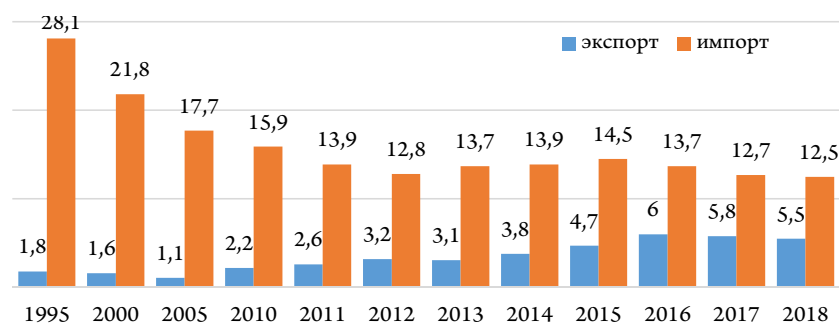

Рис. 1. Доля продовольствия и сельскохозяйственного сырья в товарной структуре внешней торговли России, %
Fig. 1. Share of food and agricultural raw materials in the commodity structure of Russia's foreign trade, %

«Выздоровлению» отечественного сельхозпроизводства способствовали и огромные инвестиции, направленные в отрасль, в том числе со стороны государства, и рост эффективности производства, и оживление внутреннего спроса, и продовольственное эмбарго на поставку продукции из стран Запада. Но, пожалуй, одними из главных факторов хозяйственных успехов отрасли, как отмечают многие эксперты, стали девальвация рубля в условиях кризисных явлений в российской экономике последних лет и политика импортозамещения [9–11].

Ослабление курса российской валюты привело к удорожанию аграрного импорта и способствовало импортозамещению на внутреннем рынке [12]. Этот же фактор предопределил удешевление российского продовольствия на мировом рынке, стимулируя рост объемов экспорта и инвестиционную привлекательность отрасли внутри страны. Если в 2000 г. страна покупала продуктов практически столько же, сколько производила сама, а размеры импорта превышали экспорт в 4,5 раза, то в 2018 г.

Россия ввезла аграрной продукции лишь в 1,2 раза больше, чем отправила на внешние рынки. Размеры отечественного сельскохозяйственного импорта и экспорта сегодня практически сравнялись (табл. 3)⁷. И если в 2000 г. наша страна не входила даже в число 20 ведущих экспортеров сельскохозяйственной продукции, то в 2016 г. она заняла 16 позицию, обеспечив 1,1 % глобального экспорта (табл. 4)⁸.

Безусловно, абсолютные объемы продовольственного импорта в Россию еще значительны. Это является проявлением хронического отставания сельскохозяйственной сферы страны [13]. И все же доля импорта на отечественных прилавках сокращается – Россия снова учится кормить себя самостоятельно (рис. 2)⁹. Наибольших успехов российским аграриям удалось добиться в производстве мяса птицы и свинины, зерновых, масличных культур, сахарной свеклы. Даже рисом сегодня Россия практически полностью обеспечивает себя сама, а часть продукции экспортирует.

⁷ Там же.

⁸ Состояние рынков сельскохозяйственной продукции. Торговля сельскохозяйственной продукцией, изменение климата и продовольственная безопасность. Рим: ФАО, 2018. С. 5–6.

⁹ Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах // ЕМИСС. Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/37191> (дата обращения: 13.01.2021).

Табл. 3. Аграрная продукция России на внешнем рынке, млрд долларов

Tab. 3. Foreign trade of Russia in agricultural products, USD billion

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Экспорт	1623	4492	8755	16209	17075	20728	24921
Импорт	7384	17430	36398	26584	25072	28925	29736
Сальдо	-5761	-12938	-27643	-10375	-7997	-8224	-4815

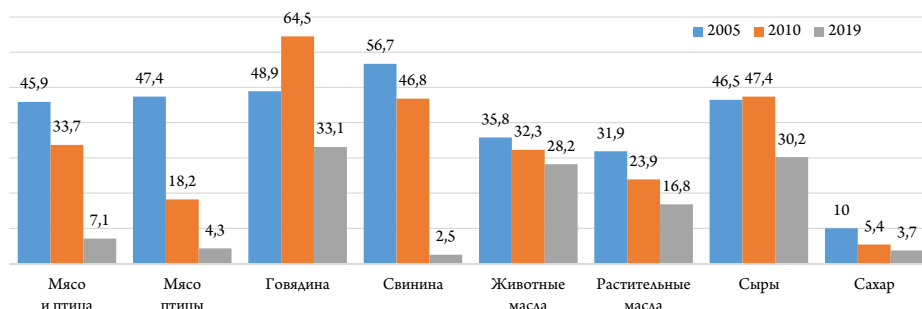

Рис. 2. Доля импорта отдельных пищевых продуктов в их товарных ресурсах, %
Fig. 2. Share of imports of individual food products in their commodity resources, %

Ключевым драйвером развития сельского хозяйства России в долгосрочной перспективе является переход от импортозамещения к экспортной ориентированности производства. Россия стала одним из ведущих в мире экспортеров зерна. В наибольших масштабах страна вывозит пшеницу, ячмень и кукурузу. Наиболее конкурентоспособные виды отечественной мясной продукции – птица и свиные субпродукты. Очень востребованы на мировых рынках масляные культуры из России [6].

Огромные инвестиции, направляющиеся в отрасль как со стороны государства, так и со стороны частных инвесторов, обеспечивают гигантские масштабы сельскохозяйственного строительства. Ввод в действие производственных мощностей за последние двадцать лет вырос в десятки раз (табл. 5)¹⁰.

В России по мере трансформации аграрного производства менялась и его структура. За последние три десятилетия доля животноводческой отрасли в структуре производства сельскохозяйственной продукции опускалась с 63,3 % в 1990 г. до критических 46,8 % в 2000 г. и снова выросла до уровня 54,9 % в 2010 г. В другие годы соотношение животноводства и растениеводства в структуре производства сельскохозяйственной продукции России выглядело следующим образом: 46,9 % и 53,1 % (1995), 51,5 % и 48,5 % (2005), 50,7 % и 49,3 % (2014), 48,1 % и 51,9 % (2015), 47 % и 53 % (2016), 49,1 % и 50,9 % (2017), 48,5 % и 51,5 % (2018) соответственно¹¹. Сегодня в нашей стране сохраняется незначительный устойчивый перевес растениеводства. Теперь это ведущая отрасль сельского хозяйства страны.

Табл. 4. Основные экспортеры и импортеры сельскохозяйственной продукции (доля в общем объеме), %

Tab. 4. Main exporters and importers of agricultural products (share in total volume), %

Ранг	Экспортер	Доля	Импортер	Доля
1	Европейский союз	41,1	Европейский союз	39,1
2	США	11,0	США	10,1
3	Бразилия	5,7	Китай	8,2
4	Китай	4,2	Япония	4,2
5	Канада	3,4	Канада	2,7
6	Аргентина	2,8	Мексика	2,0
7	Австралия	2,5	Гонконг (КНР)	1,9
8	Индонезия	2,4	Индия	1,9
9	Мексика	2,3	Республика Корея	1,9
10	Индия	2,2	Россия	1,9
11	Таиланд	2,0	Индонезия	1,4
12	Малайзия	1,8	Вьетнам	1,3
13	Новая Зеландия	1,6	ОАЭ	1,2
14	Вьетнам	1,3	Малайзия	1,1
15	Турция	1,3	Австралия	1,0
16	Россия	1,1	Турция	1,0
17	Чили	0,9	Швейцария	0,9
18	Сингапур	0,8	Сингапур	0,9
19	Швейцария	0,7	Таиланд	0,9
20	ЮАР	0,7	Саудовская Аравия	0,9

¹⁰ Сельское хозяйство в России ... С. 31.

¹¹ Российский статистический ежегодник. 2019 ... С. 408, 423, 424.

В условиях нынешней российской экономической действительности производство растениеводческой продукции более рентабельно, она пользуется большим спросом у перерабатывающих предприятий, затраты на производство невысоки. Относительно быстрая оборачиваемость фондов также повышает экономическую отдачу отрасли. Именно растениеводство стало драйвером развития отечественного сельского хозяйства сегодня (табл. 6)¹².

Наибольший рост посевных площадей и расширение производства характерны для культур с высокой доходностью – зерновых и технических (подсолнечника, сахарной свеклы и др.). Они характеризуются повышенной инвестиционной привлекательностью. На эту продукцию сохраняется устойчивый спрос со стороны пищевой промышленности, растет спрос на масло, жмыхи, белковые концентраты как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Размер посевных площадей в стране в 2018 г. составил 79,6 млн га. Анализ динамики показателей последних лет позволяет сделать вывод, что сокращение обрабатываемых земель, наблюдавшееся весь постсоветский период развития, остановилось, посевные площади стабилизировались. Наблюдается даже робкая тенденция к их росту. Однако и сокращение площади посевов на 22 % за 2000–2018 гг. не следует воспринимать трагически, как бы это ни было болезненно. Здесь Россия не уникальна: многие сельхозугодья за последние десятилетия были выведены из оборота и в США, и в Европе по мере роста производительности труда в сельском хозяйстве [14; 15].

Вместе с восстановлением размеров посевной площади с середины 2000-х гг. растет и эффективность производства в растениеводстве. Внедрение передовых технологий существенно повысило урожайность большинства выращиваемых в нашей стране культур (табл. 7)¹³.

Позитивный перелом в животноводческой отрасли обозначился в основном за счет роста поголовья птицы и свиней и производства мяса птицы и свинины. Производство говядины и молока продолжает снижаться, хотя и менее быстрыми темпами, чем раньше (табл. 6). Как и в растениеводстве, в производстве животноводческой продукции отмечается значительный рост эффективности. Инвестиционная привлекательность животноводства главным образом в отраслях с меньшей капиталоемкостью и быстрым оборотом средств (птицеводство, свиноводство) позволила внедрить новые образцы техники и технологий, что не могло не сказаться на общей продуктивности скота и птицы (табл. 8)¹⁴.

Отмечается положительная динамика финансово-экономических показателей деятельности отрасли.

За 2000–2018 гг. почти в 2 раза снизилась доля убыточных предприятий, а рентабельность выросла более чем в 2 раза. Основные финансовые показатели в сельском хозяйстве значительно выше средних показателей по стране, в том числе средняя рентабельность сельскохозяйственной продукции выше, чем рентабельность по экономике в целом (15,4 % против 10,7 % соответственно) [8].

Распределение аграрной продукции по категориям хозяйств (сельскохозяйственные организации, хозяйства населения и фермерские хозяйства) является важным индикатором зрелости аграрного рынка страны. В современном хозяйстве более успешны и конкурентоспособны крупные производители, именно они производят большую часть сельскохозяйственной продукции в ведущих странах мира [16; 17].

В нашей стране в эпоху рыночных преобразований государство фактически переложило бремя обеспечения продуктами питания на плечи самого населения. В 2000 г. на своих личных подсобных участках россияне производили почти половину сельскохозяйственной продукции страны (51,6 %), в 2018 г. – 31 %. По мере преодоления кризисных явлений ситуация планомерно стремится в русло естественного развития. Рост удельного веса сельскохозяйственных организаций (с 45,2 % в 2000 г. до 56,5 % в 2018 г.) и крестьянских (фермерских) хозяйств (с 3,2 % в 2000 г. до 12,5 % в 2018 г.) в стоимости валовой продукции сельского хозяйства экономически оправдан ростом производительности¹⁵. Доля фермерских хозяйств за последние двадцать лет увеличилась в 6 раз. При этом хозяйства населения по-прежнему остаются главными производителями продукции низкой рентабельности – картофеля, овощей, шерсти [18].

Россия остается одной из немногих стран мира, где существует значительный потенциал наращивания объемов аграрного производства. Страна обладает огромными резервами земельных угодий (3 место в мире по площади пашни после США и Индии). Имеется ощутимый задел для интенсификации сельского хозяйства. Уровень интенсификации отечественного производства существенно ниже, чем в ведущих аграрных странах (США, государствах Европейского союза, Канаде). Средние значения ключевых показателей производительности в 1,5–3,5 раза ниже, чем у развитых стран (табл. 9)¹⁶.

Несмотря на то, что благодаря различным национальным проектам и программам размер основных фондов в сельском хозяйстве ощутимо прирастает, а степень их износа одна из самых низких среди отраслей национальной экономики, фондовооруженность труда отечественных

¹² Там же. С. 417; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011. М.: Росстат, 2011. С. 78, 91, 96.

¹³ Российский статистический ежегодник. 2019... С. 419; Российский статистический ежегодник. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 458.

¹⁴ Российский статистический ежегодник. 2019... С. 425; Российский статистический ежегодник. 2007... С. 472.

¹⁵ Российский статистический ежегодник. 2019... С. 408.

¹⁶ Россия и страны мира. 2018. М.: Росстат, 2018. С. 249, 250; Российский статистический ежегодник. 2019... С. 668, 669, 672–675.

Табл. 5. Ввод в действие производственных мощностей сельского хозяйства в России

Tab. 5. Commissioning of agricultural production facilities in Russia

Материально-техническая база	2000	2015	2017	2018
Хранилища для картофеля, овощей и фруктов, тыс. т хранения	26,8	182,5	341,6	180,9
Элеваторы, тыс. т хранения	43,1	301	295,8	203
Птицефабрики яичного направления, тыс. кур	36	248	845	1546,1
Животноводческие помещения для овец, тыс. мест	9,6	9,8	19,2	46,3
Животноводческие помещения для свиней, тыс. мест	30,2	877,3	1335,2	567,9
Животноводческие помещения для КРС, тыс. мест	102,8	102,6	275,1	145,4

Табл. 7. Урожайность отдельных сельскохозяйственных культур в России, ц/га

Tab. 7. Yield of individual agricultural crops in Russia, c/ha

Культура	2001	2011–2015	2018
Зерновые	19,4	22,1	25,4
Пшеница озимая	29,1	30,1	35,2
Пшеница яровая	15,7	14,5	16,8
Рожь озимая	18,8	17,6	20,1
Кукуруза на зерно	18,0	45,8	48,1
Рис	34,9	52,9	57,6
Масличные	7,9	12,5	14,7
Подсолнечник	7,8	13,3	16,0
Соя	9,4	12,8	14,7
Томаты	–	212,0	300,0
Картофель	109	150	170
Овощи	155	215	243

Табл. 6. Динамика производства основных видов сельскохозяйственной продукции в России

Tab. 6. Production dynamics of the main agricultural products in Russia

Продукция	2000	2018	Отношение объемов 2018 г. к 2000 г., %
Зерно, млн т	65,4	113,3	173,2
Пшеница, млн т	34,5	72,1	209,0
Кукуруза на зерно, млн т	1,5	11,4	760,0
Гречиха, тыс. т	997	932	93,5
Рис, тыс. т	584	1038	177,7
Льноволокно, тыс. т	58	37	63,8
Сахарная свекла, млн т	14,1	42,1	298,6
Семена масличных культур, млн т	4,5	19,5	433,3
Картофель, млн т	29,5	22,4	75,9
Овощи, млн т	10,8	13,7	126,9
Плоды и ягоды, тыс. т	2690	3337	124,1
Виноград, тыс. т	279	628	225,1
Скот и птица на убой, тыс. т	4,4	10,6	240,1
КРС в убойном весе, тыс. т	1898	1608	84,7
Свиньи в убойном весе, тыс. т	1578	3744	237,3
Овцы и козы в убойном весе, тыс. т	140	224	160,0
Птица в убойном весе, тыс. т	768	4980	648,4
Молоко, млн т	32,3	30,6	94,7
Яйца, млрд шт.	35,2	44,9	127,6
Шерсть, тыс. т	40	55	137,5
Поголовье КРС, млн голов	27,5	18,2	66,2
Поголовье свиней, млн голов	15,8	23,7	150,0
Поголовье овец и коз, млн голов	15,0	23,1	154,0
Поголовье птицы, млн голов	341	541	158,7

Табл. 8. Продуктивность скота и птицы в сельском хозяйстве России в хозяйствах всех категорий

Tab. 8. Productivity of livestock and poultry in agriculture of the Russia in farms of all categories

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Надой молока на одну корову, кг	2731	2153	2502	3176	3776	4134	4492
Средняя годовая яйценоскость кур-несушек в сельскохозяйственных организациях, шт.	236	212	264	301	307	310	305
Продукция выращивания скота (приплод, прирост, привес) в расчете на одну голову, кг	КРС	121	93	114	127	144	152
	Свиньи	118	99	113	154	179	208

аграриев все еще ощутимо ниже, чем у их западных коллег (табл. 10)¹⁷. Производителям по-прежнему не хватает новой техники как количественно, так и качественно. Доля изношенных основных фондов несколько лет практически остается неизменной (порядка 42 %). Некоторые отрасли сельскохозяйственного машиностроения в России за последние десятилетия практически исчезли, как, например, специализированное машиностроение для животноводства и кормопроизводства [19].

Недостаток средств у отечественных сельхозпроизводителей заставляет их отказываться от ряда технологических операций, обеспечивающих рациональный севооборот. В результате значительная часть урожая теряется ввиду распространения болезней и вредителей сельскохозяйственных культур. По сравнению с европейскими странами, в России на гектар пашни вносится в 4–5 раз меньше минеральных удобрений [20].

Ограничивают развитие аграрного производства острый недостаток транспортной и производственной инфраструктуры: несмотря на значительные масштабы строительства, ощущается значительный дефицит современных холодильников и убойных мощностей, картофеле- и овощехранилищ. Это не только приводит к потерям продукции, заставляет компенсировать ее недостаток импортом, но и вынуждает хозяйства реализовывать всю продукцию сразу в конце сезона, что сбивает цену и делает производство менее эффективным.

С ростом объемов производства зерна в России все больше обостряется проблема недостаточности мощностей элеваторов и зернохранилищ. В 2016 г. впервые в новейшей истории страны урожай зерна превзошел мощности для его хранения. В удовлетворительном состоянии находятся только 40 % элеваторов, что сказывается на качестве и потерях зерна, достигающих 3–5 %. При ухудшении качества зерно превращается из продовольственного в фуражное и теряет в цене. Строить собственные элеваторы крестьянские хозяйства не решаются ввиду очень длительного срока окупаемости (15–20 лет) [21].

По уровню научно-технического прогресса, передовых технологий, интенсивности ведения производства в сельском хозяйстве, уровню затрат труда на единицу продукции и ее себестоимости наша страна существенно отстает от передовых государств. Так, валовые сборы зерновых культур в нашей стране при текущей организации сельскохозяйственных хозяйств на 80 % определяются природно-климатическими факторами. В практикующейся в США, Канаде, Австралии, Бразилии и Аргентине технологии ресурсосберегающего земледелия воздействие климата и погоды на эффективность земледелия сведено к 20 %, а оставшиеся 80 % составляют технологии и управление в аграрном производстве. Недостаток современной техники

и современных аграрных технологий приводит к значительным потерям и недобору урожая в России. Количество продукции в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве в России в 6 раз ниже, чем, например, в Канаде, которая является лидером по производству добавленной стоимости на одного работника в аграрном секторе (99,7 тыс. долларов в 2018 г.). Рейтинг стран по данному показателю в 2018 г. таков: Нидерланды – 88,1 тыс. долларов, Австралия – 72,8, Финляндия – 70,9, Франция – 65,7, Германия – 49,2, Италия – 43,9, Швейцария – 29,7, Венгрия – 24,5, Республика Корея – 19,9, Турция – 16,8, Россия – 16,5, Бразилия – 13,8, Беларусь – 11,3, ЮАР – 11,1, Мексика – 6,1, Китай – 4,2¹⁸.

Существенным тормозом в вопросах внедрения научно-технического прогресса в отечественной аграрной отрасли является и дефицит кадров высокой квалификации (особенно в системе профессионального менеджмента), что является прямым следствием низкого уровня оплаты труда (в 2014 г. она составляла 53 % по отношению к среднероссийскому уровню, в 2018 г. – 59 %) и уровня развития инфраструктуры в сельской местности, характеризующегося бездорожьем, неблагоустроенностью жилья, слабой обеспеченностью системами связи, школами, больницами, проблемами водоснабжения [8; 22].

Достаточно бедственным остается положение отечественного скотоводства. Выращивание КРС и производство говядины – наиболее отстающий и сложный сегмент отечественного животноводства. Здесь главным барьером развития выступает географическая среда. В условиях России большую часть года КРС невозможно выпасать на естественных пастбищах, что требует заготовки кормов, создания инфраструктуры их хранения. Длительное содержание животных не на открытых выпасах, а в боксах или стойлах снижает иммунитет скота, требует дополнительных расходов на оплату ветеринарных услуг, лекарств, вакцин. Срок оборачиваемости капитала в молочном скотоводстве самый длинный. Значительное количество сельхозпроизводителей не хотят иметь дело со столь затратной и хлопотной отраслью. В 2018 г. в России было выпущено говядины в 2,3 раза меньше, чем мяса птицы, поэтому добиться самообеспеченности по производству молока и говядины стране не удастся [23].

Обеспечить страну говядиной сложно еще и по той причине, что все еще отсутствует большое поголовье мясного скота. Со времен СССР поголовье КРС в нашей стране было практически полностью представлено коровами, а доля мясных бычков даже в лучшие годы не поднималась выше 5 %. Как следствие, сокращение поголовья молочных коров приводило к снижению производства говядины.

¹⁷ Россия и страны мира... С. 207, 208, 253, 254.

¹⁸ DataBank. World Development Indicators...

Табл. 9. Производительность сельского хозяйства по странам в 2017 г.

Tab. 9. Agricultural productivity in various countries (2017)

Страна	Объем продукции
<i>Урожайность зерновых и зернобобовых культур, ц/га</i>	
Нидерланды	87,3
США	80,5
Норвегия	44,6
Польша	41,1
Финляндия	39,5
Канада	35,4
Беларусь	33,2
Россия	29,2
<i>Производство зерновых и зернобобовых культур (в весе после доработки) на душу населения, кг</i>	
Австралия	2202
Украина	1657
США	1360
Франция	1006
Польша	857
Россия	771
Беларусь	649
Германия	559
<i>Урожайность картофеля, ц/га</i>	
США	482
Нидерланды	460
Финляндия	289
Польша	279
Норвегия	270
Беларусь	232
Россия	163
Канада	129
<i>Урожайность сахарной свеклы, ц/га</i>	
Нидерланды	778
США	711
Польша	679
Канада	668
Швеция	634
Беларусь	500
Россия	442
Финляндия	365

Страна	Объем продукции
<i>Производство скота и птицы на убой (в убойном весе) на душу населения, кг</i>	
Австралия	181
США	140
Польша	131
Беларусь	129
Германия	100
Франция	85,4
Россия	72
Украина	56
<i>Надой молока на одну корову, кг/год (2016)</i>	
США	10330
Финляндия	8497
Нидерланды	7985
Канада	7237
Норвегия	7111
Польша	6172
Беларусь	4739
Россия	4218

Табл. 10. Обеспеченность парком сельскохозяйственной техники по странам в 2015 г., шт. на 1000 га пашни

Tab. 10. Availability of agricultural machinery in various countries (units per 1,000 ha of arable land, 2015)

Страна	Тракторы	Зерноуборочные комбайны
Австралия	6,6	1,2
Беларусь	7,7	1,8
Германия	65,7	5,3
Канада	15,6	2,1
Нидерланды	131,9	5,8
Польша	131,2	13,9
Россия	1,9	0,5
Финляндия	66,3	12,2
Франция	58,0	3,2
США	27,1	2,2
Япония	456,6	32,3

Ситуация стала стабилизироваться только в последние несколько лет, когда в стране молоко и мясо были разделены, начало формироваться мясное поголовье. В 2017 г. доля специализированного мясного и помесного скота составила немногим менее 20 % общего поголовья. Рентабельность мясного скотоводства намного выше, здесь быстрее оборачивается капитал, нет трудоемких и дорогих технологических операций (например, дойки). Однако, например, в США или Канаде доля в поголовье мясного и помесного скота составляет 70–75 %, в Австралии – 85 %, в государствах Европейского союза – 40–50 % [23; 24].

В условиях хронического научно-технического отставания аграрной отрасли России главным риском развития является зависимость от импортного сырья и технологий. Долгие годы генетическим улучшением сортов культурных растений и пород домашних животных в нашей стране не занимались. Зарубежные генетики же целенаправленно создавали высокопродуктивные сельскохозяйственные культуры и породы животных.

За рубежом приходится покупать не только скот и птицу высокопроизводительных пород, но и технологии выращивания, рассчитанные на их особенности. Наиболее сложно идет процесс импортозамещения на рынке семян (сахарной свеклы, элитных семян овощей, кукурузы, подсолнечника, картофеля) и чистопородного племенного скота. Используемые отечественные семена имеют низкую производительность, а следовательно, и урожайность. В 2019 г. семенами отечественной селекции Россия была обеспечена на 63 %¹⁹, но по отдельным культурам импортная зависимость почти полная (сахарная свекла – 0,6 %, картофель – 9,7 %, подсолнечник – 26,5 %, рапс яровой – 31,7 %, соя – 41,8 %, овощные культуры – 43 %, кукуруза – 45,8 %)²⁰. Наиболее высокие показатели обеспеченности отечественными семенами у озимой (90,5 %) и яровой (82,2 %) пшеницы, ячменя ярового (63,1 %)²¹. Последние двадцать лет были фактически потеряны отечественной селекцией с точки зрения развития существующих и организации новых форм селекционной деятельности [25].

Животным необходимы качественные корма. До 80 % ферментов, аминокислот, микроэлементов, витаминов ввозится в РФ из-за рубежа. В себестоимости мяса корма составляют около 2/3²². Некондиционными признаются свыше 50 % всех заготавливаемых в стране кормов. Около 40 % сенокосов и 50 % пастбищ требуют проведения специальных агротехнических мероприятий (осушения, известкования и т. п.) и по этой причине не пригодны

для использования. В конечном итоге при потенциально возможной доле лугопастбищных кормов в балансе кормовых ресурсов КРС в 30–35 %, этот уровень составляет лишь 12–15 % [19].

На основе исследования современного состояния сельского хозяйства России был составлен комплексный анализ его конкурентных возможностей по методу SWOT-анализа (табл. 11) [3; 8; 19; 20; 26; 27]. Российское сельское хозяйство еще обладает достаточным количеством проблем развития, но среди них нет нерешаемых задач.

Заключение

Российское сельское хозяйство стало современной динамичной отраслью национальной экономики. Несмотря на снижение доли отрасли в базовых макроэкономических показателях, масштабы производства продукции продолжают увеличиваться. Сельское хозяйство в условиях развитой рыночной экономики не выступает ведущей отраслью хозяйства, но сохраняет за собой базовую функцию, оставаясь стратегически важным звеном национальной экономики, обеспечивая сырьем огромное количество смежных отраслей и качество жизни населения страны.

В отечественном сельском хозяйстве кризис перехода к рынку в целом преодолен и в последние годы наблюдается достаточно стабильный рост всех основных экономических и финансовых показателей. Все важнейшие сегменты рынка, за исключением молочного скотоводства и льноводства, показывают положительную динамику. Российское растениеводство оказалось гораздо более конкурентоспособным и смогло быстрее адаптироваться к новым условиям за счет более высокой рентабельности. Рост объемов производства, повышение рентабельности, двукратное снижение доли убыточных предприятий, уменьшение доли индивидуальных хозяйств в структуре сельхозпроизводства – все это указывает на процесс восстановления сельского хозяйства [28]. Несмотря на сокращение аграрного импорта в разы, можно говорить о значительном квазиимпорте: подавляющая часть оборудования, технологий, генетического материала являются импортными. Выделяемых государством субсидий на развитие отрасли, недостаточно. Необходима большая поддержка аграрной науки, агротехнологий и отечественной сельскохозяйственной генетики и селекции.

¹⁹ Бикчурина Э. Уход от семенной зависимости: каковы перспективы импортозамещения в российском семеноводстве // Агроинвестор. 01.02.2017. Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/25823-ukhod-ot-semennoj-zavisimosti/> (дата обращения: 17.04.2020).

²⁰ Южанинова Л. Доктрина продовольственной безопасности: новая версия // АгроXXI. 07.02.2020. Режим доступа: <https://www.agroxxi.ru/gazeta-zaschita-rastenii/zrast/doktrina-prodovolstvennoi-bezopasnosti-novaja-versija.html> (дата обращения: 04.04.2020).

²¹ Там же.

²² Аракелян Е. Отвраточная сборка мяса: Что мешает России кормить себя самой // Комсомольская правда. 04.06.2019. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26984/4044715/> (дата обращения: 24.04.2020).

Табл. 11. SWOT-анализ сельского хозяйства России

Tab. 11. SWOT analysis of Russian agriculture

Сильные стороны	Слабые стороны
1) наличие крупнейших в мире ресурсов пахотных земель, водных ресурсов; 2) обеспеченность страны собственным продовольствием и рост экспортного потенциала аграрного рынка; 3) потенциальный рост урожайности и продуктивности за счет внедрения прогрессивных технологий; 4) значительный потенциал роста агропродовольственного рынка России; 5) научно-исследовательский потенциал	1) технико-технологические риски (недостаточная обеспеченность новой техникой, минеральными удобрениями и т. п.); 2) зависимость от импорта генетического материала (семян, продуктивных пород животных и культур растений); 3) необходимость государственной поддержки; 4) значительная волатильность производства и урожайности сельскохозяйственных культур; 5) хронический дефицит квалифицированных кадров; 6) дефицит транспортной и логистической инфраструктуры; 7) проблемы управления землями сельхозназначения и защиты права собственности; 8) недостаточное развитие системы страхования рисков в сельском хозяйстве
Возможности	Угрозы
1) рост мирового населения с 7 до 9 млрд человек в ближайшие 50 лет, влекущий повышение спроса на продовольствие; 2) рост напряженности глобального продовольственного баланса; 3) географическая близость важнейших рынков сбыта аграрной продукции с быстрорастущим населением; 4) низкие экспортные цены и рост доходности экспорта на фоне девальвации рубля; 5) продовольственное эмбарго на поставку аграрной продукции из стран Запада и государственная политика импортозамещения; 6) повышение инвестиционной привлекательности отрасли; 7) реализация мероприятий в рамках утвержденных государственных программ	1) природно-климатические риски; 2) макроэкономические риски (удорожание материально-технических ресурсов, риски недофинансирования); 3) внешнеторговые риски (ограничения на экспорт, колебания цен); 4) политические риски (эмбарго, протекционизм); 5) эпидемии различных заболеваний сельскохозяйственных растений и животных

Литература

1. Долгов Н. И. Насколько важную роль играет сельское хозяйство в современной мировой экономике // Инновационная экономика: мат-лы I Междунар. науч. конф. (Казань, 20–23 октября 2014 г.) Казань, 2014. С. 44–47.
2. Гайдук В. И., Кондрашова А. В., Паремузова М. Г. Продовольственная безопасность Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5, Экономика. 2017. № 2. С. 61–71.
3. Плотникова И. А., Орлова Е. Р. Анализ проблем развития сельского хозяйства России: прошлое и настоящее // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 2. С. 64–72.
4. Белостоцкий А. А. Мировой опыт государственного регулирования сельскохозяйственного производства в условиях экономических санкций // Экономические науки. 2014. № 121. С. 93–97.
5. Мировая экономика. Экономика стран и регионов / под ред. В. П. Колесова, М. Н. Осьмовой. М.: Юрайт, 2015. 519 с.
6. Узун В. Я., Фомин А. А., Логинова Д. А. Место России на агропродовольственной карте мира // Международный сельскохозяйственный журнал. 2018. № 1. С. 68–76.
7. Алтухов А. И. Проблемы развития АПК страны и необходимость их ускоренного решения // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 4. С. 2–14.
8. Кабаненко М. Н., Дуброва Л. И. Современное состояние и перспективы развития сельского хозяйства России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 715–728. DOI: 10.18334/epp.10.3.100688
9. Алтухов А. И. Импортозамещение в агропродовольственном комплексе страны: проблемы и пути их решения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 3. С. 2–6.

10. Неелов Ю. В. Перспективы импортозамещения в Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2014. № 27. С. 4–6.
11. Шеленок А. В. Импортозамещение как условие развития отечественного сельского хозяйства // Островские чтения. 2016. № 1. С. 181–187.
12. Камилов М. К., Камилова П. Д., Камилова З. М., Эминова Э. М. Влияние санкционной политики зарубежных стран на агропромышленный комплекс России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 9. С. 57–67. DOI: 10.26726/1812-7096-2018-9-57-67
13. Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Издательство Р. Асланова; Юридический центр Пресс, 2006. 844 с.
14. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство, 2003. 405 с.
15. Нефедова Т. Г. Сжатие и поляризация сельского пространства России // Демоскоп Weekly. 2012. № 507-508. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/analit01.php> (дата обращения: 06.01.2021).
16. Кабаненко М. Н. Развитие форм хозяйствования в современной аграрной экономике // Перспективы пространственного развития АПК и сельских территорий: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 29 марта 2019 г.) Воронеж, 2019. С. 62–67.
17. Россия: социально-экономическая география / под ред. А. И. Алексеева, В. А. Колосова. М.: Новый хронограф, 2013. 707 с.
18. Шагайда Н. И., Узун В. Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России. М.: Дело, 2019. 96 с.
19. Морозов Н. М., Рассказов А. Н. Анализ развития животноводства в России // Вестник ВНИИМЖ. 2016. № 2. С. 126–133.
20. Аграрная экономика России: проблемы и векторы развития / науч. ред. А. И. Трубилин. Краснодар: КубГАУ, 2018. 342 с.
21. Артемова Е. И., Плотникова Е. В. Обеспечение конкурентоспособности регионального агропромышленного комплекса в условиях импортозамещения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). 2016. № 119. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/05/pdf/38.pdf> (дата обращения: 06.01.2021).
22. Трубилин А. И., Сидоренко В. В., Михайлушкин П. В. Современные проблемы и приоритеты социального развития села // Международный сельскохозяйственный журнал. 2018. № 5. С. 23–26.
23. Сартакова О. А., Ижмулкина Е. А. Рынок говядины: анализ и оценка инвестиционной привлекательности // Московский экономический журнал. 2019. № 8. С. 163–173. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-18046
24. Раджабов Р. Г., Иванова Н. В. Современное состояние и тенденции развития мясного скотоводства России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). 2017. № 132. DOI: 10.21515/1990-4665-132-083
25. Лобач И. А., Самусь М. В. Возможности государственно-частного партнерства для развития отечественной селекции и семеноводства // Инновационные технологии отечественной селекции и семеноводства: сб. ст. по мат-лам II науч.-практ. конф. (Краснодар, 24–25 октября 2018 г.) Краснодар, 2018. С. 40–47.
26. Маханько Г. В. Проблемы АПК Российской Федерации в условиях экономических санкций и пути их решения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). 2017. № 132. DOI: 10.21515/1990-4665-132-064
27. Цынгугева В. В., Завальнюк Е. Ю., Агеенко А. И., Бессонова Ю. Е. Современное состояние сельского хозяйства России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 5. С. 196–201.
28. Пацала С. В., Горошко Н. В. Сельское хозяйство России в начале XXI века: масштабы, достижения, тенденции развития // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2020. № 11. С. 47–52.

original article

Russian Agriculture: Global Positions, Structural Proportions, and Development Trends

Sergey V. Patsala

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

Nadezhda V. Goroshko

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk
Novosibirsk State Medical University of the Ministry
of Healthcare of the Russian Federation, Russia, Novosibirsk
goroshko1@mail.ru

Received 30 Nov 2020. Accepted 12 Feb 2021.

Abstract: Russians still see national agriculture as a rearguard branch of the economy associated with stagnation and inefficiency. However, the agriculture has undergone significant positive changes over the past decade as a result of large-scale state support programs, import substitution policy, food embargo, depreciation of the ruble, etc. Russian agriculture requires a comprehensive assessment of its current state and position in the global agricultural market. Based on statistical and comparative analyses, the authors assessed the current state of Russian agriculture, as well as showed its place in the national economy and the country's position on the global agricultural market. The research revealed the vector of these changes in 2000–2018 and the main problems of the agricultural development at the present stage. A SWOT analysis shows that Russia has overcome the crisis in the transition to the market economy; the main economic and financial indicators are getting better, together with the most important production segments. Russian agriculture improves as production volumes keep growing and profitability is increasing. The number of unprofitable enterprises has been reduced by half, and the share of individual farms has fallen.

Keywords: Russian economy, agro-industrial complex, food security, efficiency of agricultural production, import substitution, Russia in the global agricultural market

Citation: Patsala S. V., Goroshko N. V. Russian Agriculture: Global Positions, Structural Proportions, and Development Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 96–108. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-96-108>

References

1. Dolgov N. I. How important is the role of agriculture in the modern world economy. *Innovative economy: Proc. I Intern. Sci. Conf.*, Kazan, 20–23 Oct, 2014. Kazan, 2014, 44–47. (In Russ.)
2. Gaiduk V. I., Kondrashova A. V., Paremuzova M. G. Food security of the Russian Federation: state, trends, problems. *Bulletin of the Adyge State University. Ser. 5, Economy*, 2017, (2): 61–71. (In Russ.)
3. Plotnikova I. A., Orlova E. R. Analysis of problems of development of agriculture of Russia: past and present. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*, 2015, (2): 64–72. (In Russ.)
4. Belostotskiy A. A. World experience of state regulation agricultural production in the economic sanctions. *Ekonomicheskie nauki*, 2014, (121): 93–97. (In Russ.)
5. *The world economy. Economics of countries and regions*, eds. Kolesov V. P., Osmova M. N. Moscow: Iurait, 2015, 519. (In Russ.)
6. Uzun V. Ya., Fomin A. A., Loginova D. A. Position of Russia on the world agro-food map. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal*, 2018, (1): 68–76. (In Russ.)
7. Altukhov A. I. Problems of development of agrarian and industrial complex of the country and need of their accelerated decision. *Ekonomika selskogo khoziaistva Rossii*, 2018, (4): 2–14. (In Russ.)
8. Kabanenko M. N., Dubrova L. I. Current state and prospects of agricultural development in Russia. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, 10(3): 715–728. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.10.3.100688
9. Altukhov A. I. Import substitution in the country's agri-food complex: problems and solutions. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 2015, (3): 2–6. (In Russ.)
10. Neelov Iu. V. Prospects for import substitution in the Russian Federation. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniia RF*, 2014, (27): 4–6. (In Russ.)
11. Shelenok A. V. Import substitution as a condition for the development of domestic agriculture. *Ostrovskie chteniia*, 2016, (1): 181–187. (In Russ.)

12. Kamilov M. K., Kamilova P. D., Kamilova Z. M., Eminova E. M. The influence of the sanctions policy of foreign countries on the agro-industrial complex of Russia. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2018, (9): 57–67. (In Russ.) DOI: 10.26726/1812-7096-2018-9-57-67
13. Gladkii Iu. N. *Russia in the labyrinths of geographical destiny*. St. Petersburg: Izdatelstvo R. Aslanova; Iuridicheskii tsentr Press, 2006, 844. (In Russ.)
14. Nefedova T. G. *Rural Russia at a crossroads*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2003, 405. (In Russ.)
15. Nefedova T. G. Compression and polarization of rural space in Russia. *Demoskop Weekly*, 2012, (507-508). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/analit01.php> (accessed 6 Jan 2021). (In Russ.)
16. Kabanenko M. N. Development of economic forms in the modern agrarian economy. *Prospects of spatial development of the agro-industrial complex and rural territories*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Voronezh, 29 Mar, 2019, Voronezh, 2019, 62–67. (In Russ.)
17. *Russia: socio-economic geography*, eds. Alekseev A. I., Kolosov V. A. Moscow: Novyi khronograf, 2013, 707. (In Russ.)
18. Shagaida N. I., Uzun V. Ya. *Drivers of growth and structural shifts in agriculture in Russia*. Moscow: Delo, 2019, 96. (In Russ.)
19. Morozov N. M., Rasskazov A. N. Analysis of the development of farming in Russia. *Vestnik VNIMZH*, 2016, (2): 126–133. (In Russ.)
20. *Agrarian economy of Russia: problems and vectors of development*, ed. Trubilin A. I. Krasnodar: KubGAU, 2018, 342. (In Russ.)
21. Artemova E. I., Plotnikova E. V. Ensuring the competitiveness of a regional agriculture complex in the conditions of import substitution. *Politematicheskij setevoj e'lektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyj zhurnal KubGAU)*, 2016, (119). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2016/05/pdf/38.pdf> (accessed 06 Jan 2021). (In Russ.)
22. Trubilin A. I., Sidorenko V. V., Mikhaylushkin P. V. Modern problems and priorities of social development of the village. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal*, 2018, (5): 23–26. (In Russ.)
23. Sartakova O. A., Izhmulkina E. A. Beef market: analysis and evaluation of investment attractiveness. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, 2019, (8): 163–173. (In Russ.) DOI: 10.24411/2413-046X-2019-18046
24. Radjabov R. G., Ivanova N. V. Modern state and tendencies of development of meat cattle breeding of Russia. *Politematicheskij setevoj e'lektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyj zhurnal KubGAU)*, 2017, (132). (In Russ.) DOI: 10.21515/1990-4665-132-083
25. Lobach I. A., Samus M. V. Opportunities of public-private partnership for the development of domestic breeding and seed production. *Innovative technologies of domestic breeding and seed production*: Proc. II Sci.-Prac. Conf., Krasnodar, 24–25 Oct, 2018. Krasnodar, 2018, 40–47. (In Russ.)
26. Makhanko G. V. Problems of agriculture of the Russian Federation in the conditions of economic sanctions and their solutions. *Politematicheskij setevoj e'lektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyj zhurnal KubGAU)*, 2017, (132). (In Russ.) DOI: 10.21515/1990-4665-132-064
27. Tsyngueva V. V., Zavalniuk E. Yu., Ageenko A. I., Bessonova Yu. E. Current status of agriculture Russian. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 2016, (5): 196–201. (In Russ.)
28. Patsala S. V., Goroshko N. V. Russian agriculture at the beginning of the XXI century: scale, achievements, development trends. *Biosfernoe khoziaistvo: teoriia i praktika*, 2020, (11): 47–52. (In Russ.)

обзорная статья
УДК 332.05

Некоторые инструменты альтернативного финансирования малых и средних предприятий: опыт зарубежных стран

Юлия Семеновна Пиньковецкая

Ульяновский государственный университет, Россия, г. Ульяновск

judy54@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8224-9031>

Поступила в редакцию 24.12.2020. Принята в печать 10.02.2021.

Аннотация: Предприниматели играют важную роль в современных национальных экономиках. Вместе с тем многие созданные ими малые и средние предприятия испытывают трудности в привлечении необходимых для функционирования и дальнейшего развития инвестиций. Средств, имеющихся непосредственно у предпринимателей и их родственников, как правило, не хватает для решения задач, особенно в кризисных условиях. В связи с отсутствием значительных основных фондов, кредитных историй, неполнотой раскрываемой в установленной отчетности информации для большинства малых и средних предприятий недоступны банковские кредиты. Как показывает зарубежный опыт, эффективным направлением наращивания финансирования предприятий является использование альтернативных форм и методов получения денежных средств. Рассматривается накопленный за последние годы опыт использования альтернативных инструментов финансирования предпринимательского сектора в зарубежных странах. Такой опыт представляется актуальным для современного этапа развития отечественного предпринимательства. В качестве основных инструментов альтернативного финансирования были выявлены факторинг, финансирование заказов, складские расписки, лизинг, торговый кредит и краудфандинг. Приведены краткие характеристики каждого инструмента, а также достоинства и недостатки, требования к нормативно-правовому обеспечению, виды деятельности, в которых они преимущественно используются. Практическая значимость анализа альтернативных инструментов финансирования заключается в том, что они могут быть использованы при оказании помощи предпринимателям, у которых возникли трудности в финансировании производства и реализации продукции. Результаты могут применяться органами государственного управления для формирования политики улучшения доступа предпринимательских структур к оборотным средствам и инвестициям в России и ее регионах. Материалы представляют интерес для предпринимателей.

Ключевые слова: факторинг, финансирование заказов, складские расписки, лизинг, торговый кредит, краудфандинг

Цитирование: Пиньковецкая Ю. С. Некоторые инструменты альтернативного финансирования малых и средних предприятий: опыт зарубежных стран // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 109–122. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-109-122>

Введение

Малые и средние предприятия (МСП) являются важным сектором экономики большинства современных стран [1–5]¹. Создание предпринимателями новых МСП повышает эффективность экономики, усиливает рыночную конкуренцию, способствует экономическому росту, повышает уровень занятости и создает социальную стабильность [6–10]. В отличие от крупных корпораций, МСП обладают высокой гибкостью, адаптируются к техническим новшествам, способны реагировать на колебания рынка и изменения требований клиентов, а их организационная структура позволяет быстрее принимать решения [11; 12].

Роль предпринимательского сектора возрастает в период экономических кризисов, поскольку такие предприятия, как показывает опыт, способны лучше адаптироваться к изменению рыночных условий [13–15]. На МСП приходится около 93 % нефинансовых компаний в Европе и других развитых странах, в них занято около половины экономически активного населения [16]². В процессе создания и развития этих предприятий необходим доступ к финансированию [17; 18]. Одной из наиболее сложных проблем, тормозящих создание новых МСП, является отсутствие у начинающих предпринимателей достаточных финансовых средств [19–21]. Поэтому актуальной представляется проблема нахождения наиболее

¹ Muller P., Devnani S., Julius J., Gagliardi D., Marzocchi C. Annual report on European SMEs 2015 / 2016. European Union, 2016. 103 p. DOI 10.2873/76227

² Kraemer-Eis H., Lang F., Torfs W., Gvetadze S. European small business. Finance outlook. Luxembourg: European Investment Fund, 2017. 117 p.

эффективных финансовых инструментов, позволяющих в случае необходимости пополнять основной и оборотный капитал МСП [22; 23].

Проведенные ранее научные исследования показывают, что МСП в наибольшей степени полагаются на внутреннее финансирование, т. е. средства учредителей [24–26]. В значительно меньшей степени они используют банковские кредиты [27–29]. Такое положение обусловлено тем, что получение банковских кредитов МСП затруднено. Основными причинами, по которым кредитование МСП оказывается мало востребованным, являются:

- отсутствие у банков достаточной информации о деятельности предприятий из-за трудности получения реальной информации о кредитном качестве заемщиков [30; 31];
- трудности получения (особенно микропредприятиями и индивидуальными предпринимателями) полной информации о соответствующих финансовых программах кредитования [32]³;
- высокий уровень предпринимательского риска [33]⁴.

Осложняется ситуация во время кризисных явлений, когда банковские кредиты МСП почти не предоставляются [34–36].

Учитывая сложности получения банковских кредитов, мы рассматриваем сложившиеся за рубежом к настоящему времени методы небанковского финансирования МСП. С этой целью изучаются принципы и концепции такого финансирования на основании анализа научных исследований и накопленного в национальных экономиках опыта. Зарубежный опыт является актуальным для предпринимательского сектора российской экономики, поскольку исследуемые инструменты финансирования показали свою эффективность в ряде как экономически развитых, так и развивающихся стран. В России они пока

не получили достаточного распространения. Улучшение понимания структуры финансирования МСП может помочь предпринимателям и органам государственного управления, связанным с поддержкой предприятий.

Цель работы – обзор результатов исследований и выявление идей в сфере финансирования МСП, не связанного с использованием денежных средств предпринимателей и банковских кредитов. В процессе исследования были решены следующие задачи:

- проведен анализ научных исследований по проблемам альтернативного финансирования МСП, опубликованных после 2000 г.;
- определены альтернативные, т. е. дополнительные и заместительные, инструменты финансирования МСП в современных национальных экономиках;
- рассмотрены краткие характеристики альтернативных инструментов, их достоинства и недостатки, требования к нормативно-правовому обеспечению, а также виды деятельности, в которых они преимущественно используются;
- изучены научно-технические отчеты ведущих исследовательских центров.

Обзор литературы

Изучению альтернативных методов и инструментов, используемых в процессе финансирования основных и оборотных средств МСП, посвящено значительное количество научных исследований. Краткая характеристика наиболее важных из них по объектам исследования приведена в табл. 1. Анализ исследований позволил сделать вывод, что основными инструментами альтернативного финансирования МСП в современных экономиках являются факторинг, финансирование заказов, складские расписки, лизинг, торговый кредит и краудфандинг.

Табл. 1. Зарубежные научные работы по альтернативным инструментам финансирования МСП

Tab. 1. Foreign publications on alternative instruments of financing small and medium businesses

Автор	Краткий вывод
<i>Факторинг</i>	
Beck T. [37]	факторинг эффективен для микропредприятий, особенно в условиях кризисных явлений
Klapper L. [38]	факторинг может быть единственным источником финансирования для высокорисковых информационно непрозрачных фирм
Milenkovic-Kerkovic T., Dencic-Mihajlov K. [39]	главное достоинство факторинга – повышение конкурентоспособности за счет увеличения ликвидности и улучшения структуры денежных потоков предприятий
Cucu V. [40]	факторинг обеспечивает непрерывность процессов производства и потребления
<i>Финансирование заказов</i>	
Maselli J. [41]	авансирование средств для производства конкретного товара

³ Abraham F., Schmukler S. L. Addressing the SME finance problem // Research & Policy Briefs. 2017. No. 9. 4 p.

⁴ Там же.

Автор	Краткий вывод
USAID ⁵	эффективность частичной предварительной оплаты сельскохозяйственной продукции
Vliet K. van der, Fransoo J. C., Reindorp M. J. ⁶	высокая эффективность соглашений фирм о финансировании цепочек поставок
Wu A. W.-D. [42]	предложена модель ценообразования в условиях финансирования заказов на закупку
<i>Складская расписка</i>	
Hollinger F, Rutten L., Kiriakov K. ⁷	метод особенно интересен для сельских МСП, которые часто не могут обеспечить потребности в финансировании
Andrews R., Munro R., Field M. ⁸	система складских расписок делает продажу и покупку более эффективными: товар может быть продан несколько раз, не покидая склада
Miranda M. J., Mulangu F. M., Kemeze F. H. [43]	расписки позволяют использовать хранящийся на складе товар в качестве залога
<i>Лизинг</i>	
Deloof M., Lagaert I., Verschueren I. [44]	лизинг обеспечивает налоговые преимущества
Oxford Economics ⁹	лизинг предоставляет МСП возможность модернизировать активы и предоставляет доступ к новейшим наиболее эффективным технологиям
Mol-Gomez-Vazquez A., Hernandez-Canovas G., Koeter-Kant J. [45]	лизинг целесообразно использовать для финансово ограниченных МСП
Slotty C. F. ¹⁰	фирмы, не имеющие кредитной истории, чаще используют лизинг
<i>Торговый кредит</i>	
Huyghebaert N., Gucht L. van de, Hulle C. van [46]	начинающие фирмы часто используют торговые кредиты
Wilson N., Summers B. [47]	улучшение коммерческих отношений МСП с поставщиками
Taketa K., Udell G. F. [48]	в кризисных ситуациях торговые кредиты и кредиты финансовых учреждений дополняют друг друга
Ogawa K., Sterken E., Tokutsu I. [49]	система кредитования МСП крупными поставщиками имеет смысл только для платежеспособных клиентов
Casey E., O'Toole C. M. [35]	торговые кредиты повышают возможности приобретения МСП необходимых товаров
<i>Краудфандинг</i>	
Block J. H., Colombo M. G., Cumming D. J., Vismara S. [50]	краудфандинг – метод привлечения средств путем информирования общества о реализуемых проектах
Ahlers G. K. C., Cumming D. J., Gunther C., Schweizer D. [51]	предоставление подробной информации повышает вероятность успеха краудфандинга
Moritz A., Block J. H. [52]	в краудфандинге участвует много индивидуальных доноров капитала
Belleflamme P., Lambert T., Schwiabacher A. [53]	краудфандинг – уникальный способ проверки оригинальных идей, дающий представление о рыночном потенциале предлагаемого продукта
Collins L., Pierrakis Y. ¹¹	доказана эффективность онлайн-платформ для привлечения средств

⁵ FS Series #4: Enabling small- and medium-sized enterprise access to finance. Washington: USAID, 2009. 60 p.

⁶ Vliet K. van der, Reindorp M. J., Fransoo J. C. Supply Chain Finance: a conceptual framework to advance research. Technische Universiteit Eindhoven, 2013. 21 p.

⁷ Hollinger F, Rutten L., Kiriakov K. The use of warehouse receipt finance in agriculture in transition countries. Rome: FAO, 2009. 59 p.

⁸ Andrews R., Munro R., Field M. Building a warehouse receipts program that works for all stakeholders. Washington: USAID, 2007. 7 p.

⁹ The use of leasing amongst European SMEs. Oxford: Oxford Economics, 2015. 92 p.

¹⁰ Slotty C. F. Financial constraints and the decision to lease: evidence from German SME. Frankfurt a. M.: Johann-Wolfgang-Goethe-Universität; Fachbereich, 2009. No. 205. 26 p.

¹¹ Collins L., Pierrakis Y. The venture crowd. Crowdfunding equity investment into business. London: Nesta, 2012. 34 p.

Факторинг

При описании факторинга использовались данные научных работ, посвященных общим проблемам, связанным с его использованием [54–57]. Факторинг представляет собой инструмент для краткосрочного финансирования поставщика. Поставщик получает денежные средства от специализированной организации в обмен на свою дебиторскую задолженность, которая возникла в результате реализации товаров или оказания услуг клиентам. Другими словами, указанная специализированная организация покупает право собирать задолженность перед поставщиком, выплачивая ему номинальную стоимость задолженности за вычетом скидки. Затем специализированная организация собирает задолженность клиентов перед поставщиком. После завершения сбора задолженности производится окончательный расчет с поставщиком. Специализированная организация оставляет себе заранее оговоренную в договоре с поставщиком сумму за обслуживание и проценты за период от начала до окончания сбора задолженности.

Таким образом, технология факторинга направлена на финансирование дебиторской задолженности. Эта задолженность передается специализированной организации с дисконтом. Факторинг включает в себя три финансовых услуги: финансирование, кредитование и коллекторскую деятельность.

В качестве источника финансирования оборотных средств факторинг представляет особый интерес для высокорисковых и информационно непрозрачных МСП, имеющих солидных клиентов, которые являются более кредитоспособными, чем само МСП. Инструмент используется многими сервисными фирмами, в расходах которых преобладает заработная плата. Такие фирмы обычно имеют мало обеспечения, которое может быть использовано для получения банковских кредитов, кроме того, они могут иметь значительные нематериальные активы, которые не отражены в финансовой отчетности.

С точки зрения регулирования факторинг требует наличия правовой среды, позволяющей передавать или уступать дебиторскую задолженность и обеспечивать исполнение лежащих в ее основе контрактов. В частности, речь идет о праве обращаться в суд для взыскания уступленной дебиторской задолженности с клиентов поставщика. Соответственно необходимы ссылки на факторинг в действующем законодательстве или даже отдельный закон о факторинге, которые признают его в качестве финансовой услуги и позволяют регулировать соответствующие сделки.

Финансирование заказов

Финансирование заказа позволяет МСП выполнить конкретный заказ определенного клиента с использованием предоставляемых этим клиентом финансовых ресурсов [58; 59]. Этот целевой финансовый инструмент направлен на обеспечение производственной стадии

деятельности МСП. Он заключается в авансировании оборотных средств для покрытия соответствующих расходов на производство конкретного товара или оказание конкретной услуги. В ряде случаев заказ может осуществляться не только одним, но и несколькими конкретными клиентами. МСП получает предварительный заказ на товар или услугу и оценивает необходимые затраты для их производства, включающие заработную плату, сырье и материалы, коммунальные расходы, упаковку, доставку и страхование. Соответствующие расчеты представляются заказчику для принятия решения об авансировании производства, исходя из анализа того, может ли МСП выпустить рассматриваемый товар или оказать такие услуги. В случае одобрения предложения заказчик заключает контракт с МСП. После заключения контракта заказчик выделяет аванс, представляющий собой часть общей стоимости заказа. Аванс может выделяться как непосредственно МСП, так и использоваться для оплаты его затрат, в том числе покупки сырья, материалов и комплектующих. После завершения производственного процесса и передачи готового заказа происходит полная оплата в соответствии с контрактом.

Как и в случае с факторингом, финансирование заказов основывается на идее передачи финансовых рисков от МСП более кредитоспособным заказчикам, в качестве которых выступают во многих случаях крупные фирмы, государственные и муниципальные учреждения. Существенно, что, в отличие от факторинга, авансируется не готовая продукция, которая была поставлена потребителю, а только предполагаемый заказ. Заказчик принимает на себя достаточно высокие риски, поэтому рассматриваемый финансовый инструмент требует интенсивного контроля производственной деятельности МСП. Учитывая это, заказчик устанавливает для МСП более высокие комиссионные и процентные ставки, по сравнению с организацией, осуществляющей факторинг. В ряде случаев заказчик может требовать определенных гарантий или залога, оформлять на себя товарно-материальные запасы МСП, чтобы снизить риск.

Финансирование заказов может быть интересно для растущих МСП с ограниченным доступом к оборотному капиталу и отсутствием стабильного притока денег на расчетный счет, которые, однако, обладают возможностью выпуска продукции или оказания услуг, необходимых определенным категориям заказчиков. Зачастую этот финансовый инструмент может использоваться в случаях пиковых сезонных потребностей в товарах и услугах, а также ускоренного роста МСП, обладающего оригинальными или инновационными технологиями.

Складские расписки

Использование складских расписок основывается на выделении МСП финансовых средств, которые обеспечиваются товарами, депонированными на сертифицированных складах [60–64]. Этот финансовый инструмент предусматривает заключение соглашений между

товаропроизводителями и продавцами. Товары находятся на сертифицированных складах, которые обеспечивают их безопасное хранение. Выдается соответствующая расписка, удостоверяющая, что на складе имеется определенное количество товара, отвечающего установленным стандартам. Владелец товара может под эту расписку получить финансовые средства, при чем кредитор накладывает залог на товар и этот товар не может быть продан до погашения кредита. Сумма, которую МСП может занять, обычно составляет не более 50–80 % от реальной стоимости хранящегося товара. Владелец товара, переданного на склад, несет затраты, связанные со сборами за хранение и складскую переработку, процентами и налогами.

Рассматриваемый инструмент финансирования может иметь различные варианты:

- частные склады, принадлежащие непосредственно производителям товара, складированного после производства на собственной территории;
- склады общего пользования, где специализированный оператор хранит товары для третьих лиц за установленную плату;
- склады, организуемые кредиторами, которые совмещают управление складом и выдачу финансовых средств МСП.

Финансирование МСП с использованием складских расписок подходит для производителей сырьевых товаров, которые не имеют кредитной истории или другого обеспечения для доступа к банковскому финансированию. Финансовые услуги, предоставляемые складами, сочетаются с такими важными преимуществами, как использование надежного хранилища товара и возможность его реализации в течение длительного времени. Это представляется актуальным для сельскохозяйственных производителей и производителей строительных материалов, удобрений, топливных ресурсов. Для малых предприятий и микропредприятий плата за хранение может оказаться слишком высокой, что создаст стимул для их объединения при пользовании общественными складами.

Финансирование МСП по рассматриваемой технологии требует наличия прозрачной законодательной базы, которая способна защитить права и интересы на складах общего пользования. Кроме того, необходимы четкие процедуры в случае банкротства оператора склада. Важную роль имеет наличие системы лицензирования складов, их контроля и надзора.

Лизинг

Во многих странах лизинг является распространенным инструментом финансирования МСП при использовании и приобретении ими оборудования, автотранспортных средств и недвижимости. В классическом варианте по договору лизинга владелец определенного актива предоставляет право МСП пользоваться этим активом в течение определенного периода времени в обмен на ряд платежей [65–68]. Арендодатель остается законным владельцем

актива на протяжении всего срока действия договора, и в конце установленного срока право собственности может быть передано или не передано МСП. В процессе лизинга МСП несет все возникающие риски, но в то же время получает все выгоды от владения активом. В большинстве случаев сроки договоров лизинга близки к ресурсам использования актива, поэтому МСП имеет возможность стать собственником актива в конце срока аренды автоматически или оплатив определенную номинальную стоимость. По сравнению с обычным банковским кредитованием, в договоре лизинга не требуется начального авансового денежного взноса. Поэтому лизинг позволяет МСП сохранить финансовые ресурсы. Периодические лизинговые платежи, связанные с процентами и телом основного долга, могут быть зарезервированы МСП в ряде стран для защиты от налоговых обязательств по реализованному доходу.

Необходимо отметить ряд существенных достоинств лизинга. МСП могут купить актив при расторжении договора или досрочно, продлить срок лизинга на дополнительные периоды, защититься от повышения лизинговых платежей, адаптировать эти платежи к модели формирования денежных потоков конкретного МСП. Лизинг работает как для приобретения, так и для аренды.

Лизинг представляет интерес для новых МСП, которым не хватает оборотных средств, достаточных для покупки необходимых активов. Кроме того, лизингом могут пользоваться МСП, характеризующиеся высоким предпринимательским риском, ведущие непрозрачную деятельность и имеющие проблемы в развитии. Решение лизингодателя основывается на способности МСП генерировать денежный поток от хозяйственной деятельности, который обеспечивает покрытие лизинговых платежей. При прекращении этого денежного потока МСП возвращает взятые в лизинг активы. Лизинг может быть привлекательным для высокоэффективных МСП в качестве гибкого инструмента финансирования и экономии денежных резервов.

Торговый кредит

Торговый кредит (называемый в ГК РФ коммерческим кредитом) представляет собой соглашение между МСП и организацией, поставяющей ему свою продукцию, при котором продавец продукции допускает отсрочку платежа по ней вместо немедленной оплаты [69–73]. Речь идет о совместной товарно-финансовой сделке, в рамках которой продавец поставяет необходимые МСП товары или услуги и одновременно предоставляет кредит на эту покупку. Для МСП торговый кредит является источником финансирования и важным каналом инвестиций. Торговый кредит оформляется в виде соответствующего контракта, в рамках которого МСП и поставщик договариваются о том, что оплата может быть отложена до заранее определенной даты после поставки товаров или услуг. Очевидно, что оплата после получения товаров

и услуг помогает МСП лучше управлять своими краткосрочными денежными потоками. Поставщики имеют преимущество перед финансово-кредитными организациями в предоставлении кредитов, поскольку они, как правило, имеют больше информации о МСП.

Достоинства торгового кредита:

- снижение операционных издержек МСП;
- увеличение возможностей приобретения МСП необходимых товаров;
- повышение финансовой гибкости при проведении транзакций;
- установление стабильных коммерческих отношений МСП с поставщиками.

Существует несколько причин, по которым поставщики предоставляют торговые кредиты, чтобы помочь МСП избежать финансовых трудностей. Поставщики, обычно являющиеся крупными организациями, мотивированы поддерживать уровни своих продаж и заинтересованы в долгосрочных отношениях с МСП, что является важным фактором расширения торгового кредита. При этом они обеспечивают страховку своих покупателей от шоков ликвидности.

В отсутствие возможности оформления торгового кредита МСП должны оплачивать товары и услуги в момент их получения или даже авансом. Если сроки поставок точно не известны, то МСП обязаны постоянно иметь значительные средства на счетах для их оплаты. В случае торгового кредита необходимости в этом нет. То есть торговый кредит обеспечивает сдвиг по времени производственных циклов и платежей, создает возможность накапливать задолженность и погашать ее после поступления средств. Соответственно, торговый кредит снижает вероятность банкротства МСП, особенно в условиях кризисных явлений. Торговый кредит создает т.н. эффект перераспределения, который заключается в том, что обладающие финансовыми резервами крупные организации поддерживают МСП, которые имеют проблемы с оборотными средствами.

Недостатком торгового кредита является то, что МСП, находящееся в сложном финансовом положении, скорее всего, не сможет выполнить свои обязательства перед поставщиками и ухудшит их финансовую стабильность. При заключении соглашений о торговых кредитах такая ситуация должна быть прозрачно описана с учетом действующего законодательства.

Торговые кредиты представляют значительный интерес для новых МСП при наличии у них устойчивых стабильных связей со своими поставщиками. Этот инструмент альтернативного финансирования часто используется МСП оптовой и розничной торговли, обрабатывающих производств, а также строительства.

Краудфандинг

Краудфандинг представляет собой инструмент привлечения внешнего финансирования от большого количества физических и юридических лиц, каждое из которых

предоставляет небольшую сумму от общего объема необходимого финансирования [74–77]. Физические и юридические лица оказывают МСП помощь через социальные сети (Интернет). МСП должно подробно описать свою деятельность, цели и задачи финансирования, его условия, в том числе в форме бизнес-плана, – это главное отличие краудфандинга от других инструментов финансирования.

Краудфандинг является не только методом привлечения средств, но и важным механизмом обмена информацией с широкой общественностью и повышения ее осведомленности о проектах и продуктах, нуждающихся в дальнейшей коммерциализации. Краудфандинг может принимать формы:

- пожертвований (в основном для социального предпринимательства);
- спонсорства (вкладчики получают заранее определенное вознаграждение или какой-либо вид услуг);
- предварительного заказа (вкладчики оказывают помощь в производстве определенного товара или услуги, а затем получают их по сниженной цене или безвозмездно);
- кредитования (вкладчики получают проценты и основную сумму долга по итогам работы финансируемого МСП);
- акционерного капитала, посредством которого МСП обеспечивают вкладчикам долю в своем бизнесе.

Одно из регуляторных препятствий для краудфандинга – законодательное ограничение числа вкладчиков, которое может иметь МСП. Поскольку краудфандинг нацелен на сбор средств от большого количества вкладчиков, им предлагаются не акции, а другие виды вознаграждений. В последнее время практика краудфандинга получила наибольшее развитие в деятельности некоммерческих МСП и индустрии развлечений. Именно проекты с творческой или социальной направленностью, где нефинансовое вознаграждение предлагается в обмен на поступившие средства были наиболее успешными в большинстве экономически развитых стран.

В табл. 2 систематизированы сущность рассматриваемых альтернативных инструментов финансирования, их достоинства и недостатки.

Учитывая специфические особенности МСП в России, необходимо отметить, что наиболее часто применяемыми альтернативными инструментами финансирования на сегодняшний день являются лизинг и торговый кредит. Это обусловлено наличием соответствующей нормативно-правовой базы и большой заинтересованностью всех сторон, входящих в соответствующие договоры и контракты. В последнее время начал развиваться краудфандинг, особенно при реализации социально-значимых проектов. Зачастую крупные предприятия привлекают МСП для решения своих локальных задач, используя такой инструмент, как финансирование заказов. При этом крупные предприятия обеспечивают МСП материалами

и комплектующими, предоставляют возможность использования своего оборудования и технологий. Факторинг и складские расписки пока не получили развития в нашей стране в связи с отсутствием соответствующих специализированных организаций и сертифицированных складов, а также со слабой проработкой институциональных аспектов, обеспечивающих внедрение этих инструментов финансирования.

Заключение

В современных национальных экономиках наряду с традиционными формами и методами финансирования МСП (средствами учредителей этих предприятий и их родственников, банковскими кредитами) получили распространение альтернативные инструменты. В качестве таковых, т.е. выступающих дополнительными и заместительными

инструментами финансирования МСП, широко используются факторинг, финансирование заказов, складские расписки, лизинг, торговый кредит и краудфандинг. Каждый альтернативный инструмент финансирования имеет свои особенности, достоинства и недостатки, требования к нормативно-правовому обеспечению и обслуживает определенный вид деятельности. Альтернативные инструменты финансирования МСП могут быть использованы непосредственно предпринимателями, а также при обосновании мероприятий по повышению эффективности финансирования предпринимательского сектора, особенно в условиях кризисных явлений, характерных для последних лет.

Полученные результаты могут быть использованы органами государственного управления для разработки политики развития доступа предпринимательских структур

Табл. 2. Характеристика альтернативных инструментов финансирования МСП

Tab. 2. Brief description of alternative financing instruments

Сущность	Достоинства	Недостатки
<i>Факторинг</i>		
МСП получает финансирование от специализированной организации в объеме передаваемой ей дебиторской задолженности с дисконтом	<ul style="list-style-type: none"> • продолжение работы МСП при наличии дебиторской задолженности; • нет риска собственным имуществом 	<ul style="list-style-type: none"> • высокий уровень дисконта; • не во всех странах (регионах) имеются специализированные факторинговые организации
<i>Финансирование заказов</i>		
выделение заказчиком денежных средств МСП для выпуска конкретного товара	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение МСП оборотными средствами или материалами и комплектующими под конкретный заказ 	<ul style="list-style-type: none"> • необходимость гарантий; • снижение итоговой цены произведенной продукции и общей рентабельности.
<i>Складские расписки</i>		
передача произведенной продукции на сертифицированные склады с выдачей соответствующей расписки. Товары, находящиеся на складах, могут использоваться в качестве кредитной гарантии	<ul style="list-style-type: none"> • возможность получения МСП кредитов; • нет необходимости в собственных складах 	<ul style="list-style-type: none"> • оплата складской деятельности; • отсутствие сертифицированных складов в непосредственной близости от МСП
<i>Лизинг</i>		
аренда МСП оборудования у его владельца на основании специального договора, как правило, с возможностью выкупа	<ul style="list-style-type: none"> • не требуется начальный авансовый денежный взнос; • МСП может оплачивать использование оборудования небольшими траншами 	<ul style="list-style-type: none"> • расходы на длительный лизинг превышают цену используемого оборудования
<i>Торговый кредит</i>		
отложенная оплата приобретенных МСП товаров или предоставленных услуг на основании специального договора	<ul style="list-style-type: none"> • снижение объемов разовых платежей; • возможность оплаты долга частями 	<ul style="list-style-type: none"> • увеличение стоимости товаров и услуг
<i>Краудфандинг</i>		
привлечение МСП денежных средств от многих физических или юридических лиц на основе возврата этих средств или предоставления товаров или услуг, а также в порядке благотворительности	<ul style="list-style-type: none"> • накопление МСП финансовых ресурсов под конкретные проекты 	<ul style="list-style-type: none"> • трудности сбора средств МСП на основе использования социальных сетей и Интернета

к денежным средствам, формирования институциональных норм, обеспечивающих использование широкого круга методов финансирования МСП. Речь идет о реализации мероприятий в рамках Стратегии развития малого и среднего предпринимательства¹², в том числе оказания помощи предпринимателям, у которых возникли трудности в финансировании производства и реализации

продукции. Представленная информация может быть использована в учебном процессе университетов при подготовке бакалавров и магистров, при обучении специалистов в сфере поддержки МСП. Дальнейшие исследования связаны со сравнением различных инструментов финансирования МСП и оценкой разных вариантов государственной поддержки МСП.

Литература

1. Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. The role of entrepreneurship in US job creation and economic dynamism // *Journal of Economic Perspectives*. 2014. Vol. 28. No. 3. P. 3–24. DOI: 10.1257/jep.28.3.3
2. Pinkovetskaia Iu. S., Lyubovtseva E. G., Arbeláez-Campillo D. F., Rojas-Bahamón M. J. Small and medium enterprises in Russia and other countries // *Amazonia Investiga*. 2020. Vol. 9. No. 25. P. 99–106.
3. Litan R. E., Schramm C. J. *Better capitalism: renewing the entrepreneurial strength of the American economy*. New Haven: Yale University Press, 2012. 263 p.
4. Wiklund J., Shepherd D. A. Knowledge-based resources, entrepreneurial orientation, and the performance of small and medium-sized businesses // *Strategic Management Journal*. 2003. Vol. 24. No. 13. P. 1307–1314. DOI: 10.1002/smj.360
5. Obi J., Ibiidunni A. S., Tolulope A., Olokundun M. A., Amaihian A. B., Borishade T. T., Fred P. Contribution of small and medium enterprises to economic development: evidence from a transiting economy // *Data in Brief*. 2018. Vol. 18. P. 835–839. DOI: 10.1016/j.dib.2018.03.126
6. Acs Z. J., Estrin S., Mickiewicz T. M., Szerb L. Entrepreneurship, institutional economics, and economic growth: an ecosystem perspective // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 51. Iss. 2. P. 501–514. DOI: 10.1007/s11187-018-0013-9
7. Janković G., Golubović M. Open innovation in small and medium-sized enterprises // *Экономика*. 2019. Vol. 65. Br. 3. P. 89–101. DOI: 10.5937/ekonomika1903089j
8. Rotar L. J., Pamic R. K., Bojnec S. Contributions of small and medium enterprises to employment in the European Union countries // *Economic Research – Ekonomska Istraživanja*. 2019. Vol. 32. Iss. 1. P. 3302–3314. DOI: 10.1080/1331677X.2019.1658532
9. Narteh B. SME bank selection and patronage behaviour in the Ghanaian banking industry // *Management Research Review*. 2013. Vol. 36. No. 11. P. 1061–1080. DOI: 10.1108/MRR-06-2012-0147
10. Ndiaye N., Razak L. A., Nagayev R., Ng A. Demystifying small and medium enterprises' (SMEs) performance in emerging and developing economies // *Borsa Istanbul Review*. 2018. Vol. 18. Iss. 4. P. 269–281. DOI: 10.1016/j.bir.2018.04.003
11. Perez-Gomez P., Arbelo-Perez M., Arbelo A. Profit efficiency and its determinants in small and medium-sized enterprises in Spain // *Business Research Quarterly*. 2018. Vol. 21. Iss. 4. P. 238–250. DOI: 10.1016/j.brq.2018.08.003
12. Winfred A. Jr. Pro-poor economic growth: role of small and medium sized enterprises // *Journal of Asian Economics*. 2006. Vol. 17. Iss. 1. P. 35–40. DOI: 10.1016/j.asieco.2006.01.005
13. Simon-Moya V., Revuelto-Taboada L., Ribeiro-Soriano D. Influence of economic crisis on new SME survival: reality or fiction? // *Entrepreneurship and Regional Development*. 2016. Vol. 28. Iss. 1-2. P. 157–176. DOI: 10.1080/08985626.2015.1118560
14. Cioppi M., Musso F., Pencarelli T., Savelli E. Economic crisis and SMEs' behavior: an analysis on the furniture sector in Italy // *International Journal of Economic Behavior*. 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 115–126.
15. Tambunan T. T. H. The impact of the economic crisis on micro, small, and medium enterprises and their crisis mitigation measures in Southeast Asia with reference to Indonesia // *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2019. Vol. 6. Iss. 1. P. 19–39. DOI: 10.1002/app5.264
16. Oricchio G., Lugaresi S., Croveto A., Fontana S. *SMEs in Europe: an overview* // *SME Funding*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 7–41.
17. Hasan I., Jackowicz K., Kowalewski O., Kozłowski L. Do local banking market structures matter for SME financing and performance? New evidence from an emerging economy // *Journal of Banking & Finance*. 2017. Vol. 79. P. 142–158. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2017.03.009
18. Ullah B. Financial constraints, corruption, and SME growth in transition economies // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2020. Vol. 75. P. 120–132. DOI: 10.1016/j.qref.2019.05.009
19. Caggese A. Financing constraints, radical versus incremental innovation, and aggregate productivity // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 275–309. DOI: 10.1257/mac.20160298

¹² Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р // СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.

20. Godke Veiga M., McCahery J. A. The financing of small and medium-sized enterprises: an analysis of the financing gap in Brazil // *Eur. Bus. Org. Law Rev.* 2019. Vol. 20. P. 633–664. DOI: 10.1007/s40804-019-00167-7
21. Kumar S., Rao P. A conceptual framework for identifying financing preferences of SMEs // *Small Enterprise Research.* 2015. Vol. 22. Iss. 1. P. 1–14. DOI: 10.1080/13215906.2015.1036504
22. Gherghina S. P., Botezatu M. A., Hosszu A., Simionescu L. N. Small and Medium-Sized Enterprises (SMEs): the engine of economic growth through investments and innovation // *Sustainability.* 2020. Vol. 12. Iss. 1. P. 1–22. DOI: 10.3390/su12010347
23. Dowling M., O’Gorman C., Puncheva P., Vanwalleghem D. Trust and SME attitudes towards equity financing across Europe // *Journal of World Business.* 2019. Vol. 54. Iss. 6. DOI: 10.1016/j.jwb.2019.101003
24. Lawless M., O’Connell B., O’Toole C. Financial structure and diversification of European firms // *Applied Economics.* 2015. Vol. 47. Iss. 23. P. 2379–2398. DOI: 10.1080/00036846.2015.1005829
25. Moritz A., Block J. H., Heinz A. Financing patterns of European SMEs: an empirical taxonomy // *Venture Capital.* 2016. Vol. 18. Iss. 2. P. 115–148. DOI: 10.1080/13691066.2016.1145900
26. Baker H. K., Kumar S., Rao P. Financing preferences and practices of Indian SMEs // *Global Finance Journal.* 2017. Vol. 43. DOI: 10.1016/j.gfj.2017.10.003
27. Ardic O., Mylenko N., Saltane V. Access to finance by small and medium enterprises: a cross-country analysis with a new data set // *Pacific Economic Review.* 2012. Vol. 17. Iss. 4. P. 491–513. DOI: 10.1596/1813-9450-5538
28. Nassr I. K., Wehinger G. Non-bank debt financing for SMEs: the role of securitisation, private placements and bonds // *OECD Journal: Financial Market Trends.* 2014. Vol. 1. P. 139–162. DOI: 10.1787/fmt-2014-5jxx05svvw34
29. Beck T., Demircuc-Kunt A., Maksimovic V. Financing patterns around the world: are small firms different? // *Journal of Financial Economics.* 2008. Vol. 89. Iss. 3. P. 467–487. DOI: 10.1016/j.jfineco.2007.10.005
30. Tunahan H., Dizkirici A. S. Evaluating the Credit Guarantee Fund (KGF) of Turkey as a partial guarantee program in the light of international practices // *International Journal of Business and Social Science.* 2012. Vol. 3. No. 10. P. 79–92.
31. Gupta J., Gregoriou A. Impact of market-based finance on SMEs failure // *Economic Modelling.* 2018. Vol. 69. P. 13–25. DOI: 10.1016/j.econmod.2017.09.004
32. Baas T., Schrooten M. Relationship banking and SMEs: a theoretical analysis // *Small Business Economics.* 2006. Vol. 27. P. 127–137. DOI: 10.1007/s11187-006-0018-7
33. Pinkovetskaia Iu. S., Sverdlikova E. A., Lebedev A. V. Estimating entrepreneurial risk in Russian small and medium-sized enterprises // *The Journal of Contemporary Issues in Business and Government.* 2019. Vol. 25. Iss. 1. P. 30–43.
34. Pinkovetskaia Iu. S., Gubernatorova E. V., Kiseleva O. V. Evaluation of entrepreneurial risk level as social process in the Russian economy // *Journal of History Culture and Art Research.* 2019. Vol. 8. Iss. 1. P. 475–486. DOI: 10.7596/taksad.v8i1.2059
35. Casey E., O’Toole C. M. Bank lending constraints, trade credit and alternative financing during the financial crisis: evidence from European SMEs // *Journal of Corporate Finance.* 2014. Vol. 27. P. 173–193. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2014.05.001
36. Degryse H., Matthews K., Zhao T. SMEs and access to bank credit: Evidence on the regional propagation of the financial crisis in the UK // *Journal of Financial Stability.* 2018. Vol. 38. P. 53–70. DOI: 10.1016/j.jfs.2018.08.006
37. Beck T. Bank financing for SMEs – lessons from the literature // *National Institute Economic Review.* 2013. Vol. 225. Iss. 1. P. 23–38. DOI: 10.1177/002795011322500105
38. Klapper L. The role of factoring for financing small and medium enterprises // *Journal of Banking & Finance.* 2006. Vol. 30. Iss. 11. P. 3111–3130. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2006.05.001
39. Milenkovic-Kerkovic T., Dencic-Mihajlov K. Factoring in the changing environment: legal and financial aspects // *Procedia – Social and Behavioral Science.* 2012. Vol. 44. P. 428–435. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.05.047
40. Cucu V. Use of factoring in financing SMEs // *Romanian Statistical Review.* 2013. Vol. 61. Iss. 2. P. 252–256.
41. Maselli J. Using purchase order financing to complement senior lending // *Com. Lending Rev.* 2000. Vol. 15. P. 57.
42. Wu A. W.-D. A supportive pricing model for suppliers with purchase order financing // *International Journal of Production Research.* 2017. Vol. 55. Iss. 19. P. 5632–5646. DOI: 10.1080/00207543.2017.1327727
43. Miranda M. J., Mulangu F. M., Kemeze F. H. Warehouse receipt financing for smallholders in developing countries: Challenges and limitations // *Agricultural Economics.* 2019. Vol. 50. Iss. 5. P. 629–641. DOI: 10.1111/agec.12514
44. Deloof M., Lagaert I., Verschuere I. Leases and debt: complements or substitutes? Evidence from Belgian SMEs // *Journal of Small Business Management.* 2007. Vol. 45. Iss. 4. P. 491–500. DOI: 10.1111/j.1540-627X.2007.00224.x
45. Mol-Gomez-Vazquez A., Hernandez-Canovas G., Koeter-Kant J. The use of leasing in financially constrained firms: an analysis for European SMEs // *Finance a Uver – Czech Journal of Economics and Finance.* 2019. Vol. 69. Iss. 6. P. 538–557.
46. Huyghebaert N., Gucht L. van de, Hulle C. van. The choice between bank debt and trade credit in business start-ups // *Small Business Economics.* 2007. Vol. 29. Iss. 4. P. 435–452. DOI: 10.1007/s11187-007-9070-1
47. Wilson N., Summers B. Trade credit terms offered by small firms: survey evidence and empirical analysis // *Journal of Business Finance & Accounting.* 2002. Vol. 29. Iss. 3-4. P. 317–351. DOI: 10.1111/1468-5957.00434

48. Taketa K., Udell G. F. Lending channels and financial shocks: the case of small and medium-sized enterprise trade credit and the Japanese banking crisis // *Monetary and Economic Studies*. 2007. Vol. 25. Iss. 2. P. 1–44.
49. Ogawa K., Sterken E., Tokutsu I. The trade credit channel revisited: evidence from micro data of Japanese small firms // *Small Business Economics*. 2013. Vol. 40. Iss. 1. P. 101–118. DOI: 10.1007/s11187-011-9344-5
50. Block J. H., Colombo M. G., Cumming D. J., Vismara S. New players in entrepreneurial finance and why they are there // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 50. P. 239–250. DOI: 10.1007/s11187-016-9826-6
51. Ahlers G. K. C., Cumming D. J., Gunther C., Schweizer D. Signaling in equity crowdfunding // *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2015. Vol. 39. Iss. 4. P. 955–980. DOI: 10.1111/etap.12157
52. Moritz A., Block J. H. Crowdfunding und Crowdinvesting: State-of-the-Art der wissenschaftlichen Literatur // *Zeitschrift für KMU und Entrepreneurship*. 2014. Vol. 62. No. 1. P. 57–89. DOI: 10.2139/ssrn.2274141
53. Belleflamme P., Lambert T., Schwienbacher A. Individual crowdfunding practices // *Venture Capital: An International Journal of Entrepreneurial Finance*. 2013. Vol. 15. Iss. 4. P. 313–333. DOI: 10.1080/13691066.2013.785151
54. Summers B., Wilson N. Trade credit management and the decision to use factoring: an empirical study // *Journal of Business Finance & Accounting*. 2000. Vol. 27. Iss. 1-2. P. 37–68. DOI: 10.1111/1468-5957.00305
55. Ivanovic S., Baresa S., Bogdan S. Factoring: Alternative model of financing // *UTMS Journal of Economics*. 2011. Vol. 2. Iss. 2. P. 189–206.
56. Spasić I., Bejatović M., Dukić-Mijatović M. Factoring – instrument of financing in business practice – some important legal aspects // *Ekonomika istraživanja*. 2012. Vol. 25. Iss. 1. P. 191–211. DOI: 10.1080/1331677X.2012.11517502
57. Onaepemipo E., Zubairu H., Abubakar B., Araga S., Umar H., Ochepe A. Factoring as an effective working capital option: a critical review // *International Journal of Commerce and Finance*. 2019. Vol. 5. Iss. 1. P. 60–69.
58. Reindorp M., Tanrisever F., Lange A. Purchase order financing: credit, commitment, and supply chain consequences // *Operations Research*. 2018. Vol. 66. No. 5. DOI: 10.1287/opre.2018.1727
59. Caldentey R., Haugh M. B. Supply contracts with financial hedging // *Operations Research*. 2009. Vol. 57. Iss. 1. DOI: 10.1287/opre.1080.0521
60. Kovačević V., Zakić V., Milovanović M., Subić J., Jeločnik M. Electronic warehouse receipts registry as a step from paper to electronic warehouse receipts // *Economics of Agriculture*. 2016. Vol. 63. Iss. 3. P. 801–815. DOI: 10.5937/ekoPolj1603801K
61. Indhumathi V., Priya P., Somasundaram R. Review of warehouse receipt financing method of funding working capital // *International Journal of Scientific & Technology Research*. 2019. Vol. 8. No. 11. P. 848–850.
62. Towo N. N., Kimaro P. J. Warehouse receipt system: a solution towards smallholder farmers' financial constraints? // *International Journal of Economics, Commerce and Management*. 2014. Vol. II. Iss. 7. Режим доступа: <http://ijecm.co.uk/wp-content/uploads/2014/07/2719.pdf> (дата обращения: 09.11.2020).
63. Mahanta D. Review of warehouse receipt as an instrument for financing in India // *International Journal of Scientific & Technology Research*. 2012. Vol. 1. Iss. 9. P. 42–45.
64. Gashayie A., Singh M. Agricultural finance constraints and innovative models experience for Ethiopia: empirical evidence from developing countries // *Research Journal of Finance and Accounting*. 2015. Vol. 6. No. 7. P. 39–49.
65. Robicheaux S. H., Xudong F., Ligon J. A. Lease financing and corporate governance // *Financial Review*. 2008. Vol. 43. Iss. 3. P. 403–437. DOI: 10.1111/j.1540-6288.2008.00200.x
66. Wafula P., Namusonge G., Nambuswa E. Effect of leasing on the financial performance of the county government of Trans Nzoia // *International Journal of Scientific and Research Publications*. 2016. Vol. 6. Iss. 9. P. 624–631.
67. Wang L., Gong W., Song W., Zaheer A. N. Regional financial leasing development and countermeasure study – taking financial leasing of Anhui province as example // *Open Journal of Business and Management*. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 120–129. DOI: 10.4236/ojbm.2016.41014
68. Al-Shiab M. S., Bawaneh S. S. Determinants of financial leasing development in Jordan // *Studies in Business and Economics*. 2008. Vol. 14. No. 2. P. 25–50. DOI: 10.29117/sbe.2008.0048
69. Lamminmaki D., Guilding C. A study of Australian trade credit management outsourcing practices // *Australian Accounting Review*. 2008. Vol. 14. Iss. 32. P. 53–62. DOI: 10.1111/j.1835-2561.2004.tb00283.x
70. Atanasova C. Access to institutional finance and the use of trade credit // *Financial Management*. 2007. Vol. 36. No. 1. P. 49–67. DOI: 10.1111/j.1755-053X.2007.tb00164.x
71. Chluděk A. K. A note on the price of trade credit // *Managerial Finance*. 2011. Vol. 37. Iss. 6. P. 565–574. DOI: 10.1108/03074351111134754
72. Yazdanfar D., Ohman P. Substitute or complement? The use of trade credit as a financing source among SMEs // *Management Research Review*. 2017. Vol. 40. No. 1. P. 10–27. DOI: 10.1108/MRR-06-2015-0153
73. García-Teruel P. J., Martínez-Solano P. Determinants of trade credit: a comparative study of European SMEs // *International Small Business Journal*. 2010. Vol. 28. Iss. 3. P. 215–233. DOI: 10.1177/0266242609360603

74. Bruton G., Khavul S., Siegel D., Wright M. New financial alternatives in seeding entrepreneurship: microfinance, crowdfunding, and peer-to-peer innovations // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2015. Vol. 39. Iss. 1. P. 9–26. DOI: 10.1111/etap.12143
75. Mollick E. The dynamics of crowdfunding: an exploratory study // *Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. Iss. 1. P. 1–16. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2013.06.005
76. McKenny A. F., Allison T. H., Ketchen D. J., Short J. C., Ireland R. D. How should crowdfunding research evolve? A survey of the Entrepreneurship Theory and Practice editorial board // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2017. Vol. 41. Iss. 2. P. 291–304. DOI: 10.1111/etap.12269
77. Agrawal A., Catalini C., Goldfarb A. Crowdfunding: geography, social networks, and the timing of investment decisions // *Journal of Economics & Management Strategy*. 2015. Vol. 24. Iss. 2. P. 253–274. DOI: 10.1111/jems.12093

review article

Alternative Financing of Small and Medium Businesses: Experience of Foreign Countries

Iuliia S. Pinkovetskaia

Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk

judy54@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8224-9031>

Received 24 Dec 2020. Accepted 10 Feb 2021.

Abstract: Small and medium enterprises play an important role in modern national economies. However, many of these enterprises experience difficulties in attracting the necessary investments for operation and further development. Personal finances are usually not enough to solve all problems, especially in crisis conditions. Bank loans are not available for most small and medium businesses because of small fixed assets, poor credit history, and incomplete reporting. As foreign experience shows, alternative forms and methods of obtaining the necessary funds can be an effective way to increase the financing of such enterprises. This review article examines the experience gained in recent years in using alternative financing. This experience is relevant for the current domestic entrepreneurship. Factoring, order financing, warehouse receipts, leasing, trade credit, and crowdfunding proved to be the main alternative financing tools. For each of these financial instruments, the article gives brief characteristics, advantages and disadvantages, requirements for regulatory support, and related types of activities. The research results can help entrepreneurs who have difficulties in financing their production and sale, especially beginners. The results obtained can be used by government authorities to form a policy to improve access of business structures to working capital and investment in Russia and its regions.

Keywords: factoring, order financing, warehouse receipts, leasing, trade credit, crowdfunding

Citation: Pinkovetskaia Iu. S. Alternative Financing of Small and Medium Businesses: Experience of Foreign Countries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 109–122. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-109-122>

References

1. Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. The role of entrepreneurship in US job creation and economic dynamism. *Journal of Economic Perspectives*, 2014, 28(3): 3–24. DOI: 10.1257/jep.28.3.3
2. Pinkovetskaia Iu. S., Lyubovtseva E. G., Arbeláez-Campillo D. F., Rojas-Bahamón M. J. Small and medium enterprises in Russia and other countries. *Amazonia Investiga*, 2020, 9(25): 99–106.
3. Litan R. E., Schramm C. J. *Better capitalism: renewing the entrepreneurial strength of the American economy*. New Haven: Yale University Press, 2012, 263.
4. Wiklund J., Shepherd D. A. Knowledge-based resources, entrepreneurial orientation, and the performance of small and medium-sized businesses. *Strategic Management Journal*, 2003, 24(13): 1307–1314. DOI: 10.1002/smj.360
5. Obi J., Ibidunni A. S., Tolulope A., Olokundun M. A., Amaihian A. B., Borishade T. T., Fred P. Contribution of small and medium enterprises to economic development: evidence from a transiting economy. *Data in Brief*, 2018, (18): 835–839. DOI: 10.1016/j.dib.2018.03.126

6. Acs Z. J., Estrin S., Mickiewicz T. M., Szerb L. Entrepreneurship, institutional economics, and economic growth: an ecosystem perspective. *Small Business Economics*, 2018, 51(2): 501–514. DOI: 10.1007/s11187-018-0013-9
7. Janković G., Golubović M. Open innovation in small and medium-sized enterprises. *Ekonomika*, 2019, 65(3): 89–101. DOI: 10.5937/ekonomika1903089j
8. Rotar L. J., Pamic R. K., Bojnec S. Contributions of small and medium enterprises to employment in the European Union countries. *Economic Research – Ekonomska Istraživanja*, 2019, 32(1): 3302–3314. DOI: 10.1080/1331677X.2019.1658532
9. Narteh B. SME bank selection and patronage behaviour in the Ghanaian banking industry. *Management Research Review*, 2013, 36(11): 1061–1080. DOI: 10.1108/MRR-06-2012-0147
10. Ndiaye N., Razak L. A., Nagayev R., Ng A. Demystifying small and medium enterprises' (SMEs) performance in emerging and developing economies. *Borsa Istanbul Review*, 2018, 18(4): 269–281. DOI: 10.1016/j.bir.2018.04.003
11. Perez-Gomez P., Arbelo-Perez M., Arbelo A. Profit efficiency and its determinants in small and medium-sized enterprises in Spain. *Business Research Quarterly*, 2018, 21(4): 238–250. DOI: 10.1016/j.brq.2018.08.003
12. Winfred A. Jr. Pro-poor economic growth: role of small and medium sized enterprises. *Journal of Asian Economics*, 2006, 17(1): 35–40. DOI: 10.1016/j.asieco.2006.01.005
13. Simon-Moya V., Revuelto-Taboada L., Ribeiro-Soriano D. Influence of economic crisis on new SME survival: reality or fiction? *Entrepreneurship and Regional Development*, 2016, 28(1-2): 157–176. DOI: 10.1080/08985626.2015.1118560
14. Cioppi M., Musso F., Pencarelli T., Savelli E. Economic crisis and SMEs' behavior: an analysis on the furniture sector in Italy. *International Journal of Economic Behavior*, 2014, 4(1): 115–126.
15. Tambunan T. T. H. The impact of the economic crisis on micro, small, and medium enterprises and their crisis mitigation measures in Southeast Asia with reference to Indonesia. *Asia and the Pacific Policy Studies*, 2019, 6(1): 19–39. DOI: 10.1002/app5.264
16. Oricchio G., Lugaesi S., Crovetto A., Fontana S. *SME Funding*. London: Palgrave Macmillan, 2017, 7–41.
17. Hasan I., Jackowicz K., Kowalewski O., Kozłowski L. Do local banking market structures matter for SME financing and performance? New evidence from an emerging economy. *Journal of Banking & Finance*, 2017, 79: 142–158. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2017.03.009
18. Ullah B. Financial constraints, corruption, and SME growth in transition economies. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 2020, 75: 120–132. DOI: 10.1016/j.qref.2019.05.009
19. Caggese A. Financing constraints, radical versus incremental innovation, and aggregate productivity. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2019, 11(2): 275–309. DOI: 10.1257/mac.20160298
20. Godke Veiga M., McCahery J. A. The financing of small and medium-sized enterprises: an analysis of the financing gap in Brazil. *Eur. Bus. Org. Law Rev.*, 2019, 20: 633–664. DOI: 10.1007/s40804-019-00167-7
21. Kumar S., Rao P. A conceptual framework for identifying financing preferences of SMEs. *Small Enterprise Research*, 2015, 22(1): 1–14. DOI: 10.1080/13215906.2015.1036504
22. Gherghina S. P., Botezatu M. A., Hosszu A., Simionescu L. N. Small and Medium-Sized Enterprises (SMEs): the engine of economic growth through investments and innovation. *Sustainability*, 2020, 12(1): 1–22. DOI: 10.3390/su12010347
23. Dowling M., O'Gorman C., Puncheva P., Vanwalleghem D. Trust and SME attitudes towards equity financing across Europe. *Journal of World Business*, 2019, 54(6). DOI: 10.1016/j.jwb.2019.101003
24. Lawless M., O'Connell B., O'Toole C. Financial structure and diversification of European firms. *Applied Economics*, 2015, 47(23): 2379–2398. DOI: 10.1080/00036846.2015.1005829
25. Moritz A., Block J. H., Heinz A. Financing patterns of European SMEs: an empirical taxonomy. *Venture Capital*, 2016, 18(2): 115–148. DOI: 10.1080/13691066.2016.1145900
26. Baker H. K., Kumar S., Rao P. Financing preferences and practices of Indian SMEs. *Global Finance Journal*, 2017, 43. DOI: 10.1016/j.gfj.2017.10.003
27. Ardic O., Mylenko N., Saltane V. Access to finance by small and medium enterprises: a cross-country analysis with a new data set. *Pacific Economic Review*, 2012, 17(4): 491–513. DOI: 10.1596/1813-9450-5538
28. Nassr I. K., Wehinger G. Non-bank debt financing for SMEs: the role of securitisation, private placements and bonds. *OECD Journal: Financial Market Trends*, 2014, 1: 139–162. DOI: 10.1787/fmt-2014-5jxx05svvw34
29. Beck T., Demirguc-Kunt A., Maksimovic V. Financing patterns around the world: are small firms different? *Journal of Financial Economics*, 2008, 89(3): 467–487. DOI: 10.1016/j.jfineco.2007.10.005
30. Tunahan H., Dizkirici A. S. Evaluating the Credit Guarantee Fund (KGF) of Turkey as a partial guarantee program in the light of international practice. *International Journal of Business and Social Science*, 2012, 3(10): 79–92.
31. Gupta J., Gregoriou A. Impact of market-based finance on SMEs failure. *Economic Modelling*, 2018, 69: 13–25. DOI: 10.1016/j.econmod.2017.09.004
32. Baas T., Schrooten M. Relationship banking and SMEs: a theoretical analysis. *Small Business Economics*, 2006, 27: 127–137. DOI: 10.1007/s11187-006-0018-7

33. Pinkovetskaia Iu. S., Sverdlikova E. A., Lebedev A. V. Estimating entrepreneurial risk in Russian small and medium-sized enterprises. *The Journal of Contemporary Issues in Business and Government*, 2019, 25(1): 30–43.
34. Pinkovetskaia Iu. S., Gubernatorova E. V., Kiseleva O. V. Evaluation of entrepreneurial risk level as social process in the Russian economy. *Journal of History Culture and Art Research*, 2019, 8(1): 475–486. DOI: 10.7596/taksad.v8i1.2059
35. Casey E., O'Toole C. M. Bank lending constraints, trade credit and alternative financing during the financial crisis: evidence from European SMEs. *Journal of Corporate Finance*, 2014, 27: 173–193. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2014.05.001
36. Degryse H., Matthews K., Zhao T. SMEs and access to bank credit: Evidence on the regional propagation of the financial crisis in the UK. *Journal of Financial Stability*, 2018, 38: 53–70. DOI: 10.1016/j.jfs.2018.08.006
37. Beck T. Bank financing for SMEs – lessons from the literature. *National Institute Economic Review*, 2013, 225(1): 23–38. DOI: 10.1177/002795011322500105
38. Klapper L. The role of factoring for financing small and medium enterprises. *Journal of Banking & Finance*, 2006, 30(11): 3111–3130. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2006.05.001
39. Milenkovic-Kerkovic T., Dencic-Mihajlov K. Factoring in the changing environment: legal and financial aspects. *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2012, 44: 428–435. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.05.047
40. Cucu V. Use of factoring in financing SMEs. *Romanian Statistical Review*, 2013, 61(2): 252–256.
41. Maselli J. Using purchase order financing to complement senior lending. *Com. Lending Rev.*, 2000, 15: 57.
42. Wu A. W.-D. A supportive pricing model for suppliers with purchase order financing. *International Journal of Production Research*, 2017, 55(19): 5632–5646. DOI: 10.1080/00207543.2017.1327727
43. Miranda M. J., Mulangu F. M., Kemeze F. H. Warehouse receipt financing for smallholders in developing countries: Challenges and limitations. *Agricultural Economics*, 2019, 50(5): 629–641. DOI: 10.1111/agec.12514
44. Deloof M., Lagaert I., Verschuere I. Leases and debt: complements or substitutes? Evidence from Belgian SMEs. *Journal of Small Business Management*, 2007, 45(4): 491–500. DOI: 10.1111/j.1540-627X.2007.00224.x
45. Mol-Gomez-Vazquez A., Hernandez-Canovas G., Koeter-Kant J. The use of leasing in financially constrained firms: an analysis for European SMEs. *Finance a Uver – Czech Journal of Economics and Finance*, 2019, 69(6): 538–557.
46. Huyghebaert N., Gucht L. van de, Hulle C. van. The choice between bank debt and trade credit in business start-ups. *Small Business Economics*, 2007, 29(4): 435–452. DOI: 10.1007/s11187-007-9070-1
47. Wilson N., Summers B. Trade credit terms offered by small firms: survey evidence and empirical analysis. *Journal of Business Finance & Accounting*, 2002, 29(3-4): 317–351. DOI: 10.1111/1468-5957.00434
48. Taketa K., Udell G. F. Lending channels and financial shocks: the case of small and medium-sized enterprise trade credit and the Japanese banking crisis. *Monetary and Economic Studies*, 2007, 25(2): 1–44.
49. Ogawa K., Sterken E., Tokutsu I. The trade credit channel revisited: evidence from micro data of Japanese small firms. *Small Business Economics*, 2013, 40(1): 101–118. DOI: 10.1007/s11187-011-9344-5
50. Block J. H., Colombo M. G., Cumming D. J., Vismara S. New players in entrepreneurial finance and why they are there. *Small Business Economics*, 2018, 50: 239–250. DOI: 10.1007/s11187-016-9826-6
51. Ahlers G. K. C., Cumming D. J., Gunther C., Schweizer D. Signaling in equity crowdfunding. *Entrepreneurship: Theory and Practice*, 2015, 39(4): 955–980. DOI: 10.1111/etap.12157
52. Moritz A., Block J. H. Crowdfunding und Crowdinvesting: State-of-the-Art der wissenschaftlichen Literatur. *Zeitschrift für KMU und Entrepreneurship*, 2014, 62(1): 57–89. DOI: 10.2139/ssrn.2274141
53. Belleflamme P., Lambert T., Schwienbacher A. Individual crowdfunding practices. *Venture Capital: An International Journal of Entrepreneurial Finance*, 2013, 15(4): 313–333. DOI: 10.1080/13691066.2013.785151
54. Summers B., Wilson N. Trade credit management and the decision to use factoring: an empirical study. *Journal of Business Finance & Accounting*, 2000, 27(1-2): 37–68. DOI: 10.1111/1468-5957.00305
55. Ivanovic S., Baresa S., Bogdan S. Factoring: Alternative model of financing. *UTMS Journal of Economics*, 2011, 2(2): 189–206.
56. Spasić I., Bejatović M., Dukić-Mijatović M. Factoring – instrument of financing in business practice – some important legal aspects. *Ekonomika istraživanja*, 2012, 25(1): 191–211. DOI: 10.1080/1331677X.2012.11517502
57. Onaepemipo E., Zubairu H., Abubakar B., Araga S., Umar H., Ochepe A. Factoring as an effective working capital option: a critical review. *International Journal of Commerce and Finance*, 2019, 5(1): 60–69.
58. Reindorp M., Tanrisever F., Lange A. Purchase order financing: credit, commitment, and supply chain consequences. *Operations Research*, 2018, 66(5). DOI: 10.1287/opre.2018.1727
59. Caldentey R., Haugh M. B. Supply contracts with financial hedging. *Operations Research*, 2009, 57(1). DOI: 10.1287/opre.1080.0521
60. Kovačević V., Zakić V., Milovanović M., Subić J., Jeločnik M. Electronic warehouse receipts registry as a step from paper to electronic warehouse receipts. *Economics of Agriculture*, 2016, 63(3): 801–815. DOI: 10.5937/ekoPolj1603801K

61. Indhumathi V., Priya P., Somasundaram R. Review of warehouse receipt financing method of funding working capital. *International Journal of Scientific & Technology Research*, 2019, 8(11): 848–850.
62. Towo N. N., Kimaro P. J. Warehouse receipt system: a solution towards smallholder farmers' financial constraints? *International Journal of Economics, Commerce and Management*, 2014, II(7). Available at: <http://ijecm.co.uk/wp-content/uploads/2014/07/2719.pdf> (accessed 09 Nov 2020).
63. Mahanta D. Review of warehouse receipt as an instrument for financing in India. *International Journal of Scientific & Technology Research*, 2012, 1(9): 42–45.
64. Gashayie A., Singh M. Agricultural finance constraints and innovative models experience for Ethiopia: empirical evidence from developing countries. *Research Journal of Finance and Accounting*, 2015, 6(7): 39–49.
65. Robicheaux S. H., Xudong F., Ligon J. A. Lease financing and corporate governance. *Financial Review*, 2008, 43(3): 403–437. DOI: 10.1111/j.1540-6288.2008.00200.x
66. Wafula P., Namusonge G., Nambuswa E. Effect of leasing on the financial performance of the county government of Trans Nzoia. *International Journal of Scientific and Research Publications*, 2016, 6(9): 624–631.
67. Wang L., Gong W., Song W., Zaheer A. N. Regional financial leasing development and countermeasure study – taking financial leasing of Anhui province as example. *Open Journal of Business and Management*, 2016, 4(1): 120–129. DOI: 10.4236/ojbm.2016.41014
68. Al-Shiab M. S., Bawaneh S. S. Determinants of financial leasing development in Jordan. *Studies in Business and Economics*, 2008, 14(2): 25–50. DOI: 10.29117/sbe.2008.0048
69. Lamminmaki D., Guilding C. A study of Australian trade credit management outsourcing practices. *Australian Accounting Review*, 2008, 14(32): 53–62. DOI: 10.1111/j.1835-2561.2004.tb00283.x
70. Atanasova C. Access to institutional finance and the use of trade credit. *Financial Management*, 2007, 36(1): 49–67. DOI: 10.1111/j.1755-053X.2007.tb00164.x
71. Chluddek A. K. A note on the price of trade credit. *Managerial Finance*, 2011, 37(6): 565–574. DOI: 10.1108/03074351111134754
72. Yazdanfar D., Ohman P. Substitute or complement? The use of trade credit as a financing source among SMEs. *Management Research Review*, 2017, 40(1): 10–27. DOI: 10.1108/MRR-06-2015-0153
73. García-Teruel P. J., Martínez-Solano P. Determinants of trade credit: a comparative study of European SMEs. *International Small Business Journal*, 2010, 28(3): 215–233. DOI: 10.1177/0266242609360603
74. Bruton G., Khavul S., Siegel D., Wright M. New financial alternatives in seeding entrepreneurship: microfinance, crowdfunding, and peer-to-peer innovations. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2015, 39(1): 9–26. DOI: 10.1111/etap.12143
75. Mollick E. The dynamics of crowdfunding: an exploratory study. *Journal of Business Venturing*, 2014, 29(1): 1–16. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2013.06.005
76. McKenny A. F., Allison T. H., Ketchen D. J., Short J. C., Ireland R. D. How should crowdfunding research evolve? A survey of the Entrepreneurship Theory and Practice editorial board. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2017, 41(2): 291–304. DOI: 10.1111/etap.12269
77. Agrawal A., Catalini C., Goldfarb A. Crowdfunding: geography, social networks, and the timing of investment decisions. *Journal of Economics & Management Strategy*, 2015, 24(2): 253–274. DOI: 10.1111/jems.12093

оригинальная статья

УДК 332.1

О влиянии геоинформационных технологий на экономику региона

Артем Олегович Рада

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Алина Вадимовна Колесник

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Ирина Владимировна Гавриленко

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

irinakalacheva@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6530-473X>

Поступила в редакцию 07.11.2020. Принята в печать 10.02.2021.

Аннотация: Исследование проводилось на базе геоинформационной системы Кемеровской области – Кузбасса. Цель – определение экономического эффекта от применения отдельных аналитических слоев геоинформационной системы «Кузбасс» в экономике региона. Задачами исследования определены изучение теоретических основ построения и использования геоинформационных систем, установление направлений использования геоинформационных систем, выявление их преимуществ, составление характеристики геоинформационной системы «Кузбасс». Объект – геоинформационная система «Кузбасс», предмет – набор аналитических слоев системы. Для решения поставленных задач использовались описательный, аналитический и сравнительный методы. Исследование показало, что применение геоинформационных систем дает возможность эффективно управлять территорией за счет использования многофакторной информации. Это достигается путем постоянной актуализации и систематизации данных о регионе. В рамках изучения геоинформационной системы «Кузбасс» выявлено несколько направлений положительного влияния на экономику региона. Наблюдается увеличение доходов бюджетов городских округов региона за счет увеличения налоговых поступлений от объектов, выявленных с помощью геоинформационной системы, а также за счет поступления штрафов по выявленным правонарушениям.

Ключевые слова: геоинформационная система, экономический эффект, аналитические слои ГИС, Кузбасс, типы пользователей ГИС, Google Maps, Mapbox, GeoServer

Цитирование: Рада А. О., Гавриленко И. В., Колесник А. В. О влиянии геоинформационных технологий на экономику региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 123–128. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-123-128>

Введение

Территориальное планирование – один из важнейших инструментов управления пространственно-временными системами. В результате его использования в регионах определяется характер пространственного размещения ресурсов, проводится оптимизация территориального распределения производственных и иных социально-экономических систем [1; 2]. В конечном итоге это влияет на эффективность экономики всего региона и его взаимодействия с внешней средой. Проведение территориального планирования в условиях глобальной информатизации и цифровизации невозможно без использования современных геоинформационных технологий. Геоинформационные системы (ГИС) предоставляют пользователям многофакторную информацию, позволяя более эффективно управлять территорией. Внедрение такой ГИС-технологии на территории Кузбасса позволит систематизировать и актуализировать геопространственные данные региона,

что в дальнейшем при использовании отдельных аналитических слоев ГИС может привести к положительным экономическим эффектам.

Результаты обзора научной литературы показали, что проблема территориального планирования с использованием геоинформационных технологий проработана достаточно глубоко [3; 4], широко представлены содержательные аспекты ГИС как отдельной информационной технологии [5]. Однако изучение литературы также показало, что исследователями поверхностно рассмотрены возможные положительные эффекты, которые могут быть получены городами и регионами от использования геоинформационных технологий [6–10]. В связи с этим цель исследования – определение экономического эффекта от применения отдельных аналитических слоев ГИС на примере ГИС «Кузбасс» и экономики Кемеровской области.

Содержательные аспекты геоинформационных систем

Как показывает практика территориального планирования, наиболее эффективным способом мониторинга различных региональных проектов, привязанных к конкретной территории, и способом решения проблем отсутствия единой информации о размещении объектов инфраструктуры, повышения эффективности процессов управления, хранения, обработки данных, представления информации для принятия решений является геоинформационная технология и применяемые в ее орбите ГИС [11–15].

ГИС – это информационная система, обеспечивающая сбор, хранение, обработку, доступ, отображение и распространение пространственно-координированных данных [16]. ГИС дают возможность, используя картографирование, делать пространственные описания территорий, характеризовать и анализировать объекты окружающей среды, отражать реальные события. Методологической основой процессов формализации данных в ГИС является цифровое моделирование местности, которое объединяет процессы сбора первичной информации, ее моделирования, обработки и формирования документов.

Особенность ГИС заключается в сочетании модельного изображения территории (электронная карта) с информацией табличного типа (статистические данные, списки, экономические показатели и др.). В основе концепции ГИС-технологии лежит создание многослойных электронных карт, опорный слой которых описывает географию территории, а каждый последующий – один из аспектов состояния территории.

Фактически ГИС включает три компонента: пространственные данные, аппаратное и программное обеспечение. Описание пространственных данных в ГИС состоит из двух частей: пространственных координат и атрибутов. Объектами, с которыми работает ГИС, могут быть точки, линии, ареалы, полигоны, рельефы, элементы изображений аэрокосмических снимков. Пространственные данные в ГИС представлены в растровом или векторном типе. Растровый тип данных используется для отображения разнородных элементов (при отображении почвенного покрова, температуры, распределения осадков). Векторный тип данных используется для отражения точек, линий, полигонов, например, отдельно стоящих деревьев, строений, дорог¹ [17]. Аппаратное обеспечение ГИС включает приборы сбора и ввода данных, управления, обработки и анализа данных, устройства хранения информации, компьютеры, устройства отображения информации. Программное обеспечение содержит функции и инструменты, необходимые для хранения, анализа и визуализации географической информации.

Кроме того, выделяются два дополнительных компонента: исполнители (люди, работающие с программными

продуктами системы) и пользователи (специалисты, поддерживающие систему, и конечные пользователи, решающие текущие задачи и принимающие управленческие решения).

Как правило, ГИС используются на региональном, муниципальном и объектном уровнях управления. Характерными объектами на объектном уровне могут выступать рекреационные, мелиоративные, санитарные зоны и отдельные объекты территорий. В области территориального управления ГИС разного уровня используются в следующих отраслях:

1. Кадастрирование земельных участков и управление земельными ресурсами.
2. Инвентаризационный учет территориальных объектов, в том числе производственной, инженерной и социально-экономической инфраструктуры.
3. Тематическое картографирование.
4. Морская навигация.
5. Управление воздушным движением и аэронавигационное картографирование.
6. Навигация наземного транспорта.
7. Дистанционное зондирование Земли.
8. Управление природными ресурсами.
9. Управление природосбережением.
10. Все виды мониторинга земной поверхности и окружающей среды.
11. Управление минерально-сырьевыми ресурсами территорий.
12. Управление транспортными потоками.
13. Управление ходом строительства.
14. Управление развитием телекоммуникационных сетей.
15. Управление агропромышленным комплексом и сельскими территориями [18; 19].

Приведенные сферы применения ГИС-технологий в территориальном развитии не окончательны, т. к. сфера использования ГИС постоянно расширяется [20]. Исходя из особенностей ГИС, можно выделить следующие ее преимущества для территориального планирования:

1. ГИС является совокупностью тематических слоев, обеспечивающих упрощение хранения большого массива данных о конкретной территории в единой системе.

2. Использование ГИС за счет сосредоточения в ней больших массивов данных сокращает время на получение ответов на запросы. Например, на те, которые касаются выявления территорий, подходящих для размещения конкретных объектов или проведения мероприятия, определения взаимосвязи состояния природной среды и урожайности сельскохозяйственных культур на конкретной территории, обнаружения мест разрыва сетей, локализации пожаров и др.

¹ Присяжнюк С. П., Карманов Д. В., Гусачев М. С., Важенин И. А. Математическая модель формирования базы объектно-ориентированных пространственных данных. Свидетельство о гос. рег. программ для ЭВМ № 2015610699 (2015).

3. Использование ГИС способствует принятию более качественных обоснованных решений. С помощью ГИС-технологии требуемая для принятия решения информация представляется в лаконичной картографической форме с дополнительными пояснениями, диаграммами и графиками, в зависимости от тематических слоев. Наличие такой доступной для восприятия обобщенной информации позволяет региональному менеджменту сконцентрироваться на принятии решения, не тратя значительного времени на сбор и обработку разнородных данных [21].

4. ГИС позволяет осуществлять контроль, дает возможность выполнять мониторинг по значимым проектам, следить за динамикой изменения ключевых показателей (например, уровнем выбросов загрязняющих веществ), осуществлять кадастровый учет [22].

5. ГИС с учетом имеющихся баз данных позволяет создавать карты любой территории в любом масштабе с отмеченными требуемыми символами и обозначениями, которые в дальнейшем можно корректировать [23].

Обзор ГИС «Кузбасс»

ГИС «Кузбасс» создана в 2019 г. с целью цифровизации всех информационных данных об области и ее городах, повышения эффективности контроля за бережной эксплуатацией, восстановлением и при необходимости экстренного реагирования ответственных служб за инфраструктуру области и городов, а также природных ресурсов на этой территории. Региональная ГИС предназначена для получения пользователями максимально подробной геопространственной информации об объектах для проведения комплекса мероприятий как со стороны органов власти, так и других компаний-исполнителей посредством картографического комплекса и программно-аппаратной части системы.

К данным системы могут обращаться три группы пользователей: администратор системы, пользователь сети Интернет, пользователь внутренней сети. Максимальный доступ предоставлен администратору, который может просматривать все данные системы, создавать новые блоки данных, корректировать имеющуюся информацию и удалять ее из системы. Пользователи второго уровня (из сети Интернет и внутренней сети администрации области или города) имеют доступ к отдельным блокам данных, могут их просматривать, но вносить изменения, удалять или дополнять их возможности не имеют.

ГИС «Кузбасс» построена на основе данных нескольких видов карт:

- 1) *Google Maps*, предоставляющей спутниковые снимки местности;
- 2) *Mapbox*, показывающей растровые слои карты (сетку пикселей, каждый из которых содержит значение, описывающее состояние поверхности, охватываемой этой ячейкой);

3) *GeoServer*, представляющей слои ортофотоплана и векторных слоев с идентификаторами объектов слоя.

По сути, ГИС «Кузбасс» позволяет оцифровать и объединить воедино такие данные об области и ее городах, как инженерная инфраструктура, земле- и недропользование, состояние лесов, рек, воздуха и прочих объектов. При этом вся информация концентрируется на одной платформе, постоянно пополняется и обновляется, способствует получению экономических выгод от использования имеющихся данных.

Экономический эффект от применения отдельных аналитических слоев ГИС «Кузбасс»

К блокам ГИС «Кузбасс», несущим информацию о регионе, относятся цифровые двойники, аналитическая информация, оперативная информация, данные о составе воздуха. Наиболее важная информация, которая в дальнейшем может быть подвергнута экономическому анализу с целью выявления экономических эффектов, представлена в блоке «Аналитическая информация», т. к. она включает подразделы, касающиеся мониторинга целевого использования земель в границах недропользования, целевого использования ресурсов лесного фонда в границах лесничеств, использования земель по объектам линейной инфраструктуры, состояния земель сельскохозяйственного назначения. Так, на примере подраздела «Мониторинг целевого использования земель в границах недропользования» и слоя «Кадастровые земельные участки: каменный уголь» на определенной территории Кузбасса могут быть выявлены а) объекты с явными признаками использования земельных участков не по целевому назначению; б) объекты, для которых требуется ревизия правоустанавливающих документов на ведение открытых горных работ на земельном участке.

По объектам, представленным выше, ГИС «Кузбасс» формирует отчет, позволяющий определить потенциальный объем штрафов, который может быть взыскан с юридических лиц (угольных компаний), что в дальнейшем увеличит доходы бюджета конкретного городского округа. Кроме того, сформированный отчет позволяет произвести расчет объема неуплаченных налогов, а именно объема налога на добычу полезных ископаемых, а также земельного налога при условии предоставления дополнительных данных. Такой факт позволит произвести взыскание сумм неуплаченных налогов, штрафов за неуплату данных налогов с угольных компаний, что приведет к увеличению доходов бюджета конкретного городского округа в части земельного налога.

Для объектов с явными признаками использования земельных участков не по целевому назначению может быть назначен штраф в соответствии с принадлежностью участка к той или иной категории земель и (или) его разрешенным использованием в размере 1,5–2 % от кадастровой стоимости земельного участка для юридических лиц, но не менее 100 тыс. руб. (ст. 8.8, п. 1 КоАП РФ).

По объектам, для которых требуется ревизия правоустанавливающих документов на ведение открытых горных работ на земельном участке, может быть назначено несколько видов штрафов:

1) за самовольное занятие земельного участка или части земельного участка, в том числе использование земельного участка лицом, не имеющим предусмотренных законодательством РФ прав на указанный земельный участок в размере 2–3 % от кадастровой стоимости земельного участка для юридических лиц, но не менее 100 тыс. руб. (ст. 7.1 КоАП РФ);

2) за пользование недрами без лицензии на пользование недрами в размере от 800 тыс. руб. до 1 млн руб. (ст. 7.1 КоАП РФ);

3) за неуплату налога на добычу полезных ископаемых, добытых на данной территории в размере 40 % от неуплаченной суммы налога (ст. 122, п. 3 НК РФ).

В зависимости от назначенных штрафов и их рублевого эквивалента, итоговая сумма, на которую возможно увеличение доходов бюджета конкретного городского округа Кузбасса, может меняться.

В качестве примера влияния ГИС «Кузбасс» на экономику региона можно рассмотреть слой «Предположительные границы незаконных вырубок (убыли леса)». В результате отображения данного слоя ГИС на территории лесничества конкретного городского округа Кузбасса могут быть выявлены лесные участки, требующие проверки правоустанавливающих документов на пользование. В дальнейшем ГИС формирует отчет, проанализировав который, можно выявить, что по определенному количеству лесных участков, требующих проверки правоустанавливающих документов, наблюдается убыль леса, которая может быть связана с незаконной вырубкой. Отчет позволит определить потенциальный объем штрафов, который может быть взыскан с лиц, занимающихся незаконной вырубкой леса на территории лесничеств, что в дальнейшем позволит остановить ведение незаконной вырубки леса и увеличить доходы бюджета городского округа.

Литература

1. Нестерова О. Е. Геоинформационные системы как инструмент создания земельных информационных систем // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2007. Т. 7. № 2. С. 35–37.
2. Карманов А. Г., Кнышев А. И., Елисеева В. В. Геоинформационные системы территориального управления. СПб.: Университет ИТМО, 2015. 121 с.
3. Щепак В. В. Развитие управления территориями на основе использования географических информационных систем // Бизнес Информ. 2015. № 10. С. 74–79.
4. Каганович А. А. Планирование территориальной устойчивости с использованием геоинформационных систем // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2017. № 46. С. 203–207.
5. Цветков В. Я., Кужелев П. Д. Геоинформационные системы как новые автоматизированные системы управления // Изв. вузов. «Геодезия и аэрофотосъемка». 2003. № 1. С. 115–124.
6. Авхадиева А. А. Использование ГИС-технологий в экологическом картографировании // Молодой ученый. 2019. № 31. С. 27–28.
7. Миронова Ю. Н. Геоинформационные системы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3-1. С. 63–65.

Ответственность за незаконную вырубку леса предусмотрена как в КоАП РФ, так и в УК РФ. Основным критерием разграничения уголовно наказуемой незаконной рубки лесных насаждений (ч. 1 ст. 260 УК РФ) и незаконной рубки лесных насаждений, за которую ответственность предусмотрена ст. 8.28 КоАП РФ, является значительный размер ущерба, причиненного посягательством, который должен превышать 5 тыс. руб. В соответствии с УК РФ размер штрафа за незаконную вырубку леса может варьироваться от 100 тыс. руб. до 3 млн руб. По КоАП РФ размер штрафа за незаконную вырубку леса может варьироваться от 3 тыс. руб. до 700 тыс. руб.

Таким образом, проведя анализ данных, представленных в ГИС «Кузбасс», можно выявить несколько направлений положительного влияния данной системы на экономику региона. Это увеличение доходов бюджетов городских округов региона, во-первых, за счет увеличения налоговых поступлений от объектов, выявленных с помощью ГИС, и, во-вторых, за счет поступления штрафов по выявленным правонарушениям.

Заключение

Нами были изучены теоретические основы построения и использования ГИС, определены направления и преимущества их использования. Рассмотрена ГИС Кемеровской области – Кузбасса, выявлены несколько направлений положительного влияния данной системы на экономику региона: увеличение доходов бюджетов городских округов региона за счет увеличения налоговых поступлений от объектов, выявленных с помощью ГИС «Кузбасс», и за счет поступления штрафов по выявленным правонарушениям. Считаем необходимым подчеркнуть важность внедрения ГИС на территориях регионов. Использование ГИС на территории городских округов для экономических целей, правильная интерпретация информации, полученной в ходе применения таких систем, в дальнейшем позволят улучшить экономическое состояние и городских округов, и региона, и страны в целом.

8. Бугаевский А. М., Цветков В. Я. О подготовке учебного пособия по геоинформатике // Изв. вузов. «Геодезия и аэрофотосъемка». 2001. № 4. С. 122–128.
9. Еремин И. Е., Дубинин М. В., Мишаченко К. Г., Пузанов П. И. Реалистичная модель городского пространства // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2014. Т. 5. № 4. С. 1379–1384.
10. Джумалиева Г. Т., Ильманбетова Е. Б., Григорьев К. М., Шарова И. С., Безуглова М. С. Применение геоинформационных технологий в геоэкологических исследованиях // Роль технических наук в развитии общества: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 26–27 ноября 2015 г.) Кемерово, 2015. С. 34–37.
11. Андреева О. А. Геоинформационное моделирование при проектировании линейных объектов // ИТНОУ: Информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2019. № 1. С. 30–39.
12. Савиных В. П. Геоинформационное моделирование в космических исследованиях // Образовательные ресурсы и технологии. 2017. № 3. С. 109–117. DOI: 10.21777/2500-2112-2017-3-109-117
13. Зайцева О. В. Развитие цифрового моделирования // Славянский форум. 2015. № 3. С. 105–112. DOI: 10.18384/slavic-forum-15-05-2015
14. Омельченко А. С. Геоданные как инновационный ресурс // Качество. Инновации. Образование. 2006. № 1. С. 12–14.
15. Лотоцкий В. Л. Пространственное информационное моделирование // Образовательные ресурсы и технологии. 2016. № 3. С. 114–122. DOI: 10.21777/2312-5500-2016-3-114-122
16. Цветков В. Я. Геоинформационное моделирование // Информационные технологии. 1999. № 3. С. 23–27.
17. Цветков В. Я. О пространственных и экономических отношениях // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 3. С. 115–117.
18. Булаев А. А., Липатова С. В., Смагин А. А. Система автоматизированного проектирования и моделирования 3D ГИС // Вестник НГИЭИ. 2017. № 6. С. 18–31.
19. Смыслова О. Ю., Нестерова Н. Н., Меренкова И. Н., Строев П. В. ГИС-моделирование в системе макроэкономического и пространственного регулирования устойчивого развития России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-1. С. 69–80.
20. Вагапов А. Р. ГИС-технологии в определении зон опережающего развития экономик регионов // Вестник кибернетики. 2009. № 8. С. 110–115.
21. Светличная Д. А. Концепция региональной геоинформационной системы оценки и управления природно-ресурсным потенциалом региона // Бизнес Информ. 2012. № 11. С. 111–115.
22. Tomlinson R. Thinking about GIS: geographic information system planning for managers. N. Y.: ESRI, Inc., 2007. 238 p.
23. Родина У. С. Сущность и понятие геоинформационных систем // Студенческий научный форум-2017: мат-лы IX Междунар. студенческой электронной науч. конф. (Саратов, 15–30 февраля 2017 г.) Саратов, 2017. Режим доступа: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2017/29794.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).

original article

Effect of Geographic Information Technologies on Regional Economy

Artem O. Rada

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Alina V. Kolesnik

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Irina V. Gavrilenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

irinakalacheva@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6530-473X>

Received 7 Nov 2020. Accepted 10 Feb 2021.

Abstract: This study featured the geographic information system of the Kemerovo region (Kuzbass). The research objective was to determine the economic benefits of using various analytical layers of GIS Kuzbass. The authors reviewed the theoretical foundations of geographic information systems, as well as defined the main directions and advantages of their application. The paper introduces a detailed description of GIS Kuzbass and its effect on the local economy. The study involved descriptive, analytical, and comparative methods. Geographic information systems use multifactor information, which is constantly updated and systematized, thus making it possible to manage the territory quite effectively. GIS Kuzbass proved to be extremely effective. First, it can increase budget revenues of urban districts by increasing tax revenues from objects identified by the system. Second, it can increase budgets by obtaining fines for offenses detected by GIS Kuzbass.

Keywords: geographic information system, economic effect, GIS analytical layers, Kuzbass, types of GIS users, Google Maps, Mapbox, GeoServer

Citation: Rada A. O., Gavrilenko I. V., Kolesnik A. V. Effect of Geographic Information Technologies on Regional Economy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 123–128. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-123-128>

References

1. Nesterova O. E. Geoinformation systems as the tool of creation of ground information systems. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Earth Sciences*, 2007, 7(2): 35–37. (In Russ.)
2. Karmanov A. G., Knyshev A. I., Eliseeva V. V. *Geographic information systems of territorial management*. St. Petersburg: Universitet ITMO, 2015, 121. (In Russ.)
3. Shchepak V. V. Development of territorial management based on the use of geographic information systems. *Biznes Inform*, 2015, (10): 74–79. (In Russ.)
4. Kaganovich A. A. Planning of territorial stability using geographic information systems. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2017, (46): 203–207. (In Russ.)
5. Tsvetkov V. Ya., Kuzhelev P. D. Geographic information systems as new automated control systems. *Izvestiya vuzov "Geodeziya i aerofotolyemka"*, 2003, (1): 115–124. (In Russ.)
6. Avkhadiyeva A. A. Use of GIS technologies in ecological mapping. *Molodoi uchenyi*, 2019, (31): 27–28. (In Russ.)
7. Mironova Yu. N. Geographic information systems. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, (3-1): 63–65. (In Russ.)
8. Bugaevskii L. M., Tsvetkov V. Ya. On the preparation of a textbook on geoinformatics. *Izvestiya vuzov "Geodeziya i aerofotolyemka"*, 2001, (4): 122–128. (In Russ.)
9. Eremin I. E., Dubinin M. V., Mishachenko K. G., Puzanov P. I. Realistic model of city space. *Elektronnoe nauchnoe izdanie "Uchenye zametki TOGU"*, 2014, 5(4): 1379–1384. (In Russ.)
10. Dzhumaliev G. T., Ilmanbetova E. B., Grigorev K. M., Sharova I. S., Bezuglova M. S. Application of geographic information technologies in geo-ecological research. *The role of technical sciences in the development of society: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 26–27 Nov, 2015. Kemerovo, 2015*, 34–37. (In Russ.)
11. Andreeva O. A. Geoinformational modeling for designing linear objects. *ITNOU: Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii*, 2019, (1): 30–39. (In Russ.)
12. Savinykh V. P. Geoinformation modeling in space researches. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*, 2017, (3): 109–117. (In Russ.) DOI: [10.21777/2500-2112-2017-3-109-117](https://doi.org/10.21777/2500-2112-2017-3-109-117)
13. Zaitseva O. V. Development of digital simulation. *Slavianskii forum*, 2015, (3): 105–112. (In Russ.) DOI: [10.18384/slavic-forum-15-05-2015](https://doi.org/10.18384/slavic-forum-15-05-2015)
14. Omelchenko A. S. Geodata as an innovative resource. *Quality. Innovation. Education*, 2006, (1): 12–14. (In Russ.)
15. Lototsky V. L. Spatial Information modeling. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*, 2016, (3): 114–122. (In Russ.) DOI: [10.21777/2312-5500-2016-3-114-122](https://doi.org/10.21777/2312-5500-2016-3-114-122)
16. Tsvetkov V. Ya. Geographic information modeling. *Informatsionnye tekhnologii*, 1999, (3): 23–27. (In Russ.)
17. Tsvetkov V. Ya. On spatial and economic relations. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia*, 2013, (3): 115–117. (In Russ.)
18. Bulaev A. A., Lipatova S. V., Smagin A. A. System of automated design and modeling of 3D GIS. *Vestnik NGIJeI*, 2017, (6): 18–31. (In Russ.)
19. Smyslova O. Yu., Nesterova N. N., Merenkova I. N., Stroeve P. V. GIS-modeling in the system of macroeconomic and spatial regulation of sustainable development of Russia. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki*, 2017, (3-1): 69–80. (In Russ.)
20. Vagapov A. R. Gis technologies in determination of leading development zones for regional economies. *Vestnik kibernetiki*, 2009, (8): 110–115. (In Russ.)
21. Svetlichnaya D. A. Concept of the regional information system for measuring and managing of the natural resource potential of the region. *Biznes Inform*, 2012, (11): 111–115. (In Russ.)
22. Tomlinson R. *Thinking about GIS: geographic information system planning for managers*. N. Y.: ESRI, Inc., 2007, 238.
23. Rodina U. S. The essence and concept of geographic information systems. *Student Scientific Forum-2017: Proc. IX Intern. Student Electronic Sci. Conf., Saratov, 15–30 Feb, 2017. Saratov, 2017*. Available at: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2017/29794.pdf> (accessed 10 Sep 2020). (In Russ.)

оригинальная статья
УДК 631.145:338.43

Ресурсный потенциал устойчивого развития предприятий агропромышленного комплекса: структура и факторы формирования

Евгения Валерьевна Соколова

Тарский филиал Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, Россия, г. Тара
lev-15@mail.ru

Поступила в редакцию 19.11.2020. Принята в печать 04.02.2021.

Аннотация: Исследование посвящено комплексному изучению ресурсного потенциала предприятий агропромышленного комплекса как одного из факторов устойчивого развития территории. Цель – изучение структуры ресурсного потенциала предприятий агропромышленного комплекса в условиях постиндустриального общества и выявление факторов, обеспечивающих эффективность его использования. Системные изменения современного общества требуют новых подходов к пониманию категории ресурсного потенциала. Информатизация общества и цифровизация сельского хозяйства предполагают новые установки и взгляды на использование ресурсного обеспечения предприятий агропромышленного комплекса. На основе анализа имеющихся в отечественной и зарубежной науке подходов к понятию ресурсного потенциала автор включает в него потенциал сельскохозяйственного предприятия в совокупности материально-вещественных, энергетических, информационных средств и трудовых ресурсов. Методологической основой выступили принципы междисциплинарности и системности, что позволило рассмотреть изучаемые явления с различных сторон как единое целое, состоящее из взаимосвязанных компонентов. Ресурсный потенциал региона рассматривается как синтетический показатель: каждый отдельно взятый ресурс не позволяет оценивать деятельность предприятия. Акцентируется внимание на том, что грамотное распоряжение имеющимися у предприятия ресурсами является залогом его успешного функционирования, а ядро ресурсного потенциала любого предприятия – его кадровый состав. Выявлена структура ресурсного потенциала предприятия, установлены факторы, определяющие формирование и функционирование ресурсного обеспечения в современном обществе. Результаты исследования будут способствовать выработке концепции устойчивого развития предприятий, что является одной из приоритетных задач в процессе комплексной модернизации общества.

Ключевые слова: человеческий капитал, современное общество, цифровизация сельского хозяйства, экономическое развитие, Омская область

Цитирование: Соколова Е. В. Ресурсный потенциал устойчивого развития предприятий агропромышленного комплекса: структура и факторы формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-129-135>

Введение

Агропромышленный комплекс представляет собой одну из важнейших отраслей российской экономики. Системные изменения современного общества значительным образом повлияли на агропромышленные предприятия. Эти изменения носят двусторонний характер. С одной стороны, техническое переоснащение предприятий и цифровизация сельского хозяйства способствуют развитию отрасли, а с другой – требуют пересмотра, активизации и использования ее ресурсного обеспечения. Этим обусловлена актуальность и практическая значимость выбранной темы. Цель – изучение структуры ресурсного потенциала предприятий агропромышленного комплекса в условиях постиндустриального общества и выявление факторов, обеспечивающих эффективность его использования. Особенностью исследования является его социальный характер, обусловленный тесной взаимосвязью социальной и экономической составляющих общества,

которая сегодня не просто является необходимостью, а во многом определяет ход развития социума [1; 2].

Понятие *ресурсный потенциал* широко рассматривается в экономической науке. Сегодня существует несколько подходов к его пониманию. Е. В. Богомолова и Т. Н. Толстых определяют ресурсный потенциал как совокупность всех видов взаимосвязанных между собой ресурсов предпринимательской структуры, использование которых позволяет достичь максимального экономического эффекта [3]. Б. И. Смагин под ресурсным потенциалом понимает совокупность трудовых, природных и материальных затрат, определяющихся количеством, качеством и внутренней структурой каждого ресурса [4]. В. А. Свободин в содержание ресурсного потенциала включает совокупность всех ресурсов предприятия, которыми оно располагает [5]. А. П. Шатрова акцентирует внимание именно на потенциале предприятия и считает необходимым

вовлекать в производство все имеющиеся ресурсы, которые предприятие не использует, но имеет во внешней среде в настоящий момент и может получить в будущем [6].

Мы под рассматриваемой категорией понимаем совокупность технических, технологических, энергетических, информационных, инновационных, инвестиционных и трудовых ресурсов предприятия. Сущность изучаемого понятия позволяет говорить о ресурсном потенциале предприятия как об одном из ведущих факторов его развития. При этом следует помнить, что не только материальные, но и нематериальные ресурсы определяют возможности агропромышленного комплекса и оказывают существенное влияние на эффективность его функционирования. Именно к последним мы относим уровень развития социальной сферы и кадровое обеспечение предприятий – производителей сельскохозяйственной продукции.

Методологической основой исследования выступают ключевые подходы и принципы современной науки: системный подход и принцип междисциплинарности. Применение системного подхода позволило рассмотреть изучаемые явления с различных сторон как единое целое, состоящее из взаимосвязанных компонентов. Принцип междисциплинарности дал возможность использовать достижения современных общественных наук, что необходимо для проведения подобного рода исследований.

Результаты

Устойчивое развитие предприятий агропромышленного комплекса определяется многими факторами. Ресурсный потенциал выступает лишь одним из них. Однако грамотное распоряжение ресурсами является залогом успешного функционирования предприятия.

Отличительной особенностью ресурсного потенциала сельскохозяйственных предприятий выступает его прямая зависимость от природно-климатических условий конкретной территории. Именно они определяют специфику сельскохозяйственного производства (возделывание культур, разведение животных) и вектор развития предприятий агропромышленного комплекса. Четкая система хозяйствования, базирующаяся на последних достижениях науки и передовой практики, позволяет учитывать природные явления и минимизировать их влияние на процесс производства [7–9]. Еще одной важнейшей составляющей ресурсного потенциала предприятий агропромышленного комплекса выступают основные факторы производства сельскохозяйственной отрасли: количество и качество земель сельскохозяйственного назначения (земля как фактор производства), качество и состояние материально-технической базы (капитал), квалифицированные трудовые ресурсы, задействованные в отрасли (труд).

Но благоприятные природно-климатические условия и наличие земельного фонда сельскохозяйственного назначения еще не гарантируют эффективности деятельности предприятия. В этой связи важным компонентом ресурсного потенциала выступает грамотный управленческий аппарат, который позволит объединить все ресурсы предприятия в единую систему, а не использовать их изолировано. Это создаст условия для прогнозирования дальнейшей эффективной деятельности предприятия, преумножения и обогащения его ресурсного потенциала.

На наш взгляд, ядром ресурсного потенциала любого предприятия является его кадровый состав¹. Вопросы, связанные с изучением человеческого капитала, рассматривают как отечественные, так и зарубежные исследователи [10]. Мы вслед за А. А. Хоконовым под человеческим капиталом предлагаем понимать сложный синтетический фактор, включающий в себя совокупность социально-экономических, психологических и других параметров человеческих ресурсов: уровень образования, стрессоустойчивость, когнитивные и творческие способности, производственный опыт, степень свободы, управленческие и предпринимательские способности, менталитет, уровень культуры, качество труда, состояние здоровья, адаптивные качества, способность к самоорганизации [11].

Формирование кадрового потенциала предприятий агропромышленного комплекса сегодня сопряжено с рядом трудностей. Снижение популярности сельскохозяйственного труда влечет за собой отсутствие у молодежи желания работать на земле. Названная проблема является одной из актуальных и требует решения. Этот процесс проходит параллельно с особой потребностью предприятий аграрного сектора в квалифицированных кадрах. Цифровизация сельского хозяйства требует специалистов иного уровня, владеющих не только предметными узкоспециальными знаниями, но и широким кругом умений и навыков. Рассматривая образование в качестве фактора развития человеческого капитала, важно отметить системность, целостность, последовательность и комплексность в работе по формированию личностных качеств человека, по формированию мотивации и ценностных ориентиров обучающихся. Особенно значимо проведение исследований в области изучения социально-культурных условий, в которых функционирует современная система образования. Ресурсный потенциал современного педагога и его психоэмоциональный настрой во многом определяют позицию современного школьника как будущего специалиста [12; 13].

Одним из главных субъективных факторов формирования человеческого капитала является высокий уровень сознательности при инвестировании ресурсов в образование, повышение квалификации и уровня культуры,

¹ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on 25.09.2015 № 70/1 // ООН. Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (дата обращения: 12.10.2020).

здоровье. Здесь особое внимание следует уделить устойчивой позитивной мотивации. Формирование мотивации – сложный и длительный процесс, в котором участвуют все социальные институты общества. Часто именно мотивация лежит в основе личностного и профессионального самосовершенствования, определяет отношение человека к трудовой деятельности и гарантирует качественный продукт как ее результат. На формирование устойчивой позитивной мотивации должны быть направлены усилия не только государства, но и общества в целом и ближайшего окружения человека в частности.

Еще одной составляющей ресурсного потенциала предприятия является его техническая оснащенность. В условиях всесторонней модернизации агропромышленного комплекса техническое переоснащение предприятий требует значительных финансовых вложений. Собственных средств у сельхозпроизводителей, как правило, недостаточно. Возможности же привлечения внешних долгосрочных инвестиций для большинства предприятий ограничены. Приобретение новой техники осложняется ее высокой стоимостью и длительной окупаемостью. Особенно сложная ситуация складывается на малых предприятиях. Техника имеет высокую степень износа, требует больших вложений в ремонт. Это обуславливает ее малую производительность и эффективность. Оценка технического потенциала предприятия проводят с учетом технологических, экономических и экологических характеристик машин и оборудования. Учитываются технические характеристики машин и наличие специалистов, способных работать на них.

Технологическая составляющая ресурсного потенциала также играет весомую роль в развитии предприятия. Эта компонента особенно актуальна в условиях перехода от топливно-сырьевой экономики к инновационно-технологической. Такая тенденция требует создания целостной инновационной системы с развитым рынком технологий, развитой инфраструктурой и правовой защитой интеллектуальной собственности. Обеспечение продовольственной безопасности государства возводит задачу технологизации в разряд первостепенных для предприятий сельского хозяйства.

Следует отметить, что ресурсный потенциал является синтетическим показателем. Иными словами, отдельно взятые качественные и количественные расчеты эффективности предприятия не информативны и не дают возможности выработать план его развития на долгосрочную перспективу. Только учет всех элементов ресурсного потенциала в их взаимосвязи позволит просчитать все доходы и риски в краткосрочном и долгосрочном периодах. Этот подход применим как к агропромышленному комплексу региона, так и к отдельно взятому предприятию.

В последние десятилетия структура ресурсного потенциала предприятий агропромышленного комплекса существенно усложнилась. В ней появились инновационный, информационный и инвестиционный потенциал.

Названные ресурсы позволяют не только привлечь новые капиталы, но и сделать предприятие привлекательным для молодых специалистов. Мы считаем, что наращивание ресурсного потенциала зависит не от наращивания его объемов, а от грамотного глубокого и системного структурно-компонентного анализа ресурсов.

Еще одним важным аспектом является взаимосвязь всех компонентов ресурсного потенциала. Это особенно актуально для предприятий агропромышленного комплекса, т.к. здесь четко прослеживаются несколько линий зависимости. Например, зависимость сельскохозяйственной специализации региона или предприятия от природно-климатических условий или зависимость уровня производства от степени внедрения в практику хозяйствования научных разработок, отражающих последние достижения аграрной науки. В этой связи комплексность и системность выступают ведущими характеристиками ресурсного потенциала.

Для того чтобы предприятие успешно функционировало, а его ресурсы были максимально введены в оборот, необходимо особое внимание уделить механизмам управления [14]. По мнению исследователей, механизм управления ресурсным потенциалом предприятий агропромышленного комплекса следует начинать с оценки ресурсов (и задействованных в производстве, и потенциальных). Важным вектором управленческой политики должно выступать прогнозирование краткосрочных и долгосрочных результатов деятельности предприятия, определение оптимальных пропорций задействованных и потенциальных ресурсов.

С другой стороны, управленческий аппарат представляет собой один из структурных компонентов ресурсного потенциала предприятия. Это еще раз свидетельствует о взаимозависимости его составляющих. На наш взгляд, управленческий аппарат выступает одним из ведущих элементов ресурсного потенциала предприятия агропромышленного комплекса: от грамотно продуманных и своевременно принятых управленческих решений зависит и экономическая рентабельность предприятия, и кадровый потенциал, и наличие четкого плана развития с учетом всех выгод и рисков.

Эффективность и устойчивость предприятий современного отечественного агропромышленного комплекса зависит не столько от наличия и состояния их ресурсного обеспечения, сколько от их состояния, вовлечения в производство и динамики обновления. Ресурсный потенциал выступает главной материальной основой любого предприятия, и от его состояния зависит как качество и стоимость производимой продукции, так и уровень развития конкретной территории, особенно сельской. Ресурсное обеспечение каждого отдельно взятого предприятия определяет ресурсное обеспечение агропромышленного комплекса государства в целом.

Компоненты ресурсного потенциала каждого отдельно взятого предприятия можно классифицировать

по различным основаниям. Мы предлагаем разделить их на объективные и субъективные. К объективным элементам отнесем ресурсы, существование которых не зависит от человека. Это, прежде всего, природно-климатические условия территории и природные богатства. На субъективные элементы ресурсного обеспечения в производственном процессе влияет человек, его личностные и профессиональные качества. Представленная классификация не только показывает многообразие ресурсного потенциала предприятий агропромышленного комплекса, но и внешние факторы, определяющие эффективность его реализации. Природно-климатические условия во многом определяют хозяйственную специализацию предприятий и регионов, рентабельность предприятий. К природному потенциалу следует отнести и земельные ресурсы, в том числе качество земельных угодий. На долю России приходится 20 % мирового запаса пресной воды и 12 % мировых пахотных земель. Из них 13,6 % – это пашни Западной Сибири.

Потребность общества в продукции сельскохозяйственной отрасли, необходимость обеспечения продовольственной безопасности страны требуют от предприятий агропромышленного комплекса постоянного совершенствования и соответствия вызовам времени. Тип общественного развития – еще один фактор, определяющий эффективность реализации ресурсного потенциала аграрного сектора экономики. Постиндустриальное общество диктует изменения отраслевых пропорций экономики: на смену индустриальным отраслям приходят наукоемкое производство, сфера услуг и информационные технологии [15; 16]. Переход к постиндустриальному обществу, с одной стороны, повлек за собой изменение конъюнктуры рынка труда, а с другой – сформировал новый подход к отбору специалистов. Сегодня конкурентоспособные специалисты должны владеть знаниями иностранного языка, компьютерных программ, быть мобильными, уметь работать в условиях многозадачности и постоянных перемен. В связи с этим большое внимание уделяется системе непрерывного образования как средству формирования человеческого капитала в условиях общественных изменений [17].

Для села особенно актуальна проблема миграционных потоков, во многом она обусловлена слабой социальной инфраструктурой поселений сельского типа. Уровень социальной инфраструктуры гарантирует удовлетворение потребностей населения практически во всех областях его жизни, начиная от условий труда и быта, заканчивая получением образования, медицинских услуг, досугом и др. Ухудшение социальной инфраструктуры, выраженное в сокращении количества школ и детских садов, объектов культуры и спорта, некачественном и нерегулярном медицинском обслуживании, плохом торговом обслуживании малых населенных пунктов, является основной проблемой, препятствующей развитию человеческого капитала сельских территорий.

Нами проанализирован уровень развития институтов социальной инфраструктуры региона на примере Тарского муниципального района (районный центр – г. Тара), расположенного на севере Омской области. В районе проживают 45,1 тыс. человек, причем 42 % населения проживает на территории сельских округов. Основа экономики Тарского района – сельское хозяйство, лесная и деревообрабатывающая промышленность.

Социальная инфраструктура района представлена учреждениями образования всех уровней, учреждениями здравоохранения, организации досуга и бытового обслуживания. В 2018 г. дошкольные образовательные учреждения посещали 1995 детей (1305 – в городе, 690 – в селе). Наблюдается устойчивый дефицит мест в сфере дошкольного образования. Стабильно сокращается численность обучающихся средних и основных школ и, соответственно, количество учреждений образования: в 2016 г. действовало 28 общеобразовательных школ, в 2019 г. – 26 школ. Учреждения здравоохранения района представлены главным образом фельдшерско-акушерскими пунктами. Воспользоваться медицинскими услугами узкопрофильных специалистов или пройти диагностическое обследование сельское население может только в районном или областном центре.

Особенно остро названные проблемы стоят перед населением сельских поселений правобережья р. Иртыш в связи с бездорожьем. Именно в этих населенных пунктах закрываются школы, объекты торговли (за последний год количество торговых точек сократилось на 2,2 %), библиотеки. В конечном счете это приводит к расселению деревень и исчезновению их с карты района [18].

Государственная политика представляет собой внешний фактор, определяющий развитие предприятий агропромышленного комплекса. Интерес государства к тем или иным сельскохозяйственным культурам, векторы аграрной политики, приоритеты государства в области научных исследований аграрных вопросов влияют на ресурсный потенциал сельхозпредприятий [19].

Заключение

Ресурсный потенциал включает в себя комплекс всех материальных и нематериальных ресурсов, которые в совокупности обеспечивают достижение высоких стабильных экономических показателей. При этом важно понимать, что в ресурсный потенциал региона в целом или отдельно взятого предприятия входят не только ресурсы, используемые в конкретный момент времени, но и ресурсы, находящиеся в состоянии пассива. Устойчивое развитие предприятий агропромышленного комплекса определяется многими факторами, ресурсный потенциал – лишь один из них. Однако грамотное распоряжение ресурсами является залогом успешного функционирования предприятия. Ядром ресурсного потенциала любого предприятия является его кадровый состав. Мы предлагаем следующие меры, которые будут способствовать

эффективной реализации ресурсного потенциала предприятий агропромышленного комплекса в условиях современного общества:

1) стратегия экономического развития страны и национальная технологическая инициатива должны выступать ключевыми ориентирами формирования ресурсного потенциала предприятия;

2) постоянный системный мониторинг потребностей общества и государства и возможностей каждого отдельно взятого предприятия с целью эффективного использования уже имеющихся и внедрения в оборот новых ресурсов;

3) максимальное использование инструментов политического, экономического и социального прогнозирования

для своевременного обновления и корректировки задействованных и пассивных ресурсов;

4) популяризация системы непрерывного образования как ресурса формирования специалистов, отвечающих вызовам времени и выступающих компетентными на мировом уровне;

5) организация целенаправленной работы по обеспечению объектов социальной инфраструктуры, что особенно актуально для устойчивого развития сельских территорий и формирования ресурсного потенциала предприятий;

6) формирование положительного образа территории в глазах молодежи с определением перспектив ее развития и роли в жизни государства.

Литература

1. Brunori G., Branca G., Cembalo L., D'Haese M., Dries L. Agricultural and food economics: the challenge of sustainability // *Agricultural and Food Economics*. 2020. Vol. 8. DOI: 10.1186/s40100-020-00156-2
2. Gennaro B. C. de, Forleo M. B. Sustainability perspectives in agricultural economics research and policy agenda // *Agricultural and Food Economics*. 2019. Vol. 7. DOI: 10.1186/s40100-019-0134-8
3. Богомолова Е. В., Толстых Т. Н. Идентификация потенциала конкурентоспособности предпринимательских структур как резерва // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 12-1. С. 58–69.
4. Смагин Б. И. Методика оценки ресурсного потенциала в аграрном производстве // *Достижения науки и техники АПК*. 2003. № 2. С. 43–45.
5. Свободин В. А. Вопросы определения и эффективности производственного потенциала // *АПК: экономика, управление*. 1991. № 3. С. 27–30.
6. Шатрова А. П. Алгоритм внедрения методики оценки ресурсного потенциала предприятия сферы услуг // *Проблемы современной экономики*. 2011. № 3. С. 392–395.
7. Krasovskaya A. V., Mansarova A. I., Veremey T. M., Yudina E. V. Special features of biology, technology and economic efficiency of long-fibred flax cultivation in the subtaiga zone of Omsk Region // *The Fifth Technological Order: Prospects for the Development and Modernization of the Russian Agro-Industrial Sector: Proc. Intern. Sci. Conf. (Omsk, 15 Oct, 2019)*. Omsk, 2019. Vol. 393. P. 425–431. DOI: 10.2991/assehr.k.200113.217
8. Yudina E. V., Konovalov S. A. Development issues and prospects of milk processing enterprises // *The Fifth Technological Order: Prospects for the Development and Modernization of the Russian Agro-Industrial Sector: Proc. Intern. Sci. Conf. (Omsk, 15 Oct, 2019)*. Omsk, 2019. Vol. 393. P. 436–439. DOI: 10.2991/assehr.k.200113.219
9. Рада А. О., Федулова Е. А., Косинский П. Д. Разработка методики оценки эффективности внедрения цифровых технологий в агропромышленном комплексе // *Техника и технология пищевых производств*. 2019. Т. 49. № 3. С. 495–504. DOI: 10.21603/2074-9414-2019-3-495-504
10. Sokolova E. V., Zakharova T. I. Factors of formation and development of human capital in rural areas // *The Fifth Technological Order: Prospects for the Development and Modernization of the Russian Agro-Industrial Sector: Proc. Intern. Sci. Conf. (Omsk, 15 Oct, 2019)*. Omsk, 2019. Vol. 393. P. 432–435. DOI: 10.2991/assehr.k.200113.218
11. Хоконов А. А. К вопросу о значении фактора *человеческий капитал* в инновационном развитии страны // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2015. № 21. С. 76–80.
12. Милованова Н. Г., Кандаурова А. В., Стародубцева И. В. Спорт в системе жизненных ресурсов педагогов в условиях социальных и профессиональных изменений // *Теория и практика физ. культуры*. 2018. № 11. С. 94–96.
13. Kandaurova A. V., Surtaeva N. N., Afanasiev V. V., Ivanova O. A., Rezakov R. G. A research of the psycho-emotional state of a teacher under the influence of social changes // *ESPACIOS*. 2018. Vol. 39. № 46. Режим доступа: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n46/a18v39n46p19.pdf> (дата обращения: 12.10.2020).
14. Мизанбекова С. К., Богомолова И. П., Василенко И. Н., Богомолов А. В. Стратегическое планирование инновационного развития предприятия в условиях усиления конкуренции и рисков // *Техника и технология пищевых производств*. 2019. Т. 49. № 1. С. 144–158. DOI: 10.21603/2074-9414-2019-1-144-158
15. Чернов В. А. Реализация цифровых технологий в финансовом управлении хозяйственной деятельностью // *Экономика региона*. 2020. Т. 16. № 1. С. 283–297. DOI: 10.17059/2020-1-21
16. Светлаков А. Г., Глотина И. М. Влияние информационного пространства на экономическую безопасность региона // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 2. С. 474–484. DOI: 10.17059/2018-2-11

17. Коршунов И. А., Гапонова О. С., Гапонова Н. С. Обучение и образование взрослых в контексте экономического развития регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 107–120. DOI: 10.17059/2019-1-9
18. Sokolova E. V., Kuznetsov D. V. Main trends in the formation of rural settlements in the territory of Tara (the Irtysh area) between 1920 and 1980 // ТОЖДАС. 2018. No. S. P. 2221–2232.
19. Неганова В. П., Дудник А. В. Совершенствование государственной поддержки АПК региона // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 2. С. 651–662. DOI: 10.17059/2018-2-25

original article

Resource Potential for Sustainable Development of Agricultural Enterprises: Structure and Formation Factors

Evgenia V. Sokolova

Tara branch of P. A. Stolypin Omsk State Agrarian University, Russia, Tara
lev-15@mail.ru

Received 19 Nov 2020. Accepted 4 Feb 2021.

Abstract: This comprehensive study featured the resource potential of the agro-industrial complex and its role in territorial development. The research objective was to study the structure of the resource potential of agro-industrial enterprises in the post-industrial society and factors that make it efficient. Systemic changes in modern society require new approaches to understanding the category of resource potential. Informatization of society and digitalization of agriculture change the prospects for resource provision in the agro-industrial complex. The author analyzed various domestic and foreign approaches to the concept of resource potential and included in it the potential of an agricultural enterprise as a complex of material, energy, information, and labor resources. The interdisciplinary approach made it possible to consider the phenomena from different angles and as a complex unity. The author considered the resource potential of the region as a synthetic indicator: a whole enterprise cannot be assessed based on a singular resource. The competent management of the resources available to the enterprise proved to be the key to its successful functioning, personnel being the core of its resource potential. The paper introduces a number of measures that contribute to the effective implementation of the resource potential in agro-industrial complex in the information society. The research results can help to improve the concept of sustainable development of enterprises, which is one of the priority tasks of complex modernization.

Keywords: human capital, modern society, digitalization of agriculture, economic development, Omsk region

Citation: Sokolova E. V. Resource Potential for Sustainable Development of Agricultural Enterprises: Structure and Formation Factors. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 129–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-129-135>

References

1. Brunori G., Branca G., Cembalo L., D'Haese M., Dries L. Agricultural and food economics: the challenge of sustainability. *Agricultural and Food Economics*, 2020, 8. DOI: 10.1186/s40100-020-00156-2
2. Gennaro B. C. de, Forleo M. B. Sustainability perspectives in agricultural economics research and policy agenda. *Agricultural and Food Economics*, 2019, 7. DOI: 10.1186/s40100-019-0134-8
3. Bogomolova E. V., Tolstykh T. N. Identification of potential of competitive ability of entrepreneurship structures as reserve. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2011, (12-1): 58–69. (In Russ.)
4. Smagin B. I. Methodology for assessing the resource potential in agricultural production. *Dostizheniya nauki i tekhniki APK*, 2003, (2): 43–45. (In Russ.)
5. Svobodin V. A. Matters of definition and efficiency of production potential. *APK: Ekonomika, upravlenie*, 1991, (3): 27–30. (In Russ.)
6. Shatrova A. P. Estimation of resource potential at an enterprise in the sphere of services: algorithm of methodology implementation. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2011, (3): 392–395. (In Russ.)
7. Krasovskaya A. V., Mansapova A. I., Veremey T. M., Yudina E. V. Special features of biology, technology and economic efficiency of long-fibred flax cultivation in the subtaiga zone of Omsk Region. *The Fifth Technological Order: Prospects for the Development and Modernization of the Russian Agro-Industrial Sector: Proc. Intern. Sci. Conf., Omsk, 15 Oct, 2019. Omsk, 2019, vol. 393, 425–431. DOI: 10.2991/assehr.k.200113.217*

8. Yudina E. V., Konovalov S. A. Development issues and prospects of milk processing enterprises. *The Fifth Technological Order: Prospects for the Development and Modernization of the Russian Agro-Industrial Sector: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Omsk, 15 Oct, 2019. Omsk, 2019, vol. 393, 436–439. DOI: 10.2991/assehr.k.200113.219
9. Rada A. O., Fedulova E. A., Kosinsky P. D. New method for efficiency evaluation of digital technologies in agricultural sector. *Food Processing: Techniques and Technology*, 2019, 49(3): 495–504. (In Russ.) DOI: 10.21603/2074-9414-2019-3-495-504
10. Sokolova E. V., Zakharova T. I. Factors of formation and development of human capital in rural areas. *The Fifth Technological Order: Prospects for the Development and Modernization of the Russian Agro-Industrial Sector: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Omsk, 15 Oct, 2019. Omsk, 2019, vol. 393, 432–435. DOI: 10.2991/assehr.k.200113.218
11. Hokonov A. A. On the question of the meaning of human capital factor in the innovative development of the country. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie)*, 2015, (21): 76–80. (In Russ.)
12. Milovanova N. G., Kandaurova A. V., Starodubtseva I. V. Role of sports in educators' vital resource management in changing social and professional environments. *Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kultury*, 2018, (11): 94–96. (In Russ.)
13. Kandaurova A. V., Surtaeva N. N., Afanasiev V. V., Ivanova O. A., Rezakov R. G. A research of the psycho-emotional state of a teacher under the influence of social changes. *ESPACIOS*, 2018, 39(46). Available at: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n46/a18v39n46p19.pdf> (accessed 12 Oct 2020).
14. Mizanbekova S. K., Bogomolova I. P., Vasilenko I. N., Bogomolov A. V. Strategic planning of innovation development of industrial enterprises under growing competition and risks. *Food Processing: Techniques and Technology*, 2019, 49(1): 144–158. (In Russ.) DOI: 10.21603/2074-9414-2019-1-144-158
15. Chernov V. A. Implementation of digital technologies in financial management. *Economy of region*, 2020, 16(1): 283–297. (In Russ.) DOI: 10.17059/2020-1-21
16. Svetlakov A. G., Glotina I. M. Impact of information space on economic security in the region. *Economy of region*, 2018, 14(2): 474–484. (In Russ.) DOI: 10.17059/2018-2-11
17. Korshunov I. A., Gaponova O. S., Gaponova N. S. Adult training and education in the context of economic development of regions. *Economy of region*, 2019, 15(1): 107–120. (In Russ.) DOI: 10.17059/2019-1-9
18. Sokolova E. V., Kuznetsov D. V. Main trends in the formation of rural settlements in the territory of Tara (the Irtysh area) between 1920 and 1980. *TOJDAC*, 2018, (S): 2221–2232.
19. Neganova V. P., Dudnik A. V. Improving the state support of agriculture in a region. *Economy of region*, 2018, 14(2): 651–662. (In Russ.) DOI: 10.17059/2018-2-25

оригинальная статья

УДК 336.71

Цифровые технологии в банковском секторе РФ: особенности и сопутствующие угрозы

Наталья Валерьевна Щербакова

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, Россия, г. Барнаул

shcherbakova_nat@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2824-8318>

Поступила в редакцию 01.11.2020. Принята в печать 30.11.2020.

Аннотация: Объект исследования – банковские кредитные организации, осуществляющие деятельность с применением новых информационных технологий. Предмет – цифровые технологии банковской деятельности. Методологическую базу составили системный подход в области анализа функционирования банковских кредитных организаций; метод сравнительного анализа, на основе которого проинтерпретированы показатели деятельности банковских кредитных организаций; метод динамического анализа, позволивший выявить основные тенденции в развитии банковского сектора РФ. Цель – на основе обобщения собранных данных определить основные тенденции в сфере цифровизации банковского сектора РФ и сопутствующие ей риски. Деятельность кредитных организаций в РФ проходит этап цифровой трансформации и внедрения новых технологий. Инновации в сфере банковского бизнеса связаны с появлением электронных денег и постепенным переходом на расчет ими, применением электронной цифровой подписи, бесконтактных платежей, использованием технологий блокчейн, Интернета вещей. Привычные подходы в обслуживании клиентов замещаются передовыми практиками, происходит постепенная трансформация традиционного банка в многофункциональную IT-компанию. Данная трансформация предполагает рост угроз в сфере информационной безопасности, требует совершенствования подходов в управлении соответствующими рисками в деятельности банка. В ходе исследования выявлены особенности в сфере цифровизации банковского сектора РФ и связанные с ней риски.

Ключевые слова: цифровая экономика, банк, цифровизация, цифровой банкинг, инновации, риск

Цитирование: Щербакова Н. В. Цифровые технологии в банковском секторе РФ: особенности и сопутствующие угрозы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 136–146. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-136-146>

Введение

Развитие экономики всегда основано на внедрении инноваций. Активные изменения происходят в самых разных индустриях. Цифровая экономика представляет собой экономическую деятельность, сфокусированную на использовании цифровых и электронных технологий. Лидерство в росте цифровой экономики по уровню ВВП принадлежит Великобритании, США, Японии, Китаю. Россия в данном рейтинге не занимает лидирующих позиций и по доле цифровой экономики в ВВП в 1,5–3 раза отстает от развитых стран (США, Китай, страны ЕС) (табл. 1)¹.

В среднем, по подсчетам аналитиков, отставание России от ведущих стран составляет около 5 лет. Управление организациями в современной экономике проходит этап цифровой трансформации. К числу факторов, сдерживающих развитие цифровизации в РФ, относятся недостаточно благоприятная среда для введения инноваций, недостаточно высокий процент инвестиций в технологии и науку, относительно низкий уровень применения

цифровых технологий бизнес-структурами, наличие регуляторных ограничений. На решение данных проблем, дальнейшее совершенствование цифровой инфраструктуры, упрочение позиций РФ в сфере цифровизации в долгосрочной перспективе направлена реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.²

Существенным условием развития цифровизации является уровень цифровой грамотности. По оценкам специалистов Аналитического центра Национального агентства финансовых исследований, показатели, характеризующие готовность общества к активному использованию новых технологий в повседневной жизни и бизнесе, улучшились, но свидетельствуют о низкой вовлеченности в процесс цифровизации значительной доли населения. Важно отметить, что респонденты осознают важность компетенций в цифровой сфере и демонстрируют

¹ Аптекман А., Калабин В., Клинецов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. Цифровая Россия: новая реальность. McKinsey & Company, 2017. 132 с.

² Развитие цифровой экономики России. Программа до 2035 года // Сайт С. П. Курдюмова. Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения: 25.06.2020).

Табл. 1. Доля составляющих цифровой экономики в ВВП России и других стран, %

Tab. 1. Share of digital economy in Russian GDP vs. other countries, %

Показатель	США	Китай	Страны ЕС	Бразилия	Индия	Россия
Расходы домашних хозяйств в цифровой сфере	5,3	4,8	3,7	2,7	2,2	2,6
Инвестиции компаний в цифровизацию	5,0	1,8	3,9	3,6	2,0	2,2
Государственные расходы на цифровизацию	1,3	0,4	1,0	0,8	0,5	0,5
Общий размер цифровой экономики	10,9	10,0	8,2	6,2	5,5	3,9

хорошее понимание правил безопасного поведения в Интернете, а степень вовлеченности общества в процесс цифровой трансформации растет. Так, индекс цифровой грамотности, зафиксированный в 2019–2020 гг., составил 58 % (в 2018–2019 гг. – 52 %). Удельный вес населения, обладающего высокой цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями цифровой экономики, незначительно вырос за этот период (с 26 % до 27 %)³.

Цифровизация преобразует структуру экономики, сложившиеся модели рынков, улучшает качество жизни людей. Неотъемлемой частью этих преобразований является диджитализация банковского сектора. Уровень цифровизации в разных секторах экономики в РФ существенно различается. Во многих ключевых отраслях России отстает от стран Европы, например в транспорте, добыче полезных ископаемых (кроме нефти и газа). В сфере финансовой деятельности уровень цифровизации в России достаточно высок, близок к мировому. Итак, в условиях цифровой трансформации экономики РФ становятся актуальными вопросы применения цифровых технологий в банковской практике и связанных с ними рисков, а также выявление особенностей процесса цифровизации в банковском секторе.

Методы и материалы

Теоретическую базу исследования представляют научные труды по вопросам теории банковского дела, методологическую – анализ динамических рядов, отражающих изменение характеристик банковского сектора и показателей его деятельности. В качестве информационной базы использовалась статистическая информация Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и Банка России. Для изучения проблемы рисков

нарушения информационной безопасности использовались информационные ресурсы аналитической компании Advisen и зарубежная аналитика.

В числе отечественных ученых, занимающихся вопросами и проблемами трансформации и цифровизации банковского бизнеса в современных условиях, следует назвать А. И. Серебренникову [1], Н. Э. Соколинскую [2]. Авторы, отмечая сложности трансформационного периода, указывают на необходимость модернизации и внедрения инноваций в банковскую практику. Подобная трансформация сопровождается усиленным вниманием со стороны банковского сектора к рискам, ей присущим [3; 4]. Зарубежные авторы Х. Ма, Ч. Мэн, Д. Ян, Х. Ван рассматривают влияние цифровых технологий на различные сектора экономики (промышленность, финансовый сектор, сектор общественного обслуживания), выявляют страновые особенности цифровой трансформации в Китае [5]. Вопрос преобразования бизнес-моделей в условиях цифровой трансформации изучен в работах П. Вайла и С. Ворнер [6]. Современным аспектам трансформации банковской деятельности посвящены работы зарубежных авторов [7–9], что позволяет определить ряд общих черт в процессах цифровизации и диджитализации функционирования финансовых организаций в РФ и за ее пределами, определить общие для всех стран проблемы в части информационной безопасности. Основам применения в банковской практике новых подходов в управлении проектами, внедрению современных технологий обработки данных посвящены работы М. С. Лейтона [10], Дж. С. Гурвиц, А. Ф. Ньюджента, Ф. Халпер, М. А. Кауфман [11]. Технические преобразования неизбежно взаимосвязаны с изменениями в нормативно-правовой среде функционирования кредитных организаций [12].

Ключевыми нормативными документами, определяющими стратегии развития кредитных организаций РФ в сфере применения цифровых технологий, являются государственная программа «Информационное общество (2011–2020)», национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.

Термин *цифровизация*, по мнению авторов, предполагает несколько аспектов. С технической точки зрения это преобразование информации в цифровую форму и перенос коммуникаций на цифровые каналы. В бизнес-контексте это переход на новые бизнес-модели, операционные модели и автоматизация операционной деятельности [13]. На формирование особенностей процесса цифровизации в банковском секторе влияет природа банковской услуги: ее опосредованный характер, физическая нематериальность, ориентация услуги на личность потребителя [14]. Высокие темпы цифровизации в банковской

³ Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 // НАФИ. 10.04.2020. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 25.06.2020).

сфере связаны с высокой степенью регламентации банковской деятельности, наличием у кредитных организаций ресурсов для инвестирования в техническую инфраструктуру и базы данных, обладанием цифровыми компетенциями на достаточно высоком уровне банковского персонала. Активное развитие цифровизации в банковском секторе авторы связывают с наличием благоприятных условий: распространение интернет-связи, развитие технической базы. Это влечет рост количества клиентов, использующих каналы дистанционного обслуживания [15].

Результаты

Цифровые инновации наиболее широко применяются в управлении финансовой сферой. Трансформация банковского сектора России, прежде всего, находит отражение в изменении его институциональных характеристик, количественных показателей. Постепенно происходит смена моделей управления кредитными организациями, трансформация каналов взаимодействия кредитных организаций с клиентами, как с физическими лицами, так и с бизнесами (табл. 2)⁴.

За анализируемый период наблюдается тренд на сокращение количества действующих кредитных организаций в РФ, их число уменьшилось в 1,9 раз, а общее количество точек присутствия кредитных организаций в регионах сократилось более чем в 1,4 раза. В течение последних трех лет наиболее заметное изменение выражается в двукратном уменьшении количества операционных касс вне кассового узла, существенно сократилось количество филиалов (в 1,4 раза). Такая динамика отражает изменение региональной политики кредитных организаций, общую тенденцию сокращения затрат на содержание сети, переход на дистанционное обслуживание клиентов, электронный документооборот. Жесткая конкуренция, в том числе в сфере цифровизации, между крупными, средними и мелкими банками в сочетании с недостаточным объемом ресурсов, выделяемых последними

на внедрение инноваций и поддержание конкурентоспособности, влечет уход региональных банков с рынка [16].

Тенденция на сокращение точек присутствия кредитных организаций характеризует современный этап цифровой трансформации в управлении финансовыми организациями РФ. Постепенное сокращение филиальных сетей банков РФ и переход на удаленное обслуживание клиентов сопровождаются внедрением инноваций в сфере обслуживания физических лиц и корпоративных клиентов. Современные возможности в деятельности кредитных организаций расширяются за счет активного использования передовых технологических решений и разработок в сфере дистанционного обслуживания (табл. 3)⁵.

За период с 2015 г. по 2019 г. количество счетов с дистанционным доступом, открытых юридическим лицам, выросло в 1,7 раз, физическим лицам – в 1,8 раз, что говорит о повышении уровня финансовой доступности банковских услуг. Количество платежей с использованием современных сервисов через Интернет увеличилось за период анализа на 70 % в количественном выражении, в стоимостном – на 40 %. В структурных показателях эмитированных платежных карт существенных изменений не прослеживается: преобладают карты расчетные, их удельный вес составляет около 87 %. Рост выпуска платежных карт сопровождается развитием технической инфраструктуры для их обслуживания, при этом фокус внимания кредитных организаций постепенно смещается от расширения банкоматной сети к сети терминалов, установленных в организациях торговли.

Развитие банковской индустрии, где разрабатываются новейшие технологии, позволяет потребителям удобнее и быстрее производить финансовые операции [17]. Доля финансовых сделок с применением новых цифровых технологий за последние несколько лет выросла многократно. Инновации в сфере банковского бизнеса связаны с появлением электронных денег и постепенным переходом на расчет ими, использованием электронной цифровой подписи, бесконтактных платежей, применением технологий блокчейн, Интернета вещей. Современные

Табл. 2. Количество действующих кредитных организаций и их структурных подразделений (филиалов) в РФ

Tab. 2. Number of loan banks and internal structural divisions in the Russian Federation

Форма	2020	2019	2018	2017	2016	2015
Кредитные организации	428	464	530	591	689	810
Филиалы	572	663	825	991	1255	1626
Дополнительные офисы	19726	20167	20701	19002	21138	22401
Операционные кассы вне кассового узла	812	912	1678	4864	5456	6484
Кредитно-кассовые офисы	2140	2206	1957	1912	1983	1964
Операционные офисы	5578	5722	6696	7166	7306	8239

⁴ Сведения о количестве действующих кредитных организаций и их филиалов в территориальном разрезе // Банк России. Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/bank_system_new/cr_inst_branch_010618/ (дата обращения: 20.11.2020).

⁵ Статистика национальной платежной системы // Банк России. Режим доступа: <http://cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 20.11.2020).

Табл. 3. Показатели деятельности российских кредитных организаций в сфере дистанционного обслуживания клиентов и применения современных технологий

Tab. 3. Performance indicators of Russian loan banks in the field of remote customer service and the use of modern technologies

Показатель	2019	2018	2017	2016	2015
<i>Счета с дистанционным доступом, открытые в кредитных организациях на конец периода</i>					
Количество счетов с дистанционным доступом, открытых юридическим лицам, не являющимся кредитными организациями, с доступом через сеть Интернет, тыс.	5983,2	5432,2	4765,0	4080,9	3567,6
Количество счетов с дистанционным доступом, открытых физическим лицам с доступом через сеть Интернет, тыс.	223657,4	199412,7	170010,0	145990,6	122341,9
<i>Платежи, распоряжения по которым составлены и переданы в электронном виде через сеть Интернет клиентами кредитных организаций и самой кредитной организацией за период</i>					
Количество платежей, млн	1659,8	1472,9	1265,5	1110,1	972,3
Объем платежей, млрд руб.	527311,7	472999,1	415239,7	374209,0	375066,2
<i>Платежные карты, эмитированные кредитными организациями и Банком России на конец периода</i>					
Количество банковских карт, тыс.	280284	270634	267251	250982	240161
• расчетные карты, тыс.	243393	236572	235988	221371	208861
• кредитные карты, тыс.	36891	34062	31263	29611	31300
<i>Устройства, расположенные на территории РФ и предназначенные для осуществления операций с использованием и без использования платежных карт, на конец периода</i>					
Количество банкоматов	199568	199708	206059	207927	216896
Количество электронных терминалов, установленных в организациях торговли (услуг), тыс.	2745	2466	2021	1671	1389

возможности в деятельности кредитных организаций РФ расширяются за счет активного использования технологии цифрового банкинга [18].

Банки-лидеры в высокотехнологичных сферах активно внедряют современные практики удаленной работы с клиентами через интернет-банкинг, мобильный банкинг, автоматизируя наиболее востребованные операции. Так, 68 % всех пользователей интернет-банкинга (28,9 млн человек) являются клиентами Сбербанка и пользуются интернет-банком Сбербанк Онлайн [19]. Значительно меньшие доли клиентов пользуются интернет-услугами банков ВТБ (8 %), Альфа-Банк (6 %), Тинькофф (5 %), Русский Стандарт (3 %), Хоум Кредит (3 %), Банк Москвы (2 %), Открытие (2 %), Промсвязьбанк (2 %), Райффайзенбанк (2 %).

Механизмы взаимодействия банков с клиентами обретают все новые формы, клиенты интерактивно общаются с банками и другими клиентами, формируя цифровое мышление [20]. В целом цифровая трансформация в банковском секторе РФ идет более быстрыми темпами, чем в других отраслях экономики страны, и характеризуется рядом положительных трендов. Пандемия 2020 г. оказала сильное влияние на экономику в целом и банковский сектор в частности. Она явилась фактором, обусловившим переход банков на новый уровень быстрее, чем это предполагалось ранее. Кредитные организации, например Сбербанк, используют технологии *Big Data* и возможности искусственного интеллекта в сфере управления

рисками, совершенствования систем оценки кредитоспособности клиентов, борьбы с мошенничеством, принятия решений на финансовых рынках. Применение биометрии позволяет защитить клиента банка от несанкционированного доступа к его персональным данным, средствам на счетах. Использование цифровых технологий, анализ поведенческой модели позволяет кредитным организациям предлагать своим клиентам услуги в части онлайн-кредитования без посещения офиса и предоставления бумажных документов: клиенту необходимо оформить заявку в личном кабинете, подписать с помощью электронной подписи договор-оферту.

Привычные подходы в обслуживании клиентов замещаются передовыми практиками, происходит постепенная трансформация традиционного банка в IT-компанию. Таким образом, трансформация бизнес-моделей предполагает не только внедрение новых услуг и сервисов, но и глубинную перестройку и создание собственной экосистемы, расширение партнерских отношений с компаниями в сфере информационных технологий, применение принципиально новых технологий, например блокчейн [21]. Новые подходы в работе банков являются более клиентоориентированными, позволяют индивидуализировать предложение банковской услуги, проследить цифровой путь потребителя и подвергнув высокоскоростной обработке значительные массивы данных. Показатели развития национальной платежной системы РФ

отражают освоение кредитными организациями современных технологий обслуживания клиентов (табл. 4)⁶.

Количественно операции, совершенные с использованием карт, эмитированных российскими кредитными организациями, за 2015–2019 гг. увеличились более чем в три раза, рост объема операций при этом составил 224 %. Внедрение в банковскую практику нового сервиса быстрых платежей в 2019 г. и отказ от почтовой и телеграфной технологии способствовали росту объема денежных переводов, изменению их структурных характеристик. Объем операций с использованием электронных средств платежа (ЭСП) для перевода электронных денежных средств (ЭДС) за период анализа вырос в 2,2 раза; при этом основной рост приходится на персонализированные ЭСП. Существенно изменилась структура операций с использованием ЭСП: удельный вес операций с использованием персонализированных средств платежа в общем объеме вырос за анализируемый период с 36 % в 2015 г. до 58 % в 2019 г. В целом за период существования рынка ЭДС в России пользователи открыли около 100 млн электронных кошельков. Электронными кошельками как минимум один раз в год пользуются в среднем 60 % клиентов банков. Электронные кошельки с точки зрения функциональных возможностей имеют ряд преимуществ для пользователей Интернета, предпочитающих передовые технологии: кошелек открывается удаленно по номеру мобильного телефона без открытия счета в банке.

Ключевыми факторами, сдерживающими рост сегмента рынка банковских услуг в части безналичных платежей, являются высокий уровень киберугроз и необходимость в связи с этим увеличивать объем ресурсов, направляемых кредитными организациями на защиту данных, информационную безопасность. Проблема обеспечения

информационной безопасности существует не только в финансовом секторе, но для него она является наиболее острой [22].

Потери общества от нарушения информационной безопасности складываются из различных элементов, однако любая стоимостная оценка киберпреступности затруднена, т. к. зачастую жертвы недооценивают размер своих потерь, сбор данных не является достаточно полным. В финансовом секторе с целью выявления специфичности киберрисков, учитывая общемировую практику, все киберинциденты можно разбить на следующие категории: злонамеренные киберинциденты с применением вредоносных программ (кибератаки), когда цель субъекта угрозы состоит в нанесении вреда (например, атаки с использованием вымогателей, кража данных сотрудниками); потеря конфиденциальности и личных данных (информация утеряна или использована не по назначению); ошибки внедрения и обработки IT-технологий (инцидент вызван некорректным обновлением или заменой оборудования, программного обеспечения). События, связанные с изменениями в IT-технологиях, могут представлять высокий риск для кредитной организации и финансовой системы в целом. Частота ошибок внедрения и обработки IT-технологий низка, в то время как потери от них серьезно превышают те, о которых сообщается для других типов киберинцидентов⁷. Так, инциденты с применением вредоносных программ (9799 случаев в 2018 г.) нанесли ущерб на 10840 долларов, инциденты в сфере потери личных конфиденциальных данных (11657 случаев), – на 5656 долларов США, а IT-ошибки внедрения и обработки, несмотря на сравнительно низкую частотность (276 случаев) – на 56700 долларов.

Табл. 4. Показатели развития национальной платежной системы РФ

Tab. 4. Indicators of the development of the national payment system in the Russian Federation

Показатель	2019	2018	2017	2016	2015
Количество операций, совершенных на территории России с использованием карт, эмитированных российскими кредитными организациями, млн	41677,7	31733,2	23451,6	17484,4	12823,9
Объем операций, совершенных на территории России с использованием карт, эмитированных российскими кредитными организациями, млрд руб.	90932,4	76247,0	61984,9	50128,7	40514,1
Объем переводов денежных средств, млрд руб.	1566461,4	1715133,0	1440878,1	1340034,2	1356543,2
Объем операций с использованием ЭСП для перевода ЭДС, млрд руб.	1967,6	1675,29	1350,5	998,9	903,0
• персонализированных ЭСП по переводу ЭДС	1132,6	753,3	534,9	364,4	326,0
• неперсонализированных ЭСП по переводу ЭДС	814,6	897,9	795,6	617,4	555,5
• корпоративных ЭСП по переводу ЭДС	20,4	24,1	19,9	17,0	21,5

⁶ Статистика национальной платежной системы...

⁷ Crumpler W., Lewis J. A. Cybersecurity and the problem of interoperability // CSIS. 27.01.2020. Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/cybersecurity-and-problem-interoperability> (дата обращения: 25.06.2020).

Особенностью кибератак на финансовую систему является то, что они масштабны. Несмотря на активное противодействие со стороны правоохранительных органов в области угроз информационной безопасности, есть объективные причины для роста киберпреступности: быстрое овладение киберпреступниками новыми технологиями, увеличение числа новых пользователей в Сети, растущая финансовая изолированность киберпреступников – все это облегчает монетизацию украденных данных. С деятельностью финансовых учреждений связаны наиболее существенные потери для общества от наступления рисков в сфере информационной безопасности. В финансовом секторе, согласно собранным статистическим данным, зарегистрировано наибольшее количество киберинцидентов, а также киберпреступлений в части нарушения конфиденциальности и потери данных. Этот же сектор занимает второе место по количеству ошибок при внедрении и обработке IT-технологий (табл. 5)⁸.

Финансовые учреждения во всем мире являются самыми частыми объектами кибератак. Банки работают с денежными средствами, и для киберпреступников, атакующих банки, есть множество способов получения прибыли за счет вымогательства, краж и мошенничества. Регуляторы внедряют новые средства контроля за киберрисками. Борьба с киберпреступностью предполагает большие финансовые затраты со стороны финансовых учреждений. По оценкам экспертов, банки тратят в три раза больше на кибербезопасность, чем нефинансовые институты. Новым способом защиты от возросших кибератак выступает киберстрахование, которое является эффективным инструментом минимизации финансовых потерь [23].

Для целей управления рисками информационной безопасности важным является вопрос определения источника угрозы. Потери в финансовом секторе существенно

выше от угроз, исходящих из внешних источников. Контроль над предотвращением, сопротивлением и сдерживанием внутренних рисков (например, проверка данных, политика доступа и уведомления о мониторинге) снижает частоту и потенциальный ущерб от этих источников киберинцидентов. Анализ статистики по киберинцидентам показывает, что наиболее распространенным источником угроз являются внешние субъекты. К внутренним источникам угроз можно отнести нынешних и бывших сотрудников компаний. Большинство преднамеренных киберинцидентов вызвано угрозой, исходящей из внешних источников⁹.

На конец 2018 г. внешние угрозы по всем отраслям экономики (43517 инцидентов) стали причиной потери 28121 долларов США. В секторе финансов и страхования урон от 8225 киберинцидентов составил 11214 долларов. Что касается среднего уровня потерь от внутренних источников угроз, на все сектора экономики пришлось 11252 доллара (от 5796 инцидентных случаев), на сектор финансов и страхования – 8411 долларов (от 1288 инцидентов).

Финансовые учреждения сталкиваются с более высокими прямыми издержками, чем фирмы в других секторах. Значительное количество киберинцидентов являются злонамеренными, большинство происходит от действий внешних субъектов. Однако неправильное обращение финансовой организации с информацией, находящейся под ее контролем может нанести аналогичный вред и быть более частым, чем злоумышленные инциденты. Это усиливает необходимость расширения политики информационной безопасности финансовых учреждений за рамки IT-отделов, включение в регламент информационной безопасности кредитных учреждений не только злонамеренное использование информации.

Табл. 5. Структура киберинцидентов по секторам в странах Организации экономического сотрудничества и развития (данные на конец 2018 г.), %

Tab. 5. Structure of cyber incidents by sector in members of the Organization for Economic Co-operation and Development, by the end of 2018, %

Инцидент \ Сектор	Сектор									
	Финансы и страхование	Информационные услуги	Здравоохранение	Технические услуги	Образование	Администрирование и службы поддержки	Розничная торговля	Производство	Общественное питание	Другое
Инциденты с применением вредоносных программ	19,4	12,0	9,5	8,9	6,5	6,4	6,4	5,3	4,1	21,5
Инциденты в сфере потери личных конфиденциальных данных	28,3	5,0	9,5	8,7	3,1	24,1	4,9	2,0	1,0	13,4
IT-ошибки внедрения и обработки	17,9	24,0	5,9	8,6	5,8	4,4	4,8	6,3	0,5	21,8

⁸ Lewis J. A. Economic impact of cybercrime – no slowing down. Santa Clara: McAfee, 2018. 28 p.

⁹ Zheng D. E., William A. C. The evolution of cybersecurity requirements for the U.S. financial industry. Washington: CSIS, 2015. 18 p.

Распространенность киберинцидентов с внутренним источником в финансовом секторе (13 %) близка к средней (11 %) по всем секторам и меньше, чем в секторах экономики, функционирование которых также предполагает обработку больших объемов конфиденциальных данных (коммунальные услуги – 27 %, здравоохранение – 25 %, государственное управление – 18 %, транспорт – 16 %). Наименьший удельный вес киберинцидентов от внутренних источников фиксируется в сферах добычи нефти и газа – 12 %, строительства – 12 %, розничной торговли – 11 %, управления и менеджмента – 10 %, недвижимости – 9 % (по данным 2018 г.)¹⁰.

Общемировые тенденции характерны и для ситуации в России. Расширение сферы безналичных расчетов привело к интенсивному развитию киберпреступности, росту числа несанкционированных операций, о чем свидетельствует статистика Банка России (табл. 6)¹¹.

Количество несанкционированных операций на протяжении 2016 г. росло, сохраняя тенденцию 2014–2015 гг., темп прироста составил 12,2 %¹². В 2017 г. при росте количества таких операций в 1,1 раза наблюдается снижение их объема в стоимостном выражении на 10,9 %¹³. В 2018 г. количество несанкционированных операций выросло на 31,4 % относительно аналогичного показателя за 2017 г. и в 1,6 раз в сравнении с 2015 г. Большая часть хищений со счетов физических лиц совершается через получение мошенниками несанкционированного прямого доступа к ЭСП либо побуждение владельцев средств самостоятельно совершить перевод в пользу мошенников путем обмана или злоупотребления доверием (с использованием методов социальной инженерии). Физические лица как клиенты банков по сравнению с корпоративными клиентами не имеют столь же действенных механизмов защиты. В 2019 г. объем всех операций, совершенных без согласия клиентов (физических

и юридических лиц) с использованием ЭСП, составил 6426,5 млн руб. Количество таких операций – 576566, средняя сумма одной операции без согласия клиента по счетам физических лиц в 2019 г. составила 10 тыс. руб., юридических лиц – 152 тыс. руб. Количество операций без согласия клиента за 6 месяцев 2020 г. составило 361,8 тыс. и принесло ущерб в объеме 4 млрд руб.¹⁴

В то же время в РФ не зарегистрированы инциденты, которые приводили бы к критичному ущербу в системно значимых организациях кредитно-финансовой сферы. Вместе с тем ряд инцидентов вызывал нарушение непрерывности предоставления финансовых услуг и, как следствие, рост социальной напряженности в обществе, что определяет ключевые направления развития информационной безопасности банковского сектора в перспективе¹⁵. В малых и средних банках инциденты нарушения информационной безопасности могут стать причиной прекращения их деятельности. В связи с данным фактором региональные банки, крупные инвестиции для которых в меньшей степени доступны, могут использовать чужие технологические платформы. Рост киберрисков предопределяет необходимость совершенствования системы обеспечения кибербезопасности посредством внедрения проактивных и реактивных элементов управления киберриском, что позволяет снизить как вероятность наступления риска, так и ущерб в случае возникновения инцидента [24].

В условиях развития электронного банкинга в РФ организация системы управления информационной безопасностью в банке является основой его надежности, стабильности ресурсной базы, финансовой устойчивости. Нарушения информационной безопасности влекут финансовые и репутационные потери кредитной организации. Управление и контроль над риском информационной безопасности относится к компетенциям органов

Табл. 6. Показатели операций, осуществленных без согласия клиента на территории РФ

Tab. 6. Indicators of transactions performed without the consent of the client on the territory of the Russian Federation

Показатель	2018	2017	2016	2015
Объем несанкционированных операций, совершенных с использованием платежных карт, эмитированных на территории РФ, млн руб.	1384,7	961,3	1080,0	1147,8
Количество несанкционированных операций, совершенных с использованием платежных карт, эмитированных на территории РФ	416933	317178	296698	260922
Средняя сумма одной несанкционированной операции, тыс. руб.	3,33	3,03	3,64	4,39

¹⁰ Chande N., Yanchus D. The cyber incident landscape // Bank of Canada. Режим доступа: <https://www.bankofcanada.ca/2019/12/staff-analytical-note-2019-32/#footnote-9> (дата обращения: 25.06.2020).

¹¹ Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2018 год. М.: Центральный банк РФ, 2019. 29 с.

¹² Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2017 год. М.: Центральный банк РФ, 2018. 27 с.

¹³ Там же.

¹⁴ Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств (I и II кварталы 2019–2020 гг.) // Банк России. Режим доступа: https://cbr.ru/analytics/ib/review_1q_2q_2020/ (дата обращения: 20.11.2020).

¹⁵ Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019–2021 годов. М.: Центральный банк РФ, 2019. 24 с.

управления кредитной организации (совета директоров банка, правления банка, президента банка, вице-президента банка, структурных подразделений банка, службы внутреннего контроля).

Система управления рисками нарушения информационной безопасности предполагает установление процедур, обеспечивающих оценку, контроль и управление риском на том уровне, который соответствует масштабам деятельности банка. Система управления рисками нарушения информационной безопасности предполагает выделение в кредитной организации сотрудника или подразделения, ответственного за мониторинг и оценку риска нарушения информационной безопасности, наделение в необходимой мере независимостью данного сотрудника (подразделения) от иных подразделений, осуществляющих банковские операции и сделки, детальную разработку внутренних нормативных актов банка по управлению рисками нарушения информационной безопасности, формирование в банке собственной аналитической базы данных об убытках, понесенных вследствие наступления риска нарушения информационной безопасности и случаях наступления данного риска, сбор отчетности и ее анализ [25]. На высшем уровне

банковской системы в ответ на новые угрозы и вызовы регуляторы внедряют новые инструменты контроля над киберрисками. Борьба с информационными угрозами, киберпреступностью должна носить в ряде аспектов межгосударственный характер, поэтому необходимо расширять международное сотрудничество между правоохранительными органами других стран, их частным сектором. Инвестиции в защитные технологии являются критически важными для развития цифровой экономики и обеспечения информационной безопасности общества.

Заключение

Банковский сектор опережает по масштабам и степени применения цифровых технологий другие отрасли экономики. Для процесса цифровизации, проходящего в банковском секторе РФ, и присущих ему рисков характерен ряд особенностей, отражающих характеристики банковской деятельности и природу банковского продукта / услуги (табл. 7).

Таким образом, цифровая трансформация затрагивает все сектора экономики. Наиболее широко инновации внедряются в банковском секторе, что проявляется в ряде тенденций. Сокращение количества функционирующих

Табл. 7. Особенности цифровизации в банковском секторе

Tab. 7. Features of digitalization in the banking sector

Характеристика банковской деятельности	Особенности процесса цифровизации в банковском секторе	Особенности рисков цифровизации банковских услуг
высокая степень регламентации и формализации операций	процесс цифровизации затрагивает не отдельные области или направления деятельности банков, а всю систему банковских отношений	риски проявляются более масштабно
наличие достаточных финансовых ресурсов для обновления технической базы и программного обеспечения	готовность к быстрой смене технологий и активное внедрение инноваций	возможность постоянного совершенствования и доработки систем информационной безопасности, с учетом новых данных
специфичность и неосязаемый характер банковской услуги	безналичный и бездокументарный характер большинства операций, не требующий физического перемещения, быстрый переход на предоставление большей части продуктов (услуг) через цифровые каналы	банки – основные объекты кибератак и угроз; высокий уровень финансовых потерь при реализации угрозы
гибкий подход к запросам общества	растущая финансовая и цифровая грамотность потребителей банковских продуктов (услуг)	рост личного риска клиента – физического лица при отсутствии у него необходимых финансовых и цифровых компетенций
высокий уровень конкуренции в отрасли	активное использование инновационных технологий в качестве инструмента обеспечения конкурентоспособности	существенность стратегических рисков в случае смещения приоритета деятельности банка на быстрый результат от диджитализации
высокая цифровая культура сотрудников	отсутствие консервативного подхода к инновациям у значимой части персонала банка	рост рисков, исходящих от внутренних источников
значительный потенциал применения инновационных технологий	традиционно большое количество данных, требующих хранения, обработки, анализа для улучшения клиентского опыта	более высокий уровень затрат на обеспечение информационной безопасности

кредитных организаций и их подразделений в регионах сопровождается переходом на активное внедрение технологий дистанционного обслуживания клиентов банков. Инновации в сфере банковского бизнеса связаны с появлением электронных денег и постепенным переходом на расчет ими, электронной цифровой подписи, бесконтактных платежей, применением технологий блокчейн и *Big Data*. Небанковские организации, финтех-компании, IT-компании представляют все большую конкуренцию для традиционных банков на рынке платежных услуг и цифровых сервисов. Внедрение современных технологий, с одной стороны, является средством снижения издержек кредитных организаций, с другой стороны, сопряжено с рядом сложностей: новые технологии требуют адаптации нормативно-правовой базы со стороны регулятора, пересмотра системы оценки рисков, роста вложений в системы защиты данных и кибербезопасности. Внедрение цифровых сервисов требует большего уровня цифровой грамотности со стороны пользователей банковских услуг, что является ограничительным условием для устойчивого развития инноваций. С учетом роста цифровой грамотности населения РФ в результате активного внедрения инноваций потребители услуг выиграют, т.к. расширение спектра цифровых продуктов позволит вовлечь в потребление новых пользователей. Активное развитие цифровых технологий в банковском секторе во многом предопределено характеристиками банковской деятельности и природой банковского продукта (услуги).

Одновременно с положительными тенденциями в области цифровизации банковского сектора формируется

негативный тренд: нарастают угрозы информационной безопасности для пользователей сетей, значительно увеличивается влияние киберпреступности на экономику. Потери общества от наступления информационных рисков могут как носить частный характер, так и быть связанными с профессиональной деятельностью, функционированием компании. Ключевой задачей в сфере развития цифровых технологий в РФ является обеспечение безопасности общества, его защита от информационных угроз. Риски, вызванные цифровизацией банковского сектора, обладают рядом особенностей, отражающих специфику функционирования банковских организаций. Такие организации являются ведущими объектами кибератак. Если угрозы и риски направлены на их деятельность и потребление финансовых услуг, то общество несет наибольшие потери. Устойчивость кредитных организаций определяется рядом мер: обеспечением операционной надежности и непрерывности их деятельности, противодействием компьютерным атакам, в том числе при использовании инновационных финансовых технологий. Значительный блок вопросов в сфере информационной безопасности может быть решен только в условиях международного сотрудничества в области правового регулирования деятельности банковского сектора.

Дополнительная информация: Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса, «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

Литература

1. Серебренникова А. И. Сущность и проблемы внедрения инноваций в банках // Банковское дело. 2020. № 1. С. 68–73.
2. Соколинская Н. Э. Механизмы информационного и научно-технологического обеспечения инноваций в банковской сфере в условиях цифровой экономики // Банковское дело. 2020. № 2. С. 25–30.
3. Ревенков П. В., Бердюгин А. А. Метод количественной оценки риска воздействия кибератак в условиях электронного банкинга // Банковское дело. 2020. № 7. С. 32–37.
4. Бердюгин А. А. Управление риском нарушения информационной безопасности в условиях электронного банкинга // Вопросы кибербезопасности. 2018. № 1. С. 28–38. DOI: 10.21681/2311-3456-2018-1-28-38
5. Ма Х., Мэн Ч., Ян Д., Ван Х. Цифровая трансформация Китая. М.: Альпина Паблишер, 2019. 249 с.
6. Вайл П., Ворнер С. Цифровая трансформация бизнеса. М.: Сбербанк; Альпина Паблишер, 2019. 215 с.
7. Кинг Б. Банк 3.0: почему сегодня банк – это не то, куда вы ходите, а то, что вы делаете. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 499 с.
8. Макмиллан Д. Конец банковского дела: деньги и кредит в эпоху цифровой революции. М.: АСТ; CORPUS, 2018. 250 с.
9. Свон М. Блокчейн: схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 234 с.
10. Лейтон М. С. Просто об Agile. М.: Эксмо, 2017. 432 с.
11. Гурвиц Дж. С., Ньюджент А. Ф., Халпер Ф., Кауфман М. А. Просто о больших данных. М.: Эксмо, 2015. 400 с.
12. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский союз, США, КНР) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 606–625. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-606-625
13. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение / науч. ред. А. М. Гохберг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
14. Марамыгин М. С., Чернова Г. В., Решетникова А. Г. Цифровая трансформация российского рынка финансовых услуг: тенденции и особенности // Управленец. 2019. Т. 10. № 3. С. 70–82. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-3-7

15. Петрова Л. А., Кузнецова Т. Е. Цифровизация банковской системы: цифровая трансформация среды и бизнес-процессов // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 3. С. 91–101. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-91-101
16. Артеменко Д. А., Вишняков И. П. Анализ планируемых изменений региональной кредитной системы на современном этапе развития // Экономика. Бизнес. Банки. 2018. № 2. С. 61–69.
17. Рузныев А. М. Диджитализация российских банков как неизбежное требование цифровой экономики // Вектор экономики. 2018. № 5. Режим доступа: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/5/financeandcredit/Ruznyayev.pdf> (дата обращения: 08.06.2020).
18. Чайкина Е. В. Цифровая экономика: новые возможности для банков // Экономика и управление: теория и практика. 2018. Т. 4. № 4-1. С. 43–49.
19. Полянин А. В., Долгова С. А., Иващенко Т. Н. Направления применения цифровых технологий в банковском секторе России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 146–153. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-3-146-153
20. Котова К. Ю. Классификация банковских инноваций в цифровой экономике и оценка инновационного потенциала российских банков // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 9. С. 2022–2039. DOI: 10.24891/fc.25.9.2022
21. Боркова Е. А., Осипова К. А., Светловидова Е. В., Фролова Е. В. Цифровизация экономики на примере банковской системы // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 6. С. 1153–1162. DOI: 10.18334/ce.13.6.40734
22. Щербак Н. В. Информационная безопасность в условиях цифровизации экономики // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения: сб. науч. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 17 апреля 2020 г.) СПб., 2020. Ч. 1. С. 91–97.
23. Конюкова О. Л., Рагозин Н. А. Применение киберстрахования в современных условиях развития экономики // Вектор экономики. 2020. № 5. Режим доступа: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/5/financeandcredit/Konyukova_Ragozin.pdf (дата обращения: 08.06.2020).
24. Орлова А. А. Управление киберриском в банковском секторе: основные подходы // Управление финансовыми рисками. 2020. № 1. С. 2–9.
25. Ревенков П. В., Бердюгин А. А. Компьютерные атаки как источник операционного риска в условиях электронного банкинга // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 3. С. 629–640. DOI: 10.24891/fc.24.3.629

original article

Digital Technologies in the Russian Banking Sector: Main Features and Associated Risks

Natalia V. Shcherbakova

Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul

shcherbakova_nat@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2824-8318>

Received 1 Nov 2020. Accepted 30 Nov 2020.

Abstract: The present paper features Russian loan banks that use new information and digital banking technologies. The research involved various methodological approaches, including a systematic approach to the analysis of modern banks. The method of comparative analysis made it possible to interpret various indicators of the activities of loan banks. The method of dynamic analysis helped to identify the main trends in the development of the Russian banking sector. The research objective was to identify the main trends and key problems in the digitalization of the Russian banking sector and the risks that accompany the process. The author believes that digital technologies will increase the country's competitiveness and boost its economic development. Digital economy involves the introduction of new technologies in the banking sector, e.g. e-money, digital signature, contactless payment, blockchain technology, the Internet of things, etc. The usual approaches to customer service are being replaced by advanced practices, as the traditional bank is gradually turning into a multifunctional IT company. However, cyber risks are also growing, and their management requires new approaches.

Keywords: digital economy, bank, digitalization, digital banking, innovation, risk

Citation: Shcherbakova N. V. Digital Technologies in the Russian Banking Sector: Main Features and Associated Risks. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 136–146. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-136-146>

In addition: The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

References

1. Serebrennikova A. I. The essence and problems of introducing innovations in banks. *Bankovskoe delo*, 2020, (1): 68–73. (In Russ.)
2. Sokolinskaya N. E. Mechanisms of information and scientific and technological support of innovations in the banking sector in the digital economy. *Bankovskoe delo*, 2020, (2): 25–30. (In Russ.)
3. Revenkov P. V., Berdyugin A. A. Method of quantitative assessment of the risk of exposure to cyber attacks in the context of electronic banking. *Bankovskoe delo*, 2020, (7): 32–37. (In Russ.)
4. Berdyugin A. A. Risk management of information security violation in conditions of electronic banking. *Voprosy kiberbezopasnosti*, 2018, (1): 28–38. (In Russ.) DOI: 10.21681/2311-3456-2018-1-28-38
5. Ma H., Meng Z., Yang D., Wang H. *China's digital transformation*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 249. (In Russ.)
6. Weill P., Woerner S. *What's your digital business model?* Moscow: Sberbank; Alpina Publisher, 2019, 215. (In Russ.)
7. King B. *Bank 3.0*. Moscow: Olimp-Biznes, 2017, 499. (In Russ.)
8. McMillan J. *The end of banking: money, credit, and the digital revolution*. Moscow: AST; CORPUS, 2018, 250. (In Russ.)
9. Swan M. *Blockchain*. Moscow: Olimp-Biznes, 2017, 234. (In Russ.)
10. Layton M. C. *Agile project management for dummies*. Moscow: Eksmo, 2017, 432. (In Russ.)
11. Hurwitz J. S., Nugent A. F., Halper F., Kaufman M. A. *Big data for dummies*. Moscow: Eksmo, 2015, 400. (In Russ.)
12. Ermakova E. P., Frolova E. E. Legal regulation of digital banking in Russia and foreign countries (European Union, USA, PRC). *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2019, (46): 606–625. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-606-625
13. *What is the digital economy? Trends, competencies, and measurement*, ed. Gokhberg L. M. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, 82. (In Russ.)
14. Maramygin M. S., Chernova G. V., Reshetnikova L. G. Digital transformation of the financial services market in Russia: trends and specificity. *Upravlenets*, 2019, 10(3): 70–82. (In Russ.) DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-3-7
15. Petrova L. A., Kuznetsova T. E. Digitalization in the banking industry: digital transformation of environment and business processes. *Finansovyi zhurnal*, 2020, 12(3): 91–101. (In Russ.) DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-91-101
16. Artemenko D. A., Vishnyakov I. P. Analysis of the planned changes of the regional credit system at the present stage of development. *Ekonomika. Biznes. Banki*, 2018, (2): 61–69. (In Russ.)
17. Ruznyaev A. M. Digitalization of Russian banks as a necessary requirement of the digital economy. *Vektor ekonomiki*, 2018, (5). Available at: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/5/financeandcredit/Ruznyaev.pdf> (accessed 8 Jun 2020). (In Russ.)
18. Chaikina E. V. Digital economy: new opportunities for banks. *Economics and Management: Theory and Practice*, 2018, 4(4-1): 43–49. (In Russ.)
19. Polyanin A. V., Dolgova S. A., Ivashchenko T. N. Areas of application of digital technologies in the Russian banking sector. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2019, (3): 146–153. (In Russ.) DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-3-146-153
20. Kotova K. Yu. A classification of banking innovation in the digital economy and the assessment of the innovative potential of Russian banks. *Finansy i kredit*, 2019, 25(9): 2022–2039. (In Russ.) DOI: 10.24891/fc.25.9.2022
21. Borkova E. A., Osipova K. A., Svetlovidova E. V., Frolova E. V. Digitalization of economy on the example of banking system. *Creative economy*, 2019, 13(6): 1153–1162. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.13.6.40734
22. Shcherbakova N. V. Information security in the context of digitalization of the economy. *Society. Economy. Culture: relevant problems and solutions*: Proc. X Intern. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 17 Apr, 2020. St. Petersburg, 2020, pt. 1, 91–97. (In Russ.)
23. Konyukova O. L., Ragozin N. A. Application of cyber insurance in modern conditions economic development. *Vektor ekonomiki*, 2020, (5). Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/5/financeandcredit/Konyukova_Ragozin.pdf (accessed 08 Jun 2020). (In Russ.)
24. Orlova A. A. Cyber risk management in the banking sector: basic approaches. *Upravlenie finansovymi riskami*, 2020, (1): 2–9. (In Russ.)
25. Revenkov P. V., Berdyugin A. A. Cyber attacks as a source of operational risk in electronic banking. *Finansy i kredit*, 2018, 24(3): 629–640. (In Russ.) DOI: 10.24891/fc.24.3.629

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические науки.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and
Economic Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
morea@inbox.ru
Митько Наталья Викторовна, редактор
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru
Natalia V. Mitko, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска:

Лоншакова К. А., Митько Н. В., Рабкина Н. В.

Подписано к печати 22.03.2021.

Дата выхода в свет 31.03.2021.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 18,75. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз. Заказ _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,

<http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
пр. Советский, 73.